R 450/174
Спб., 1897

R 450/174

Н. А. Лейкинъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРОКЪ.

Юмористическое описаніе путешествія

супруговъ

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ

черезъ Славянскія земли въ Константинополь.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Высочайше утв. Т—во «Печатня С. П. Яковлева», Невскій пр., № 132.
1897.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

3198-75

2007084377

Въ гостяхъ у Турокъ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ

СУПРУГОВЪ

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ

черезъ Славянскія земли въ Константинополь.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРОКЪ.

I.

Скорый поѣздъ только что вышелъ изъ-подъ обширнаго, крытаго стекломъ желѣзно-дорожнаго двора въ Буда-Пештѣ и понесся на югъ, къ сербской границѣ.

Въ вагонѣ перваго класса, въ отдѣльномъ купэ, изрядно уже засоренномъ спичками, окурками папиросъ и апельсинными корками, сидѣли не старый еще, довольно полный мужчина съ русой подстриженной бородой и молодая женщина, недурная собой, съ красивымъ еще бюстомъ, но тоже ужъ начинающая рыхлѣть и раздаваться въ ширину. Мужчина одѣтъ въ сѣрую пиджачную парочку съ дорожной сумкой черезъ плечо и въ черной барашковой скуфейкѣ на головѣ, дама въ шерстяномъ верблюжьяго цвѣта платьѣ съ необычайными буфами на рукавахъ и въ фетровой шляпкѣ съ стоячими крылышками какихъ-то пичужекъ. Они сидѣли одни въ купэ, сидѣли другъ противъ друга на диванахъ и оба

имѣли на диванахъ по пуховой подушкѣ въ бѣлыхъ наволочкахъ. По этимъ подушкамъ, каждый, хоть разъ побывавшій заграницей, сейчасъ-бы сказалъ, что это русскіе, ибо заграницей никто, кромѣ русскихъ, въ путешествіе съ пуховыми подушками не ѣздитъ. Что мужчина и дама русскіе, можно было догадаться и по барашковой скуфейкѣ на головѣ у мужчины, и наконецъ по металлическому эмалированному чайнику, стоявшему на приподнятомъ столикѣ у вагоннаго окна. Изъ подъ крышки и изъ носика чайника выходили легонькія струйки пара. Въ Буда-Пештѣ въ желѣзнодорожномъ буфетѣ они только что заварили въ чайникѣ себѣ чаю.

И въ самомъ дѣлѣ, мужчина и дама были русскіе. Это были наши старые знакомцы супруги Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна Ивановы, уже третій разъ выѣхавшіе заграницу и на этотъ разъ направляющіеся въ Константинополь, давъ себѣ слово посѣтить попутно и сербскій Бѣлградъ, и болгарскую Софію.

Сначала супруги Ивановы молчали. Николай Ивановичъ ковырялъ у себя въ зубахъ перышкомъ и смотрѣлъ въ окно на разстилающіяся передъ нимъ, лишенныя уже снѣга, тщательно вспаханныя и разбороненныя, гладкія, какъ билліардъ, поля, съ начинающими уже зеленѣть полосами озимаго посѣва. Глафира-же Семеновна вынула изъ сакъ-вояжа маленькую серебряную коробочку, открыла ее, взяла оттуда пудровку и пудрила свое раскраснѣвшееся

лицо, смотрясь въ зеркальце, вдѣланное въ крышечкѣ, и наконецъ произнесла:

— И зачѣмъ только ты меня этимъ венгерскимъ виномъ поилъ! Лицо такъ и пышетъ съ него.

— Нельзя-же, матушка, быть въ Венгріи и не выпить венгерскаго вина! отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А то дома спроситъ кто-нибудь—пили-ли венгерское, когда черезъ цыганское царство проѣзжали?—и что мы отвѣтимъ! Я нарочно даже паприки этой самой поѣлъ съ клобсомъ. Клобсъ, клобсъ... Вотъ у насъ клобсъ—просто бифштексикъ съ луковымъ соусомъ и сметаной, а здѣсь клобсъ—зраза, рубленая зраза.

— Во-первыхъ, у насъ бифштексики съ лукомъ и картофельнымъ соуомъ называются не просто клобсъ, а шнель-клобсъ, возразила Глафира Семеновна.—А во-вторыхъ...

— Да будто это не все равно!

— Нѣтъ, не все равно... Шнель по нѣмецки значитъ—скоро, на скору руку... А если клобсъ безъ шнель...

— Ну, ужъ ты любишь спорить!—махнулъ рукой Николай Ивановичъ и сейчасъ-же перемѣнилъ разговоръ.—А все-таки, въ этомъ венгерскомъ царствѣ хорошо кормятъ. Смотри-ка, какъ хорошо насъ кормили на станціи Буда-Пештъ! И какой шикарный ресторанъ. Молодцы цыгане.

— Да будто тутъ все цыгане?—усумнилась Глафира Семеновна.

— Венгерцы—это цыгане. Ты вѣдь слышала, какъ

они разговариваютъ: кухар... гахачъ... кр... гр... тр... горломъ. Точь въ точь какъ наши халдеи по разнымъ загороднымъ вертепамъ. И глазищи у нихъ съ блюдечко, и лица черномазыя.

— Врешь, врешь! По станціямъ мы много и бѣлокурыхъ видѣли.

— Такъ вѣдь и у насъ въ цыганскихъ хорахъ есть не черномазыя цыганки. Вдругъ какая нибудь родится не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца, такъ что съ ней подѣлаешь! И наконецъ, мы только еще что въѣхали въ цыганское царство. Погоди, чѣмъ дальше, тѣмъ все черномазѣе будутъ,— авторитетно сказалъ Николай Ивановичъ, пошевелилъ губами и прибавилъ:—Однако, ротъ такъ и жжетъ съ этой паприки.

Глафира Семеновна покачала головой.

— И охота тебѣ ѣсть всякую дрянь!—сказала она.

— Какая-же это дрянь! Растеніе, овощь... Не сидѣть-же повсюду, какъ ты, только на бульонѣ, да на бифштексѣ. Я поѣхалъ путешествовать, образованіе себѣ сдѣлать, чтобы не быть дикимъ человѣкомъ и все знать. Нарочно въ незнакомыя государства и ѣдемъ, чтобы со всѣми ихними статьями ознакомиться. Теперь мы въ Венгріи и—что есть венгерскаго, то и подавай.

— Однако, фишзупе потребовалъ въ буфетѣ, а самъ не ѣлъ.

— А все-таки попробовалъ. Попробовалъ и знаю, что ихній фишзупе—дрянь. Фишзупе—рыбный супъ.

Я и думалъ, что это что-нибудь вродѣ нашей ухи или селянки, потому у венгерцевъ большая рѣка Дунай подъ бокомъ, такъ думалъ, что и рыбы всякой много, анъ выходитъ совсѣмъ напротивъ. По моему, этотъ супъ изъ сельдяныхъ головъ, а то такъ изъ рыбьихъ головъ и хвостовъ. У меня въ тарелкѣ какія-то жабры плавали. Солоно, перечно... кисло... вспоминалъ Николай Ивановичъ, поморщился и, доставъ изъ угла на диванѣ стаканъ, сталъ наливать себѣ въ него изъ чайника чаю.

— Бр... издала звукъ губами Глафира Семеновна, судорожно повела плечами и прибавила:—Погоди... накормятъ тебя еще какимъ-нибудь крокодиломъ, ежели будешь спрашивать разныя незнакомыя блюда.

— Ну, и что-жъ?...Очень радъ буду. По крайности, въ Петербургѣ всѣмъ буду разсказывать, что крокодила ѣлъ. И всѣ будутъ знать, что я такой образованный человѣкъ безъ предразсудковъ, что даже до кродила въ ѣдѣ дошелъ.

— Фи! Замолчи! Замолчи, пожалуйста! замахала руками Глафира Семеновна.—Не могу я даже слушать... Претитъ...

— Черепаху-же въ Марсели ѣлъ, когда третьяго года изъ Парижа въ Ниццу ѣздили. Лягушку подъ бѣлымъ соусомъ въ Санъ-Ремо ѣлъ. При тебѣ-же ѣлъ.

— Брось, тебѣ говорятъ!

— Ракушку въ Венеціи проглотилъ изъ розовой раковинки, хвастался Николай Ивановичъ.

— Если ты не замолчишь, я уйду въ уборную

и тамъ буду сидѣть! Не могу я слышать такія мерзости.

Николай Ивановичъ умолкъ и прихлебывалъ чай изъ стакана. Глафира Семеновна продолжала:

— И наконецъ, если ты ѣлъ такую гадость, то потому что былъ всякій разъ пьянъ, а будь ты трезвъ, ни за что-бы тебя на это не хватило.

— Въ Венеціи-то я былъ пьянъ? воскликнулъ Николай Ивановичъ и поперхнулся чаемъ.—Въ Санъ-Ремо—да... Когда я въ Санъ-Ремо лягушку ѣлъ—я былъ пьянъ. А въ Венеціи...

Глафира Семеновна вскочила съ дивана.

— Николай Иванычъ, я ухожу въ уборную! Если ты еще разъ упомянешь про эту гадость, я ухожу. Ты очень хорошо знаешь, что я про нее слышать не могу!

— Ну, молчу, молчу. Садись, сказалъ Николай Ивановичъ, поставилъ пустой стаканъ на столикъ и сталъ закуривать папироску.

— Брр... еще разъ содрогнулась плечами Глафира Семеновна, сѣла, взяла апельсинъ и стала очищать его отъ кожи.—Хоть апельсиномъ заѣсть, что-ли, прибавила она и продолжала:—И я тебѣ больше скажу. Ты вотъ упрекаешь меня, что я заграницей, въ ресторанахъ ничего не ѣмъ, кромѣ бульона и бифштекса... А когда мы къ туркамъ пріѣдемъ, то я и бифштекса съ бульономъ ѣсть не буду.

— То есть какъ это? Отчего? удивился Николай Ивановичъ.

— Очень просто. Отъ того, что турки магометане, лошадей ѣдятъ и могутъ мнѣ бифштексъ изъ лошадинаго мяса изжарить, да и бульонъ у нихъ можетъ быть изъ лошадятины.

— Фю-фю! Вотъ тебѣ и здравствуй! Такъ чѣмъ-же ты будешь въ турецкой землѣ питаться? Вѣдь ужъ у турокъ ветчины не найдешь. Она имъ прямо по ихъ вѣрѣ запрещена.

— Вегетаріанкой сдѣлаюсь. Буду ѣсть макароны, овощи—горошекъ, бобы, картофель. Хлѣбомъ съ чаемъ буду питаться.

— Да что ты, матушка! проговорилъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь мы въ Константинополѣ остановимся въ какой-нибудь европейской гостинницѣ. Петръ Петровичъ былъ въ Константинополѣ и разсказывалъ, что тамъ есть отличныя гостинницы, которыя французы держатъ.

— Гостинницы-то можетъ быть и держатъ французы, да повара-то турки... Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ это такъ рѣшила.

— Да неужели ты лошадинаго мяса отъ бычьяго не отличишь!

— Однако, вѣдь его все-таки надо въ ротъ взять, пожевать... Тьфу! Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ я такъ рѣшила и ты меня отъ этого не отговоришь, твердо сказала Глафира Семеновна.

— Ну, путешественница! Да изволь, я за тебя буду пробовать мясо, предложилъ Николай Ивановичъ.

— Ты? Да ты нарочно постараешься меня на-

кормить лошадятиной. Я тебя знаю. Ты озорникъ.

— Вотъ невѣроятная-то женщина! Чѣмъ-же это я доказалъ, что я озорникъ?

— Молчи, пожалуйста. Я тебя знаю вдоль и поперекъ.

Николай Ивановичъ развелъ руками и обидчиво поклонился женѣ.

— Изучены насквозь. Помню я, какъ вы въ Неаполѣ радовались, когда я за табльдотомъ съѣла по ошибкѣ муль—этихъ проклятыхъ улитокъ, принявъ ихъ за сморчки, кивнула ему жена.—Вы должны помнить, что со мной тогда было. Однако, снимука я съ себя корсетъ да прилягу, прибавила она.— Кондуктору данъ гульденъ въ Вѣнѣ, чтобы никого къ намъ не пускалъ въ купэ, стало быть нечего мнѣ на вытяжкѣ-то быть.

— Да конечно-же сними этотъ свой хомутъ и всѣ подпруги, поддакнулъ Николай Ивановичъ.— Не передъ кѣмъ здѣсь кокетничать.

— Да вѣдь все думается, что не ворвался-бы кто-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ужъ ежели взялъ гульденъ, то никого не впуститъ. И наконецъ, до сихъ-же поръ онъ держалъ свое слово и никого не впустилъ къ намъ.

Глафира Семеновна разстегнула лифъ и сняла съ себя корсетъ, положивъ его подъ подушку. Но только что она улеглась на диванѣ, какъ дверь изъ корридора отворилась и показался въ купэ кондукторъ со щипцами.

— Ich habe die Ehre.. произнесъ онъ привѣтствіе.—Ihre Fahrkarten, mein Herr...

Николай Ивановичъ взглянулъ на него и прогогорилъ:

— Глаша! Да вѣдь кондукторъ-то новый! Не тотъ ужъ кондукторъ.

— Нови, нови... улыбнулся кондукторъ, простригая билеты.

— Говорите по русски? радостно спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Мало, господине.

— Братъ славянинъ?

— Славяне, господине, поклонился кондукторъ и проговорилъ по нѣмецки:—Можетъ быть русскіе господа хотятъ, чтобы они одни были въ купэ?

Въ поясненіе своихъ словъ онъ показалъ супругамъ свои два пальца.

— Да, да... кивнулъ ему Николай Ивановичъ.— Ихъ гебе... Глаша! Придется и этому дать, а то онъ пассажировъ въ наше купэ напуститъ. Тотъ кондукторъ, подлецъ, въ Буда-Пештѣ остался.

— Конечно-же, дай... Намъ ночь ночевать въ вагонѣ, послышалось отъ Глафиры Семеновны.—Но не давай сейчасъ, а потомъ, иначе и этотъ спрыгнетъ на какой-нибудь станціи и придется третьему давать.

— Я дамъ гульденъ!.. Ихъ гебе гульденъ, но потомъ... сказалъ Николай Ивановичъ.

— Нахеръ... Нахеръ.... прибавила Глафира Семеновна.

Кондукторъ, очевидно, не вѣрилъ, бормоталъ что-то по нѣмецки, по славянски, улыбался и держалъ руку пригоршней.

— Не вѣритъ. Ахъ, братъ-славянинъ! За кого-же ты насъ считаешь! А мы васъ еще освобождали! Ну, ладно, ладно. Вотъ тебѣ полъ-гульдена. А остальные потомъ, въ Бѣлградѣ... Мы въ Бѣлградъ теперь ѣдемъ, говорилъ ему Николай Ивановичъ, досталъ изъ кошелька мелочь и подалъ ему.

Кондукторъ подбросилъ на ладонѣ мелочь и развелъ руками.

— Мало, господине... Молимъ една гульденъ, произнесъ онъ.

— Да дай ты ему гульденъ! Пусть провалится. Должны-же мы на ночь покой себѣ имѣть! крикнула Глафира Семеновна мужу.

Николай Ивановичъ сгребъ съ ладони кондуктора мелочь, подалъ ему гульденъ и сказалъ:

— На, подавись братушка...

Кондукторъ поклонился и, запирая дверь въ купэ, проговорилъ:

— Съ Богомъ, господине.

II.

Стучитъ, гремитъ поѣздъ, проносясь по венгерскимъ степямъ. Изрѣдка мелькаютъ деревеньки, напоминающія наши малороссійскія, съ мазанками изъ глины, окрашенными въ бѣлый цвѣтъ, но безъ соломенныхъ крышъ, а непремѣнно съ черепичной крышей. Еще рѣже попадаюстя усадьбы—непремѣнно съ маленькимъ жилымъ домомъ и громадными, многочисленными хозяйственными постройками. Глафира Семеновна лежитъ на диванѣ и силится заснуть. Николай Ивановичъ, вооружившись книжкой „Переводчикъ съ русскаго языка на турецкій“, изучаетъ турецкій языкъ. Онъ бормочетъ:

— Здравствуйте—селямъ алейкюмъ, благодарю васъ — шюкюръ, это дорого — пахалы дыръ, что стоитъ—не дэеръ, принеси—гетиръ, прощайте—Аллахъ ысмарладыкъ... Языкъ сломать можно. Гдѣ тутъ такія слова запомнить! говоритъ онъ, вскидываетъ глаза въ потолокъ и твердитъ: „Аллахъ ысмарладыкъ... „Аллаха“-то запомнишь, а ужъ „ысмарладыхъ“ этотъ — никогда. „Ысмарладыхъ, ысмарладыхъ“... Ну, дальше... заглядываетъ онъ въ книжку.—„Поставь самоваръ“. Глафира Семеменовна! восклицаетъ онъ. — Въ Турціи-то про самоваръ знаютъ, значитъ, намъ уже съ чаемъ мучиться не придется.

Глафира Семеновна приподнялась на локтѣ и поспѣшно спросила:

— А какъ самоваръ по турецки?

— Поставь самоваръ — „сую кайнатъ", стало быть самоваръ—„кайнатъ".

— Это дѣйствительно надо запомнить хорошенько. „Кайнатъ, кайнатъ, кайнатъ"... три раза произнесла Глафира Семеновна и опять прилегла на подушку.

— Но есть слова и легкія, продолжалъ Николай Ивановичъ, глядя въ книгу.—Вотъ, напримѣръ, табакъ—„тютюнъ". Тютюномъ и у насъ называютъ. Багажъ—„уруба", деньги—„пара", деревня—„кей", гостинница—„ханъ", лошадь—„атъ", извозчикъ—„арабаджи"... Вотъ эти слова самыя нужныя и ихъ надо какъ можно скорѣе выучить. Давай пѣть, предложилъ онъ женѣ...

— Какъ пѣть? удивилась та.

— Да такъ... Говорятъ, при пѣніи всего скорѣе слова запоминаются.

— Да ты никакъ съ ума сошелъ! Въ поѣздѣ пѣть!

— Но вѣдь мы потихоньку... Колеса стучатъ, купэ заперто—никто и не услышитъ.

— Нѣтъ, ужъ пѣть я не буду и тебѣ не позволю. Я спать хочу...

— Ну, какъ знаешь. А вотъ желѣзная дорога слово трудное по турецки: „демирийолу".

— Я не понимаю только, чего ты спозаранку турецкимъ словамъ началъ учиться! Вѣдь мы сначала въ Сербію ѣдемъ, въ Бѣлградѣ остановимся, проговорила Глафира Семеновна.

— А гдѣ-жъ у меня книжка съ сербскими словами? У меня нѣтъ такой книжки. Да, наконецъ, братья славяне насъ и такъ поймутъ. Ты видѣла давеча кондуктора изъ славянъ—въ лучшемъ видѣ понялъ. Вѣдь у нихъ всѣ слова наши, а только на какой-то особый манеръ. Да вотъ тебѣ... указалъ онъ на регуляторъ отопленія въ вагонѣ.— Видишь надписи: „тепло... студено...“ А вонъ вверху около газоваго рожка, чтобы свѣтъ убавлять и прибавлять: „свѣтъ... тма...“ Неужели это не понятно? Братья-славяне поймутъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился на станціи.

— Посмотри-ка, какая это станція. Какъ называется? спросила Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ сталъ читать и запнулся :.

— Спабацс... По венгерски это, что-ли... Рѣшительно ничего не разберешь, отвѣчалъ онъ.

— Да вѣдь все-таки латинскими буквами-то написано.

— Латинскими, но выговарить невозможно... Сзазба...

Глафира Семеновна поднялась и сама начала читать. Надпись гласила: „Szabadszallas“.

— Сзабадсзалась, что-ли! прочла она и прибавила:—Ну, языкъ!

— Я тебѣ говорю, что хуже турецкаго. Цыгане... И навѣрное, какъ наши цыгане, конокрадствомъ, ворожбой и лошадинымъ барышничествомъ занимаются, а также и насчетъ того, гдѣ что плохо лежитъ. Ты посмотри, въ какихъ овчинныхъ

накидкахъ стоятъ! А рожи-то, рожи какія! Совсѣмъ бандиты, указалъ Николай Ивановичъ на венгерскихъ крестьянъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ.—Вонъ и бабы тутъ... Подолъ у платья чуть не до колѣнъ и сапоги мужскіе съ высокими голенищами изъ несмазанной желтой кожи...

Глафира Семеновна смотрѣла въ окно и говорила.

— Дѣйствительно страшные... Знаешь, съ одной стороны хорошо, что мы одни въ купэ сидимъ, а съ другой...

— Ты ужъ боишься? Ну, вотъ... Не бойся... У меня кинжалъ въ дорожной сумкѣ.

— Какой у тебя кинжалъ! Игрушечный.

— То есть какъ это игрушечный? Стальной. Ты не смотри, что онъ малъ, а если имъ направо и налѣво...

— Поди ты! Самъ первый и струсишь. Да про день я ничего не говорю... Теперь день, а вѣдь намъ придется ночь въ вагонѣ ночевать...

— И ночью не безпокойся. Ты спи спокойно, а я буду не спать, сидѣть и караулить.

— Это ты-то? Да ты первый заснешь. Сидя заснешь.

— Не засну, я тебѣ говорю. Вечеромъ заварю я себѣ на станціи крѣпкаго чаю... Напьюсь—и чай въ лучшемъ видѣ сонъ отгонитъ. Наконецъ, мы въ вагонѣ не одни. Въ слѣдующемъ купэ какіе-то нѣмцы сидятъ. Ихъ трое... Неужели въ случаѣ чего?..

— Да нѣмцы-ли? Можетъ быть такіе-же глазастые венгерцы?

— Нѣмцы, нѣмцы. Ты вѣдь сыпала, что давеча по-нѣмецки разговаривали.

— Нѣтъ, ужъ лучше днемъ выспаться, а ночью сидѣть и не спать,—сказала Глафира Семеновна и стала укладываться на диванъ.

А поѣздъ давно уже вышелъ со станціи съ трудно выговариваемымъ названіемъ и мчался по венгерскимъ полямъ. Поля направо, поля налѣво, изрѣдка деревушка съ церковью при одиночномъ зеленомъ куполѣ, изрѣдка фруктовый садъ съ стволами яблонь, обмазанныхъ известкой съ глиной и бѣлѣющимися на солнцѣ.

Опять остановка. Николай Ивановичъ заглянулъ въ окно на станціонный фасадъ и, увидавъ на фасадѣ надпись, сказалъ:

— Ну, Глаша, такое названіе станціи, что труднѣе давишняго. „Фюліопсъ...“—началъ онъ читать и запнулся.—Фюліопсдзалалсъ.

— Вотъ видишь, куда ты меня завезъ,—сказала супруга.—Не даромъ-же мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Турцію.

— Нельзя, милая, нельзя... Нужно всю Европу объѣхать и тогда будешь цивилизированный человѣкъ. За то потомъ, когда вернемся домой, есть чѣмъ похвастать. И эти названія станцій—все это намъ на руку. Будемъ разсказывать, что по такимъ молъ, мѣстностямъ проѣзжали, что и названіе не выговоришь. Стоитъ написано названіе станціи, а настоящимъ манеромъ выговорить его невозможно. Надо будетъ только записать.

И Николай Ивановичъ, доставъ свою записную книжку, скопировалъ въ нее находящуюся на стѣнѣ станціи надпись: „Fülöpszallas“.

На платформѣ, у окна вагона стоялъ глазастый и черный, какъ жукъ, мальчикъ и протягивалъ къ стеклу бумажныя тарелочки съ сосисками, густо посыпанными изрубленной бѣлой паприкой.

— Глафира Семеновна! Не съѣсть-ли намъ горячихъ сосисокъ?—предложилъ женѣ Николай Ивановичъ.—Вотъ горячія сосиски продаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты ѣшь, а я низачто... отвѣчала супруга.—Я теперь вплоть до Бѣлграда ни на какую и станцію не выйду, чтобы пить или ѣсть. Ничего я не могу изъ цыганскихъ рукъ ѣсть. Почемъ ты знаешь, что въ этихъ сосискахъ изрублено?

— Да чему-же быть-то?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Но чѣмъ-же ты будешь питаться?

— А у насъ есть сыръ изъ Вѣны, ветчина, булки, апельсины.

— А я съѣмъ сосисокъ...

— Ѣшь, ѣшь. Ты озорникъ извѣстный.

Николай Ивановичъ постучалъ мальчику въ окно, опустилъ стекло и взялъ у него сосисокъ и булку, но только что далъ ему двѣ кроны и протянулъ руку за сдачей, какъ поѣздъ тронулся. Мальчишка пересталъ отсчитывать сдачу, улыбнулся, ткнулъ себя рукой въ грудь и крикнулъ:

— Тринкгельдъ, тринкгельдъ, мусью...

Николаю Ивановичу осталось только показать ему кулакъ.

— Каковъ цыганенокъ! Сдачи не отдалъ! проговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ, и принялся ѣсть сосиски.

III.

Поѣздъ мчится по прежнему, останавливаясь на станціяхъ съ трудно выговариваемыми не для венгерца названіями: „Ксенгедъ“, Кисъ-Кересъ, Кисъ-Жаласъ. На станціи Сцабатка поѣздъ стоялъ минутъ пятнадцать. Передъ приходомъ на нее, кондукторъ-славянинъ вошелъ въ купэ и предложилъ, не желаютъ-ли путешественники выйти въ имѣющійся на станціи буфетъ.

— Добра рыба, господине, добро овечье мясо... расхваливалъ онъ.

— Нѣтъ, спасибо. Ничѣмъ не заманишь, отвѣчала Глафира Семеновна.

Здѣсь Николай Ивановичъ ходилъ съ чайникомъ заваривать себѣ чай, выпилъ пива, принесъ въ вагонъ какой-то мелкой копченой рыбы и коробку шоколаду, которую и предложилъ женѣ.

— Да ты въ умѣ? крикнула на него Глафира Семеновна.—Стану я ѣсть венгерскій шоколадъ! Навѣрное онъ съ паприкой.

— Вѣнскій, вѣнскій, душечка... Видишь, на коробкѣ ярлыкъ: Wien.

Глафира Семеновна посмотрѣла на коробку, понюхала ее, открыла, взяла плитку шоколаду, опять понюхала и стала кушать.

— Какъ ты въ Турціи-то будешь ѣсть что-нибудь? покачалъ головой мужъ.

— Совсѣмъ ничего подозрительнаго ѣсть не буду.

— Да вѣдь все можетъ быть подозрительно.

— Ну, ужъ это мое дѣло.

Со станціи Сцабатка стали попадаться славянскія названія станцій: Тополія, Вербацъ.

На станціи Вербацъ Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Глаша! Теперь ты можешь ѣхать безъ опаски. Мы пріѣхали въ славянскую землю. Братья-славяне, а не венгерскіе цыгане... Давеча была станція Тополія, а теперь Вербацъ... Тополія отъ тополь, Вербацъ отъ вербы происходитъ. Стало быть, ужъ и ѣда и питье славянскія.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надуешь. Вонъ черномазыя рожи стоятъ.

— Рожи тутъ не причемъ. Вѣдь и у насъ русскихъ могутъ такія рожи попасться, что съ ребенкомъ родимчикъ сдѣлается. Позволь, позволь... Да вотъ даже попъ стоитъ и въ такой-же точно рясѣ, какъ у насъ, указалъ Николай Ивановичъ.

— Гдѣ попъ? быстро спросила Глафира Семеновна, смотря въ окно.

— Да вотъ... Въ черной рясѣ съ широкими рукавами и въ черной камилавкѣ...

— И въ самомъ дѣлѣ попъ. Только онъ больше на французскаго адвоката смахиваетъ.

— У французскаго адвоката долженъ быть бѣлый язычекъ подъ бородой, на груди, да и камилавка не такая.

— Да и тутъ не такая, какъ у нашихъ священниковъ. Наверху края дна закруглены и наконецъ черная, а не фіолетовая. Нѣтъ, это долженъ быть венгерскій адвокатъ.

— Священникъ, священникъ... Неужели ты не видала ихъ на картинкахъ въ такихъ камилавкахъ? Да вонъ у него и наперсный крестъ на груди. Смотри, смотри, провожаетъ кого-то и цѣлуется, какъ наши попы цѣлуются—со щеки на щеку.

— Ну, если наперсный крестъ на груди, такъ твоя правда: попъ.

— Попъ, славянскія названія станцій, такъ чего-жъ тебѣ еще? Стало быть, мы изъ венгерской земли выѣхали. Да вонъ и бѣлокурая дѣвочка въ ноздрѣ ковыряетъ. Совсѣмъ славянка. Славянскій типъ.

— А не говорилъ-ли ты давеча, что бѣлокурая дѣвочка можетъ уродиться не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца? напомнила мужу Глафира Семеновна.

Поѣздъ въ это время отходилъ отъ станціи. Глафира Семеновна достала съ веревочной полки корзинку съ провизіей, открыла ее и стала дѣлать себѣ бутербродъ съ ветчиной.

— Своей-то ѣды поѣшь, въ настоящемъ мѣстѣ

купленной, такъ куда лучше, сказала она и принялась кушать.

Дѣйствительно, поѣздъ ужъ мчался по полямъ, такъ называемой, Старой Сербіи. Черезъ полчаса кондукторъ заглянулъ въ купэ и объявилъ, что сейчасъ будетъ станція Нейзацъ.

— Нови-Садъ... прибавилъ онъ тутъ-же и славянское названіе.

— Глаша! Слышишь, это ужъ совсѣмъ славянское названіе! обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.—Славянска земля? спросилъ онъ кондуктора.

— Словенска, словенска, кивнулъ тотъ, наклонился къ Николаю Ивановичу и сталъ объяснять ему по нѣмецки, что когда-то это все принадлежало Сербіи, а теперь принадлежитъ Венгріи. Николай Ивановичъ слушалъ и ничего не понималъ.

— Чортъ знаетъ, что онъ бормочетъ! пожалъ плечами Николай Ивановичъ и воскликнулъ:—Братъ славянинъ! Да чего ты по нѣмецки-то бормочешь! Говори по русски! Тьфу-ты! Говори по своему, по славянски! Такъ намъ свободнѣе разговаривать.

Кондукторъ понялъ и заговорилъ по сербски. Николай Ивановичъ слушалъ его рѣчь и все равно ничего не понималъ.

— Не понимаю, братъ-славянинъ... развелъ онъ руками.—Слова какъ-будто-бы и наши русскія, а ничего не понимаю. Ну, уходи! Уходи! махнулъ онъ рукой.—Спасибо. Мерси...

— Съ Богомъ, господине! поклонился кондукторъ и закрылъ дверь купэ.

Вотъ и станція Новый Садъ. На станціонномъ зданіи написано названіе станціи на трехъ языкахъ: по венгерски—Уй-Видекъ, по нѣмецки—Нейзацъ и по сербски: Нови Садъ. Глафира Семеновна тотчасъ-же замѣтила венгерскую надпись и сказала мужу:

— Что ты меня надуваешь! Вѣдь все еще по венгерской землѣ мы ѣдемъ. Вонъ названіе-то станціи какъ: Уй-Видекъ... Вѣдь это-же по венгерски.

— Позволь... А кондукторъ-то какъ-же? Вѣдь и онъ тебѣ сказалъ, что это ужъ славянская земля, возразилъ Николай Ивановичъ.

— Вретъ твой кондукторъ.

— Какой-же ему расчетъ врать? И наконецъ, ты сама видишь надпись: „Нови Садъ“.

— Ты посмотри на лица, что на станціи стоятъ. Одинъ другого черномазѣе. Батюшки! Да тутъ одинъ какой-то венгерецъ даже въ бѣлой юбкѣ.

— Гдѣ въ юбкѣ? Это не въ юбкѣ... Впрочемъ, одинъ-то какой-нибудь можетъ быть и затесался. А что до черномазія, то вѣдь и сербы черномазые.

По корридору вагона ходилъ мальчикъ съ двумя кофейниками и чашками на подносѣ и предлагалъ кофе желающимъ.

— Хочешь кофейку? предложилъ Николай Ивановичъ супругѣ.

— Ни Боже мой, покачала та головой.—Я сказала тебѣ, что пока мы на венгерской землѣ, крошки въ ротъ ни съ одной станціи не возьму.

— Да вѣдь пила-же ты кофе въ Буда-Пештѣ. Такой-же венгерскій городъ.

— Въ Буда-Пештѣ! Въ Буда-Пештѣ великолѣпный вѣнскій ресторанъ, лакеи во фракахъ, съ капулемъ. И развѣ въ Буда-Пештѣ были вотъ такіе черномазые въ юбкахъ или въ овчинныхъ нагольныхъ салопахъ?..

Поѣздъ помчался. Справа начались то тамъ, то сямъ возвышенности. Мѣстность становилась гористая. Вотъ и опять станція.

— Петервердейнъ! кричитъ кондукторъ.

— Петроверединъ! Изволите видѣть, опять совсѣмъ славянскій городъ, указываетъ Николай Ивановичъ женѣ на надпись на станціонномъ домѣ.

Глафира Семеновна лежитъ съ закрытыми глазами и говоритъ:

— Не буди ты меня. Дай ты мнѣ засвѣтло выспаться, чтобы я могла ночь не спать и быть на караулѣ. Ты посмотри, какія подозрительныя рожи повсюду. Долго-ли до грѣха? Съ нами много денегъ. У меня бриллiанты съ собой.

— По Италіи ѣздили, такъ и не такія подозрительныя рожи намъ по дорогѣ попадались, даже можно сказать настоящія бандиты попадались, однако, ничего не случилось. Богъ миловалъ.

А поѣздъ ужъ снова бѣжалъ далеко отъ станціи. Холмы разростались въ изрядныя горы. Вдругъ поѣздъ влетѣлъ въ тунель и все стемнѣло.

— Ай! взвизгнула Глафира Семеновна.—Николай Иванычъ! Гдѣ ты? Зажигай скорѣй спички, зажигай...

Н. А. Лейкинъ.

— Тунель это, тунель... успокойся, кричалъ Николай Ивановичъ, искалъ спички, но спичекъ не находилось.—Глаша! У тебя спички? Гдѣ ты? Давай руку!

Онъ искалъ руками жену, но не находилъ ее въ купэ.

Вскорѣ, однако, показался просвѣтъ и поѣздъ выѣхалъ изъ тунеля. Глафиры Семеновны не было въ купэ. Дверь въ корридоръ вагона была отворена. Онъ бросился въ корридоръ и увидалъ жену сидѣвшую въ среднемъ купэ между двумя нѣмцами въ дорожныхъ мягкихъ шапочкахъ. На груди она держала свой шагреневый баульчикъ съ деньгами и брилліантами и говорила мужу:

— Убѣжала вотъ къ нимъ. Я боюсь въ потьмахъ. Отчего ты спички не зажигалъ? Вотъ эти мосье сейчасъ-же зажгли спички. Но я споткнулась на нихъ и упала. Они ужъ подняли меня, прибавила она, вставая.—Надо извиниться.—Пардоне, мосье, ке же вузе деранже... произнесла она по французски.

Николай Ивановичъ пожималъ плечами.

IV.

Зачѣмъ ты къ чужимъ-то убѣжала? съ неудовольствіемъ сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.—Ступай, ступай въ свое купэ...

— Испугалась. Что-жъ подѣлаешь, если испугалась... Когда стемнѣло, я подумала не вѣдь что. Кричу тебѣ: огня! Зажигай спички! А ты ни съ мѣста... отвѣчала Глафира Семеновна войдя въ свое купэ.—Эти тунели ужасно какъ пугаютъ.

— Я и искалъ спички, но найти не могъ. Къ чужимъ бѣжать, когда я былъ при тебѣ!

— Тамъ все-таки двое, а ты одинъ. Прибѣжала я— они и зажгли спички.

— Блажишь ты, матушка,—вотъ что я тебѣ скажу.

— Самъ же ты меня напугалъ цыганами: „занимаются конокрадствомъ, воровствомъ“. Я и боялась, что они въ потьмахъ къ намъ влѣзутъ въ купэ.

А въ отворенной двери купэ супруговъ уже стоялъ одинъ изъ мужчинъ сосѣдняго купэ, среднихъ лѣтъ жгучій брюнетъ въ золотыхъ очкахъ, съ густой бородой, прибранной волосокъ къ волоску, въ клѣтчатой шелковой дорожной шапочкѣ и съ улыбкой, показывая бѣлые зубы, говорилъ:

— Мадамъ есте русска? Господине русскій?

— Да, да, мы изъ Россіи, отвѣчала Глафира Семеновна, оживляясь.

— Самые настоящіе русскіе, прибавилъ Николай Ивановичъ.—Изъ Петербурга мы, но по происхожденію съ береговъ Волги, изъ Ярославской губерніи. А вы? спросилъ онъ.

— Србъ... отвѣчалъ брюнетъ, пропустивъ въ словѣ „сербъ" по сербски букву „е", и ткнулъ себя въ грудь указательнымъ пальцемъ съ надѣтымъ на немъ золотымъ перстнемъ.—Србъ изъ Београдъ, прибавилъ онъ.

— А мы ѣдемъ въ Бѣлградъ, сообщила ему Глафира Семеновна.

— О! показалъ опять зубы брюнетъ.—Молимъ, мадамъ, заходить въ Београдъ на мой апотекрски ладунгъ. Косметически гешефтъ тоже има

— Какъ это пріятно, что вы говорите по русски. Прошу покорно садиться, предложилъ ему Николай Ивановичъ.

— Я учился по русски... Я учился на Нови Садъ въ ортодоксальне гимназіумъ. Потомъ на Вѣна, въ университетъ. Тамъ есть катедръ русскій языкъ, отвѣчалъ брюнетъ и сѣлъ.

— А мы всю дорогу васъ считали за нѣмца, сказала Глафира Семеновна.

— О, я говорю по нѣмецки, какъ... эхтеръ нѣмецъ. Многи србы говорятъ добре по нѣмецки. Отъ нѣмцы наша цивилизація. Вы будете глядѣть нашъ Београдъ—совсѣмъ маленьки Вѣна.

— Да неужели онъ такъ хорошъ? удивилась Глафира Семеновна.

— О, вы будете видѣть, мадамъ, махнулъ ей

рукой брюнетъ съ увѣренностью, не требующей возраженія. — Мы имѣемъ универзитетъ на два факультетъ: юристише и философише... (Брюнетъ мѣшалъ сербскую, русскую и нѣмецкую рѣчи). Мы имѣемъ музеумъ, мы имѣемъ театръ, національбибліотекъ. Нови королевски конакъ...

— Стало быть есть тамъ и хорошія гостинницы? спросилъ Николай Ивановичъ.

— О, какъ на Винъ! Какъ на Вѣна.

— Скажите, гдѣ-бы намъ остановиться?

— Гранъ-Готель, готель де Пари. Кронпринцъ готель. Гостильница Престолонаслѣдника, — перевелъ брюнетъ и прибавилъ:—Добра гостильница, добры кельнеры, добро вино, добра ѣда. Добро ясти будете.

— А по русски въ гостинницахъ говорятъ? поинтересовалась Глафира Семеновна.

— Швабы... Швабски келнеры, собарицы — србки... Но вы, мадамъ, будете все понимать. Вино чермно, вино бѣло, кафа, овечье мясо... чаша пива. По србски и по русски,—все одно, разсказывалъ брюнетъ.

— Ну, такъ вотъ, мы завтра, какъ пріѣдемъ, такъ значитъ, въ гостинницѣ Престолонаслѣдника остановимся, сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.— Что намъ разные готель де-Пари! Французскія-то гостинницы мы ужъ знаемъ, а лучше намъ остановиться въ настоящей славянской гостинницѣ.— Въ которомъ часу завтра мы въ Бѣлградѣ будемъ? спросилъ онъ брюнета.

— Какъ завтра? Мы прiѣдемъ въ Београдъ сей день у вечера на десять съ половина часы, отвѣчалъ брюнетъ.

— Да что вы, мосье! Неужели сегодня вечеромъ? радостно воскликнула Глафира Семеновна.—А какъ же намъ сказали, что завтра по-утру? Николай Иванычъ! что-жъ ты мнѣ навралъ?

— Не знаю, матушка, не знаю, смѣшался супругъ.—Я въ трехъ разныхъ мѣстахъ трехъ желѣзнодорожныхъ чертей спрашивалъ, и всѣ мнѣ отвѣчали, что „моргенъ", то есть завтра.

— Можетъ быть они тебѣ „гутъ моргенъ" говорили, то есть здоровались съ тобой, а ты понялъ въ превратномъ смыслѣ.

— Да вѣдь одинъ разъ я даже при тебѣ спрашивалъ того самаго кондуктора, который отъ насъ съ гульденомъ сбѣжалъ. Ты сама слышала.

— Ну, такъ это онъ насъ нарочно надулъ, чтобъ испугать ночлегомъ въ вагонѣ и взять гульденъ за невпусканiе къ намъ въ купэ постороннихъ. Вы, монсье, навѣрное знаете, что мы сегодня вечеромъ въ Бѣлградъ прiѣдемъ, а не завтра? спросила Глафира Семеновна брюнета.

— Господи! Азъ до дому ѣду и телеграфилъ.

— Боже мой, какъ я рада, что мы сегодня прiѣдемъ въ Бѣлградъ и намъ не придется ночевать въ вагонѣ, проѣзжая по здѣшней мѣстности! радовалась Глафира Семеновна.—Ужасно страшный народъ здѣшнiе венгерскiе цыгане. Знаете, мосье, мы съ мужемъ въ итальянскихъ горахъ проѣзжали,

видали даже настоящихъ тамошнихъ бандитовъ, но эти цыгане еще страшнѣе тѣхъ.

Брюнетъ слушалъ Глафиру Семеновну, кивалъ ей даже въ знакъ своего согласія, но изъ рѣчи ея ничего не понялъ.

— На Везувій въ Неаполѣ взбирались мы. Ужъ какія рожи насъ тогда окружали—и всетаки не было такъ страшно, какъ здѣсь! Вѣдь оттого-то я къ вамъ и бросилась спасаться, когда мы въ тунель въѣхали, продолжала Глафира Семеновна.— Мой мужъ хорошій человѣкъ, но въ рѣшительную минуту онъ трусъ и теряется. Вотъ потому-то я къ вамъ подъ защиту и бросилась. И вы меня простите. Это было невольно, инстинктивно. Вы меня поняли, монсье?

Брюнетъ опять кивнулъ, и хотя все-таки ничего не понялъ, но думая, что рѣчь идетъ все еще о томъ, когда поѣздъ прибудетъ въ Бѣлградъ, заговорилъ:

— Теперь будетъ статіонъ Карловцы и Фрушка гора на Дунай-рѣка... А дальше статіонъ градъ Индія и градъ Земунъ—Землинъ по-русски.

— Всего три станціи? Какъ скоро! удивилась Глафира Семеновна.

— Въ Землинъ будетъ нѣмецка митница *), а въ Београдъ—србска митница. Пассъ есть у господина? Спросятъ пассъ,—отнесся брюнетъ къ Николаю Ивановичу.

*) Митница—таможня.

— Вы на счетъ паспорта? Есть, есть... Какъ-же быть русскому безъ паспорта? Насъ и изъ Россіи не выпустили-бы,—отвѣчала за мужа Глафира Семеновна.

Брюнетъ продолжалъ разсказывать:

— Земунъ—семо, потомъ Дунай рѣка и мостъ, овамо—Београдъ србски... Опять паспортъ.

— Стало быть и у васъ насчетъ паспортовъ-то туго?—подмигнулъ Николай Ивановичъ.

— Есть. Мы свободне держава, но у насъ вездѣ паспортъ.

Разговаривая съ брюнетомъ, супруги и не замѣтили, что ужъ давно стемнѣло и въ вагонѣ горѣлъ огонь. Николай Ивановичъ взглянулъ на часы. Было ужъ девять. Брюнетъ предложилъ ему папиросу и сказалъ:

— Србски табакъ. На Србія добръ табакъ.

— А вотъ петербургскую папироску не хотите-ли?—предложилъ ему въ свою очередь Николай Ивановичъ.—Вотъ и сама мастерица тутъ сидитъ. Она сама мнѣ папиросы дѣлаетъ,—кивнулъ онъ на жену.

Оба взяли другъ у друга папиросы, закурили и разстались. Брюнетъ ушелъ въ свой купэ, а супруги стали ждать станціи Карловицъ.

— Карловцы!—возгласилъ кондукторъ, проходя по вагону.

Послѣ станціи Карловицъ Глафира Семеновна стала связывать свои пожитки: подушки, пледы,

книги, коробки съ закусками. Ей помогалъ Николай Ивановичъ.

— Скоро ужъ теперь, скоро пріѣдемъ въ Бѣлградъ,—радостно говорила она.

V.

Подъѣзжали къ станціи Землинъ—австрійскому городу съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ, находящемуся на сербской границѣ. Вдали виднѣлись городскіе огни, въ трехъ-четырехъ мѣстахъ блестѣлъ голубовато-бѣлый свѣтъ электричества.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна стояли у окна и смотрѣли на огни.

— Смотри-ка огни-то какъ разбросаны, сказала она.—Должно быть, большой городъ.

— Да. Это ужъ послѣдній австрійскій городъ. Послѣ него сейчасъ и Бѣлградъ, славянское царство. Прощай нѣмчура! Прощай Гуніади Янусы? проговорилъ онъ.

— Какъ Гуніади Янусы? быстро спросила Глафира Семеновна.

— Да вѣдь это венгерская вода, изъ Венгріи она къ намъ въ Россію идетъ. Ну, я венгерцевъ Гуніади Янусами и называю.

— Да что ты! То-то она мнѣ такъ и противна бываетъ, когда случается ее принимать. Скажи на

милость, я и не знала, что эта вода изъ цыганской земли идетъ! По Сенькѣ шапка. Что люди, то и вода... На черномазаго человѣка взглянешь, такъ въ дрожь кидаетъ, и на воду ихнюю, такъ тоже самое. И неужели они эту воду Гуніади такъ просто пьютъ, какъ обыкновенную воду?

Николай Ивановичъ замялся, не зналъ, что отвѣчать, и брякнулъ:

— Жрутъ.

— Да вѣдь это нездорово, ежели безъ нужды.

— Привыкли, подлецы.

— Ужасъ, что такое! произнесла Глафира Семеновна, содрогаясь плечами, и прибавила: — Ну, отнынѣ я этихъ венгерскихъ черномазыхъ цыганъ такъ и буду называть Гуніадями.

Убавляя ходъ, поѣздъ остановился на станціи. Въ купэ вагона заглянулъ полицейскій въ австрійской кэпи и съ тараканьими усами и потребовалъ паспорты. Николай Ивановичъ подалъ ему паспортъ. Полицейскій вооружился пенснэ, долго расматривалъ паспортъ, посмотрѣлъ почему-то бумагу его на свѣтъ, вынулъ записную книжку изъ кармана, записалъ что-то и, возвращая паспортъ, спросилъ улыбаясь:

— Студено на Петербургѣ?

— Ахъ, вы славянинъ? Говорите по русски? оживился Николай Ивановичъ, но полицейскій махнулъ ему рукой, сказалъ: „съ Богомъ“!—и торопливо направился къ слѣдующему купэ въ вагонѣ.

— Все славяне! Вездѣ теперь братья-славяне будутъ! торжествующе сказалъ Николай Ивановичъ

и спросилъ жену:—Рада ты, что мы вступаемъ въ славянское царство?

— Еще-бы! Все таки, родной православный народъ, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да, за этихъ братьевъ славянъ мой дяденька Петръ Захарычъ, царство ему небесное, въ сербскую кампанію душу свою положилъ.

— Какъ? А ты мнѣ разсказывалъ, что онъ соскочилъ на Дунаѣ съ парохода и утонулъ?

— Да. Но, все-таки, онъ въ добровольцахъ тогда былъ и ѣхалъ сражаться, но не доѣхалъ. Пилъ онъ всю дорогу. Вступило ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ голову, показались бѣлые слоны, ну, онъ отъ страха и спрыгнулъ съ парохода въ Дунай.

— Такъ какое же тутъ положеніе души?

— Такъ-то оно такъ... Но, все-таки, былъ добровольцемъ и ѣхалъ. Признаться, покойникъ папенька нарочно его и услалъ тогда, что ужъ сладу съ нимъ никакого въ Петербургѣ не было. Такъ пилъ, такъ пилъ, что просто неудержимо! Пропадетъ, пропьется и въ рубищѣ домой является. Впрочемъ, помутившись, онъ тогда и изъ Петербурга съ партіей выѣхалъ. А и поили же тогда добровольцевъ этихъ—страсть! Купцы поятъ, славянскій комитетъ поитъ, дамы на желѣзную дорогу провожаютъ, платками машутъ, кричатъ „живіо“. На желѣзной дорогѣ опять питье... Въ вагоны бутылки суютъ. Страсть! Я помню... покрутилъ головой Николай Ивановичъ, вспоминая о прошломъ.

А поѣздъ, между тѣмъ, шелъ уже по желѣзно-

дорожному мосту черезъ Саву — притокъ Дуная и входилъ на сербскую территорію.

Вотъ станція Бѣлградъ. Поѣздъ остановился. Большой красивый станціонный дворъ, но на платформѣ пустынно. Даже фонари не всѣ зажжены, а черезъ два въ третій.

— Что же это народу-то на станціи никого нѣтъ? удивилась Глафира Семеновна, выглянувъ въ окошко.— Надо носильщика намъ для багажа, а гдѣ его возьмешь? Гепектрегеръ! Гепектрегеръ! постучала она въ окно человѣку въ нагольной овчинной курткѣ и овчинной шапкѣ, идущему съ фонаремъ въ рукѣ, но тотъ взглянулъ на нее и отмахнулся.—Не понялъ, что-ли? спросила она мужа и прибавила:—Впрочемъ, и я-то глупая! Настоящаго славянина зову по нѣмецки. Какъ носильщикъ по сербски?

— Почемъ-же я-то, душенька, знаю! отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Вотъ еще серба какого нашла! Да давай звать по русски. Носильщикъ! Носильщикъ! барабанилъ онъ въ стекло какимъ-то двумъ овчиннымъ шапкамъ и манилъ къ себѣ.

Глафира Семеновна тоже дѣлала зазывающіе жесты. Наконецъ, въ вагонъ влѣзла овчинная шапка съ такимъ черномазымъ косматымъ лицомъ и съ глазами на выкатѣ, что Глафира Семеновна невольно попятилась.

— Боже мой, И здѣсь эти венгерскіе цыгане! воскликнула она.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ, это братъ славянинъ. Не

бойся, сказалъ ей мужъ. — Почтенный! Вотъ тутъ наши вещи и саквояжи. Вынеси пожалуйста, обратился онъ къ овчинной шапкѣ. — Разъ, два, три, четыре, пять... Пять мѣстъ.

— Добре, добре, господине. Пять? спросила овчинная шапка, забирая вещи.

— Пять, пять. Видишь, онъ говоритъ по русски, такъ какой-же это цыганъ, обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.—Братъ славянинъ это, а только вотъ физіономія-то у него каторжная. Ну, да Богъ съ нимъ. Намъ съ лица не воду пить. Неси, неси, милый... Показывай, куда идти.

Баранья шапка захватила вещи и стала ихъ выносить изъ вагона. Выходилъ изъ вагона и брюнетъ въ очкахъ, таща самъ два шагреневыхъ чемодана. Онъ шелъ сзади супруговъ и говорилъ имъ:

— Митница. О, србска митница, — строга митница!

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна были тоже нагружены. Николай Ивановичъ несъ двѣ кордонки со шляпками жены, зонтикъ, трость. Сама она несла баульчикъ, металлическій чайникъ, коробокъ съ ѣдой. Ихъ нагналъ кондукторъ, братъ славянинъ и протягивалъ руку пригоршней.

— Господине, за спокой... Тринкгельдъ... говорилъ онъ, кланяясь.

— Да вѣдь ужъ я далъ гульденъ! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—И неизвѣстно за что далъ. Я думалъ, что мы ночь ночевать въ вагонѣ будемъ, такъ чтобъ въ растяжку на скамейкахъ спать, я и

просилъ никого не пускать въ наше купэ, а не ѣхать ночь, такъ и этого бы не далъ.

— На пиво, на чашу пива, высокій бояръ... приставалъ кондукторъ.

— Гроша мѣднаго больше не получишь! обернулся къ нему Николай Ивановичъ.

— Pass... Pass, mein Herr... раздалось надъ самымъ его ухомъ.

Николай Ивановичъ взглянулъ. Передъ нимъ дорога была загорожена цѣпью и стоялъ военный человѣкъ въ кэпи съ краснымъ околышкомъ и жгутами на пальто. Около него двое солдатъ въ сербскихъ шапочкахъ-скуфейкахъ.

— Паспортъ надо? Есть, отвѣчалъ Николай Ивановичъ, поставилъ на полъ коробки со шляпками и полѣзъ въ карманъ за паспортомъ.—Пожалуйте... Паспортъ русскій... Изъ города Петербурга ѣдемъ. Такія-же славяне, какъ и вы... подалъ онъ военному человѣку заграничный паспортъ-книжечку...

Тотъ началъ его перелистывать и спросилъ довольно сносно по русски:

— А отчего визы сербскаго консула нѣтъ?

— Да развѣ нужно?—удивился Николай Ивано вичъ.—Австрійская есть, турецкая есть.

— Надо отъ сербскаго консула тоже. Давайте четыре динара...Четыре франка...—пояснилъ онъ.— Давайте за гербовыя марки на визу.

— Съ удовольствіемъ-бы, но у меня, голубчикъ, братъ-славянинъ, только русскіе рубли да австрій-

скіе гульдены. Если можно размѣнять, то вотъ трехрублевая бумажка.

— Нѣтъ, ужъ лучше давайте гульдены.

Николай Ивановичъ подалъ гульденъ.

— Мало, мало. Еще одинъ. Вотъ такъ... Какую гостильницу берете? — задавалъ вопросъ военный человѣкъ.

— То есть, гдѣ мы остановимся? Говорятъ, есть здѣсь какая то гостинница Престолонаслѣдника... Такъ вотъ.

— Готель Кронпринцъ... Туда и пришлю паспортъ. Тамъ получите, сухо отрѣзалъ военный и кивнулъ, чтобы проходили въ отверстіе въ загородкѣ.

— Нельзя-ли хоть квитанцію? Какъ-же безъ паспорта? Въ гостинницѣ спросятъ, началъ было Николай Ивановичъ.

— Зачѣмъ квитанцію? Я оффиціальный человѣкъ, въ формѣ, ткнулъ себя въ грудь военный и прибавилъ:—Ну, добре, добре. Идите въ мытницу и подождите. Тамъ свой пасъ получите.

Передъ глазами Николая Ивановича была отворенная дверь съ надписью: „Митница“.

VI.

Въ бѣлградской „митницѣ“, то есть таможнѣ, было темно, непривѣтливо. Освѣщалась она всего двумя стѣнными фонарями съ стеариновыми огарками и смахивала со своими подмостками для досматриваемыхъ сундуковъ на ночлежный домъ съ нарами. По митницѣ бродило нѣсколько полицейскихъ солдатъ въ синихъ шинеляхъ и въ кэпи съ красными околышками. Солдаты были маленькіе, худенькіе, носатые, не стриженые, давно не бритые. Они оглядывали пріѣзжихъ, щупали ихъ пледы, подушки и связки. Одинъ даже взялъ коробку со шляпкой Глафиры Семеновны и перевернулъ ее кверху дномъ.

— Тише, тише! Тутъ шляпка. Развѣ можно такъ опрокидывать! Вѣдь она сомнется! воскликнула Глафира Семеновна и сверкнула глазами.

Полицейскій солдатъ побарабанилъ пальцами по дну и поставилъ коробку, спросивъ съ улыбкой:

— Дуванъ има?

— Какой такой дуванъ! Ну, тебя къ Богу! Отходи, отстранилъ его Николай Ивановичъ.

— Дуванъ—табакъ. Онъ спрашиваетъ васъ про табакъ, пояснилъ по нѣмецки брюнетъ въ очкахъ, спутникъ Николая Ивановича по вагону, который былъ тутъ-же со своими сакъ-вояжами.

Вообще, пріѣзжихъ было очень немного, не

больше десяти человѣкъ, и митница выглядѣла пустынной. Всѣ стояли у подмостокъ, около своего багажа и ждали таможеннаго чиновника, но онъ не показывался.

Подошелъ еще солдатъ, помялъ подушку, обернутую пледомъ у Николая Ивановича и тоже, улыбнувшись, задалъ вопросъ:

— Чай есте?

— Не твое дѣло. Ступай, ступай прочь... Вы кто такой? Придетъ чиновникъ—все покажемъ, опять сказалъ Николай Ивановичъ, отодвигая отъ него подушку.

— Ми—войникъ, съ достоинствомъ ткнулъ себя въ грудь солдатъ.

— Ну, и отходи съ Богомъ. Мы русскіе люди, такіе-же славяне, какъ и вы, а не жиды, и контрабанды на продажу провозить не станемъ. Все, что мы веземъ, для насъ самихъ. Понялъ?

Но сербскій полицейскій „войникъ“ только пучилъ глаза, очевидно, ничего не понимая.

— Не особенно-то ласково насъ здѣсь принимаютъ братья-славяне, обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.—Я думалъ, что какъ только узнаютъ изъ паспорта, что мы русскіе, то примутъ насъ съ распростертыми объятіями, анъ нѣтъ, не тѣмъ пахнетъ. На первыхъ же порахъ за паспортъ два гульдена взяли...

— Да сунь ты имъ что нибудь въ руку. Видишь, у нихъ просящіе глаза, сказала Глафира Семеновна, изнывая около подмостокъ.

— Э, матушка! За деньги-то меня всякій полюбитъ даже и не въ сербской землѣ, а въ эфіопской, но здѣсь сербская земля. Неужели-же они забыли, что мы, русскіе, ихъ освобождали? Я и по сейчасъ въ славянскій комитетъ вношу. Однако, что-же это таможенный-то чиновникъ? Да и нашего большого сундука нѣтъ, который мы въ багажъ сдали.

Наконецъ черномазыя бараньи шапки въ бараньихъ курткахъ внесли въ митницу сундуки изъ багажнаго вагона.

— Вотъ нашъ сундукъ у краснаго носа! указала Глафира Семеновна и стала манить носильщика:—Красный носъ! Сюда, сюда! Николай Иванычъ! Дай ему на чай. Ты увидишь, что сейчасъ перемѣна въ разговорахъ будетъ.

— И далъ-бы, да сербскихъ денегъ нѣтъ.

— Дай австрійскія. Возьмутъ.

Сундукъ поставленъ на подмостки. Николай Ивановичъ сунулъ въ руку красному носу крону. Красный носъ взглянулъ на монету и просіялъ:

— Препоручуемъ-се, господине! Препоручуемъ-се... заговорилъ онъ, кланяясь.

Вообще монета произвела магическое дѣйствіе на присутствующихъ. „Войникъ“, спрашивавшій о чаѣ, подошелъ къ Николаю Ивановичу и сталъ чистить своимъ рукавомъ его пальто, слегка замаранное известкой о стѣну, другой войникъ началъ помогать Глафирѣ Семеновнѣ развязывать ремни, которыми были связаны подушки.

Государственн
БИБЛИОТЕК

— Не надо, не надо... Оставьте пожалуйста, сказала она.

Войникъ отошелъ, но увидя, что у Николая Ивановича потухла папироска, тотчасъ-же досталъ спички, чиркнулъ о коробку и бросился къ нему съ зажженной спичкой.

— Давно-бы такъ, братушка, проговорилъ Николай Ивановичъ, улыбаясь, и закурилъ окурокъ папиросы, прибавивъ:—Ну, спасибо.

Но тутъ показался таможенный чиновникъ въ статскомъ платьѣ и въ фуражкѣ съ зеленымъ околышемъ. Это былъ маленькій, жиденькій, тоже, какъ почти всѣ сербы, носатый человѣкъ, но держащій себя необычайно важно. Его сопровождалъ человѣкъ тоже въ форменной фуражкѣ съ зеленымъ околышкомъ, но въ овчинной курткѣ и съ фонаремъ. Таможенный чиновникъ, молча, подошелъ къ багажу Глафиры Семеновны, открылъ первую кардонку со шляпкой и сталъ туда смотрѣть, запустивъ руку подъ шляпку.

— Моя шляпка, а подъ ней мой кружевной шарфъ и вуали, сказала она.—Пожалуйста, только не мните.

Чиновникъ открылъ вторую кардонку тоже со шляпкой и спросилъ по русски:

— А зачѣмъ двѣ?

— Одна лѣтняя, а другая зимняя, фетровая. У меня еще есть третья. Не могу же я быть объ одной! Мы ѣдемъ изъ Петербурга въ Константинополь. Въ Петербургѣ зима, а въ Константино-

полѣ будетъ весна. Здѣсь тоже ни весна, ни зима. Каждая шляпка по сезону.

— Три. Гм... глубокомысленно улыбнулся чиновникъ.—А зачѣмъ онѣ куплены въ Вѣнѣ? Вотъ на коробѣ стоитъ: „Wien". Новыя шляпы.

— Да зачѣмъ-же ихъ изъ Россiи-то везти и къ тому-же старыя? возражала Глафира Семеновна.— Мы ѣдемъ гулять, я не привыкла отрепанная ходить.

— Гмъ... Три много.

— А вы женаты? У вашей жены меньше трехъ?

На поддержку жены выступилъ Николай Ивановичъ и опять заговорилъ:

— Мы, милостивый государь, господинъ братъ-славянинъ, русскiе, такiе-же славяне, какъ и вы, а не жиды, стало быть, хоть и съ новыми вещами ѣдемъ, но веземъ ихъ не на продажу. Да-съ... Если у насъ много хорошихъ вещей, такъ отъ того, что мы люди съ достаткомъ, а не прощалыги.

Чиновникъ ничего не отвѣтилъ, сдѣлалъ лицо еще серьезнѣе, велѣлъ сопровождавшему его солдату налѣпить на три коробки ярлычки, удостовѣряющiе, что вещи досмотрѣны, и приступилъ къ осмотру подушекъ и пледовъ, спрашивая мрачно:

— Табакъ? Чай? Папиросы?

— Смотрите, смотрите, уклончиво отвѣчала Глафира Семеновна, ибо въ багажѣ имѣлись и чай, и папиросы.

Чиновникъ рылся, нашелъ жестяную бомбоньерку съ шоколадамъ, открылъ ее и понюхалъ.

— Нѣтъ, ужъ я васъ прошу не нюхать! вспых-

нула Глафира Семеновна.—Я послѣ чужихъ носовъ ѣсть не желаю. Скажите на милость, нюхать началъ!

Чиновникъ вспыхнулъ и принялся за осмотръ сундука, запускалъ руку на дно его, вытащилъ грязное бѣлье, завернутое въ газеты, и началъ развертывать.

— Грязное бѣлье это, грязное бѣлье. Оставьте. Впрочемъ, можетъ быть тоже хотите понюхать, такъ понюхайте, отчеканила ему Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ только вздохнулъ и говорилъ:

— А еще братъ-славянинъ! Эхъ, братья! Русскимъ людямъ не вѣрите! Пріѣхали мы къ вамъ въ гости, какъ къ соплеменнымъ роднымъ, а вы насъ за контрабандистовъ считаете!

Окончивъ осмотръ сундука, чиновникъ ткнулъ пальцемъ въ коробокъ и спросилъ:

— Тутъ что?

— Ѣда и больше ничего. Сыръ есть, ветчина, колбаса, булки, апельсины, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Молимъ показать.

— Только ѣду не нюхать! Только не нюхать! А то все побросаю, опять воскликнула Глафира Семеновна, открывая коробокъ.—Не хочу я и послѣ славянскаго носа ѣсть.

— Чай? Кружева? снова задалъ вопросъ чиновникъ и сталъ развертывать завернутую въ бумагу и аккуратно уложенную ѣду.

— Ветчина тутъ, ветчина.

Чиновникъ развернулъ изъ бумаги нарѣзанную ломтиками ветчину и опять поднесъ къ носу. Глафира Семеновна не вытерпѣла, вырвала у него ветчину и швырнула ему ее черезъ голову, прибавивъ:

— Понюхали и можете сами съѣсть!

Чиновника покоробило. Онъ засунулъ еще разъ въ коробъ руку и налѣпилъ на него пропускной ярлыкъ. Съ нимъ заговорилъ по сербски брюнетъ въ очкахъ и, очевидно, тоже протестовалъ и усовѣщевалъ бросить такой придирчивый осмотръ. Оставалось досмотрѣть еще сакъ-вояжъ Глафиры Семеновны. Чиновникъ махнулъ рукой и налѣпилъ на него ярлыкъ безъ досмотра.

— Слава тебѣ Господи! Наконецъ-то все кончилось!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Грѣшной душѣ въ рай легче войти, чѣмъ черезъ вашу таможню въ Бѣлградъ попасть! Ну, братья-славяне!—закончилъ онъ и сталъ связывать подушки.

VII.

Таможенный осмотръ былъ оконченъ. Глафира Семеновна, какъ говорится, и рвала и метала на таможеннаго чиновника.

— Носастый чертъ! Вообрази, онъ мнѣ всю шляпку измялъ своими ручищами. Прелестную шляпку съ розами и незабудками, которую я вчера купила въ Вѣнѣ у мадамъ Обермиллеръ на Роттурмштрассе,

говорила она Николаю Ивановичу.—Послушай... Вѣдь можно, я думаю, на него нашему консулу жаловаться? Ты, Николай, пожалуйся.

— Хорошо, хорошо, душечка, но прежде всего нужно разыскать нашъ паспортъ, который взяли въ прописку.

А носатые войники схватили уже ихъ подушки и сакъ-вояжи и потащили къ выходу, спрашивая Николая Ивановича:

— Какова гостіоница, господине?

— Стойте, стойте, братушки! Прежде всего нужно паспортъ... останавливалъ онъ ихъ.

Но паспортъ уже несъ еще одинъ войникъ, потрясая имъ въ воздухѣ и радостно восклицая:

— Овдзе (здѣсь) пассъ!

— Ну, слава Богу! вырвалось восклицаніе у Николая Ивановича.—Пойдемъ, Глаша.

Онъ схватилъ паспортъ и направился на подъѣздъ въ сопровожденіи войниковъ и бараньихъ шапокъ. Бараньи шапки переругивались съ войниками и отнимали у нихъ подушки и сакъ-вояжи, но войники не отдавали. Глафира Семеновна слѣдовала сзади. Одинъ изъ войниковъ, стоя на подъѣздѣ, звалъ экипажъ:

— Бре, агояти! (Эй, извощикъ) кричалъ онъ, махая руками.

Подъѣхала карета, дребезжа и остовомъ и колесами. На козлахъ сидѣла баранья шапка съ такими громадными черными усами, что Глафира Семеновна воскликнула:

— Николай Ивановичъ, посмотри, и здѣсь такіе-же венгерскіе цыгане! Взгляни на козлы.

— Нѣтъ, другъ мой, это братья-славяне.

Между тѣмъ, войники со словами „молимо, седите“ усаживали ихъ въ карету и впихивали туда подушки и сакъ-вояжи. Большой сундукъ ихъ двѣ бараньи шапки поднимали на козлы. Глафира Семеновна тщательно пересчитывала свои вещи.

— Семь вещей, сказала она.

— Седамъ... (семь) подтвердилъ одинъ изъ войниковъ и протянулъ къ ней руку пригоршней.

Протянулъ руку и другой войникъ, и третій и четвертый, и двѣ бараньи шапки. Послышалось турецкое слово „бакшишъ“, то есть „на чай“.

— Боже мой, сколько рукъ! проговорилъ Николай Ивановичъ, невольно улыбаясь.—Точь въ точь у насъ на паперти въ кладбищенской церкви.

Онъ досталъ всю имѣвшуюся при немъ мелочь въ австрійскихъ крейцерахъ и принялся надѣлять, распихивая по рукамъ. Послышались благодарности и привѣтствія.

— Захвалюемъ (благодарю), господине! сказалъ одинъ.

— Захвалюемъ... Видѣтьсмо (до свиданья), проговорилъ другой.

— Съ Богомъ остайте! (прощайте).

Извощикъ съ козелъ спрашивалъ, куда ѣхать.

— Въ гостинницу Престолонаслѣдника! сказалъ Николай Ивановичъ.

— Добре! Айде! крикнули войники и бараньи шапки, и карета поѣхала по темному пустырю.

Пустырь направо, пустырь налѣво. Кой-гдѣ въ потемкахъ виднѣлся слабый свѣтъ. Мостовая была убійственная изъ крупнаго булыжника, карета подпрыгивала и дребезжала гайками, стеклами, шалнерами.

— Боже мой! Да какая-же это маленькая Вѣна! удивлялась Глафира Семеновна, смотря въ окно кареты на проѣзжаемыя мѣста.—Давеча въ вагонѣ брюнетъ въ очкахъ сказалъ, что Бѣлградъ—это маленькая Вѣна. Вотъ ужъ на Вѣну-то вовсе не похоже! Даже и на нашу Тверь ихъ Бѣлградъ не смахиваетъ.

— Погоди. Вѣдь мы только еще отъ станціи отъѣхали. А вонъ вдали электрическій свѣтъ виднѣется, такъ можетъ быть тамъ и есть маленькая Вѣна, указалъ Николай Ивановичъ.

И дѣйствительно, вдали мелькало электричество.

Начались двухъэтажные каменные дома, но они чередовались съ пустырями. Свернули за уголъ и показался первый электрическій фонарь, освѣтившій дома и троттуары, но прохожихъ на улицѣ ни души. Дома, однако, стали попадаться всплошную, но дома какой-то казенной архитектуры и сплошь окрашенные въ бѣлую краску.

— Гдѣ-же Вѣна-то? повторила свой вопросъ Глафира Семеновна.—Вотъ ужъ и электричество, а Вѣны я не вижу.

— Матушка, да почемъ-же я-то знаю! раздраженно отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Въ Вѣнѣ оживленныя улицы, толпы народа, а здѣсь никого и на улицахъ не видать.

— Можетъ быть отъ того, что ужъ поздно. Десять часовъ.

— Въ Вѣнѣ и въ 12 часовъ ночи публика движется вереницами.

— Далась тебѣ эта Вѣна! Ну, человѣкъ такъ сказалъ. Любитъ онъ свой городъ—ну, и хвалитъ его.

— Хорошу-ли онъ намъ гостинницу рекомендовалъ—вотъ что я думаю. Если у него этотъ Бѣлградъ за маленькую Вѣну идетъ, такъ можетъ быть и гостинница...

— Гостинница Престолонаслѣдника-то? Да онъ намъ вовсе не рекомендовалъ ее, а только назвалъ нѣсколько лучшихъ гостинницъ, а я и выбралъ Престолонаслѣдника.

— Зачѣмъ-же ты выбралъ именно ее?

— Слово хорошее... Изъ-за слова... Кромѣ того, остальныя гостинницы были съ французскими названіями. Позволь, позволь... Да ты даже сама рѣшила, что въ разныхъ Готель-де-Пари мы ужъ и такъ много разъ во всѣхъ городахъ останавливались.

Карета ѣхала по бульвару съ деревьями, красующимися весенними голыми прутьями. Дома выросли въ трехъэтажные. На встрѣчу кареты по бульвару пробѣжалъ вагонъ электрической конки, вспыхивая огоньками по проволокамъ.

— Ну, вотъ тебѣ и электрическая конка. Можетъ быть, изъ-за этого-то нашъ сосѣдъ по вагону

и сказалъ, что Бѣлградъ—маленькая Вѣна,—проговорилъ Николай Ивановичъ

— А въ Вѣнѣ даже и электрической конки-то нѣтъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

Въ домахъ попадались лавки и магазины, но они были сплошь заперты. Виднѣлись незатѣйливыя вывѣски на сербскомъ и изрѣдка на нѣмецкомъ языкахъ. Глафира Семеновна читала вывѣски и говорила:

— Какой сербскій языкъ-то легкій! Даже съ нашими русскими буквами и совсѣмъ какъ по русски... Коста Полтанов... Милан Іованов... Петко Петкович...—произносила она прочитанное и спросила:—Но отчего у нихъ нигдѣ буквы „ъ“ нѣтъ?

— Да кто-жъ ихъ знаетъ! Должно быть, ужъ такая безъеристая грамматика сербская.

— Постой, постой... Вонъ у нихъ есть буквы, которыхъ у насъ нѣтъ. Какое-то „ч“ кверху ногами и „н“ съ „ерикомъ“ у правой палки, разсматривала Глафира Семеновна буквы на вывѣскахъ.

Показалось большое зданіе съ полосатыми будками и бродившими около него караульными солдатами съ ружьями.

— Это что такое за зданіе? задалъ себѣ вопросъ Николай Ивановичъ.—Дворецъ—не дворецъ, казармы—не казармы. Для острога—ужъ очень роскошно. Надо извощика спросить.

Онъ высунулся изъ окна кареты и, указывая на зданіе пальцемъ, крикнулъ:

— Эй, братушка! Извощикъ, что это такое? Чей это домъ?

Съ козелъ отвѣчали два голоса. Что они говорили, Николай Ивановичъ ничего не понялъ, но къ немалому своему удивленію, взглянувъ на козлы, увидалъ, кромѣ извощика, войника, сидѣвшаго рядомъ съ извощикомъ. Николай Ивановичъ недоумѣвалъ, когда и зачѣмъ вскочилъ на козлы войникъ и, поднявъ стекло у кареты, дрожащимъ голосомъ сказалъ женѣ:

— Глафира Семеновна! Вообрази, у насъ на козлахъ сидитъ полицейскій солдатъ.

— Какъ полицейскій солдатъ? Что ему нужно? тревожно спросила Глафира Семеновна.

— И ума не приложу. Удивительно, какъ мы не замѣтили, что онъ вскочилъ къ намъ на станціи желѣзной дороги, потому что иначе ему не откуда взяться.

— Такъ прогони его. Я боюсь его, произнесла Глафира Семеновна.

— Да и я побаиваюсь. Чортъ его знаетъ, зачѣмъ онъ тутъ! Что ему нужно?

У Николая Ивановича уже тряслись руки. Онъ опять опустилъ стекло у кареты, выглянулъ въ окошко и крикнулъ извощику:

— Стой! стой, извощикъ! Остановись!

Но извощикъ, очевидно, не понялъ и не останавливался, а только пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Остановись, мерзавецъ! закричалъ Николай Ивановичъ еще разъ, но тщетно.—Не останавливается, сообщилъ онъ женѣ, которая ужъ крестилась и была блѣдна, какъ полотно. —Войникъ!

Братушка! Зачѣмъ ты на козлы влѣзъ? Ступай прочь! обратился онъ къ полицейскому солдату и сдѣлалъ ему пояснительный жестъ, чтобы онъ сходилъ съ козелъ.

Войникъ пробормоталъ что-то съ козелъ, но слѣзать и не думалъ. Извощикъ усиленно погонялъ лошадей, махая на нихъ руками. Николай Иванововичъ, тоже уже поблѣднѣвшій, опустился въ каретѣ на подушки и прошепталъ женѣ:

— Вотъ, что ты надѣлала своимъ строптивымъ характеромъ въ таможнѣ! Ты кинула въ лицо таможенному чиновнику кускомъ ветчины и за это насъ теперь въ полицію везутъ.

— Врешь... Врешь... Я вовсе и не думала ему въ лицо кидать... Я перекинула только черезъ голову... черезъ голову... и ветчина упала на полъ... Но вѣдь и онъ пе имѣетъ права...

Глафира Семеновна дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Да почемъ ты знаешь, что въ полицію?— спросила она мужа.—Развѣ онъ тебѣ сказалъ?

— Чортъ его разберетъ, что онъ мнѣ сказалъ! Но куда-же насъ иначе могутъ везти, ежели полицейскій съ козелъ не сходитъ? Конечно-же, въ полицію. О, братья-славяне, братья-славяне!—ропталъ Николай Ивановичъ, скрежеща зубами и сжимая кулаки.—Хорошо-же вы принимаете у себя своихъ соплеменниковъ, которые васъ освобождали и за васъ кровь проливали!

Глафира Семеновна была въ полномъ отчаяніи и бормотала:

— Но вѣдь мы можемъ жаловаться нашему консулу... Такъ нельзя-же оставаться. Скажи, крикни ему, что мы будемъ жаловаться русскому консулу. Выгляни въ окошко и крикни! Что-жъ ты сидишь, какъ истуканъ!—крикнула она на мужа.

Карета свернула въ улицу и остановилась у воротъ бѣлаго двухъэтажнаго дома. Съ козелъ соскочилъ войникъ и отворилъ дверцу кареты.

VIII.

Пріѣхали... Доплясались!.. А все изъ-за тебя... говорилъ Николай Ивановитъ, прижавшись въ уголъ кареты.—А все изъ-за тебя, Глафира Семеновна. Ну, посуди сама: развѣ можно въ казеннаго таможеннаго чиновника бросать ветчиной! Вотъ теперь и вывертывайся, какъ знаешь, въ полиціи.

На глазахъ глафиры Семеновны блистали слезы. Она жалась къ мужу отъ протянутой къ ней руки войника, предлагающаго выйти изъ кареты, и бормотала:

— Но вѣдь и онъ тоже не имѣлъ права нюхать вашу ветчину. Вѣдь это-же озорничество...

А войникъ продолжалъ стоять у дверей кареты и просилъ:

— Молимо, мадамъ, излазте...

— Уходи прочь! Не пойду я, никуда не пойду!

кричала на него Глафира Семеновна. — Николай Иванычъ, скажи ему, чтобы онъ къ русскому консулу насъ свезъ.

— Послушайте, братушка, обратился Николай Ивановичъ къ войнику.—Вотъ вамъ прежде всего на чай крону и свезите насъ къ русскому консулу! Полиціи намъ никакой не надо. Безъ консула въ полицію мы не пойдемъ.

Войникъ слушалъ, пучилъ глаза, но ничего не понималъ. Взглянувъ, впрочемъ, на сунутую ему въ руку крону, онъ улыбнулся и сказавъ: „захвалюемъ, господине!" опять сталъ настаивать о выходѣ изъ кареты.

— Гостинница Престолонаслѣдника... Молимъ... сказалъ онъ и указалъ на домъ.

Николай Ивановичъ что-то сообразилъ и нѣсколько оживился.

— Постой... сказалъ онъ женѣ.—Не напрасная-ли тревога съ нашей стороны? Можетъ быть, этотъ войникъ привезъ насъ въ гостинницу, а не въ полицію. Онъ что-то бормочетъ о гостинницѣ Престолонаслѣдника. Вы насъ куда привезли, братушка: въ гостинницу? спросилъ онъ войника:

— Есте.

— Въ гостинницу Престолонаслѣдника?

— Есте, есте, господине, подтвердилъ войникъ.

— Не вѣрь, не вѣрь! Онъ вретъ! Я по носу вижу, что вретъ! предостерегала мужа Глафира Семеновна.—Ему-бы только выманить насъ изъ кареты. А это полиція... Видишь, и домъ на манеръ

казеннаго. Развѣ можетъ быть въ такомъ домѣ лучшая въ Бѣлградѣ гостинница!

— А вотъ пусть онъ мнѣ укажетъ прежде вывѣску на домѣ. Вѣдь ужъ ежели это гостинница, то должна быть и вывѣска, сообразилъ Николай Ивановичъ. — Изъ кареты я не вылѣзу, а пусти меня на твое мѣсто, чтобы я могъ выглянуть въ окошко и посмотрѣть, есть-ли надъ подъѣздомъ вывѣска гостинницы, обратился онъ къ женѣ.

Глафира Семеновна захлопнула дверь кареты. Въ каретѣ начались перемѣщенія. Николай Ивановичъ выглянулъ въ окошко со стороны жены, задралъ голову кверху и увидалъ вывѣску, гласящую „Гостинница Престолонаслѣдника“.

— Гостинница!—радостно воскликнулъ онъ.— Войникъ не навралъ! Можемъ выходить безъ опаски!

Какъ-бы какой-то тяжелый камень отвалилъ отъ сердца у Глафиры Семеновны и она просіяла, но все-таки, руководствуясь осторожностью, еще разъ спросила:

— Да вѣрно-ли, что гостинница? Ты хорошо-ли разглядѣлъ вывѣску?

— Хорошо, хорошо. Да вотъ и сама можешь посмотрѣть.

А войникъ, между прочимъ, ужъ позвонилъ въ подъѣздъ. Распахнулись широкія полотна воротъ, заскрипѣвъ на ржавыхъ петляхъ. Изъ воротъ выходили баранья шапка въ усахъ и съ заспанными глазами, швейцаръ въ фуражкѣ съ полинявшимъ золотымъ позументомъ, какой-то кудрявый малецъ

въ опанкахъ (въ родѣ нашихъ лаптей, но изъ кожи) и всѣ ринулись вытаскивать багажъ изъ кареты. Глафира Семеновна уже не противилась, сама подавала имъ вещи и говорила мужу:

— Но все-таки нужно допытаться, для чего очутился у насъ на козлахъ полицейскій солдатъ. Вѣдь безъ нужды онъ не поѣхалъ-бы.

— А вотъ войдемъ въ гостинницу, тамъ разузнаемъ отъ него,—отвѣчалъ николай Ивановичъ.— Я такъ думаю, что не для того-ли, чтобъ удостовѣриться въ нашемъ мѣстѣ жительства, гдѣ мы остановились.

— А зачѣмъ имъ наше жительство?

— Ахъ, Боже мой! А ветчина-то? А таможенный чиновникъ?

— Дался тебѣ этотъ таможенный чиновникъ съ ветчиной! Да и я-то дура была, повѣривъ тебѣ, что насъ везутъ въ полицію за то, что я кусокъ ветчины въ чиновника кинула! — Ужъ если-бы этотъ чиновникъ давеча обидѣлся, то сейчасъ бы онъ насъ и заарестовалъ.

— А вотъ посмотримъ. Неизвѣстно еще, чѣмъ это все разыграется, — подмигнулъ женѣ Николай Ивановичъ и, обратясь къ швейцару, спросилъ: — Говорите по-русски? Комнату бы намъ хорошую о двухъ кроватяхъ?

— Есте, есте... Алесъ васъ нуръ иненъ гефелихъ, мейнъ герръ!—отвѣчалъ старикъ швейцаръ.

— Нѣмецъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—

Боже мой! Въ славянскомъ городѣ Бѣлградѣ — и вдругъ нѣмецъ!

— Србъ, србъ, господине. Заповедите... (Приказывайте).

Швейцаръ поклонился. Войникъ подскочилъ къ нему и спросилъ:

— Има-ли добра соба (комната)?

— Есте, есте, закивалъ швейцаръ.—Козма! Покажи. Дай, да видитъ господине, обратился онъ къ бараньей шапкѣ съ заспанными глазами и въ усахъ.

— Отлично говоритъ по-русски. Не понимаю, что ему вдругъ вздумалось изъ себя нѣмца разыгрывать! пожалъ плечами Николай Ивановичъ и вмѣстѣ съ женой отправился въ подъѣздъ, а затѣмъ вверхъ по каменной лѣстницѣ смотрѣть комнату.

Лѣстница была холодная, сѣрой окраски, непривѣтливая, уставленная чахлыми растеніями, безъ ковра. На площадкѣ стояли старинные англійскіе часы въ высокомъ и узкомъ краснаго дерева чехлѣ. Освѣщено было скудно.

— Неужели это лучшая гостинница здѣсь? спрашивала Глафира Семеновна у мужа.

— Да кто-жъ ихъ знаетъ, милая! Брюнетъ въ очкахъ рекомендовалъ намъ за лучшую.

— Ну, маленькъя Вѣна! И это называется маленькая Вѣна! Пожалуй, здѣсь и поѣсть ничего не найдется? А я ѣсть страсть какъ хочу.

— Ну, какъ не найтиться! Эй, шапка! Ресторанъ у васъ есть?

— Есте, есте, има, господине.

Подскочилъ къ шапкѣ и войникъ, все еще сопровождавшій супруговъ:

— Има-ли што готово да-се ѣде? въ свою очередь спросилъ онъ шапку.

— Има, има, все има... былъ отвѣтъ.

— Боже мой! Да этотъ злосчастный войникъ все еще здѣсь! удивилась Глафира Семеновна... — Что ему нужно? Прогони его, пожалуйста, обратилась она къ мужу.

— Эй, шапка! Послушай! Прогони ты, ради Бога, этого войника. Чего ему отъ насъ нужно? сказалъ Николай Ивановичъ, указывая на полицейскаго солдата.

Шапка смотрѣла на Николая Ивановича, но не понимала, что отъ нея требуютъ. Николай Ивановичъ сталъ показывать жестами. Онъ загородилъ войнику дорогу въ корридоръ и заговорилъ:

— Провались ты! Уйди къ чорту! Не нужно намъ тебя! Шапка! Гони его!

Войникъ протянулъ руку пригоршней.

— Интересъ, господине... Бакшишъ...

— Какой такой бакшишъ? Я тебѣ два раза ужъ давалъ бакшишъ!.. обозлился Николай Ивановичъ.

— Онъ хтытъ отъ насъ бакшишъ, господине, пояснила шапка, тыкая себя въ грудь, и сказала войнику: — Иде на контора... Тамъ господаръ...

— Ну, съ Богомъ... поклонился войникъ супругамъ и неохотно сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ, чтобъ обратиться за бакшишомъ въ контору, гдѣ сидитъ „господаръ", то есть хозяинъ гостинницы.

— Глаша! Глаша! Теперь объяснилось, отчего войникъ пріѣхалъ съ нами на козлахъ, сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.—Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы показать, что онъ насъ рекомендовалъ въ эту гостинницу и сорвать съ хозяина бакшишъ, интересъ, то есть извѣстный процентъ.

— Есте, есте, господине, поддакнула шапка.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! Ну, теперь я понимаю. Это такъ... проговорила Глафира Семеновна.— А давеча ты напугалъ. Сталъ увѣрять, что насъ онъ въ полицію везетъ.

— Да почемъ-же я зналъ, душечка!.. Мнѣ такъ думалось.

Они стояли въ плохо освѣщенномъ широкомъ корридорѣ. Баранья шапка распахнула имъ дверь въ темную комнату.

— Осамъ динары за данъ... объявила шапка цѣну за комнату.

IX.

Кудрявый, черномазый малецъ въ опанкахъ втащилъ въ комнату двѣ шестириковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ—и комната слабо освѣтилась. Это была большая о трехъ окнахъ комната со стѣнами и потолкомъ раскрашенными по трафарету клеевой краской. На потолкѣ виднѣлись цвѣты и пальмовыя вѣтви, по стѣнамъ сѣрыя

розетки въ бѣломъ фонѣ. У стѣнъ одна противъ другой стояли двѣ кровати вѣнскаго типа со спинками изъ листоваго желѣза, раскрашенными какъ подносы. Перины и подушки на кроватяхъ были прикрыты пестрыми сербскими коврами. Мебель была тоже вѣнская, легкая, съ привязными жиденькими подушками къ сидѣнью, на выкрашеннномъ сурикомъ полу лежалъ небольшой мохнатый коверъ. Въ углу помѣщалась маленькая изразцовая печка. Показавъ комнату, баранья шапка спросила:

— Добре, господине?

— Добре-то, добре... отвѣчалъ Николай Ивановичъ, посмотрѣвъ по сторонамъ, но ужъ очень темно.—Нельзя-ли намъ лампу подать? Есть у васъ лампа?

— Есте, есте... Има, господине, отвѣчала шапка.— Дакле съ Богомъ, видѣтьемо се (т. е. до свиданья), поклонилась она и хотѣла уходить.

— Стой, стой! остановилъ шапку Николай Ивановичъ.—Мы сейчасъ умоемся, да надо будетъ намъ поѣсть и хорошенько чаю напиться, по русски, знаешь, настоящимъ образомъ, на православный слявянскій манеръ, съ самоваромъ. Понялъ?

Баранья шапка слушала и хлопала глазами.

— Не понялъ. Вотъ подижъ ты, кажись ужъ настоящіе славяне, а по русски иное совсѣмъ не понимаютъ, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.—Ясти, ясти... Азъ ясти хощу... началъ онъ ломать языкъ, обратясь снова къ шапкѣ, раскрылъ ротъ и показалъ туда пальцемъ.

— Има, господине... кивнула шапка.

— Да что има-то? Карта есть? Принеси карту кушанья и винъ!

— Одна, господине... Упутъ... (т. е. сейчасъ) поклонилась шапка и исчезла.

Супруги начали приготовляться къ умыванью, но только что Глафира Семеновна сняла съ себя лифъ и платье, какъ раздался сильный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? Погоди! Карту потомъ подашь. Прежде дай помыться! крикнулъ Николай Ивановичъ, думая, что это баранья шапка съ картой кушаній, и снялъ съ себя пиджакъ.

Стукъ повторился.

— Говорятъ тебѣ, подожди! Не умрешь тамъ.

Николай Ивановичъ снялъ рукавчики и сталъ намыливать себѣ руки. Стучать продолжали.

— Врешь, врешь! Надъ тобой не каплетъ, отвѣчилъ Николай Ивановичъ и началъ мыть лицо.

Стукъ усиливался и бормотали два голоса.

— Вотъ нейметсярто! Ну, прислуга! Ломятся да и шабашъ!

Николай Ивановичъ наскоро смылъ мыло съ лица и пріотворилъ дверь. Въ корридорѣ стоялъ извощикъ, которому не заплатили еще денегъ за привозъ съ желѣзнодорожной станціи. Его привелъ носастый войникъ, который ѣхалъ на козлахъ.

— Батюшки! Извощику-то мы и забыли въ попыхахъ заплатить деньги! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Но ты здѣсь, эфіопская морда, зачѣмъ? обратился онъ къ войнику.

Бормоталъ что-то по сербски извощикъ, бормоталъ что-то и войникъ, но Николай Ивановичъ ничего не понималъ.

— Сейчасъ. Дай мнѣ только утереться-то. Видишь, я мокрый, сказалъ онъ извощику и показалъ полотенце.—Глаша! Чѣмъ я съ извощикомъ расчитаюсь? У меня ни копѣйки сербскихъ денегъ, обратился онъ къ женѣ, которая плескалась въ чашкѣ.

— Да дай ему рубль, а онъ тебѣ сдачи сдастъ.— Неужто ужъ сербы-то нашего рубля не знаютъ? Вѣдь братья славяне, отвѣчала Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ отерся полотенцемъ, досталъ рублевую бумажку, и подойдя къ полуотворенной двери, сказалъ извощику:

— Братушка! Вотъ тебѣ нашъ русскій рубль. У меня нѣтъ сербскихъ денегъ. Возьмешь рубль?

Извощикъ посмотрѣлъ на протянутую ему рублевую бумажку и отмахнулся.

— Айа, айа. Треба три динары (т. е. нѣтъ, нѣтъ. Надо три динара), сказалъ онъ.

— Фу, ты лѣшій! Да если у меня нѣтъ динаровъ! Ну, размѣняешь завтра на свои динары. Три динара... Я тебѣ больше даю. Я даю рубль. Твой динаръ — четвертакъ, а я тебѣ четыре четвертака даю! Бери ужъ безъ сдачи. Чортъ съ тобой!

Опять протянута рублевая бумажка, Опять замахалъ руками извощикъ, попятился и заговорилъ что-то по-сербски.

— Не беретъ, черномазый, отнесся Николай Ивановичъ къ женѣ.—Вотъ они братья-то славяне!

Даже нашего русскаго рубля не знаютъ. Спасали, спасали ихъ, а они отъ русскаго рубля отказываются. Я не знаю, что теперь и дѣлать?

— Да дай ему гульденъ. Авось, возьметъ. Вѣдь на станціи австрійскими деньгами расчитывался-же, сказала Глафира Семеновна, обтирая лицо, шею и руки полотенцемъ.

— Да у меня и гульдена нѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что я на станціи всѣ австрійскія деньги роздалъ.

— У меня есть. Два гульдена осталось. Вотъ тебѣ.

И Глафира Семеновна подала мужу новенькій гульденъ.

— Братушка! А гульденъ возьмешь? спросилъ Николай Ивановичъ извощика, протягивая ему монету.

Тотъ взялъ гульденъ и сказалъ:

— Малко. Іоштъ треба. Се два съ половина динары...

— Мало ему. Нѣтъ-ли у тебя хоть сколько нибудь австрійской мелочи? спросилъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна подала ему нѣсколько никелевыхъ австрійскихъ монетокъ. Николай Ивановичъ прибавилъ ихъ къ гульдену.

— Захвалюемъ, господине, поблагодарилъ извощикъ, поклонившись, и тотчасъ же подѣлился деньдами съ войникомъ, передавъ ему мелочь.

— Глаша! Вообрази! Почтенный носатый вой-

никъ и съ извощика нашего сорвалъ халтуру! воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Да что ты! Вотъ ярыга-то! Славянинъ-ли ужъ онъ? Можетъ быть жидъ, выразила сомнѣніе супруга и стала со свѣчкой оглядывать постель. — Все чисто, сказала она, заглядывая подъ коверъ.— Мягкій тюфякъ на пружинахъ и хорошее одѣяло.

Вскорѣ явился владѣлецъ бараньей шапки, на этотъ разъ уже безъ шапки и перемѣнивъ замасленный сѣрый пиджакъ на черный. Онъ внесъ въ комнату лампу, поставилъ ее на столъ и положилъ около нея тетрадку, составляющую репертуаръ кушаній и винъ ресторана, находящагося при гостинницѣ Престолонаслѣдника.

— А! и карточку принесъ, братушка! Ну, спасибо. Захвалюемъ... произнесъ Николай Ивановичъ, запомня часто слышимое имъ слово, и сталъ перелистывать книжку.

Книжка была рукописная. Кушанья были въ ней названы по нѣмецки, по сербски, но написаны преплохимъ почеркомъ.

— Ну-съ, будемъ читать. Не знаю только, разберемъ ли мы тутъ что нибудь, сказалъ онъ.

— Да не стоитъ и разбирать, отвѣчала Глафира Семеновна.—Все равно, кромѣ бифштекса я ѣсть ничего не буду. Бифштексъ съ картофелемъ и чаю... Чаю до смерти хочу. Просто умираю.

— Не хочешь-ли, можетъ быть, предварительно квасу? предложилъ Николай Ивановичъ.—Квась ужъ навѣрное въ славянской землѣ есть.

— Пожалуй. Кисленькаго хорошо. Ужасная у меня послѣ этого переполоха съ полицейскимъ солдатомъ жажда явилась... Знаешь, я не на шутку тогда испугалась.

— Еще бы не испугаться! Я самъ струсилъ.

— Ну, да ты-то трусъ извѣстный. Ты вездѣ... Есть у васъ квасъ? Славянскій квасъ? спросила Глафира Семеновна человѣка принесшаго карту.

Тотъ выпучилъ глаза и не зналъ, что отвѣчать.

— Квасъ, квасъ. Развѣ не знаешь, что такое квасъ? повторилъ Николай Ивановичъ. — Пить... Пити... пояснилъ онъ.

— Нійе... Не има... отрицательно потрясъ головой слуга.

— Странное дѣло! Славянскіе люди и простаго славянскаго напитка не имѣютъ!

— Тогда пусть подастъ скорѣе чаю и два бифштекса, сказала Глафира Семеновна.

— Ну, такъ вотъ... Скорѣй чаю и два бифштекса съ картофелемъ, а остальное мы потомъ выберемъ, обратился къ слугѣ Николай Ивановичъ.—Чай, надѣюсь, есть? Чай. По нѣмецки—те...

— Есте, есте... кивнулъ слуга.

— И бифштексы есть?

— Има... Има... Есте.

— Ну, слава Богу! Такъ живо!.. Два бифштекса и чай. Да подать самоваръ! Два бифштекса. Два... Смотри, не перепутай.

И Николай Ивановичъ показалъ удаляющемуся слугѣ два пальца.

X.

Ну, какія у нихъ тамъ есть кушанья? Прочтика... спрашивала Глафира Семеновна мужа, вздѣвшаго на носъ пенсне и смотрящаго въ карточку.

— Все разобрать трудно. Иное такъ написано, словно слонъ брюхомъ ползалъ, отвѣчалъ тотъ.— Но вотъ сказано: супа...

— Какой супъ?

— А кто-жъ его знаетъ! Просто: супа. Конечно, ужъ у нихъ особенныхъ разносоловъ нѣтъ. Сейчасъ видно, что сербы народъ не полированный. Хочешь, спросимъ супу?

— Нѣтъ, я не стану ѣсть.

— Отчего?

— Не стану. Кто ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ намѣшано! Посмотри, что еще есть?

— Риба... Но вѣдь рыбу ты не станешь кушать.

— Само собой.

— А я спрошу себѣ порцію рыбы. Только вотъ не знаю, какая это рыба. Такое слово, что натощакъ и не выговоришь. Крто... Не вѣдь что такое!

— Постой... Нѣтъ-ли какого нибудь жаркого? сказала Глафира Семеновна и сама подсѣла къ мужу разбирать кушанья.

— „Печене"... прочелъ Николай Ивановичъ.— Вотъ печенье есть.

— Да вѣдь печенье это къ чаю или на сладкое, возразила Глафира Семеновна.

— Погоди, погоди... Добился толку. Печене—по ихнему жаркое и есть, потому вотъ видишь съ боку написано по нѣмецки: братенъ.

— Да, братенъ— жаркое. Но какое жаркое?

— А вотъ сейчасъ давай разбирать вдвоемъ. Во-первыхъ: „пиле", во-вторыхъ „просадъ".

— А что это значитъ:—„пиле"?

— Да кто-жъ ихъ знаетъ! Никогда я не воображалъ, что среди этихъ братьевъ-славянъ мы будемъ, какъ въ темномъ лѣсу. Разбери, что это такое: „пиле"?

— Можетъ быть коза или галка.

— Ужъ и галка!

— Да кто-жъ ихъ знаетъ! Давай искать телятины. Какъ телятина по ихнему?

— Почемъ-же мнѣ-то знать. Погоди, погоди. Нашелъ знакомое блюдо: „Кокошъ", сбоку по нѣмецки: хунъ—курица. Стало быть „кокошъ"—курица.

— Скорѣй-же кокошъ—яица... возразила супруга.

— Нѣтъ, яйца—«яѣ». Вотъ они въ самомъ началѣ, а сбоку по нѣмецки: „ейеръ".

— „Чурка", „зецъ"... читала Глафира Семеновна.—Не знаешь, что это значитъ?

— Душенька, да вѣдь я столько-же знаю по сербски, сколько и ты, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ищи ты телятину или телячьи котлеты.

— Да ежели нѣтъ ихъ. Стой! Еще знакомое

блюдо нашелъ! „Овече мясо“, прочелъ Николай Ивановичъ.—Это баранина. Хочешь баранины?

— Богъ съ ней. Свѣчнымъ саломъ будетъ пахнуть, поморщилась Глафира Семеновна.—Нѣтъ, ужъ лучше яицъ спроси. Самое безопасное! Навѣрное не ошибешься.

— Стоило изъ-за этого разсматривать карточку!

Показался слуга. Онъ внесъ два подноса. На каждомъ подносѣ стояло по чайной чашкѣ, по блюдечку съ сахаромъ. по маленькому мельхіоровому чайнику и по полулимону на тарелочкѣ.

— Что это? воскликнулъ Николай Ивановичъ, указывая на подносы.

— Чай, господине, отвѣчалъ слуга.

— А гдѣ-жъ самоваръ? Давай самоваръ.

Слуга выпучилъ глаза и не зналъ, что отъ него требуютъ.

— Самоваръ! повторилъ Николай Ивановичъ.

— Темашине... прибавила Глафира Семеновна по нѣмецки.

— А, темашине... Нема темашине... покачалъ головой слуга.

— Какъ нема! Въ славянской землѣ, въ сербскомъ городѣ Бѣлградѣ, да чтобъ не было самовара къ чаю! воскликнули въ одинъ голосъ супруги.—Не вѣрю.

— Нема... стоялъ на своемъ слуга.

— Ну, такъ стало быть у васъ здѣсь не славянская гостинница, а жидовская, сказалъ Нико-

лай Ивановичъ. И очень мы жалѣемъ, что попали къ жидамъ.

Глафира Семеновна сейчасъ открыла чайники, понюхала чай и воскликнула:

— Николай! Вообрази, и чай-то не по русски заваренъ, а по англійски, скипеченъ. Точь въ точь такой, что намъ въ Парижѣ въ гостинницахъ подавали. Ну, что-жъ это такое! Даже чаю напиться настоящимъ манеромъ въ славянскомъ городѣ невозможно!

Слуга стоялъ и смотрѣлъ совсѣмъ растерянно.

— Кипятокъ есть? Вода горячая есть? спрашивала у него Глафира Семеновна.—Понимаешь, горячая теплая вода.

— Топла вода? Има... поклонился слуга.

— Ну, такъ вотъ тебѣ чайникъ и принеси сейчасъ его полный кипяткомъ.

Глафира Семеновна подала ему свой дорожный металическій чайникъ.

— Да тащи скорѣй сюда бифштексы! прибавилъ Николай Ивановичъ.

Слуга кисло улыбнулся и сказалъ:

— Нема бифштексы.

— Какъ нема? Ахъ, ты разбойникъ! Да что-же мы будемъ ѣсть? Ясти-то что мы будемъ?

— Нема, нема... твердилъ слуга, разводя руками, и началъ что-то доказывать супругамъ, скороговоркой бормоча по сербски.

— Не болтай, не болтай... Все равно ничего не понимаю! махнулъ ему рукой Николай Ивановичъ

и спросилъ:—Что-же у васъ есть намъ поѣсть? Ясти... Понимаешь, ясти!

— Овече мясо има... отвѣчалъ слуга.

— Только? А кокошъ? Есть у тебя кокошъ жареный? Это по нашему курица. Печене кокошъ?

— Кокошъ? Нема кокошъ.

— И кокошъ нема? Ну, просадъ тогда. Вотъ тутъ стоитъ какой-то просадъ, ткнулъ Николай Ивановичъ пальцемъ въ карту кушаній.

— Просадъ? Нема просадъ, отрицательно потрясъ головой слуга.

— Да у васъ, у чертей, ничего нѣтъ! Ловко. Рыба по крайней мѣрѣ есть-ли?

— Нема риба.

— Ну, скажите на милость, и рыбы нѣтъ! Рѣшительно ничего нѣтъ. Что-же мы ѣсть-то будемъ?

— Изъ своей провизіи развѣ что-нибудь поѣсть? отвѣчала Глафира Семеновна.—Но ветчину я въ таможнѣ кинула. Впрочемъ, сыръ есть и икра есть. Спроси, Николай, яицъ и хлѣба. Яйца ужъ навѣрное есть. Яицъ и хлѣба. Да хлѣба-то побольше, обратилась она къ мужу.

— Ахъ, вы несчастные, несчастные! покачалъ головой Николай Ивановичъ.

— Вечеръ, господине, ночь, господине... разводилъ руками слуга, ссылаясь на то, что теперь поздно.— Единаесты саатъ (одинадцатый часъ), прибавилъ онъ.

— Ну, слушай, братушка. Яйца ужъ навѣрное у васъ есть. Яѣ...

— Яѣ? Има... Есте, есте.

— Ну, такъ принеси десятокъ яицъ въ крутую или въ смятку, какъ хочешь. Десять яѣ! И хлѣба. Да побольше хлѣба. Понимаешь, что такое хлѣбъ?

— Хлѣбъ? Есте.

— Ну, слава Богу. Да кипятку вотъ въ этотъ чайникъ... И двѣ порціи овечьяго мяса.

— Овечье мясо? Есте.

— И десятокъ яицъ.

Николай Ивановичъ растопырилъ передъ слугой всѣ десять пальцевъ обѣихъ рукъ и прибавилъ: „Только скорѣй“.

— Нѣтъ, какова славянская земелька! воскликнулъ онъ.—Въ столичномъ городѣ Бѣлградѣ, въ лучшей гостинницѣ не имѣютъ самовара и въ одиннадцать часовъ вечера изъ буфета ужъ ничего получить нельзя!

Но супруговъ ждало еще большее разочарованіе Вскорѣ слуга вернулся и хотя принесъ, что отъ него требовали, но овечье мясо оказалось холодное, яйца были сырыя, хлѣбъ какой-то полубѣлый и черствый, а вмѣсто кипятку въ чайникѣ была только чуть теплая вода. Онъ началъ пространно говорить что-то въ свое оправданіе, но Николай Ивановичъ вспылилъ и выгналъ его вонъ.

— Дѣлать нечего! Придется чайничать такъ, какъ въ Парижѣ чайничали! вздохнула Глафира Семеновна вынула изъ сакъ-вояжа дорожный спиртовой таганъ, бутылку со спиртомъ и принялась кипятить воду въ своемъ металическомъ чайникѣ.

Въ комнату вошла заспанная горничная съ цѣлой копной волосъ на головѣ, принялась стлать чистое бѣлье на постели, остановилась и въ удивленіи стала смотрѣть на хозяйничанье Глафиры Семеновны.

— Чего смотришь? Чего ротъ разинула? сказала ей та.—У дикая! прибавила она и улыбнулась.

XI.

Утромъ супруги Ивановы долго-бы еще спали, но раздался стукъ въ дверь. Глафира Семеновна проснулась первая и стала будить мужа. Тотъ не просыпался. Стукъ усиливался.

— Николай! Кто-то стучитъ изъ корридора. Ужъ не случилось-ли чего? Встань, пожалуйста, и посмотри, что такое... крикнула она.—Можетъ быть, пожаръ.

При словѣ „пожаръ“ Николай Ивановичъ горохомъ скатился съ постели и бросился къ двери.

— Кто тамъ? Что надо? кричалъ онъ.

За дверью кто-то бормоталъ что-то по сербски. Николай Ивановичъ пріотворилъ дверь и выглянулъ въ корридоръ. Передъ нимъ стоялъ вчерашній черномазый малецъ въ опанкахъ и подавалъ выставленные съ вечера для чистки сапоги Николая Ива-

новича, а сзади мальца лежала маленькая вязанка коротенькихъ дубовыхъ дровъ.

— И изъ-за сапоговъ ты смѣешь насъ будить! закричалъ на него Николай Ивановичъ, схвативъ сапоги.—Благодари Бога, что я раздѣтъ и мнѣ нельзя выскочить въ корридоръ, а то я задалъ-бы тебѣ, косматому, трепку! Чертъ! Не могъ поставить вычищенные сапоги у дверей!

Малецъ испуганно попятился, но указывая на вязанку дровъ, продолжалъ бормотать. Слышались слова: „дрова... студено..."

— Вонъ! крикнулъ на него Николай Ивановичъ и, захлопнулъ дверь, щелкнувъ замкомъ.—Вообрази, вчерашній черномазый малецъ принесъ сапоги и дрова и лѣзетъ къ намъ топить печь, сказалъ онъ женѣ.—Смѣетъ будить, каналья, когда его не просили!

Глафира Семеновна потягивалась на постели.

— Да порядки-то здѣсь, посмотрю я, какъ у насъ въ глухой провинціи на постоялыхъ дворахъ. Помнишь, въ Тихвинъ на богомолье ѣздили и остановились на постояломъ дворѣ?

— Въ Тихвинѣ на постояломъ дворѣ насъ хоть кормили отлично. Мы также пріѣхали вечеромъ и сейчасъ-же намъ дали жирныхъ горячихъ щей къ ужину и жаренаго поросенка съ кашей, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А здѣсь въ Бѣлградѣ вчера, кромѣ холодной баранины и сырыхъ яицъ, ничего не нашлось для насъ. Тамъ въ Тихвинѣ, дѣйствительно, подняли насъ утромъ въ шесть часовъ, но шумѣли постояльцы, а не прислуга.

— Такъ-то оно такъ, но на самомъ дѣлѣ ужъ пора и вставать. Десятый часъ, проговорила Глафира Семеновна и стала одѣваться.

Одѣвался и Николай Ивановичъ и говорилъ:

— Придется ужъ по утрамъ кофей пить, какъ въ нѣмецкихъ городахъ. Очевидно, о настоящемъ чаѣ и здѣсь мечтать нечего. Самовара въ славянской землѣ не знаютъ! негодовалъ онъ.—Ахъ черти!

Надѣвъ сапоги и панталоны, онъ подошелъ къ электрическому звонку, чтобъ позвонить прислугу и приказать подать кофе съ хлѣбомъ и остановился передъ надписью надъ звонкомъ, сдѣланною по сербски и по нѣмецки и гласящею, кого изъ прислуги сколькими звонками вызывать.

— Ну-ка, будемъ начинать учиться по сербски, сказалъ онъ.—Есть рукописочка. Вотъ вчерашній черномазый слуга, не могшій схлопотать намъ даже бифштексовъ къ ужину, по сербски также называется, какъ и по нѣмецки—келнеръ. Разница только, что мягкаго знака нѣтъ. А дѣвушка—медхенъ по нѣмецки—по сербски ужъ совѣмъ иначе: „собарица“.

— Какъ? спросила Глафира Семеновна.

— Собарица. Запомни, Глаша.

— Собарица, собарица... повторила Глафира Семеновна.—Ну, да я потомъ запишу.

— А вотъ малецъ въ опанкахъ, что сейчасъ насъ разбудилъ, называется: „покутарь“. Запомни: „покутарь“... Его надо вызывать тремя звонками, собарицу — двумя, а келнера — однимъ. „Ђданъ

путъ"... Ейнъ маль, по нѣмецки, а по русски: одинъ разъ. Будемъ звонить келнера...

И Николай Ивановичъ, прижавъ пуговку электрическаго звонка, позвонилъ одинъ разъ.

— Погоди. Дай-же мнѣ одѣться настоящимъ манеромъ, сказала Глафира Семеновна, накидывая на себя юбку.—Вѣдь ты зовешь мужчину.

— Повѣрь, что три раза успѣешь одѣться, пока онъ придетъ на звонокъ.

Николай Ивановичъ не ошибся. Глафира Семеновна умылась и надѣла на себя ночную кофточку съ кружевами и прошивками, а „келнеръ" все еще не являлся. Пришлось звонить вторично. Николай Ивановичъ подошелъ къ окну, выходившему на улицу. Улица была пустынна, хотя передъ окномъ на противоположной сторонѣ были два магазина съ вывѣшанными на нихъ шерстяными и бумажными матеріями. Только прикащикъ въ пиджакѣ и шляпѣ котелкомъ мелъ тротуаръ передъ лавкой, да прошла баранья шапка въ курткѣ и опанкахъ, съ коромысломъ на плечѣ, по концамъ котораго висѣли внизъ головами привязанныя за ноги живыя утки и куры.

— Посмотри, посмотри, Глаша, живыхъ птицъ, привязанныхъ за ноги, тащатъ! крикнулъ Николай Ивановичъ женѣ и прибавилъ:—Вотъ гдѣ обществу-то покровительства животнымъ надо смотрѣть!

— Ахъ, варвары! воскликнула Глафира Семеновна, подойдя къ окну.

— Да, по всему видно, что это сѣрый, не по-

лированный народъ.—Ну, убей ихъ, а потомъ и тащи. А то безъ нужды мучить птицъ! Однако, кельнеръ-то не показывается.

Николай Ивановичъ позвонилъ въ третій разъ. Явилась черноглазая горничная съ копной волосъ на головѣ, та самая, что вчера стлала бѣлье на постель.

— Собарица? спросилъ ее Николай Ивановичъ.

— Собарица, кивнула та.—Што вамъ е по воли? Заповедите. (То есть: что вамъ угодно? Прикажите).

— Ужасно мнѣ нравиться это слово—собарица, улыбнулся Николай Ивановичъ женѣ.

— Ну, ну, ну... сморщила брови Глафира Семеновна —Прошу только на нее особенно не заглядываться.

— Какъ тебѣ не стыдно, душечка! пожалъ плечами Николай Ивановичъ.

— Знаю я, знаю васъ! Помню исторію въ Парижѣ, въ гостинницѣ. Это только у васъ память коротка.

— Мы, милая собарица, звали кельнера, а не васъ, обратился къ горничной Николай Ивановичъ.

— Вотъ ужъ ты сейчасъ и „милая“, и все... поставила ему шпильку жена.

— Да брось ты. Какъ тебѣ не стыдно! Съ прислугой нужно быть ласковымъ.

— Однако, ты не называлъ милымъ вчерашняго эфіопа!

— Кафе намъ треба, кафе. Два кафе. Скажите кельнеру, чтобы онъ принесъ намъ два кафе съ

молокомъ. Кафе, молоко, масло, хлѣбъ, старался сколь можно понятливѣе отдать приказъ Николай Ивановичъ и спросилъ:—Поняли?

— Кафе, млеко, масло, хлѣбъ? Добре, господине, поклонилась горничная и удалилась.

— Сейчасъ мы напьемся кофею, одѣнемся и поѣдемъ осматривать городъ, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ, которая, все еще надувши губы, стояла у окна и смотрѣла па улицу.

— Да, но только надо будетъ послать изъ гостинницы за извощикомъ, потому вотъ ужъ я сколько времени стою у окна и смотрю на улицу—на улицѣ ни одного извощика, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Пошлемъ, пошлемъ. Сейчасъ вотъ я позвоню и велю послать.

— Только ужъ пожалуйста не вызывайте этой собарицы!

— Позволь... Да кто-же ее вызывалъ? Она сама явилась.

— На ловца и звѣрь бѣжитъ. А ты ужъ сейчасъ и улыбки всякія передъ ней началъ расточать, плотоядные какіе-то глаза сдѣлалъ.

— Оставь пожалуйста. Ахъ, Глаша, Глаша!

Показался кельнеръ и принесъ кофе, молоко, хлѣбъ и масло. Все это было прилично сервировано.

— Ну, вотъ, что на нѣмецкій манеръ, то они здѣсь отлично подаютъ, проговорилъ Николай Ивановичъ, усаживаясь за столъ.—Вотъ что, милый

мужчина, обратился онъ къ кельнеру:—намъ нужно извощика, экипажъ, чтобы ѣхать. Такъ вотъ приведите.

— Экипаже? Има, има, господине!—и кельнеръ заговорилъ что-то по сербски.

— Ну, довольно, довольно... Понялъ — и уходи! махнулъ ему Николай Ивановичъ.

Черезъ часъ Николай Ивановичъ и разряженная Глафира Семеновна сходили по лѣстницѣ въ подъѣздъ, у котораго ихъ ждалъ экипажъ.

XII.

Помози Богъ!—раскланялся швейцаръ съ постояльцами.

— Добро ютро!—робко произнесъ малецъ въ опанкахъ, который былъ въ подъѣздѣ около швейцара.

Затѣмъ швейцаръ попросилъ у Николая Ивановича на нѣмецкомъ языкѣ дать ему визитную карточку, дабы съ нея выставить его фамилію на доскѣ съ именами постояльцевъ. Николай Ивановичъ далъ.

— Никола Ивановичъ Ивановъ, прочелъ вслухъ швейцаръ и спросилъ:—Экселенцъ? (То есть: превосходительство)?

— Какое!—махнулъ рукой Николай Ивановичъ.— Простой русскій человѣкъ.

— Эфенди?—допытывался швейцаръ.—Официръ? Съ Петроградъ?

— Ну, пусть буду эфенди съ Петроградъ.

Экипажъ, который ждалъ супруговъ у подъѣзда, былъ та же самая карета, въ которой они пріѣхали въ гостинницу со станціи, на козлахъ сидѣла таже баранья шапка въ длинныхъ усахъ, которая вчера такъ долго спорила съ Николаемъ Ивановичемъ, не принимая русскаго рубля. Увидавъ карету и возницу, супруги замахали руками и не хотѣли въ нее садиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что это за экипажъ! Неужто вы не могли лучше-то намъ припасти!—закричалъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ швейцару.—И наконецъ, намъ нужно фаэтонъ, а не карету. Мы ѣдемъ смотрѣть городъ. Что мы увидимъ изъ кареты? Приведи другой экипажъ.

— Не ма другой.

— Какъ: не ма? Намъ нуженъ открытый экипажъ, фаэтонъ.

— Будетъ фаэтонъ,—сказалъ возница, слыша разговоръ, соскочилъ съ козелъ и сталъ превращать карету въ фаэтонъ, такъ какъ она изображала изъ себя ландо, въ нѣсколькихъ мѣстахъ связанное по шарнирамъ веревками. Онъ вынулъ ножъ, перерѣзалъ веревки и сталъ откидывать верхъ.

— Добре буде. Изволите сѣсти,—сказалъ онъ наконецъ, сдѣлавъ экипажъ открытымъ.

Супруги посмотрѣли направо и налѣво по улицѣ,

экипажа другого не было, и пришлось садиться въ этотъ.

Экипажъ помчался, дребезжа гайками и стеклами.

— Куда возити? обратился къ супругамъ извощикъ.

— Семо и овамо, отвѣчалъ Николай Ивановичъ, припоминая старо-славянскія слова и приспособляясь къ мѣстному языку.—Смотрѣть градъ... Градъ вашъ видити... улицы, дворецъ.

— Градъ возити? Добре, господине.

Проѣхали одну улицу, другую—пусто. Кой-гдѣ виднѣется пѣшеходъ, рѣдко два. Женщинъ еще того меньше. Прошелъ офицеръ въ сѣро-синемъ пальто и такой-же шапочкѣ-скуфейкѣ, гремя кавалерійской саблей—совсѣмъ австріецъ и даже монокль въ глазу на излюбленный австрійскій кавалерійскій манеръ. Онъ посмотрѣлъ на Глафиру Семеновну и улыбнулся.

— Чего онъ зубы скалитъ? спросила та мужа.

— Душечка, у тебя ужъ крылья очень велики на новой шляпкѣ—вотъ онъ должно быть...

— Да вѣдь это послѣдній фасонъ изъ Вѣны.

— Все-таки, велики. Ты знаешь, въ карету ты и не влѣзла въ этой шляпкѣ. Вѣдь каланча какая-то съ крыльями и флагами у тебя на головѣ.

— Выдумайте еще что-нибудь!

Въѣхали въ улицу съ магазинами въ домахъ. На окнахъ—матеріи, ковры, шляпки, мужскія шляпы и готовое платье, но ни входящихъ, ни выходящихъ изъ лавокъ не видать. Прошла черезъ улицу баба,

совсѣмъ наша русская баба въ ситцевомъ платкѣ на головѣ и въ ситцевомъ кубовомъ платьѣ. Она несла на плечѣ палку, а на концахъ палки были глиняные кувшины съ узкими горлами, привязанные на веревкахъ. Прошелъ взводъ солдатъ, попался одинъ единственный экипажъ, еще болѣе убогій, чѣмъ тотъ, въ которомъ сидѣли супруги.

— Вотъ тебѣ и маленькая Вѣна! Очень похожа! иронически восклицала Глафира Семеновна.—Гдѣже наконецъ дамы-то? Мы еще не видѣли ни одной порядочной дамы.

— А вонъ на верху въ окнѣ дама подолъ у юбки вытряхаетъ, указалъ Николай Ивановичъ.

Дѣйствительно, во второмъ этажѣ выбѣленнаго известкой каменнаго дома стояла у окна, очевидно, „собарица“ и вытрясала выставленный на улицу пыльный подолъ женскаго платья. Немного подальше другая такая-же „собарица“ вывѣшивала за окно дѣтскій тюфякъ съ большимъ мокрымъ пятномъ посрединѣ.

Выѣхали на бульваръ. Стали попадаться дома съ лѣпной отдѣлкой и выкрашенные не въ одну только бѣлую краску. Зданія стали выше. Прошмыгнулъ вагонъ электрической конки, но на половину пустой.

— Какая это улица? Какъ она называется? спросилъ Николай Ивановичъ у извощика.

— Княже Михаила, а тамо Теразія улица... отвѣчалъ извощикъ, указывая на продолженіе улицы.

Улица эта со своими зданіями дѣйствительно

смахивала немножко на Вѣну въ миніатюрѣ, если не обращать вниманія на малолюдность, и Глафира Семеновна сказала:

— Вотъ эту-то мѣстность, должно быть, нашъ сербскій брюнетъ и называлъ маленькой Вѣной.

Показалась площадь съ большимъ зданіемъ.

— Университетъ, указалъ извощикъ.

Ѣхали далѣе. Показалось двухъ-этажное красивое зданіе съ тремя куполами, стояли будки и ходили часовые.

— Кралевъ конакъ, отрекомендовалъ опять извощикъ.

— Конакъ—это дворецъ! Королевскій дворецъ, пояснилъ женѣ Николай Ивановичъ и спросилъ возницу:—Здѣсь и живетъ король?

— Не... Овзде краль. Малы конакъ,—указалъ онъ на другое зданіе, рядомъ.

— Вотъ видишь, у нихъ два дворца—большой и малый. Король живетъ въ маломъ, сказалъ Николай Ивановичъ и указалъ на слѣдующее зданіе, спросивъ возницу:—А это что?

— Кролевско министерство, былъ отвѣтъ.

— Дама, дама идетъ! Даже двѣ дамы! воскликнула Глафира Семеновна, указывая на идущихъ имъ на встрѣчу дамъ.—Ну, вотъ посмотри на нихъ. Развѣ у нихъ перья на шляпкахъ ниже моихъ? спросила она.

— Да, тоже двухъэтажныя, но у тебя все-таки выше. У тебя какой-то мезонинъ еще сверху.

— Дуракъ, обидѣлась Глафира Семеновна.—Не

понимаешь женскихъ модъ. Слушайте, извощикъ, свезите насъ теперь посмотрѣть Дунай. Понимаете: рѣка Дунай. Такъ по вашему она зовется, что-ли? обратилась она къ возницѣ.

— Есте, есте. Найпріе (т. е. прежде) треба твердыня пазити (т. е. крѣпость смотрѣть), отвѣчалъ тотъ.

— Ну, твердыню, такъ твердыню, сказалъ Николай Ивановичъ, понявъ, что твердыня крѣпость, и прибавилъ:—Слова-то у нихъ... Только вдуматься надо—и сейчасъ поймешь...

Возница погналъ лошадей. Экипажъ понесся въ гору и опять сталъ спускаться. Стали попадаться совсѣмъ развалившіеся домишки, иногда просто мазанки. У нѣкоторыхъ домишекъ прямо не хватало сбоку одной стѣны, то тамъ, то сямъ попадались заколоченныя досками окна. Въ болѣе сносныхъ домишкахъ были кофейни съ вывѣсками, гласящими „Кафана“. Надъ дверями висѣли колбасы, попадались цирульни, въ отворенныя двери которыхъ были видны цирульники, бреющіе подбородки черноусыхъ субъектовъ. Народу стало попадаться по пути больше, но все это былъ простой народъ въ опанкахъ и бараньихъ шапкахъ, бабы въ ситцевыхъ платкахъ. То тамъ, то сямъ мелькали лавченки ремесленниковъ, тутъ-же на порогахъ своихъ лавченокъ занимающихся своимъ ремесломъ. Вотъ на ржавой вывѣскѣ изображены ножницы и надпись „Терзія“ (т. е. портной), а на порогѣ сидитъ портной и ковыряетъ иглой какую-то матерію. Далѣе слесарь подпиливаетъ какой-то крюкъ.

— Стари турски градъ, отрекомендовалъ возница мѣстность.

— Старый турецкій городъ, пояснилъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Понимаю, понимаю. Неужто ужъ ты думаешь, что я меньше твоего понимаю по-сербски, отвѣчала та, сморщила носъ и прибавила:—А только и вонища-же здѣсь!

Дѣйствительно, на улицѣ была грязь непролазная и благоухала какъ помойная яма.

XIII.

— Има мнози турки здѣсь? спрашивалъ Николай Ивановичъ возницу, ломая языкъ и думая, что онъ говоритъ по-сербски.

— Мало, господине. Свагдзе (т. е вездѣ) србски народъ. Стари турксли градъ.

— Теперь мало турокъ. Это старый турецкій городъ, опять пояснилъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Пожалуйста не объясняй. Все понимаю, отвѣчала та.—Вотъ еще какой профессоръ сербскаго языка выискался!

Начали снова подниматься въ гору. Поперекъ стояла крѣпостная стѣна, начинающая уже сильно разрушаться. Проѣхали ворота съ турецкой надписью надъ ними, оставшейся еще отъ прежняго турец-

каго владычества. Стали появляться солдаты, мелкіе, плохо выправленные. Они съ любопытствомъ смотрѣли на экипажъ, очевидно, бывающій здѣсь рѣдкимъ гостемъ. Опять полуразрушенныя стѣны, небольшой домикъ съ гауптвахтой. На крѣпостныхъ стѣнахъ виднѣлось еще кое-гдѣ забытое изображеніе луны. Опять проѣхали крѣпостныя ворота. Около стѣнъ вездѣ валяется щебень. А вотъ оврагъ и свалка мусору. Виднѣются черепки битой посуды, куски жести, изломанныя коробки изъ-подъ чего-то, тряпки, стоптанный башмакъ. Дорога шла въ гору террасами. Наконецъ открылся великолѣпный видъ на двѣ рѣки.

— Сава... Дунай... указалъ возница на впадающую въ Дунай Саву.

— „На Саву, на Драву, на Синій Дунай", сказалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Это въ какой-то пѣснѣ поется.

— Кажется, ты самъ сочинилъ эту пѣсню, усумнилась Глафира Семеновна.

— Ну, вотъ... Почему-же мнѣ рѣка Драва-то вспомнилась?

— Въ географіи училъ.

На Дунаѣ и на Савѣ виднѣлись мачтовыя суда и пароходы, стоявшіе на якоряхъ, но движенія на нихъ и около нихъ, по случаю ранней еще весны, замѣтно не было.

Стали подниматься еще выше. Показались казармы, затѣмъ еще зданіе.

— Госпиталь, пояснилъ возница.—Ключъ, кла-

денацъ (т. е. колодезь), указалъ онъ на третье облупившееся и обсыпавшееся зданьице.

Проѣхали еще. Стояла часовня.

— Русьица црква... сказалъ опять возница.

— Какъ: русская? воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Глаша! Русская церковь. Зайдемъ посмотрѣть?

Но Глафира Семеновна ничего не отвѣтила. Ей не нравилось, что мужъ по прежнему продолжаетъ переводить сербскія слова.

На пути была башня „Небойся". Возница и на нее указалъ, назвавъ ее.

— Такъ она и называется—Не бойся? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Есте, господине.

— Отчего такъ называется? Почему? Зачѣмъ?

Возница понялъ вопросы и сталъ объяснять по-сербски, но супруги ничего не поняли. Глафира Семеновна тотчасъ-же уязвила мужа и спросила:

— Профессоръ сербскаго языка, все понялъ?

— Нѣтъ. Но вольно-жъ ему такъ тараторить, словно орѣхи на тарелку сыплетъ. Все-таки, я тебѣ скажу, онъ хорошій чичероне.

Достигнувъ верхней крѣпости, начали спускаться внизъ къ Дунаю.

— Ну, теперь пусть свезетъ въ мѣняльную лавку,—сказала Глафира Семеновна мужу.—Вѣдь у тебя сербскихъ денегъ нѣтъ. Надо размѣнять да пообѣдать гдѣ-нибудь въ ресторанѣ.

— Братушка! Въ мѣняльную лавку!—крикнулъ Николай Ивановичъ возницѣ.—Понялъ?

Тотъ молчалъ.

— Къ мѣнялѣ, гдѣ деньги мѣняютъ. Деньги... Неужели не понимаешь? Русски деньги—сербски деньги.

Въ поясненіе своихъ словъ Николай Ивановичъ вытащилъ трехрублевую бумажку и показалъ возницѣ.

— Вексельбуде... пояснила Глафира Семеновна понѣмецки.

— А Пара... Новце... (т. е. деньги). Сарафъ... (т. е. мѣняла). Добре, добре, господине,—догадался возница и погналъ лошадей.

Возвращались ужъ черезъ базаръ. Около лавченокъ и ларьковъ висѣли ободранныя туши барановъ, бродили куры, гуси, утки. По мѣрѣ надобсти ихъ ловили и тутъ-же рѣзали для покупателя. На базарѣ все-таки былъ народъ, но простой нанародъ, а интеллигентной, чистой публики, за исключеніемъ двухъ священниковъ, и здѣсь супруги никого не видали. Къ экипажу ихъ подскочила усатая фигура въ опанкахъ и въ бараньей шапкѣ и стала предлагать купить у нея пестрый сербскій коверъ. Подскочила и вторая шапка съ ковромъ, за ней третья.

— Не надо, не надо!—отмахивался отъ нихъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна смотрѣла на народъ на базарѣ и дивилась:

— Но гдѣ-же чистая-то публика! Вѣдь сидитъ-же она гдѣ-нибудь! Я только двухъ дамъ и видѣла на улицѣ.

Наконецъ, возница, остановился около лавки съ вывѣской: „Сарафъ“. Тутъ-же была и вторая вывѣска, гласившая: „Дуванъ“ (т. е. „табакъ“). На окнѣ лавки лежали австрійскіе кредитные билеты и между ними русская десятирублевка, а также коробки съ табакомъ, папиросами, мундштуки, нѣсколько карманныхъ часовъ, двѣ-три часовыя цѣпочки и блюдечко съ сербскими серебряными динаріями.

— Сафаръ, сафаръ!—твердилъ Николай Ивановичъ, выходя изъ экипажа.—Сафаръ. Вотъ какъ мѣняла-то по-сербски. . Надо запомнить.

Вышла и Глафира Семеновна. Они вошли въ лавочку. Запахло чеснокомъ. За прилавкомъ сидѣлъ среднихъ лѣтъ, черный какъ жукъ бородатый человѣкъ въ сѣромъ пиджакѣ и неимовѣрно грязныхъ рукавчикахъ сорочки и, держа въ глазу лупу, ковырялъ инструментомъ въ открытыхъ часахъ.

— Молимъ васъ мѣнять русски деньги,—началъ Николай Ивановичъ ломать русскій языкъ, обращаясь къ ковырявшему часы человѣку.

— Размѣнять русскія деньги? Сколько угодно. Люблю русскія деньги,—отвѣчалъ съ замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ чернобородый человѣкъ, вынимая изъ глаза лупу и поднимаясь со стула.— У васъ что: сторублеваго бумажка?

— Вы говорите по русски? Ахъ, какъ это пріятно! воскликнула Глафира Семеновна.—А то здѣсь такъ трудно, такъ трудно съ русскимъ языкомъ.

— Я говорю, мадамъ, по-русски, по-сербски, по-нѣмецки, по-болгарски, по-итальянски, по-турецки, по-французски, по-венгерски... поклонился мѣняла.—Даже и по-армянски...

— Ну, намъ и одного русскаго довольно, перебилъ его Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я на какова угодно языка могу... Я жилъ въ Одесса, жилъ въ Константинополь... Ривка! крикнулъ мѣняла въ комнату за лавкой, откуда слышался стукъ швейной машины.—Ривке! Давай сюда два стулъ! Хорошіе русскіе господа пріѣхали! Такъ вамъ размѣнять сторублеваго бумажку на сербская бумажки? Сегодня курсъ плохъ. Сегодня мы мало даемъ. Не въ счастливый день вы пріѣхали. А вотъ позвольте вамъ представить моя жена. По русскому: Софья Абрамовна, указалъ онъ на вышедшую изъ другой комнаты молодую, красивую, но съ грязной шеей женщину въ ситцевомъ помятомъ платьѣ и съ искусственной розой въ роскошныхъ черныхъ волосахъ.— Вотъ, Ривке, наши русскаго соотечественники изъ Одесса.

— Нѣтъ, мы изъ Петербурга, сказала Глафира Семеновна.

— Изъ Петербурга? О, еще того лучше!

Ривка поклонилась какъ институтка, сдѣлавъ

книксенъ, и стала просить присѣсть посѣтителей на стулья.

— Стало быть вы русскій подданный, что называете насъ своими соотечественниками? спросилъ Николай Ивановичъ, садясь и доставая изъ кармана бумажникъ.

— О, я былъ русскова подданный, но я уѣхалъ въ Стамбулъ, потомъ уѣхалъ въ Каиръ, потомъ уѣхалъ въ Вѣна... Я и самъ теперь не знаю, какой я подданный, отвѣчалъ мѣняла, улыбаясь.—Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, какой я подданный. Жена моя изъ Румынія, изъ Букарестъ, но говоритъ порусски. Ривке! Говори, душе моя, по русскому.

— Теперь въ Петербургѣ очень холодно? задала вопросъ Ривка.

— Да, когда мы недѣли полторы тому назадъ уѣхали изъ Петербурга, было десять градусовъ мороза, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и вынулъ изъ бумажника сотенную новенькую бумажку.

XIV.

Вамъ что же: серебромъ выдать, золотомъ или банковыми билетами? спросилъ мѣняла, любуясь на новую сторублевую бумажку.

Николай Ивановичъ замялся.

— Да куда-же все серебромъ-то? Это ужъ очень много будетъ. У меня и въ кошелекъ не влѣзетъ,

отвѣчалъ онъ.—Дайте золотомъ, серебромъ и билетами.

— А по скольку? Здѣсь въ Бѣлградѣ курсъ разный! На золото одинъ, на серебро другой, на кредитнаго билеты третій. Золотомъ даютъ сегодня за сто рублей 263½ динара, серебромъ 266, а билетами 270.

— Бери билетами и серебромъ. Вѣдь это-же выгоднѣе, сказала мужу Глафира Семеновна и спросила мѣнялу:—А билеты вездѣ берутъ?

— Вездѣ, вездѣ, мадамъ. Какъ въ Россіи ваши кредитные билеты вездѣ ходятъ отлично, такъ точно здѣсь билеты сербскаго банка. Рузамѣется, вамъ и билетами выгоднѣе платить. Я вамъ дамъ такъ: на десять рублей серебромъ, а на девяносто билетами, обратился мѣняла къ Николаю Ивановичу. И такъ, какъ вы мой соотечественникъ, то и серебро и билеты буду считать по 270 динаровъ за сто. Это я дѣлаю для того, что люблю русскихъ.

— Ну, давайте.

— Ѣданъ, два, три... началъ отсчитывать мѣняла, звеня серебряными динарами.—Седамъ, осамъ, деветъ... Ѣданаестъ, дванаестъ... тринаестъ... двадесять, двадесять и ѣданъ, двадесять и два... Тутъ вотъ есть съ маленькаго дырочки, но въ Сербіи и съ дырочки серебряные динары ходятъ, сказалъ онъ и, отсчитавъ серебро, полѣзъ въ ящикъ прилавка за билетами.

Вскорѣ сербскія деньги были отсчитаны. Мѣня-

ла далъ на два динара и цинковыхъ размѣнныхъ монетъ по двадцати, десяти и пяти пара, объяснивъ, что въ динарѣ содержится сто пара.

— Какъ во Франціи во франкѣ сто сантимовъ, сказала Глафира Семеновна.—Понимаемъ.

— Да вѣдь динаръ тотъ-же франкъ, но только сербскій. Здѣсь французскова система, кивнулъ мѣняла.—А теперь, если вы любитель старинныхъ монетъ, не желаете-ли вы купить у меня самаво рѣдкова монетъ отъ Бизанцъ?.. обратился онъ къ Николаю Ивановичу.—Есть отъ императоръ Теодосій, есть отъ Константинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. На кой онѣ мнѣ шутъ!

— Для своего русскаго соотечественникъ я дешево-бы продалъ.

— Богъ съ ними. Прощайте. Поѣдемъ, Глафира Семеновна, сталъ звать жену Николай Ивановичъ.

— Постойте трошечки, ваше превосходительство, удержалъ его еврей.—Тогда часы англійскова съ музыкой не хотите-ли купить?

— Не надо. Ничего не надо, махнулъ рукой Николай Ивановичъ.

— А то самый древній кадильница есть отъ Бизанцскій царства?

— Нѣтъ, нѣтъ. Не затѣмъ пріѣхали.

— Да вы посмотрите прежде. Такова кадильница въ парижскомъ музеумъ нѣтъ!

И еврей-мѣняла вытащилъ изъ-подъ прилавка какую-то рѣшетчатую серебряную чашку съ крышкой и съ изображеніемъ на ней креста.

— Спасибо, спасибо. Мы пріѣхали не покупать, а погулять. Пойдемъ, Глаша!

Николай Ивановичъ направился къ двери.

— Но вы посмотрите хоть, каково у меня перстень есть съ большого аметистъ отъ царь Палеологъ, загородилъ ему дорогу еврей-мѣняла.

— Спасибо, спасибо. Мы путешественники, а не собиратели рѣдкостей.

— Тогда, можетъ быть, для мадамъ сшить чего не надо-ли? Моево жена портниха и по послѣднево парижскаво мода шьетъ. Ривке! Да что-же ты стоишь! Покажи благороднова дамѣ своя работа,—крикнулъ еврей-мѣняла на свою жену.

Та бросилась было въ комнату за лавкой, но Глафира Семеновна крикнула ей:

— Не трудитесь показывать! Я всѣ наряды въ Вѣнѣ для себя закупила.

Супруги вышли на улицу къ экипажу. Еврей-мѣняла выскочилъ за ними, усадилъ ихъ въ экипажъ и сталъ разспрашивать о чемъ-то возницу по-сербски.

— Трогай! крикнулъ Николай Ивановичъ возницѣ.—Айда!

Лошади помчались. Еврей-мѣняла покачалъ головой и крикнулъ:

— Ай, какова вы экономный генералъ!

При словѣ генералъ Николай Ивановичъ самодовольно улыбнулся.

— Вотъ неотвязчивый-то жидюга!—сказалъ онъ женѣ.—А удивительное дѣло, Глаша, что за грани-

цей меня многіе за генерала принимаютъ. Должно быть моя физіономія...

— Брось... махнула ему рукой Глафира Семеновна.—Ты видишь, что еврей тебѣ льститъ, въ душу влѣзаетъ, а ты ужъ сейчасъ и за настоящую монету принимаешь. Ну, однако, я ѣсть хочу. Надо отыскать какой-нибудь ресторанъ, перемѣнила она разговоръ.

— Да и у меня въ животѣ словно кто на контрбасѣ играетъ, отвѣчалъ супругъ и приказалъ возницѣ:—Братушка! Теперь вези насъ въ ресторанъ. Но чтобы добре ресторанъ, самый добре... Понимаешь?

— Есте, есте, господине. Добре гостіоница треба, отвѣчалъ возница, погоняя лошадей.

Проѣхавъ двѣ улицы, Глафира Семеновна увидала еще двухъ нарядно одѣтыхъ дамъ и дѣвочку и раскритиковала ихъ накидки, будто-бы ужъ старомодныя. Наконецъ, возница завернулъ за уголъ и остановилъ лошадей около бѣлаго каменнаго дома.

— Эво гостіоница... сказалъ онъ.

Въ окнахъ нижняго этажа виднѣлись сидѣвшіе за столами усатые и бородатые мужчины.

— Смотри, братушка, добре-ли этотъ ресторанъ? проговорилъ Николай Ивановичъ возницѣ.

— Наиболій (т. е. лучшій) ресторанъ, господине. Излазти (т. е. входите).

Супруги вышли изъ экипажа и вошли въ ресторанъ.

Ресторанъ представлялъ изъ себя большую комнату со стойкой, за которой стоялъ совсѣмъ бѣлокурый человѣкъ съ рѣденькой бородкой и представлялъ изъ себя рѣзкій контрастъ съ сидящими за столиками смуглыми и черноволосыми, какъ вороново крыло, мужчинами. На стойкѣ стояли двѣ запыленныя искусственныя пальмы въ горшкахъ, а среди нихъ помѣщалась группа бутылокъ, лежали на тарелкахъ оливки и копченая рыба, а также стоялъ пивной боченокъ на подставкахъ, окруженный пивными стаканами. Накурено было до невозможности. Въ сторонѣ помѣщался французскій бильярдъ безъ лузъ и два человѣка, одинъ коротенькій въ гороховомъ пиджакѣ, а другой длинный въ сѣромъ пиджакѣ, играли на немъ карамбольную партію. Мужчины за столиками больше пили пиво или сидѣли за маленькими чашками кофе, чѣмъ ѣли. За двумя столами играли въ карты.

— Да это портерная какая-то, сказала Глафира Семеновна и остановилась, не зная, идти-ли дальше, но къ супругамъ подскочилъ бѣлокурый человѣкъ, выскочившій изъ-за стойки, и заговорилъ по-нѣмецки:

— Битте, мадамъ, битте, мейнъ герръ... (т. е. пожалуйте, пожалуйте).

— Дасъ истъ ресторанъ? спросила Глафира Семеновна.

— О, я, мадамъ, о, я... Битте...

— Ессенъ-то гутъ здѣсь? въ свою очередь за-

далъ вопросъ Николай Ивановичъ, мѣшая русскія и нѣмецкія слова.

— Аллесъ васъ нуръ иненъ гефелигъ... (т. е. все, что вамъ угодно).

И бѣлокурый человѣкъ сталъ усаживать супруговъ за столикъ.

— Митагъ-то есть у васъ? Хабензи? сказалъ бѣлокурому человѣку Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не стану я ѣсть митагъ (т. е. обѣдъ), перебила его Глафира Семеновна и отдала приказъ:—Бульонъ и бифштекъ...

— О, я, мадамъ, поклонился блондинъ.

— Ну, а я съѣмъ чего-нибудь эдакаго сербскаго, посербистѣе, проговорилъ Николай Ивановичъ.—Надо-же сербскую кухню попробовать. Гебензи карте.

Блондинъ придвинулъ ему карту и отошелъ къ себѣ за стойку, приставивъ къ супругамъ черномазаго слугу въ свѣтломъ запятнанномъ пиджакѣ и въ зеленомъ калинкоровомъ передникѣ.

Николай Ивановичъ сталъ разсматривать карточку, какъ вдругъ надъ его ухомъ раздался возгласъ:

— Сретьянъ данъ (т. е. добрый день)! Велику радость има видѣть васъ, господине и мадамъ.

Передъ супругами стоялъ брюнетъ въ очкахъ, сосѣдъ ихъ по вагону, и улыбался, скаля бѣлые зубы.

XV.

Супруги привѣтствовали, въ свою очередь, брюнета въ очкахъ. Онъ подсѣлъ къ ихъ столику и началъ разспрашивать, довольны-ли они Бѣлградомъ, гостинницей, гдѣ остановились.

— Ничего, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—На нашъ Ярославль вашъ Бѣлградъ смахиваетъ, только тамъ все-таки оживленнѣе на улицахъ.

— На Ярославль? Гмъ, гмъ... какъ-бы обидѣлся брюнетъ и поправилъ золотыя очки на глазахъ.

— Да, да,—подхватила Глафира Семеновна.— А вы намъ сказали, что Бѣлградъ—маленькая Вѣна. Вотъ ужъ на Вѣну-то нисколько не похожъ. Скажите, и отчего такъ мало публики на улицахъ? Чистой публики... Въ особенности дамъ, спросила она брюнета.

— Мало публикумъ? О, это простой день. Данаске петокъ (т. е. сегодня пятница), а молимъ васъ посмотрѣть, сколько публикумъ въ праздникъ, въ неджеля (т. е. въ воскресенье)!

— Но дамъ, дамъ отчего на улицахъ совсѣмъ не видать—вотъ что насъ удивляетъ, сказалъ Николай Ивановичъ.

— О, наши дамы... Какъ это по-русски? Наши дамы—добри хозяйки. Наши дамы съ свои дѣти... разсказывалъ брюнетъ, мѣшая русскія и сербскія

слова и ломая послѣднія умышленно, будто бы для удобопонятности.

Тоже дѣлалъ и Николай Ивановичъ.

— Однако, что-же я обѣдать-то себѣ не закажу! спохватился онъ.—Вотъ что, господинъ, братъ славянинъ, обратился онъ къ брюнету въ очкахъ.— Молимъ васъ, скажите, какое-бы мнѣ сербское кушанье себѣ заказать? Только такое, чтобы оно было самое сербское.

— Србски? Есте, есте. Это листья отъ грозде съ фаршъ отъ овечье мясо и соусъ отъ лукъ.

— Это значитъ, виноградные листья съ бараньимъ фаршемъ. Грозде—виноградъ.

— Есте, есте. Се... указалъ брюнетъ на кушанье, значащееся въ картѣ.

— Добре, добре... Такъ вотъ мы и закажемъ. Кельнеръ! Два бульонъ, два бифштексъ и одну порцію вотъ этого сербскаго добра. Тащи! отдалъ Николай Ивановичъ приказъ стоявшему около него слугѣ въ зеленомъ передникѣ и тотчасъ-же ринувшемуся исполнять требуемое.—А вино? Есте какое нибудь сербское вино? спросилъ онъ брюнета въ очкахъ.

— Есте, есте. Неготинско чермно вино.

— Неготинско? Ладно. Это самый лучшій сербско вино?

— Есте, есте. Наиболій вино, добро вино.

— Кельнеръ! Бутылку неготинскаго! приказалъ Николай Ивановичъ другому слугѣ.

Появилось вино, появился бульонъ. Николай

Ивановичъ налилъ вина въ три стакана, чокнулся со стаканомъ брюнета, отпилъ изъ своего стакана и поморщился.

— Отчего это такой чернильный вкусъ? Словно чернила, спросилъ онъ брюнета и сталъ смотрѣть вино на свѣтъ.—И такое же темное, какъ чернила.

Брюнетъ не понялъ вопроса и отвѣчалъ, смакуя вино:

— Добро чермно (т. е. красное) вино! Добро... Наиболiй вино.

— Ну, не скажу. По нашему это скуловоротъ, а не вино.

— Како?

— Скуловоротъ. А какъ это по вашему, по-сербски—не умѣю перевести.

Морщилась и Глафира Семеновна, скушавши двѣ ложки бульона.

— Ну, и бульонъ тоже стоитъ вина! сказала она.—Сальный какой-то... будто тоже изъ овечьяго мяса сваренъ.

— Есте, есте. Съ овечье месо, кивнулъ брюнетъ.

— Да что вы! Кто-же изъ баранины бульонъ варитъ! То-то я чувствую, что свѣчнымъ саломъ пахнетъ, сказала Глафира Семеновна и отодвинула отъ себя бульонъ.—Скажите, неужели это самый лучшiй ресторанъ? Мы просили извощика привезти насъ въ самый лучшiй, спросила она брюнета.—Добре этотъ ресторанъ?

— Наиболiй (т. е. лучшiй) нѣмскiй ресторанъ, кивнулъ брюнетъ.

— Нѣмецкій, а такой плохой пожала плечами Глафира Семеновна.—Такъ какая-же это маленькая Вѣна! Развѣ въ Вѣнѣ такъ кормятъ!

— Ну, на безрыбьи и ракъ рыба, ободрялъ жену Николай Ивановичъ, съѣвшій всю свою порцію бульона.—И изъ овечьяго мяса бульонъ для разнообразія поѣсть не дурно. Пріѣдемъ въ Петербургъ, такъ будемъ разсказывать, что ѣли въ Сербіи бульонъ изъ овечьяго мяса.

И онъ придвинулъ къ себѣ порцію бифштекса. Придвинула и Глафира Семеновна, отрѣзала кусочекъ и понюхала.

— Деревяннымъ масломъ что-то припахиваетъ, сказала она и, положивъ въ ротъ кусочекъ, стала жевать.—Положительно деревянное масло.

— И я слышу, отозвался Николай Ивановичъ, уничтожившій уже половину бифштекса.—Но это ничего. Въ Неаполѣ вѣдь мы завѣдомо ѣли-же бифштексы на прованскомъ маслѣ.

— Такъ то на прованскемъ, а это на деревянномъ.

Глафира Семеновна отодвинула отъ себя бифштексъ.

— Братъ славянинъ! Оливковое это масло? Елей? Изъ оливокъ елей? спросилъ Николай Ивановичъ брюнета.

— Олива, олива... Есте... отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вотъ видишь... Кушай... Вѣдь и деревянное масло изъ оливокъ, только похуже сортъ. Кушай... Это не вредно.

— Самъ жри, а я не могу... отчеканила жена и стала кушать бѣлый хлѣбъ, запивая его глоточками неготинскаго вина.—Завезли въ такое государство, гдѣ можно съ голоду померетъ, прибавила она и приказала подать себѣ кофе со сливками.

Николай Ивановичъ, между тѣмъ, ѣлъ поданный ему бараній фаршъ въ виноградныхъ листьяхъ, жевалъ, морщился и силился проглотить.

— И охота тебѣ всякую дрянь ѣсть! сказала ему Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, оно не совсѣмъ дрянь, а только ужъ очень перечно. Весь ротъ спалило. Очень ужъ что-нибудь туда ядовитое намѣшано.

Онъ проглотилъ, наконецъ, кусокъ и вытаращилъ глаза, открывъ ротъ.

— Добре? спрашивалъ его брюнетъ, улыбаясь.

— Добре-то добре, только ужъ очень пронзительно. Что здѣсь имо, братъ-славянинъ? спросилъ Николай Ивановичъ, указывая на колобокъ, завернутый въ виноградный листъ, оставшійся на тарелкѣ.

— Биберъ (т. е. перецъ), паприка... Добры биберъ...

Второго колобка Николай Ивановичъ уже не сталъ ѣсть и тоже спросилъ себѣ чашку кофе.

— Ну, все-таки, настоящаго сербскаго блюда попробовалъ, хотя и опалилъ себѣ ротъ, сказалъ онъ себѣ въ утѣшеніе.—Зато ужъ самая, что ни на есть, славянская ѣда!

За питьемъ кофе супруга стала разспрашивать

брюнета въ очкахъ, есть-ли въ Бѣлградѣ какія-нибудь увеселенія, но оказалось, что никакихъ. Театръ имѣется, но труппа въ немъ играетъ только зимой наѣздомъ. Есть концертный залъ, но концертовъ ни сегодня, ни завтра въ немъ нѣтъ. Есть какой-то кафешантанъ, но брюнетъ, назвавъ его, тотчасъ-же предупредилъ, что дамы туда не ходятъ.

— Такъ что-же мы здѣсь дѣлать-то будемъ? сказала Глафира Семеновна.—Знаешь что, Николай? Расплачивайся за прекрасную ѣду, поѣдемъ сейчасъ посмотрѣть двѣ-три здѣшнія церкви и, если можно, сегодня вечеромъ, то сегодня-же и покатимъ дальше.

— Да пожалуй... согласился мужъ.—Меня и самого этотъ Бѣлградъ что-то не особенно интересуетъ. Пустынный городъ. Теперь въ Софію. Къ другимъ братушкамъ.

— Поѣдемъ, поѣдемъ... Здѣсь съ голоду помрешь. Нельзя-же только однимъ кофеемъ съ булками питаться. Авось, у болгаръ въ Софіи лучше и сытнѣе. А здѣсь только одно овечье мясо. Помѣшались на овечьемъ мясѣ.

Супруги начали разспрашивать брюнета, когда отходитъ поѣздъ въ Софію. Оказалось, что поѣздъ, направляющійся въ Софію и въ Константинополь, проходитъ только одинъ разъ въ день черезъ Бѣлградъ, именно въ тѣ вечерніе часы, когда супруги вчера сюда пріѣхали.

— Тогда сегодня вечеромъ и уѣдемъ! еще разъ

подтвердила Глафира Семеновна, и до того обрадовалась, что она сегодня уѣдетъ изъ Бѣлграда, что даже просіяла.—А теперь возьми мнѣ, Николай, пятокъ апельсиновъ, указала она на апельсины на буфетѣ. Будемъ ѣздить по городу, такъ я съѣмъ парочку въ экипажѣ. Не передъ кѣмъ тутъ церемониться на улицѣ. Дайте сюда апельсиновъ! крикнула она слугѣ по-русски.

— Портогало! перевелъ слугѣ брюнетъ.

— Портогало апельсины-то по-сербски. Надо запомнить. Ты запиши, Глаша, сказалъ Николай Ивановичъ и сталъ разсчитываться съ слугой, подавшимъ тарелку съ апельсинами, за все съѣденное и выпитое.

XVI.

Было подъ вечеръ. Осмотрѣвъ немногочисленные храмы Бѣлграда и не найдя въ нихъ ни особенныхъ древностей, ни великолѣпія, присущаго даже нѣкоторымъ русскимъ богатымъ сельскимъ церквамъ, супруги Ивановы возвратились къ себѣ въ гостинницу, но лишь только стали подниматься по лѣстницѣ домой, какъ на площадкѣ столкнулись съ евреемъ-мѣнялой. На двухъ, имѣющихся на площадкѣ, стульяхъ мѣняла расположился съ какимъ-то линючимъ тряпьемъ и, вытащивъ изъ кучи что-то рыжевато-красное, по-

трясъ имъ передъ Николаемъ Ивановичемъ и воскликнулъ:

— Самаво древняго желетка отъ самаго древняго сербскій царь! Отъ девятой столѣтій! Купите, ваше превосходительство!

— Ничего намъ не надо! Ничего. Пропустите пожалуйста! оттолкнулъ его тотъ, проходя въ корридоръ гостинницы, но еврей бѣжалъ за нимъ сзади, совалъ Глафирѣ Семеновнѣ въ руки кинжалъ въ бархатныхъ ножнахъ и предлагалъ:

— Купите, мадамъ, супругу для кабинетъ! Дамаскова сталь ятаганъ отъ янычаръ. Янычарскаго кинжалъ—и всего только сорокъ динаровъ бумажками.

— Зачѣмъ намъ такая дрянь? Этой дряни у насъ и въ Петербургѣ на толкучкѣ много, сказала Глафира Семеновна, сторонясь отъ еврея и вошла въ отворенную мужемъ дверь своего номера.— Вотъ неотвязчивый-то! Сюда прилѣзъ, прибавила она.

А еврей кричалъ изъ-за двери:

— Таково янычарсково кинжалъ въ Петербургѣ на толкучкѣ? Пхе... Пріѣдутъ господа англичане — мнѣ сто динаровъ дадутъ, но я хотѣлъ услужить для хорошего русскаго соотечественникъ. Мадамъ! хотите самова лучшаго турчанскій головной уборъ?

Супруги ничего не отвѣчали, и еврей умолкъ.

— Какъ онъ могъ узнать, гдѣ мы остановились? удивлялся Николай Ивановичъ.—Вѣдь мы не говорили ему своего адреса.

— А у извощика. Помнишь, онъ вышелъ насъ провожать на улицу и сталъ что-то по-сербски разспрашивать извощика, отвѣчала Глафира Семеновна.—Ну, надо укладываться, сказала она, снимая съ себя пальто и шляпку.—И для кого я наряжалась сегодня, спрашивается? Кто меня видѣлъ? Нѣтъ, я отъ братьевъ-славянъ уѣзжаю съ радостью. Совсѣмъ я разочарована въ нихъ. Ни сами они не интересны и ничего интереснаго у нихъ нѣтъ.

— А вотъ болгары, можетъ быть, будутъ интереснѣе сербовъ. Вѣдь въ сущности настоящіе-то намъ братья тѣ, а не эти. Эти больше какъ-то къ нѣмцамъ льнутъ. Почти всѣ они знаютъ нѣмецкій языкъ, мебель и постели у нихъ на вѣнскій нѣмецкій манеръ, указалъ Николай Ивановичъ на обстановку въ комнатѣ.—И даже давишній самый лучшій ихъ ресторанъ нѣмецкій. Вѣдь бѣлобрысый-то давишній буфетчикъ, что за стойкой стоялъ, нѣмецъ.—Нѣтъ, я увѣренъ, что болгары будутъ совсѣмъ на другой покрой.

— Ну, прощай Бѣлградъ!

Глафира Семеновна сняла съ себя шелковое платье и принялась его укладывать въ дорожный сундукъ. Николай Ивановичъ, помня наставленіе звонить три раза, чтобы вызвать кельнера и потребовать отъ него счетъ, позвонилъ три раза, но явилась косматая „собарица“.

— А гдѣ-же кельнеръ вашъ? Я три раза звонилъ, спросилъ онъ.—Ну, да все равно. Счетъ намъ, умница, мы уѣзжаемъ часа черезъ два.

„Собарица“ таращила глаза и не понимала.

— Счетъ, счетъ... повторилъ Николай Ивановичъ, показывая на ладони, какъ пишутъ.—Счетъ за соба (т. е. комната), за ѣду, за чай, за кофе... Поняла?

— А! Мастило и перо! Добре, господине, кивнула она, убѣгая за дверь и черезъ минуту явилась съ чернильницей и перомъ.

— Да развѣ я у тебя это спрашивалъ? Ступай вонъ! крикнулъ Николай Ивановичъ на „сабарицу“ и отправился внизъ къ швейцару за счетомъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ явился, потрясая листикомъ бумажки.

— Рачунъ—вотъ какъ счетъ называется по-сербски, проговорилъ онъ, показывая женѣ.—Вотъ тутъ напечатано.

— Ну, что, сильно ограбили? спросила жена.

— Нѣтъ, ничего. За свѣчи и лампу два динара поставили, за вчерашнюю ѣду и чай восемь динаровъ, а за прислугу и постели ничего не поставили.

— Еще-бы за эдакую прислугу да что нибудь ставить!

— Но зато за отопленіе цѣлый динаръ поставленъ.

— Какъ за отопленіе? Мы даже и не топили.

— А давеча утромъ-то малецъ въ опанкахъ связку дровъ притащилъ—вотъ за это и поставлено. „Ложенье“ по ихнему. Тутъ въ счетѣ по-сербски и по-нѣмецки. „Хицунгъ—ложенье“. Ну, да чертъ съ ними! Только-бы поскорѣе выбраться

отсюда. Я черезъ часъ заказалъ карету. Поѣдемъ на желѣзную дорогу пораньше и поужинаемъ тамъ въ буфетѣ. Авось, хоть въ желѣзнодорожномъ-то буфетѣ насъ получше покормятъ!

Поѣздъ, отправляющійся въ Софію и Константинополь, приходилъ въ Бѣлградъ въ девять часовъ съ половиной, а супруги въ семь часовъ уѣзжали ужъ на желѣзную дорогу. Вытаскивать въ карету ихъ багажъ явился весь штатъ гостинничной прислуги и, что удивительно, даже тотъ „кельнеръ“, котораго Николай Ивановичъ не могъ къ себѣ дозвониться, суетился на этотъ разъ больше всѣхъ. Онъ оттолкнулъ „собарицу“ отъ Глафиры Семеновны, сталъ ей надѣвать калоши, вырвалъ изъ рукъ у Николая Ивановича трость и зонтикъ и потащилъ ихъ съ лѣстницы. Карета была та-же, что вчера и сегодня днемъ, на козлахъ сидѣлъ тотъ же длинноусый возница въ бараньей шапкѣ. Прислуга отъ усердія буквально впихивала супруговъ въ карету. Наконецъ, всѣ протянули руки пригоршнями и стали просить бакшишъ. Виднѣлись съ протянутыми руками лица, совершенно незнакомыя супругамъ. Николай Ивановичъ, намѣнявшій уже въ дорогу никелевыхъ монетокъ по десяти пара, сталъ раздавать по три, четыре монетки въ руку, а швейцару сунулъ динаръ, за что тотъ наградилъ его превосходительствомъ, сказавъ:

— Захвалюемъ, екселенцъ!

— Гайда! крикнулъ возницѣ кельнеръ, когда раздача кончилась, и лошади помчались.

Карета ѣхала по знакомымъ со вчерашняго дня улицамъ. Было всего только семь часовъ, а ужъ магазины и лавки были всѣ заперты. Въ окнахъ обывательскихъ домовъ была почти повсюду темнота и только открытыя кафаны (т. е. кофейни) свѣтились огнями.

Вотъ и станція желѣзной дороги. Карета остановилась. Дверцу ея отворили и передъ супругами предсталъ носатый полицейскій войникъ, сопровождавшій ихъ вчера на козлахъ отъ станціи до гостинницы.

— Помози Богъ! привѣтствовалъ онъ ихъ, улыбаясь, и протянулъ въ карету руки за багажомъ.

XVII.

Полицейскій войникъ перетащилъ весь ручной багажъ супруговъ Ивановыхъ изъ кареты, и супруги въ ожиданіи поѣзда расположились въ станціонномъ буфетѣ за однимъ изъ столиковъ. Помѣщеніе буфета было очень приличное, на европейскій манеръ, отдѣланное по стѣнамъ рѣзнымъ дубомъ. На стойкѣ были выставлены закуски, состоявшія изъ консервовъ въ жестянкахъ, сыръ, ветчина; но въ горячихъ блюдахъ, когда супруги захотѣли поужинать, оказался тотъ-же недостатокъ, что и вчера въ гостинницѣ Престо-

лонаслѣдника. Кельнеръ въ гороховаго цвѣта пиджакѣ и въ гарусномъ шарфѣ на шеѣ представилъ карту съ длиннѣйшимъ перечнемъ кушаній, но изъ горячаго можно было получить только овечье мясо съ рисомъ, да сосиськи, чѣмъ и пришлось воспользоваться. Овечье мясо, впрочемъ, было не подогрѣтое, свѣже изжаренное и въ мѣру приправлено чеснокомъ.

Желѣзнодорожный буфетъ былъ почти пустъ, пока супруги ужинали. Только за однимъ еще столикомъ сидѣли два бородача и усачъ и пили пиво. Усачъ былъ хозяинъ буфета. Онъ оказался сносно говорящимъ по-русски и, когда супруги Ивановы поужинали, подошелъ къ нимъ и справился, куда они ѣдутъ.

— Ахъ, вы говорите по-русски? обрадовался Николай Ивановичъ.—Въ Софію, въ Софію мы ѣдемъ. Посмотрѣли сербовъ, а вотъ теперь ѣдемъ болгаръ посмотрѣть.

— Если вы ѣдете до Софья, сказалъ буфетчикъ;—то на статіонъ вы никакой кушанья не получите, а потому молимо взять съ собой что нибудь изъ моего буфетъ.

— А когда мы пріѣдемъ въ Софію?

— Заутра послѣ поздне (т. е. полудня). Въ ѣдна часъ.

Въ поясненіе своихъ словъ буфетчикъ показалъ одинъ указательный палецъ.

— А если такъ рано пріѣдемъ, то зачѣмъ намъ ѣда? Мы ужъ поужинали, отвѣчала Глафира Се-

меновна.—Да у меня даже сыръ и хлѣбъ есть Но Николай Ивановичъ запротестовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, безъ ѣды нельзя отправляться, тѣмъ болѣе, что насъ предупреждаютъ, что на станціяхъ ничего не найдешь, сказалъ онъ.— Утромъ проснемся рано и ѣсть захочется. Ну, что вы имате? Говорите. Курица жареная есть? Кокошъ... по сербски. Есть холодная жареная кокошъ?

— Есте, есте, господине.

— Не на деревянномъ маслѣ жареная? Не на оливковомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, господине.

— Ну, такъ вотъ тащи сюда жареную курицу да заварите намъ въ нашемъ чайникѣ нашего чаю. Глаша! Давай чайникъ.

И опять извлеченъ завязанный въ подушкахъ металлическій дорожный чайникъ.

Принесена жареная курица, приготовленъ для дороги чай и Николай Ивановичъ началъ расчитываться съ хозяиномъ за ужинъ и за взятую въ дорогу провизію сербскими кредитными билетами, какъ вдругъ подошелъ къ нему словно изъ земли выросшій полицейскій войникъ и сталъ его звать съ собой, повторяя слова „касса“ и „билеты“.

— А! Отворили ужъ кассу! Ну, пойдемъ брать билеты. А ты, Глаша, тутъ посиди, сказалъ Николай Ивановичъ и направился за войникомъ.

— Николай! Николай! Только ты, Бога ради, не ходи съ нимъ никуда дальше кассы, а то онъ

тебя куда-нибудь завести можетъ, испуганно сказала Глафира Семеновна.—Я все еще за вчерашнюю таможенную исторію боюсь.

— Ну, вотъ, выдумай еще что-нибудь!

Николай Ивановичъ ушелъ изъ буфета и довольно долго не возвращался. Глафира Семеновна начала уже не на шутку тревожиться объ мужѣ, какъ вдругъ онъ появился въ буфетѣ и, потрясая рукой съ билетами и квитанціей отъ сданнаго багажа, восклицалъ:

— Нѣтъ, каковы подлецы!

— О, Господи! Въ полицію тебя таскали? Ну, такъ я и знала! въ свою очередь воскликнула Глафира Семеновна.—Да прогони ты отъ себя этого мерзавца! Чего онъ по пятамъ за тобой шляется!

— Войникъ тутъ не причемъ. Нѣтъ, каковы подлецы! продолжалъ Николай Ивановичъ, подойдя уже къ столу.—Ни за билеты, ни за багажъ не берутъ сербскими деньгами, которыя я давеча вымѣнялъ у жида.

— Это сербскими-то бумажками? спросила Глафира Семеновна.

— Да, да... Золотомъ имъ непремѣнно подай. И правила показываютъ. „Билеты проѣздные мы, говоритъ, только за золото продаемъ“. Принужденъ былъ имъ заплатить въ кассѣ французскимъ золотомъ. Еще хорошо, что нашлось. А не найдись золота—ну, и сиди на бобахъ или поѣзжай обратно въ гостинницу.

— А много у тебя этихъ сербскихъ бумажекъ еще осталось?

— Рублей на пятьдесятъ будетъ. Гдѣ ихъ теперь размѣняешь!

— Ну, въ Софіи размѣняешь. Или не размѣняетъ-ли тебѣ буфетчикъ?

Бумажки были предложены буфетчику, но тотъ отказался размѣнять, говоря, что у него такого количества золота нѣтъ.

— Ты говоришь, въ Софіи размѣняютъ, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.—Ужъ ежели ихъ здѣсь не вездѣ берутъ, такъ какъ-же ихъ въ Софіи возьмутъ! Софія совсѣмъ другое государство.

— Ну, вотъ... Тѣ-же братья-славяне. Мѣняла какой-нибудь навѣрное размѣняетъ.

Войникъ, между тѣмъ, суетился около ручнаго багажа и забиралъ его.

— Чего вы тутъ вертитесь! крикнула на него раздраженно Глафира Семеновна.—Подите прочь!

Войникъ заговорилъ что-то по-сербки и упоминалъ слово „вагенъ". Въ это время раздались свистокъ паровоза, глухой стукъ поѣзда и зазвонилъ станціонный звонокъ. Пришолъ изъ Вѣны поѣздъ, направляющійся въ Софію и въ Константинополь.

— Въ вагонъ онъ насъ сажать хочетъ, сказалъ Николай Ивановичъ про войника.—Ну, сажай, сажай, что съ тобой дѣлать. За вытаскиваніе изъ кареты багажа двадцать пара получилъ, а теперь еще столько-же получить хочешь? Получай... Только, братушка, чтобъ мѣста намъ были хорошія.

Слышишь? Добры мѣста. Пойдемъ, Глафира Семеновна.

И супруги направились вслѣдъ за войникомъ садиться въ вагонъ.

Когда они вышли на платформу, движенія на ней было еще меньше вчерашняго. Пріѣзжихъ въ Бѣлградъ было только трое и ихъ можно было видѣть стоящими передъ полицейскимъ приставомъ, разсматривающимъ около входа въ таможню ихъ паспорты. Отправляющихся-же изъ Бѣлграда, кромѣ супруговъ Ивановыхъ, покуда никого не было. Супруги сѣли въ вагонъ прямаго сообщенія до Константинополя и, на ихъ счастье, нашлось для нихъ никѣмъ не занятое отдѣльное купэ, гдѣ они и размѣстились.

— Добре вечеръ, захвалюемъ... сказалъ войникъ, поблагодаривъ за подачку нѣскольких никелевыхъ монетъ, и удалился.

Глафира Семеновна стала хозяйничать въ вагонѣ.

— Прежде всего надо разослаться и улечься, сказала она, развязывая ремни и доставая оттуда подушку и пледъ.—Увидятъ лежащую даму, такъ поцеремонятся войти.—А ты не кури здѣсь, обратилась она къ мужу.—Пусть это будетъ купэ для некурящихъ.

— Да не безпокойся. Никто не войдетъ. Отсюда пассажиры-то, должно быть, не каждый день наклевываются. Посмотри, вся платформа пуста.

И дѣйствительно, на платформѣ не было ни

души: ни публики, ни желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Прошло съ четверть часа, а поѣздъ и не думалъ трогаться. Отъ нечего дѣлать Николай Ивановичъ прошелся по вагону, чтобы посмотрѣть, кто сидитъ въ немъ. Двери купэ были отворены. Въ одномъ изъ купэ лежалъ на скамейкѣ въ растяжку и храпѣлъ всласть какой-то турокъ въ европейскомъ платьѣ, а о томъ, что это былъ турокъ, можно было догадаться по стоявшей на столикѣ у окна ѳескѣ. Противъ него, на другой скамейкѣ сидѣлъ сербскій или болгарскій православный священникъ въ черной рясѣ и черной камилавкѣ и чистилъ апельсинъ, сбираясь его съѣсть. Въ другомъ купэ было пусто, но на сѣтчатыхъ полкахъ лежали два ѳрантовскіе чемодана съ никелевыми замками, висѣло рыжее клѣтчатое пальто съ пелериной и на столѣ стоялъ цилиндръ. Еще одно купэ было заперто, но изъ-за запертыхъ дверей слышалась польская рѣчь. Раздавались два голоса. Николай Ивановичъ вернулся къ себѣ въ купэ и сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ женѣ.

Прошло еще полчаса, а поѣздъ и не думалъ отправляться.

— Когда-же, однако, мы поѣдемъ? проговорила Глаѳира Семеновна, поднялась и вышла на тормазъ, чтобы спросить у кого-нибудь, когда отойдетъ поѣздъ.

Двѣ бараньи шапки везли ея сундукъ на телѣжкѣ.

— Боже мой! Еще только нашъ багажъ въ вагонъ везутъ! сказала она и крикнула шапкамъ:— скоро поѣдемъ?

— Ѣданаестъ и половина... послышался отвѣтъ.

— Боже мой! Еще полчаса ждать, проговорила она и, войдя въ вагонъ, сообщила объ этомъ мужу.

— Ну, такъ что-жъ, посидимъ, подождемъ. Вотъ я чайку изъ нашего чайника напьюсь. Признаюсь, я даже люблю такъ не торопясь. Это напоминаетъ наши маленькія русскія дороги. Тамъ иногда на станціи просто какого-нибудь Ивана Ивановича ждутъ, который непремѣнно обѣщался сегодня ѣхать съ поѣздомъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ну, нѣтъ, ужъ этого я не люблю. Ѣхать, такъ ѣхать.

— И поѣдемъ въ свое время. А то лучше что-ли, если такая спѣшка какъ на желѣзнодорожной станціи въ Берлинѣ? Тамъ еле успѣваешь сѣсть въ вагонъ, да и то рискуешь попасть не въ тотъ, въ какой надо, и очутиться вмѣсто Кельна въ Гамбургѣ! Да вѣдь ты помнишь, какая съ нами была исторія, когда мы на Парижскую выставку ѣхали! Думаемъ, ѣдемъ въ Парижъ, а попали чертъ знаетъ куда.

Но вотъ раздался второй звонокъ и изъ буфета стали показываться на платформы желѣзнодорожные служащіе. Затѣмъ началось постукиваніе молоткомъ колесъ у вагоновъ. Въ вагонъ влѣзъ худой и длинный англичанипъ съ рыжей клинистой бородой, въ желтыхъ ботинкахъ, въ сѣромъ клѣт-

чатомъ пиджакѣ и триковой шапочкѣ съ двумя триковыми козырьками. На немъ висѣли на ремняхъ: баулъ съ сигарами, бинокль въ чахлѣ и моментальный фотографическій аппаратъ. Англичанинъ направился въ купэ, гдѣ висѣло клѣтчатое пальто.

Но вотъ и третій звонокъ. Раздались звуки рожка, свистокъ локомотива, и поѣздъ тронулся, уходя со станціи.

Супруги Ивановы стояли у открытаго окна и смотрѣли на платформу. Вдругъ Глафира Семеновна увидала вчерашняго таможеннаго чиновника, стоявшаго на платформѣ и смотрѣвшаго прямо въ окна вагона.

— Вчерашній мой мучитель,—быстро сказала она мужу и показала чиновнику языкъ, прибавивъ:—Вотъ тебѣ за вчерашнее!

XVIII.

Стучитъ, гремитъ поѣздъ, увозя супруговъ Ивановыхъ изъ Бѣлграда по направленію къ Константинополю. Глафира Семеновна сняла корсетъ и сапоги и, надѣвъ туфли, стала укладываться на скамейку спать уже „на бѣло", какъ она выражалась, то есть до утра. Николай Ивановичъ вынулъ книгу „Переводчикъ съ русскаго языка на турецкій" и хотѣлъ изучать

турецкія слова, но вагонъ былъ плохо освѣщенъ и читать было невозможно. Въ купэ вошелъ сербскій кондукторъ съ фонаремъ, безъ форменнаго платья, но въ форменной фуражкѣ, привѣтствовалъ словами: „добри вечеръ, помози Богъ“ и спросилъ билеты.

Билеты поданы, простригнуты, но кондукторъ не уходитъ, смотритъ на лежащую на скамьѣ Глафиру Семеновну и, улыбнувшись, говоритъ что-то по-сербски...

— Представь себѣ, я хоть и не понимаю словъ его, но знаю, о чемъ онъ говоритъ, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.—Да, да... обратился онъ къ кондуктору, тоже улыбаясь.—Молимъ васъ никого къ намъ въ купэ не пускать—и вотъ вамъ за это динаръ. Динаръ здѣсь и динаръ потомъ, когда пріѣдемъ въ Софію, получите.

Кондукторъ тоже понялъ, и когда Николай Ивановичъ далъ ему динаръ, поклонился, поблагодарилъ, сказавъ уже не сербское „захвалюемъ“, а „мерси“, и затворилъ дверь.

— Удивительно, какъ я насобачился по-сербски—все понимаю, похвастался Николай Ивановичъ передъ женой.

— Ну, еще-бы этого-то не понять! У него глаза были просящіе, отвѣчала супруга.

Глафира Семеновна скоро уснула и начала выводить носомъ легкія трели, но Николаю Ивановичу долго не спалось. Онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ купэ въ корридоръ вагона и смотрѣлъ

въ окно. Свѣтила съ неба луна. Разстилалась Топчидерова равнина. Изрѣдка при лунномъ свѣтѣ бѣлѣлись купой сербскіе поселки, темными пятнами казались вдали стоявшіе кусты лѣса. Съ особеннымъ грохотомъ перелеталъ поѣздъ по мостамъ черезъ разыгравшіеся вешними водами ручьи, серебрящіеся при лунномъ свѣтѣ.

У сосѣдей купэ были отворены. Англичанинъ, переодѣвшись въ какой-то бѣлый колпакъ и такую-же куртку, читалъ при свѣчкѣ, вставленной въ дорожный подсвѣчникъ, пришпиленный къ обивкѣ дивана какія-то бумаги. Сосѣдъ турка попъ тоже спалъ, не тараторили больше и польки въ своемъ купэ.

Три раза ложился Николай Ивановичъ на своемъ диванѣ, силился заснуть, но не могъ, вставалъ и закуривалъ папиросу. Поѣздъ останавливался уже на нѣсколькихъ станціяхъ. Кондукторы выкрикивали: Паланка, Батицина, Ягодина, Чупрія,升Сталацъ, Алексинацъ. На всѣхъ станціяхъ пусто. Нѣтъ ни выходящихъ изъ вагоновъ пассажировъ, ни входящихъ, да и станціонной-то прислуги не видать. Стоитъ у колокольчика какая-то одинокая баранья шапка съ фонаремъ—вотъ и все. Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на часы. Былъ третій часъ въ началѣ. Отъ скуки, а не съ голоду Николай Ивановичъ принялся ѣсть жареную курицу, захваченную изъ буфета въ Бѣлградѣ, хотѣлъ съѣсть только ножку да крылышко, но къ немалому своему удивленію съѣлъ ее всю и запилъ

холоднымъ чаемъ. Полный желудокъ заставилъ его наконецъ дремать и онъ заснулъ, сидя, выронивъ изъ руки потухшую папиросу. Спалъ онъ съ добрый часъ и проснулся отъ холоду. Въ вагонѣ дѣйствительно было холодно. Онъ вскочилъ съ дивана, бросился въ корридоръ къ окну и увидалъ, что поѣздъ идетъ уже въ горахъ, покрытыхъ снѣгомъ. Запасный путь, который онъ могъ видѣть, былъ также въ снѣгу. Николай Ивановичъ вздрогнулъ.

„Вотъ такъ штука! Ужъ туда-ли мы ѣдемъ? мелькнуло у него въ головѣ. Въ Бѣлградѣ была весна, поѣхали къ югу и вдругъ зима! Не перепуталъ-ли намъ этотъ носатый воиникъ въ Бѣлградѣ поѣздъ? Взялъ да и посадилъ не туда. Какой-же это югъ? Вѣдь это сѣверъ, если такой снѣгъ".

И онъ началъ будить жену.

— Глаша! Глаша! Кажется, мы не туда ѣдемъ! теребилъ онъ ее за рукавъ.—Проснись, голубушка! Кажется, мы не туда ѣдемъ. Не въ тотъ вагонъ попали.

— Да что ты! воскликнула Глафира Семеновна, горохомъ скатываясь съ дивана.

— Не туда. Взгляни въ окошко—зима. Мы на сѣверъ пріѣхали.

Глафира Семеновна бросилась къ окну.

— Дѣйствительно, снѣгъ. Боже мой! Да какъ-же это такъ случилось, что мы перепутались? дивилась она.—А все ты... накинулась она на мужа.

— Здравствуйте! Да я-то чѣмъ виноватъ?

— Долженъ былъ основательно разспросить. А то ввѣрился этому носатому войнику!

Начался довольно громкій споръ въ корридорѣ, такъ что англичанинъ, все еще читавшій, заперъ дверь купэ, а изъ другого купэ выглянулъ священникъ и сталъ прислушиваться къ разговору. Николаю Ивановичу мелькнула вдругъ мысль обратиться за разъясненіемъ къ священнику и онъ, поклонившись ему, спросилъ, ломая языкъ:

— Молимъ васъ, отче, реките намъ, куда мы ѣдемъ по сей желѣзницѣ? Намъ нужно на югъ, въ Софію, а вокругъ снѣгъ...

— Въ Софію и ѣдете, чисто и внятно проговорилъ по-русски священникъ.

— Батюшка! Да вы хорошо говорите по-русски! воскликнули въ одинъ голосъ супруги.

— Еще-бы... Я учился въ Петербургѣ въ Духовной Академіи.

— Какъ пріятно! Боже мой, какъ пріятно! Такъ мы не ошиблись? Мы въ Болгарію ѣдемъ? Въ Софію? спрашивалъ у священника Николай Ивановичъ.

— Въ Софію, въ Софію.

— Но отчего-же сѣвернѣе въ Бѣлградѣ была весна, а здѣсь зима.

— Мы въ горахъ, въѣхали на горы. Находимся въ гористой мѣстности, а здѣсь всегда весна задерживается. Въ Болгаріи и именно въ Софіи васъ, быть можетъ, встрѣтитъ настоящая зима.

— Слышишь, Глаша? Вотъ хорошо, что ты за-

хватила съ собой теплое пальто на куницахъ, обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Я всегда хорошо дѣлаю. А вотъ не хорошо, что ты зря меня будишь. Я такъ отлично спала, а ты вдругъ: „Глаша, Глаша! Не туда попали! Бѣда! Не въ томъ поѣздѣ ѣдемъ“! передразнила мужа Глафира Семеновна и отправилась укладываться спать.

— Простите, батюшка, что и васъ мы обезпокоили своимъ споромъ, сказалъ Николай Ивановичъ священнику.—Мы и васъ разбудили.

— Ничего, ничего, заснуть успѣю. Времени много.

— Ну, такъ покойной ночи. А меня кстати благословите.

И Николай Ивановичъ протянулъ передъ священникомъ пригоршни.

— Сыне, сыне... Здѣсь, кажется, не мѣсто... смѣшался нѣсколько священникъ, однако все-таки благословилъ Николая Ивановича и они разстались.

Николай Ивановичъ пришелъ въ свое купэ. Глафира Семеновна уже лежала.

— Дуракъ! Только понапрасну будишь,—проговорила она.

Онъ промолчалъ и легъ на скамейку. Вскорѣ онъ услыхалъ, какъ Глафира Семеновна начала посвистывать носомъ, а потомъ и самъ заснулъ.

Проснулся онъ отъ стука въ дверь. Глафира Семеновна полулежала, приподнявшись сфинксомъ, и спрашивала:

— Кто тамъ?

Огонь въ вагонѣ уже погасъ. На дворѣ свѣтало.

— Кто тамъ? закричалъ въ свою очередь Николай Ивановичъ, открывая дверь купэ.—Чего нужно?

— Станція Пиротъ! Сербская граница! Паспорты позвольте! произнесъ довольно правильно порусски полицейскій чиновникъ въ австрійскаго образца кепи и съ шнурами на плечахъ пальто.

— Вы сербскій?

— Сербскій

— Въ Бѣлградѣ ужъ у насъ смотрѣли паспорты.

— А здѣсь, на границѣ, еще надо посмотрѣть. Вѣдь у васъ въ Россіи на границѣ смотрятъ-же.

Николай Ивановичъ полѣзъ въ карманъ за паспортомъ.

XIX.

Въ Пиротѣ, однако, поѣздъ задержали недолго. Сербскій полицейскій только записалъ паспорты, наложилъ на нихъ красный штемпель, и поѣздъ тронулся.

— Ну, слава Богу, поѣхали. Можно еще поспать, сказала Глафира Семеновна, легла и только заснула, какъ явился кондукторъ.

Оказалось, что онъ явился, чтобъ откланяться супругамъ и получить обѣщанный динаръ.

— Добре почилы ове ночае? спросилъ онъ су-

пруговъ и сообщилъ, что онъ ѣдетъ только до слѣдующей станціи.—Въ Царибродъ блгарски кондукторъ буде, прибавилъ онъ и протянулъ руку.

Николай Ивановичъ далъ ему второй динаръ и спросилъ:

— На Царибродъ мытница (т. е. таможня)?

— Блгарска мытница, кивнулъ кондукторъ и удалился.

— Глаша! Не спи! Сейчасъ новое испытаніе будетъ. Въѣзжаемъ въ болгарскую землю. Таможня, сказалъ Николай Ивановичъ лежавшей женѣ.

— Слышу, слышу. Какой тутъ сонъ! Давно ужъ проснулась. Наказаніе эти таможни!

А поѣздъ останавливалъ уже ходъ и подкатилъ къ деревянному домику съ надписью: „Царибродъ". На платформѣ стоялъ болгарскій офицеръ и два солдата въ формѣ, напоминающей совсѣмъ русскую форму. Солдаты были даже въ фуражкахъ безъ козырьковъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ русскаго покроя и съ револьверами у пояса. Кромѣ ихъ, на платформѣ были начальникъ станціи въ статскомъ платьѣ и, какъ у насъ въ Россіи, въ красной фуражкѣ, бакенбардистъ въ пальто и шляпѣ котелкомъ и нѣсколько бараньихъ шапокъ въ бараньихъ курткахъ шерстью вверхъ.

Все это тотчасъ же полѣзло въ вагоны. Чиновникъ въ шляпѣ котелкомъ оказался таможеннымъ чиновникомъ, бараньи шапки—его подчиненными. Войдя въ купэ супруговъ, онъ тотчасъ-же бросилъ

взглядъ на двѣ громадныя подушки, улыбнулся и спросилъ по русски:

— Русскіе?

— Да, да... Самые что ни-на-есть русскіе... Ѣдемъ изъ Петербурга, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Не везете-ли сигаръ, табаку, чаю? задалъ вопросъ человѣкъ въ шляпѣ котелкомъ. — Это все ваши вещи?

И прежде чѣмъ супруги успѣли отвѣтить что-нибудь, онъ уже началъ лѣпить на саквояжи и кардонки таможенные ярлычки, гласящіе „прѣглѣдано". Глафира Семеновна начала было открывать свои баульчики, чтобы показать, что въ нихъ, но онъ сказалъ:

— Не трудитесь, не трудитесь. Ничего не надо.— Есть у васъ что нибудь въ багажномъ вагонѣ?

— Ахъ, какъ-же. Сундукъ съ бѣльемъ и платьемъ.

— Тогда пожалуйте въ таможню. Надо и на него налѣпить пропускъ.

Чиновникъ поклонился и удалился.

— Вотъ учтивый-то таможенникъ! воскликнула Глафира Семеновна послѣ его ухода.—Даже и не вѣрится что-то, что это таможенный. Боже мой! Да если-бы они всѣ-то такіе были! И какъ прекрасно говоритъ по русски! Ну, я пойду въ таможню.

— Пусти, лучше я схожу, предложилъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это такой элегантный человѣкъ,

что съ нимъ даже пріятно. А ужъ если хочешь, то пойдемъ вмѣстѣ.

И супруги стали выходить изъ вагона.

— Позвольте ваши паспорты, на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ обратился къ нимъ на платформѣ офицеръ.

— Боже мой! Какъ здѣсь въ Болгаріи хорошо говорятъ по-русски! Я не ожидала этого, проговорила Глафира Семеновна, улыбаясь офицеру.

— Не вездѣ, мадамъ. Это только здѣсь на границѣ, отвѣчалъ офицеръ, принимая изъ рукъ Николая Ивановича паспортъ, и прибавилъ:—Обратно получите въ вагонѣ.

При досмотрѣ сундука Глафира Семеновна еще больше очаровалась таможеннымъ чиновникомъ. Оказалось, что онъ не допустилъ ее даже открыть свой сундукъ и сейчасъ-же налѣпилъ таможенный ярлыкъ. Уходя изъ таможни, она расхваливала мужу даже бакенбарды чиновника, его глаза и называла даже аристократомъ.

— Ну, какой-же, милая, онъ аристократъ... возразилъ было Николай Ивановичъ.

— Аристократъ, аристократъ! стояла на своемъ Глафира Семеновна.—Только аристократы и могутъ быть такъ утонченно вѣжливы. А какая неизмѣримая разница съ носатымъ сербскимъ таможеннымъ, который у меня даже ветчину нюхалъ! Въ сырѣ что-то искалъ! Въ апельсинахъ подъ кожей контрабанду найти думалъ.

Супруги опять вошли въ вагонъ.

— А какъ пріятно въѣзжать-то въ такое государство, гдѣ такіе прекрасные чиновники! не унималась Глафира Семеновна.

— Ну, да ужъ довольно, довольно. Совсѣмъ захвалила, останавливалъ ее мужъ.

Вошелъ офицеръ и возвратилъ паспорты.

— Надо что нибудь заплатить за прописку? спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Въ Болгаріи ничего не берется, былъ отвѣтъ.

— Ну, вотъ какъ отлично! А на сербской границѣ съ насъ взяли что-то четыре съ половиной динара.

— Да развѣ можно сравнивать Сербію съ Болгаріей! Вѣдь это день и ночь... вставила свое слово Глафира Семеновна, но офицеръ уже исчезъ.

— Погоди, матушка, хвалить-то, погоди... Вѣдь еще только носъ показала въ Болгарію, а что дальше будетъ—неизвѣстно, говорилъ мужъ.

— Нѣтъ, это ужъ сейчасъ видно, что болгары симпатичный народъ. Ты посмотри, какія добродушныя лица.

— А по моему, такія же усатыя, такія-же носатыя!

— Оставь пожалуста. Тебѣ только-бы прекословить мнѣ.

Въ корридорѣ вагона показался мальчикъ съ подносомъ, на которомъ стояли чашки, и предлагалъ кофе. Заглянулъ онъ и въ купэ супруговъ.

— Давай, давай сюда! поманила мальчика Глафира Семеновна.—Отъ такихъ учтивыхъ людей и

кофей-то пріятнѣе выпить, прибавила она, взявъ чашку кофе.

Взялъ себѣ чашку и Николай Ивановичъ и воспользовался случаемъ, чтобы поручить мальчику заварить чаю въ металлическомъ чайникѣ.

— Кипятку сюда, кипятку. Горячей воды, толковалъ онъ мальчику. — Понялъ? Ну, айда! Пара на чай получишь.

Мальчишка помчался къ себѣ въ буфетъ подъ вывѣску „Гостильница“ и сейчасъ-же вернулся обратно съ чайникомъ, сказавъ:

— Ухъ, горѣшта вода! (т. е. кипятокъ).

— Ну, вотъ спасибо тебѣ, спасибо, милый, благодарила его Глафира Семеновна.—И какой симпатичный мальчишка! Николай Иванычъ, его надо хорошенько наградить.

— Ну, вотъ тебѣ за это полъ-динара на чай.

Николай Ивановичъ далъ ему нѣсколько никелевыхъ монетъ, но мальчикъ, посмотрѣвъ на нихъ, сказѣлъ: „србски пара“ и возвратилъ обратно.

— Да развѣ сербскія деньги вы не берете? удивился Николай Ивановичъ. — Вѣдь отъ тѣхъ-же братьевъ-славянъ.

— Леви треба, блгрски леви...

— Ну, а болгарскихъ денегъ у меня, братъ, нѣтъ. Вотъ развѣ маленькій французскій золотой?

И Николай Ивановичъ показалъ десятифранковикъ.

— Добре, добре... закивалъ мальчишка, схватилъ

золотой, чашки изъ подъ кофе и исчезъ, побѣжавъ за сдачей.

— Не надулъ-бы какъ, пострѣленокъ, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ. Эдакіе деликатные люди! отвѣтила Глафира Семеновна.

А между тѣмъ раздался звонокъ.

— Надуетъ... бормочетъ Николай Ивановичъ.— Развѣ пойти самому за нимъ?

И еще звонокъ.

— Бѣжитъ, бѣжитъ мальчишка! кричитъ Глафира Семеновна, смотря въ окно.

Мальчишка вскакиваетъ въ вагонъ, бросаетъ серебряныя деньги на скамейку и стремится вонъ изъ вагона. Поѣздъ трогается.

— Ну, что? Не говорила-ли я тебѣ, что не надуетъ? проговорила Глафира Семеновна мужу.

— Погоди, надо прежде сосчитать деньги, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и, сосчитавъ, сказалъ:— Сдачу принесъ, это точно, но за двѣ чашки кофею съ двумя булками четыре франка взялъ, а врядъ-ли это на самомъ дѣлѣ четыре франка стоитъ.

— Ну, что тутъ! Брось! Я очень рада, что перепала болгарскому мальчишкѣ малая толика, отвѣчала Глафира Семеновна.

Поѣздъ катилъ на всѣхъ парахъ.

XX.

Поѣздъ мчался въ покрытыхъ снѣгомъ горахъ. Всходило солнце и освѣщало всѣми цвѣтами радуги снѣжныя вершины. Панорама видовъ была великолѣпная. Поднялись и проходили по Драгоманову перевалу. Супруги сидѣли у окна и любовались роскошными горными видами. Подъ вліяніемъ хорошей солнечной погоды съ легкимъ морозцемъ, роскошныхъ видовъ, мѣняющихся передъ глазами, а главное, любезности болгарскаго таможеннаго чиновника, Глафира Семеновна сидѣла въ восторженномъ состояніи и расхваливала болгаръ. Восторгъ ея не расхолодилъ и болгарскій кондукторъ, смѣнившій сербскаго кондуктора, пришедшій простригать билеты и также заявившій, что „если супруги желаютъ остаться одни въ купэ, то“...

— Получите, получите... воскликнула Глафира Семеновна, не давъ ему кончить фразу.—Николай Ивановичъ, дай ему динаръ, обратилась она къ мужу.

— Лёвъ ужъ, а не динаръ. Лёвы здѣсь, отвѣчалъ мужъ.—Но я не понимаю, зачѣмъ здѣсь-то давать? Теперь день, спать мы не станемъ и часа черезъ четыре пріѣдемъ въ Софію.

— Дай, дай... Раньше кондукторамъ давали, такъ надо и этому дать. Дай ему даже два лёва.

Два лёва даны. Кондукторъ поблагодарилъ и сталъ удаляться. Глафира Семеновна посмотрѣла на него во слѣдъ въ свое золотое пенснэ и снова обратилась къ мужу:

— Ты не находишь, что онъ очень похожъ на итальянсткаго пѣвца Котони?

— Кто? Кондукторъ-то? Вотъ ужъ ни сколько!

Подъѣхали къ станціи Сливница. На платформѣ стояли черномазые мужики и бабы въ пестрыхъ платкахъ. Бабы продавали молоко въ пузатыхъ глиняныхъ кувшинахъ. Глафира Семеновна и на нихъ начала умиляться.

— Ты посмотри, какія у нихъ добродушныя лица, указывала она мужу.

— Не нахожу. По моему такія-же, какъ у сербовъ, которыя тебѣ не нравились.

— Да что-ты, что ты! У сербовъ лица носатыя, насупившіяся брови дугой и смотрятъ они изъ-подъ лобья, а тутъ веселый, открытый взглядъ. Нѣтъ, ты это говоришь для того, чтобы только противорѣчить мнѣ.

Глафира Семеновна купила даже у одной изъ бабъ кувшинчикъ съ молокомъ, заткнутый сѣномъ, но пить молоко не могла. Оно было или козье или отъ буйволицы, тянулось и, кромѣ того, припахивало навозомъ.

— Вотъ тебя добродушная баба и поднадула на молокѣ, подсмѣивался Николай Ивановичъ.

— Нисколько не поднадула. А я сама была виновата, что не спросила у нея, какое это моло-

ко. Ну, да все равно, кувшинъ останется въ воспоминаніе.

За Сливницей начали спускаться изъ горныхъ ущелій въ равнину Софіи. Вотъ и Костинбродъ— послѣдняя станція передъ Софіей, о чемъ супругамъ сообщилъ болгарскій священникъ, вышедшій изъ своего купэ и остановившійся у окна въ корридорѣ. Глафира Семеновна стала быстро собирать свои вещи и увязывать ихъ въ ремни. Николай Ивановичъ подошелъ къ священнику, поздоровался и началъ наблюдать его. Кромѣ черной камилавки, священникъ этотъ ни по манерамъ, ни по одеждѣ, ничѣмъ не отличался отъ нашихъ священниковъ. Та-же ряса съ широкими рукавами, та-же манера держать руки на желудкѣ при разговорѣ.

— Какія дивныя мѣста-то мы проѣзжали давеча, сказалъ священникъ. — Какія неприступныя горы! Когда-то эти горы кишили разбойниками.

— Да на кого тутъ было нападать-то разбойникамъ? усумнился Николай Ивановичъ.—И при желѣзнй-то дорогѣ очень мало движенія.

— На проѣзжихъ они не особенно много и нападали, но они цѣлыя села, цѣлые города держали въ страхѣ и брали съ нихъ дань.

Когда въ корридоръ къ нимъ вышла Глафира Семеновна, священникъ указалъ въ даль, виднѣвшуюся изъ окна, и сказалъ:

— А вонъ ужъ купола и минареты Софіи вид-

нѣются. До освобожденія Болгаріи это все были турецкія мечети.

— Ну, а теперь превращены въ болгарскіе храмы?

— Нѣтъ, болгарскій народъ не особенно религіозенъ и не заботится объ увеличеніи церквей. Въ Софіи одна мечеть превращена въ тюрьму, другая въ интендантскій складъ, третья еще во что-то. Одна мечеть оставлена туркамъ для богослуженія.

Глафира Семеновна начала его разспрашивать, что въ Софіи есть достопримѣчательнаго для осмотра, на что онъ отвѣчалъ:

— Да ничего. Софія городъ, только еще начинающій возрождаться. А по моему, даже и не возрождаться, а зарождаться, хотя и помнитъ онъ императора Трояна. Въ старину онъ назывался по-болгарски Средецъ, но обширностью и богатствомъ никогда не отличался. Брали его нѣсколько разъ турки, брали нѣсколько разъ венгры— вотъ и все. Отъ римскаго владычества, впрочемъ, тамъ остались остатки стѣнъ. Вотъ по Витошкой улицѣ поѣдете, такъ остатки этихъ римскихъ стѣнъ тамъ, но интереснаго они изъ себя ничего не представляютъ. Улицъ хорошихъ въ Софіи только двѣ: Витошка улица, про которую я сказалъ, да Дондуковскій бульваръ.

— Стало быть, по вашему, въ Софіи и смотрѣть нечего? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ вамъ сказать?.. развелъ руками священникъ.—Смотрѣть все можно.

— Нѣтъ, я спрашиваю только про интересное.

— И интересъ зависитъ отъ точки зрѣнія. Вотъ съ нами въ поѣздѣ ѣдетъ одинъ англичанинъ, такъ онъ ѣдетъ въ Софію спеціально для того, чтобы посмотрѣть то мѣсто на улицѣ, гдѣ былъ убитъ Стамбуловъ—вотъ и все.

Софія совсѣмъ уже была близко. Минареты мечетей ясно выдѣлялись вдали. Поѣздъ убавлялъ ходъ.

— А гдѣ-бы намъ, батюшка, получше остановиться въ Софіи? спросила Глафира Семеновна священника.

— Въ Софіи теперь всѣ гостиницы хороши, всѣ заново отдѣланы. Остановитесь въ гостиницѣ Болгарія, въ гостиницѣ Одесса, Имперіаль, Метрополь, у братьевъ Ивановыхъ въ номерахъ. Вездѣ хорошо и не дорого, если вы будете сравнивать съ русскими или заграничными цѣнами. Ресторанная ѣда тоже недорога. Понаѣхали вѣнскіе нѣмцы и всякихъ ресторановъ настроили и на вѣнскій манеръ кормятъ.

— Если ужъ по-вѣнски, то это совсѣмъ хорошо. Мнѣ вѣнская ѣда лучше парижской нравится, сказала Глафира Семеновна.—Въ Парижѣ можно по ошибкѣ что-нибудь такое съѣсть, отъ чего потомъ три дня не отплюешься, а въ Вѣнѣ этого случиться не можетъ.

— Гмъ... улыбнулся священникъ.—А развѣ приходилось скушать что-нибудь неподобающее?

— Просто она боится, что ей вмѣсто цыплен-

ка подъ бѣлымъ соусомъ лягушку подсунутъ, а вмѣсто грибовъ—жареныя улитки, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Минутъ черезъ пять поѣздъ подъѣхалъ къ платформѣ станціи Софія. Въ вагонъ еще на ходу вскочили два молодца въ бараньихъ шапкахъ, бѣжали по корридору и выкрикивали:

— Дрехи! Чемодани! Багажи!

За ними вбѣжалъ тоже молодецъ въ фуражечкѣ съ надписью на околышкѣ: „Hôtel Metropol“ и тоже выкрикивалъ:

— Отъ гостильница Метрополь! Добри одаи! Добри комнаты! Билиге циммернъ! Шамбръ мебле!

— Готель Метрополь! Сюда, сюда! Поманили его супруги.

Баранья шапка и фуражка съ надписью ухватились за ихъ ручной багажъ и потащили его изъ вагона.

XXI.

Черезъ пять минутъ супруги Ивановы ѣхали уже въ приличномъ фаэтонѣ, направляясь отъ желѣзнодорожной станціи по Витошкой улицѣ въ гостиницу. На козлахъ фаэтона сидѣлъ кучеръ въ бараньей шапкѣ, стоялъ багажный сундукъ, а на сундукѣ торчалъ молодецъ въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь“. Фаэтонъ былъ

загроможденъ подушками, баулами, кардонками и саквояжами супруговъ. Лошади неслись быстро. Направо и налѣво мелькали старые убогіе домишки въ перемежку съ новыми домиками вѣнской архитектуры. Движенія на улицѣ было куда больше, чѣмъ на улицахъ Бѣлграда. Спѣшили куда-то военные въ формѣ почти тожественной съ нашей офицерской формой, попадались бараньи шапки, шляпы котелкомъ, цилиндры, проѣхали три-четыре фаэтона съ дамами попарно и въ одиночку.

— Посмотри, здѣсь совсѣмъ другая жизнь, чѣмъ въ Бѣлградѣ, обратилась Глафира Семеновна къ мужу.

— Маленькій Парижъ? улыбнулся Николай Ивановичъ.

— А что ты думаешь? Если ужъ тотъ бѣлградецъ назвалъ свой Бѣлградъ маленькой Вѣной, то, по моему, Софія куда больше похожа на маленькій Парижъ. Вонъ и раскрашенныя афиши, какъ въ Парижѣ, налѣплены на заборѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ движенія было больше, а когда подъѣхали въ гостиницѣ, находившейся въ торговомъ кварталѣ, противъ мечети и турецкой бани, то на улицѣ ужъ стояли и бродили группы изъ трехъ-четырехъ человѣкъ. Здѣсь разнощики продавали мелкую рыбу въ плетеныхъ ивовыхъ корзинкахъ, на дверяхъ лавокъ были вывѣшаны бараньи туши, въ окнахъ пивной виднѣлись усатыя и бородатыя лица и въ нее и изъ нея,

то и дѣло, выходили и входили посѣтители, хлопая дверным блокомъ.

Фаэтонъ остановился у подъѣзда, находящагося на углу двухъ улицъ. Молодецъ, въ фуражкѣ съ надписью, соскочилъ съ козелъ. Выбѣжалъ швейцаръ въ фуражкѣ съ позументомъ и вдвоемъ они начали разгружать фаэтонъ.

— Говорите по-русски? обратился Николай Ивановичъ къ швейцару.

— Мало, господине. Вамъ номеръ? Има, господине.

— Да пожалуйста самый лучшій номеръ.

— Има, има.

Супруговъ повели по лѣстницѣ, уставленной запыленными искусственными растеніями въ горшкахъ и устланной недорогимъ, но свѣжимъ ковромъ, и въ корридорѣ перваго этажа распахнули дверь. Число сопровождавшей ихъ прислуги увеличилось. Появилась черноглазая горничная, повязанная по русски расписнымъ ситцевымъ платкомъ русскаго-же издѣлія, стоялъ корридорный—рослый бородатый человѣкъ въ рыжемъ клѣтчатомъ пиджакѣ и зеленомъ коленкоровомъ передникѣ. Комната, которую показывали, была большая, въ четыре окна, съ балкономъ, съ вѣнскою мебелью, съ кроватями на вѣнскій манеръ и застланная посрединѣ ковромъ.

— Пять левы... объявилъ корридорный.

— Фу, какая дешевизна! вырвалось у Глафиры Семеновны.

— Беремъ, беремъ, сказалъ Николай Ивановичъ

и вошелъ въ комнату, но прежде него туда ужъ ворвалась горничная и быстро начала сдергивать съ постелей покрывала и надѣвать на подушки чистыя наволочки, лежавшія подъ покрываломъ.

Разныя усатыя и бородатыя смуглыя физіономіи въ потертыхъ пиджакахъ втаскивали уже въ номеръ вещи супруговъ. Затѣмъ, одинъ изъ молодцовъ притащихъ ведро воды и началъ наливать въ умывальный кувшинъ, другой втащилъ вязку дровъ и сталъ топить печь, представляющую изъ себя теракотовое сооруженіе съ колоннами, которыя состояли изъ трубъ.

Супруги снимали съ себя пальто и калоши и приготовлялись переодѣться и умыться.

— Прежде всего поѣсть, обратился Николай Ивановичъ къ корридорному.

— Сѣднете, моля ви... (т. е. садитесь пожалуйста), пригласилъ тотъ, указывая на стулъ и, вынувъ изъ кармана изрядно замасленную тетрадку, положилъ ее на столъ и сказалъ: —вотъ карта.

— Да что тутъ читать! Есть винеръ шницель?

— О, я мейнъ геръ!—и корридорный заговорилъ по-нѣмецки.

— Нѣмецъ?

— Нѣмски, нѣмски, кивнулъ корридорный и сталъ разсказывать по-нѣмецки, что онъ бывалъ даже въ Петербургѣ и знаетъ князя такого-то, графа такого-то, генерала такого-то.

— Такъ вотъ, перебилъ его Николай Ивановичъ.—Два бульона, двѣ порціи винеръ шницель

и чаю, чаю. Только Бога ради, по-русски чаю, настояшимъ манеромъ.

— Име, господине. Що отте? (т. е. что еще)?

— Вино болгарское есть? Венъ де пеи?

— Има, господине. Монастырское вино. Червено или бяло?

— Червено, червено. Бутылку вина. Только хорошаго. Добро вино.

— Разбирамъ (т. е. понимаю),—поклонился корридорный и хотѣлъ уходить, но тотчасъ-же вернулся и спросилъ у Николая Ивановича его визитную карточку, чтобы записать въ книгу постояльцевъ и выставить на доску въ гостиницѣ.

Николай Ивановичъ подалъ. Корридорный спросилъ:

— Экселенцъ?

— Ну, пусть буду экселенцъ. Экселенцъ, экселенцъ, кивнулъ ему Николай Ивановичъ.

— Зачѣмъ ты врешь, Николай! упрекнула мужа Глафира Семеновна, когда корридорный удалился.

— Эка важность! Ну, пусть буду въ Софіи превосходительствомъ. Должно быть, у меня ужъ фигура такая превосходительная, что вездѣ спрашиваютъ, не превосходительство-ли я.

Супруги начали умываться. Горничная, все еще возившаяся съ постелями, начала подавать имъ воды изъ кувшина.

— Собарица? улыбнулась ей Глафира Семеновна, помня сербское слово.

— Слугиня, мадамъ, отвѣчала та.

— Слугиня? Такъ, такъ... Стало быть по-болгарски горничная—слугиня! Но развѣ есть какое-нибудь сравненіе между Сербіей и Болгаріей! И народъ здѣсь образованнѣе. Вотъ ужъ она меня сейчасъ „мадамъ" называетъ! продолжала восторгаться Глафира Семеновна.

— Ты погоди хвалить-то. Вотъ какъ намъ еще ѣсть подадутъ, остановилъ мужъ.—Попъ въ вагонѣ хвалилъ намъ здѣшніе рестораны, но вѣдь для попа все хорошо.

Умывшись и переодѣвшись изъ дорожныхъ костюмовъ, супруги подошли къ окну и начали смотрѣть на улицу. Передъ окномъ виднѣлись большая мечеть съ высокимъ минаретомъ и турецкая баня съ куполомъ и съ окнами, расположенными по-турецки, не симетрично, а какъ попало. У стѣны мечети сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, нищіе-турки съ чашечками для сбора денегъ, въ окнахъ бани виднѣлись красныя голыя тѣла, которыя вытирались полотенцами. По улицѣ носили бѣлые хлѣбы на лоткахъ, ковры, перекинутые черезъ плечо, стояла арба съ глиняными горшками и кувшинами, запряженная парой воловъ, и болгаринъ въ овечьей курткѣ, въ сѣрой бараньей шапкѣ 'и синихъ суконныхъ штанахъ, очень смахивающій на нашего хохла изъ Полтавской губерніи, такой-же усатый, съ плохо выбритымъ подбородкомъ, продавалъ болгарскимъ бабамъ въ ситцевыхъ платкахъ, тоже очень смахивающихъ на нашихъ бабъ, свой товаръ изъ арбы. Бабы пробовали горшки, стукая одинъ о дру-

гой. Гдѣ-то кончилась школа и бѣжали ребятишки съ связками книгъ и съ грифельными досками.

— Жизнь здѣсь... Все таки жизнь есть! Ты посмотри, здѣсь все-таки движеніе, воскликнула Глафира Семеновна, указывая мужу на улицу.—А въ Бѣлградѣ-то!

— Но ты не должна забывать, что мы здѣсь въ торговой части, замѣтилъ супругъ.

— Въ Бѣлградѣ мы и на базарѣ были, когда деньги у жида мѣняли, а тамъ и десятой доли этого движенія не было.

Послышался стукъ въ дверь.

— Антре! крикнула Глафира Семеновна по-французски.

Дверь отворилась и показался корридорный. На большомъ подносѣ онъ несъ завтракъ супругамъ.

XXII.

Накрытъ столъ чистой скатертью и супруги завтракаютъ. Привередливая Глафира Семеновна, взявъ чашку бульону, не могла похулить его вкусовыя достоинства и нашла только, что онъ остылъ. Винершницель, приготовленный изъ телятины, былъ вкусенъ, но также былъ поданъ чуть теплымъ.

Корридорный, прислуживавшій около стола, разсказывалъ по-нѣмецки, примѣшивая русскія и бол-

гарскія слова, о генералахъ, графахъ и князьяхъ которыхъ онъ знавалъ въ бытность свою въ Петербургѣ.

— Вы мнѣ вотъ прежде всего скажите, отчего у васъ на завтракъ все подано остывшее? перебилъ его Николай Ивановичъ, на что корридорный, пожавъ плечами, очень наивно отвѣтилъ:

— Ресторанъ немного далеко отъ насъ, а на улицѣ теперь очень холодно.

— Какъ: далеко? Развѣ гостиница не имѣетъ своего ресторана? Нѣтъ кухни при гостиницѣ? воскликнула Глафира Семеновна.

— Не има, мадамъ.

И корридорный разсказалъ, что въ Софіи только двѣ „гостиницы“ имѣютъ рестораны—„Болгарія“ и „Одесса“, да и то потому, что при нихъ есть кафешантаны, и при этомъ прибавилъ, что „die Herrschaften und die Damen“ очень рѣдко берутъ въ комнаты гостиницы „подхаѣване“ (т. е. завтракъ), „обѣдъ“ и „вечерю“ (т. е. ужинъ), такъ что держать свою „готоварню“ (т. е. кухню) и „готовача“ (т. е. повара) не стоитъ.

— Не въ модѣ, что-ли, ясти въ номерѣ? спросилъ Николай Ивановичъ!

— Не има мода, господине, отвѣчалъ корридорный и сталъ убирать со стола.

— Ну, скорѣй чаю, чаю! Да мы поѣдемъ осматривать городъ, торопила его Глафира Семеновна.

— Тосъ часъ, мадамъ, засуетился корридорный, побѣжалъ въ корридоръ и принесъ чайный при-

боръ съ двумя чайниками, въ одномъ изъ коихъ былъ заваренъ чай.

— А самоваръ? Нашъ русскій самоваръ? спросилъ Николай Ивановичъ.

Корридорный вздернулъ плечами и развелъ руками.

— Нѣ самоваръ, отвѣчалъ онъ.

— Какъ? Совѣмъ не имѣете самовара? Въ болгарской лучшей гостиницѣ нѣтъ самовара?

— Не има, господине.

— Простаго русскаго самовара не има! удивленно воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Такъ какъ же у васъ здѣсь наши русскіе-то?.. Вѣдь сюда пріѣзжаютъ и русскіе корреспонденты, и сановники. Вы можетъ быть не понимаете, что такое самоваръ?

— Разбирамъ, господине, разбирамъ, но не има русски самоваръ.

— Ну, ужъ это изъ рукъ вонъ... Это прямо, я думаю, вслѣдствіе какихъ-нибудь антирусскихъ интригъ Стамбулова, развелъ руками Николай Ивановичъ.—Но вѣдь теперь Стамбулова ужъ нѣтъ и началось русское теченіе. Странно, по меньшей мѣрѣ странно! повторялъ онъ.

— Пей чай-то... подвинула къ нему Глафира Семеновна стаканъ чаю, чай поданъ хоть и безъ самовара, но не скипяченъ и очень вкусно заваренъ.

— Слушайте, кельнеръ! Какъ васъ звать-то? Какъ ваше имя? спросилъ корридорнаго Николай Ивановичъ.

— Францъ, господине.

— Тьфу ты! Нѣмецъ. Въ славянской землѣ, въ исконной славянской землѣ и нѣмецъ-слуга. Слушайте, Францъ! Намъ этого кипятку мало. Принесите еще. Поняли? Кипятку. Оште кипятку.

И Николай Ивановичъ стукнулъ по чайнику съ кипяткомъ.

— Оште горѣшта вода? Тосъ часъ, господине.

Корридорный выбѣжалъ изъ номера и черезъ минуту явился опять съ большимъ мѣднымъ чайникомъ, полнымъ кипятку.

— Глупые люди,—замѣтила Глафира Семеновна.—Согрѣваютъ кипятокъ въ чайникѣ, а выписать изъ Россіи самоваръ, такъ куда было-бы лучше и дешевле.

Черезъ полчаса супруги кончали уже свое чаепитіе, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь. Вошелъ корридорный и подалъ визитную карточку. На карточкѣ стояло: „Стефанъ Кралевъ, сотрудникъ газеты „Блгрское Право“.

— Сотрудникъ? Корреспондентъ? Что ему такое?—удивился Николай Ивановичъ.

Корридорный отвѣчалъ, что человѣкъ этотъ проситъ позволенія войти.

— Просите, просите,—заговорила Глафира Семеновна, встала изъ-за стола, подошла къ зеркалу и начала поправлять свою прическу.

Вошелъ еврейскаго типа невзрачный господинъ съ клинистой бородкой, въ черной визиткѣ, сѣрыхъ брюкахъ, синемъ галстухѣ шарфомъ, зашпилен-

номъ булавкой съ крупной фальшивой жемчужиной, съ портфелемъ подъ мышкой и въ золотыхъ очкахъ. Онъ еще у дверей расшаркался передъ Николаемъ Ивановичемъ и произнесъ по-русски:

— Позвольте представиться, ваше превосходительство. Сотрудникъ мѣстной газеты „Блгрское Право".

При словѣ „превосходительство" Николай Ивановичъ всталъ, пріосанился, поднялъ голову и подалъ вошедшему руку, сказавъ:

— Прошу покорно садиться. Ахъ, да... Позвольте представить васъ моей женѣ. Жена моя Глафира Семеновна.

— Мадамъ... Считаю себѣ за особенную честь... пробормоталъ сотрудникъ болгарской газеты и низко поклонился.

Наконецъ всѣ усѣлись. Николай Ивановичъ вопросительно взглянулъ на посѣтителя и спросилъ:

— Чѣмъ могу вамъ быть полезнымъ?

Посѣтитель слегка откашлялся, поставилъ свой портфель себѣ на колѣни и началъ:

— Сейчасъ узнавъ внизу гостиницы о пріѣздѣ изъ Петербурга вашего превосходительства, рѣшаюсь просить у васъ на нѣсколько минутъ аудіенціи для краткой бесѣды съ вами. Позволите?

— Сдѣлайте одолженіе.

Николай Ивановичъ еще выше поднялъ голову, оттопырилъ нижнюю губу и сталъ барабанить пальцами по столу.

— Не скрою, что хочу воспользоваться бесѣдой

съ вами для ознакомленія съ нею читателей нашей газеты, сидя поклонился посѣтитель.

— То есть пропечатать? Это зачѣмъ-же? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Изволите ли видѣть... При настоящемъ перемѣнѣ режима въ Болгаріи и при поворотѣ жизненнаго теченія ко всему русскому, мы считаемъ каждую мысль, каждый взглядъ, повѣданные намъ русскимъ сановникомъ, достойными опубликованія.

При словѣ „сановникомъ“ Николай Ивановичъ не удержался и сдѣлалъ звукъ „гмъ, гмъ“. Но онъ боялся, что Глафира Семеновна выдастъ его и крикнетъ: „какой онъ сановникъ! Напрасно вы его принимаете за сановника!“—а потому обернулся и бросилъ на нее умоляющій взглядъ. Глафира Се меновна сидѣла за другимъ столомъ серьезная и слушала.

— И такъ, позвольте мнѣ начать васъ немножко интервьюировать? продолжалъ сотрудникъ болгарской газеты.

— Пожалуйста, пожалуйста, кивнулъ ему Николай Ивановичъ.

— Вы въ Болгиріи въ первый разъ?

— Въ первый разъ.

— Какое впечатлѣніе произвела на васъ при вашемъ въѣздѣ наша обновленная Болгарія? Послѣ извѣстнаго поворота мы ее называемъ обновленной.

Сотрудникъ умолкъ, поправлялъ на носу очки и ждалъ отвѣта. Николай Ивановичъ не зналъ, что отвѣчать, и соображалъ. Наконецъ онъ произнесъ

— Вы хотите что-нибудь о русскомъ вліяніи?

— Да, да... Что-нибудь въ родѣ этого. Какіе, напримѣръ, ваши взгляды на нынѣшнее положеніе Болгаріи?

— Какъ вамъ сказать... Меня вотъ, напримѣръ, удивляетъ, что при такомъ русскомъ вліяніи, какое существуетъ теперь, у васъ до сихъ поръ нѣтъ русскихъ самоваровъ въ гостиницахъ. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ я заказываю чаю съ самоваромъ, и мнѣ отвѣчаютъ, что здѣсь въ Софіи въ гостиницахъ самоваровъ нѣтъ, и подаютъ вотъ этотъ дурацкій чайникъ вмѣсто самовара, мѣдный чайникъ у насъ въ Россіи всегда стоитъ на плитѣ. Согласитесь, что это странно! Неправда-ли?

И Николай Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на сотрудника болгарской газеты, ожидая отъ него отвѣта.

XXIII.

Сотрудникъ болгарской газеты въ свою очередь подумалъ, что ему отвѣчать относительно отсутствія самоваровъ въ болгарской гостиницѣ, и сказалъ:

— Видите-ли, русскіе самовары, по моему мнѣнію, отъ того въ Болгаріи не прививаются, что здѣсь вообще мало чаю пьютъ, и есть семьи, которыя совсѣмъ не знаютъ чаю.

— Да что вы! удивился Николай Ивановичъ.— Такъ что-же они пьютъ?

— Кофе, пиво, шипучую воду, простую ключевую воду съ вареньемъ. Наконецъ, состоятельные классы—вино. Мы имѣемъ прекрасное вино.

— Какъ во Франціи и Германіи?

— Да, какъ во Франціи и въ Германіи, ваше превосходительство.

— Такъ какое-же это русское вліяніе! Какой-же это поворотъ къ русскому, о которомъ кричатъ газеты! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—По моему, ужъ подражать, такъ подражать! Сливаться, такъ ужъ сливаться во всемъ, даже въ мелочахъ. Да чай и самовары я считаю даже и не мелочью. За самоваромъ, обыкновенно, у насъ на Руси собирается вся семья, къ самовару приглашаютъ добрыхъ знакомыхъ и пріятелей. Самоваръ располагаетъ къ общенію, за чаемъ человѣкъ дѣлается добрѣе, любезнѣе и тутъ зарождаются лучшія мысли и... намѣренія. Вы меня поняли?

— Отлично понялъ, ваше превосходительство, кивнулъ сотрудникъ болгарской газеты.—И совершенно съ вами согласенъ. Это вполнѣ вѣрно съ вашей стороны. Такъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и будетъ въ Болгаріи, когда эта младшая славянская сестра совсѣмъ сольется духомъ съ своей старшей сестрой. Но вѣдь у насъ пока только еще началось сближеніе.

— Пора, пора.., — покачалъ головой Николай Ивановичъ. — Давно пора. И если вы пишете въ болгарскихъ газетахъ, то я совѣтывалъ-бы вамъ по-

скорѣй написать самую громоносную статью о самоварахъ, гдѣ вы должны настаивать, чтобы каждая гостиница Болгаріи выписала-бы изъ Россіи не менѣе трехъ самоваровъ.

— Постараюсь,—съ улыбкой поклонился сотрудникъ болгарской газеты, сдѣлалъ маленькую паузу и продолжалъ: —Но я хотѣлъ-бы васъ спросить, какого мнѣнія вы держитесь относительно политическаго состоянія Болгаріи въ настоящее время?

— Политическаго?—протянулъ Николай Ивановичъ и не зналъ, что отвѣчать.—Политика, знаете, темное дѣло... Политика—это такая вещь... Впрочемъ, все это похвально, что вы теперь дѣлаете, похвально...

— Ну, а что говорятъ объ насъ у васъ въ высшихъ сферахъ?

— Да что говорятъ... Ничего не говорятъ. А о самоварахъ-то вы подумайте. Ахъ, да... спохватился Николай Ивановичъ. — А квасъ? А кислыя щи у васъ есть въ Болгаріи? Я вѣдь вотъ только сегодня утромъ пріѣхалъ и не успѣлъ еще ни съ чѣмъ ознакомиться.

— Нѣтъ, квасу и кислыхъ щей у насъ не дѣлаютъ,—отвѣчалъ сотрудникъ.

— Странно, по меньшей мѣрѣ странно! Вѣдь сближеніе-то начинается съ мелочей. Да такіе славянскіе напитки вовсе и не мелочи. Это вѣдь васъ турецкое иго отучило. Сначала турецкое иго, а потомъ Батенбергъ, Стамбуловъ съ своимъ западничествомъ. Скажите, стало быть, у васъ здѣсь въ

ресторанахъ нельзя и ботвиньи потребовать? Вы знаете, что такое ботвинья?

— О, да... Я жилъ въ Россіи. Я учился въ Одессѣ, слушалъ тамъ лекціи въ университетѣ и сколько разъ ѣлъ ботвинью.

— Такъ неужели здѣсь нельзя получить ботвиньи?—еще разъ спросилъ Николай Ивановичъ.

— Нельзя. Здѣсь вѣнская кухня. Наши болгарскіе повара также учились у вѣнцевъ. А главное, здѣсь квасу нѣтъ.

— Но отчего же послѣ такого поворота ко всему русскому, вы не выпишете изъ Москвы хорошаго квасовара, хоть только для Софіи? Онъ и научилъ-бы вашихъ болгаръ квасоваренію.

Сотрудникъ пожалъ плечами.

— Какъ вамъ сказать?.. Дѣйствительно, у насъ многаго еще не хватаетъ.

— А вы укажите въ газетахъ. Вотъ вамъ и еще сюжетъ для громоносной статьи—квасъ. Конечно, это дѣло городской думы. Прямо требуйте у думы, чтобы былъ выписанъ изъ Москвы квасоваръ для городскаго хозяйства. Пусть городъ устроитъ школу квасоваренія. Вѣдь у васъ, я думаю, если ужъ такой антагонизмъ существуетъ, то и селянки на сковородкѣ получить въ трактирѣ нельзя?

— Нельзя, покачалъ головой сотрудникъ.

— Такъ вотъ вмѣстѣ съ квасоваромъ выпишите и хорошаго русскаго повара изъ какого-нибудь московскаго трактира. Онъ научитъ, какъ и ботвинью

стряпать, какъ и растягаи дѣлать, какъ селянки мастерить. Такъ вотъ я все сказалъ.

И Николай Ивановичъ умолкъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство... Вы мнѣ еще не изволили высказать вашего взгляда относительно перемѣны нашей внутренней и внѣшней политики... относительно нашего поворота... снова обратился къ нему сотрудникъ.

— Какъ не высказалъ? Я все высказалъ. Я сказалъ: это похвально...

— Ну, а въ петербургскихъ высшихъ сферахъ какъ? Положимъ, можетъ быть это дипломатическая тайна, но я попросилъ-бы васъ сообщить мнѣ хотя кое-что въ предѣлахъ возможности.

Произнесенное слово „тайна" позволило ухватиться за него Николаю Ивановичу и онъ заговорилъ:

— Нѣтъ, это тайна, гробовая тайна и вы объ этомъ не просите! Я все сказалъ. Я далъ вамъ два сюжета для передовыхъ статей: самоваръ—разъ и квасъ—два. Ахъ, да... Какъ у васъ здѣсь въ Софіи насчетъ бань? Есть-ли хорошія русскія бани?

— Баня у насъ турецкая. Она передъ вашими окнами. Но въ нее ходятъ и болгары, и болгарки, отвѣчалъ сотрудникъ.

— Ахъ, да, да... То-то я видѣлъ въ окнахъ голыя красныя тѣла. Но вѣдь эта баня, я думаю, для простого народа, иначе неужели-бы полированный человѣкъ сталъ отираться полотенцемъ около незанавѣшеннаго окна! И наконецъ, это баня ту-

рецкая, а я про русскую баню спрашиваю: съ каменкой и полкомъ для паренья.

— Такой русской бани нѣтъ.

— Т-съ... А еще толкуете о томъ, что сдѣлали полный поворотъ ко всему русскому! процѣдилъ сквозь зубы Николай Ивановичъ, покачалъ головой и наставительно замѣтилъ:—Скорѣй нужно завести въ Софіи русскую баню на московскій манеръ и она будетъ служить образцомъ для бань другихъ болгарскихъ городовъ. И вотъ вамъ третья громоносная передовая статья: русская баня. Ну, ужъ теперь, кажется, все... Вамъ чаю стаканъ не прикажете-ли? предложилъ онъ сотруднику болгарской газеты.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я тороплюсь въ редакцію. Нужно написать, нужно послать въ типографію, отвѣчалъ тотъ, всталъ, переминался и, наконецъ, снова обратился къ Николаю Ивановичу:— Еще одинъ, можетъ быть, нескромный вопросъ. Вы съ какими цѣлями посѣтили нашу столицу, ваше превосходительство?

— Я? Просто изъ любопытства, чтобы видѣть славянскія земли. Я и жена туристы и пробираемся въ Константинополь.

— Туристы? Въ Константинополь? А вы не командированы какимъ-либо русскимъ министерствомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. По собственному желанію.

— Можетъ быть, это тоже тайна, которую вы, какъ дипломатъ, не въ правѣ сообщить?

— Нѣтъ, нѣтъ. То есть, конечно, я путешествую съ извѣстными цѣлями, но... Нѣтъ, Нѣтъ!

И Николай Ивановичъ махнулъ рукой.

— Въ такомъ случаѣ, не смѣю васъ, ваше превосходительство, утруждать больше своимъ присутствіемъ. Честь имѣю кланяться и поблагодарить за сообщенія.

И сотрудникъ болгарской газеты поклонился, Николай Ивановичъ подалъ ему руку, подала и Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ вышелъ его проводить въ корридоръ, и кричалъ ему вслѣдъ:

— Такъ не забудьте сюжеты для передовыхъ статей-то! Самоваръ, квасъ и баня! Русская баня на московскій манеръ!

XXIV.

Николай Ивановичъ вернулся изъ корридора въ комнату и торжествующе сказалъ женѣ:

— Каково! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, должно быть я очень похожъ на статскаго генерала!

— Да вѣдь самъ-же ты атестовалъ себя корридорному превосходительствомъ, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Э, матушка, другой сколько угодно атестуйся, но ничего не выйдетъ. А у меня есть даже во взглядѣ что-то такое превосходительное. Корридор-

ный съ перваго раза спросилъ меня, не превосходительство-ли я. Да и не въ одной Софіи. Въ Бѣлградѣ тоже.

И Николай Ивановичъ, заложа руку за бортъ пиджака и приподнявъ голову и хмуря брови, сталъ позировать передъ зеркаломъ.

— Лакеи и швейцары и мальчишекъ величаютъ превосходительствомъ, если имъ хорошо на чай даютъ, сказала Глафира Семеновна.

— Однако, я здѣшнему корридорному еще ни копѣйки не далъ. И наконецъ, вѣдь не одинъ корридорный. Вотъ сейчасъ былъ человѣкъ образованный, писатель, а какъ онъ меня присаливалъ превосходительствомъ-то!

— За то какъ не хорошо будетъ, если узнаютъ, что ты навралъ!

— А что такое? Головы за это не снимутъ.

— Непріятно будетъ, скажутъ: самозванецъ.

— Поди ты! Какъ узнать! Никто не узнаетъ.

— Да вѣдь паспортъ то твой на болгарской границѣ записывали. Тамъ вѣдь есть наше званіе.

— Это въ Цареброде-то? А Царебродъ отсюда верстъ триста. Никто не узнаетъ, если я буду себя держать по генеральски. А я буду себя такъ держать, проговорилъ Николай Ивановичъ и позвонилъ.

Вбѣжалъ корридорный.

— Слушайте, Францъ... обратился къ нему Николай Ивановичъ.—Херензи... Намъ мало этой комнаты. Венигъ... Намъ нужно еще комнату. Нохъ

ейнъ циммеръ... Мнѣ нужна пріемная. Вы видите, ко мнѣ начинаютъ ходить посѣтители и мнѣ негдѣ ихъ принять. Вы поняли?

— Разбирамъ, екселенцъ, поклонился корридорный.—Оште едина одая?

— Не свободна ли у васъ рядомъ комната? Тогда можно отворить вотъ эту дверь, указалъ Николай Ивановичъ на дверь.

— Има комната, има...

— Что ты затѣваешь! замѣтила Глафира Семеновна мужу.—Куда намъ?..

— Не твое дѣло. Ну, такъ отворите эту комнату, Францъ. Я ее беру... Это будетъ мой кабинетъ!

Николай Ивановичъ вышелъ съ Францемъ въ корридоръ. Черезъ нѣсколько времени Глафира Семеновна увидала, какъ изъ сосѣдняго номера распахнулась въ ихъ комнату дверь, а на порогѣ стояли корридорный и ея мужъ, и послѣдній говорилъ:

— Комната небольшая, всего стоитъ три лева въ сутки, но намъ такъ будетъ куда удобнѣе!

— Брось, Николай. Что ты затѣваешь! сказала Глафира Семеновна.

— Ахъ, оставь пожалуйста! Ну, что тебѣ за забота? А теперь, обратился Николай Ивановичъ къ корридорному:—хорошій фаэтонъ намъ. Мы ѣдемъ кататься по городу. Шпациренъ... Да чтобы лошади были хорошія, добры кони.

— Има, има, господине, поклонился корридорный и исчезъ исполнять приказъ.

— Одѣвайся, Глафира Семеновна, и ѣдемъ осматривать городъ, обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.—Я даже потребую изъ гостиницы человѣка себѣ на козлы. Пусть ѣдетъ тотъ молодецъ, который вчера встрѣтилъ насъ на желѣзной дорогѣ. Онъ расторопный малый, говоритъ немножко по-русски и можетъ служить намъ, какъ чичероне. Только ужъ ты одѣвайся по наряднѣе, прибавилъ онъ.

— Чудишь ты, кажется, покачала головой Глафира Семеновна и стала одѣваться.

Черезъ нѣсколько времени супруги неслись въ фаэтонѣ по Витошкой улицѣ. На козлахъ сидѣлъ вчерашній малый въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь“, оборачивался къ супругамъ и называлъ имъ зданія, мимо которыхъ они проѣзжали.

— Вы намъ, братушка, покажите домъ Стамбулова, то мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ, и тотъ клубъ, изъ котораго онъ ѣхалъ передъ смертью, говорилъ ему Николай Ивановичъ.

— Все покажу, ваше превосходительство. Даже и могилу его покажу, отвѣчалъ малый.—Я еще недавно сопровождалъ по городу одного генерала. Теперь мы ѣдемъ по Витошкой улицѣ. Это самая большая улица въ Софіи. Вотъ вдали церковь—это нашъ каѳедральный соборъ... Соборъ Краля Стефана.

— Ахъ, какой невзрачный! вырвалось у Глафиры Семеновны.

— Внутри мы его осмотримъ потомъ. За пятьдесятъ стотинки дьякъ намъ всегда его отворитъ.

А теперь будемъ смотрѣть улицы и дома, продолжалъ малый.—Вотъ черкова (т. е. церковь) Свѣти Спасъ. А улица эта, что идетъ мимо, называется Соборна улица.

— Такъ и по-болгарски называется? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Такъ и по-болгарски... Въ Софьи има и Московская улица. Тамъ домъ русскаго консульства. Вотъ налѣво нашъ Пассажъ... Прямо Дондуковски бульваръ... Но мы поѣдемъ къ княжью дворцу.

И черезъ нѣсколько минутъ фаэтонъ подъѣхалъ къ довольно красивому двухэтажному зданію княжескаго дворца, около котораго ходили часовые солдаты.

— Прежде былъ это турецкій конакъ и жилъ тутъ турецкій паша, а потомъ во дворецъ княжій его перестроили. Два милліона левовъ стоило, разсказывалъ съ козелъ малый.

— Ну, особаго великолѣпія дворецъ-то вашъ не представляетъ, замѣтила Глафира Семеновна.—У насъ есть и частные дома лучше его. Могли-бы своему князю получше выстроить и побольше.

— Деньги мало, государыня, послышался отвѣтъ.— А вотъ улица Славянска, улица Аксаковска... А вотъ садъ княжій...

Ѣхали бульваромъ.

— Это что за дворецъ? Не Стамбулова-ли домъ? спросилъ малаго Николай Ивановичъ.

— Нѣ, господине ваше превосходительство. Это Національный Болгарски банкъ.

— Болгарскій банкъ? Стой, стой! Я зайду въ банкъ. Мнѣ нужно размѣнять сербскія бумажки, сербскіе кредитные билеты.

— И еще есть банкъ. Отомански банкъ, ваше превосходительство.

— Это значитъ турецкій, что-ли?

— Туркски, туркски.

— Ну, зачѣмъ-же намъ туркскій! Тамъ вѣдь и конторщики турки. Лучше ужъ намъ съ братьями славянами имѣть дѣло. Сами мы славяне — славянамъ должны и ворожить. Остановись, братушка. Посмотримъ, какой-такой славянскій банкъ.

Фаэтонъ остановился около шикарнаго подъѣзда со швейцаромъ. Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна вышли изъ фаэтона и направились въ подъѣздъ.

— Полагаю, что ужъ, болгары-то должны размѣнять сербскія бумажки. Вѣдь сербъ болгарину самымъ близкимъ славянскимъ братомъ доводится,— говорилъ Николай Ивановичъ женѣ.

XXV.

Зала Болгарскаго банка была изрядно большая зала, устроенная на европейскій манеръ, три стѣны которой были отгорожены проволочными рѣшетками съ нумерованными окнами и за рѣшетками сидѣли у конторокъ пожилые и молодые, лысые и съ богатой шевелюрой конторщики. Четвертая стѣна была занята диванами для ожидающей публики, а посрединѣ стоялъ большой столъ для счета денегъ и написанія бланковъ, которые лежали тутъ-же. Около каждаго окна въ рѣшеткѣ стояли также маленькіе столики. Конторщики или возились съ книгами или съ перомъ за ухомъ разговаривали съ публикой, вообще не многочисленной. Николай Ивановичъ выбралъ конторщика посолиднѣе и подошелъ къ нему.

— Говорите по-русски? обратился онъ къ нему.

— Сколько угодно. Я изъ Москвы, отвѣчалъ конторщикъ.

— Русскій? Какъ это пріятно! Я изъ Петербурга.

— Нѣтъ, я болгаринъ, но служилъ въ Россіи. Что прикажете?

— А вотъ я желалъ-бы размѣнять эти сербскія бумажки на болгарскія деньги—и Николай Ивановичъ протянулъ конторщику пачку сербскихъ кредитныхъ билетовъ.

— Не мѣняемъ, отрицательно покачалъ головой конторщикъ.

— То есть какъ это? Совсѣмъ не занимаетесь размѣномъ кредитныхъ билетовъ?

— Русскихъ, французскихъ, австрійскихъ и другихъ—сколько угодно, но съ сербскими операцій не дѣлаемъ.

— Вотъ это забавно! Государство бокъ-о-бокъ, такое-же славянское, а вы отъ его денежныхъ билетовъ отвертываетесь.

— Курсъ очень низокъ. Къ тому-же они ходятъ только внутри страны.

— Какъ меня жидъ-то надулъ въ Бѣлградѣ! обратился Николай Ивановичъ къ женѣ и покачалъ головой.

— Въ Бѣлградѣ они отлично ходятъ, сказалъ конторщикъ.

— Ну, нѣтъ-съ. Ужъ если на откровенности пошло, то у меня ихъ не взяли въ Бѣлградѣ на желѣзной дорогѣ за билеты.

— Желѣзнодорожные билеты Восточной дороги вездѣ продаются только на золото.

Николай Ивановичъ былъ въ недоумѣніи.

— Гмъ.. Ну, братья-славяне! Даже свои славянскія бумажки не хотятъ мѣнять! проговорилъ Николай Ивановичъ.—Но неужели они такъ и должны у меня пропасть? У меня на триста динаровъ. Отсюда мы ѣдемъ въ Константинополь.

— Обратитесь къ евреямъ-мѣняламъ. Можетъ быть, они вамъ ихъ и размѣняютъ. Но предупреж-

даю, вамъ много потерять придется, улыбнулся конторщикъ.

— Ловко! Хорошее воспоминаніе мы увеземъ о сербскихъ братушкахъ! Ваши-то болгарскія кредитки хорошо-ли ходятъ?

— У насъ только золото и серебро.

— Тогда позвольте мнѣ на сто рублей болгарскаго золота и серебра.

И Николай Ивановичъ протянулъ конторщику сто рублей.

— При объявленіи, при объявленіи потрудитесь подать, отстранилъ отъ себя конторщикъ сторублевый билетъ и тутъ-же подалъ бланкъ.

Николай Ивановичъ взялъ бланкъ, заглянулъ въ него и сказалъ конторщику:

— Да тутъ у васъ по-болгарски...

— Пишите по-русски, все равно. „Представляя русскій кредитный билетъ въ сто рублей, прошу мнѣ выдать по курсу въ левахъ золотомъ...“

— Ну, хорошо. Вѣдь вотъ нигдѣ заграницей этого нѣтъ, чтобы объявленія писать. Приносишь въ банкъ сторублевую бумажку и сейчасъ тебѣ: „пожалуйте, разъ, два три“...

— Ну, что дѣлать! У насъ немножко бумажное царство. У васъ-же, русскихъ, учились.

Объявленіе подано, деньги размѣнены, и супруги Ивановы выходили изъ банка.

— Нѣтъ, каковы сербскіе братушки! Какими деньгами наградили! Только жиды ихъ и берутъ,

говорилъ Николай Ивановичъ.—Придется и здѣсь жида мѣнялу искать.

Они сѣли въ фаэтонъ и поѣхали.

— Куда теперь везешь? спросилъ Николай Ивановичъ сидѣвшаго на козлахъ чичероне въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь".

— Проѣдемся по Дондуковскому бульвару и домъ Стамбулова поѣдемъ смотрѣть, былъ отвѣтъ.

— А! Ладно! Ладно.

Тянулась улица, обсаженная только еще начинавшими приживать деревцами. Направо пустырь, далѣе невзрачный домишко, опять пустырь, стройка. Налѣво—то же самое. Вообще строющихся домовъ довольно много. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще только копаютъ рвы подъ фундаменты.

— Кто тутъ строится? кивнулъ Николай Ивановичъ на одно угловое мѣсто на какой-то улицѣ.

— Бывшій министръ Ухтумовъ домъ себѣ строитъ, былъ отвѣтъ съ козелъ.

Проѣхали сажень пятьдесятъ.

— А это подо что роютъ? спросилъ опять Николай Ивановичъ.

— Тутъ будетъ театръ.

— А теперь развѣ у васъ нѣтъ театра?

— Есть, но очень маленькій, въ Славянской Бесѣдѣ.

— А что это за Славянская Бесѣда такая?

— Ферейнъ и клубъ.

— А попасть туда намъ можно?

— Еще-бы вамъ-то нельзя, ваше превосходительство! Тамъ генераловъ любятъ.

Николай Ивановичъ гордо погладилъ бороду и поправилъ свой цилиндръ, накренивъ его на бекрень.

— Непремѣнно сегодня поѣдемъ туда.

Проѣхали еще сажень пятьдесятъ. Площадь. На площади стройка.

— Тутъ что строится?

— Новый каѳедральный соборъ будетъ.

— А тамъ что такое?

— Бывшій министръ Канакаловъ домъ себѣ строитъ. А вонъ тамъ по улицѣ фундаментъ дѣлаютъ, такъ это большой купецъ одинъ... Онъ овечьими шкурами торгуетъ.

— Сколько стройки-то! Сколько улицъ пустынныхъ раскинуто! Большой, красивый городъ Софія будетъ—обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Улита ѣдетъ, когда-то еще пріѣдетъ,—отвѣчала та.

— Не находишь-ли ты, что Софія немножко смахиваетъ на Царское Село?

— Пожалуй. Но тамъ все-таки куда больше построекъ.

— Бани, господинъ ваше превосходительство, у насъ строятся, большія сѣрныя бани,—разсказывалъ съ козелъ чичероне.—Сѣрныя бани будутъ и большая гостильница при нихъ. Курортъ... Для лѣченія,—прибавилъ онъ.

Выѣхали совсѣмъ на пустынную улицу, свернули за уголъ. Среди пустыря направо и пустыря

налѣво стоялъ двухэтажный небольшой бѣлый домикъ безъ всякихъ украшеній, но съ подъѣздомъ подъ навѣсомъ и съ балкономъ во второмъ этажѣ. Съ балкона были свѣсившись два траурные флага— черный съ бѣлымъ.

— Вотъ домъ Стамбулова,—указалъ съ козелъ чичероне.

— Этотъ-то?—вырвалось у Глафиры Семеновны.—Да не можетъ быть!

— Дѣйствительно маловатъ и скромноватъ—согласился Николай Ивановичъ.—У насъ даже въ провинціи богатые купцы куда шире живутъ. А тутъ такой большой болгарскій человѣкъ и въ такомъ маленькомъ домѣ жилъ! Я думалъ, что у Стамбулова, который всей Болгаріей ворочалъ, дворецъ былъ. Скромно, скромно жилъ Стамбуловъ! И около дома ни садика, ни двора приличнаго.

Очутились на углу бульвара. Фаэтонъ остановился.

— А вотъ здѣсь на углу былъ израненъ Стамбуловъ,—сказалъ съ козелъ чичероне.—Въ голову, въ руки, въ плечи... Пять докторовъ его лѣчили— вылѣчить не могли. А клубъ, изъ котораго онъ ѣхалъ домой, не далеко отсюда. Прикажите, ваше превосходительство, къ клубу ѣхать?—спросилъ онъ.

— Ну, что тутъ! Вези теперь въ соборъ. Нужно въ соборъ войти. А потомъ въ самый лучшій ресторанъ,—отдалъ приказъ Николай Ивановичъ.

Фаэтонъ помчался.

XXVI.

Былъ часъ пятый дня, когда супруги Ивановы осмотрѣли внутренность собора святаго Краля Стефана и побывали въ старинной церкви Свѣте Спасъ. Выходя изъ церкви Свѣте Спасъ, Николай Ивановичъ говорилъ женѣ:

— Церкви старинныя, а никакихъ древностей— вотъ что удивительно. Всего три четыре иконы древняго письма, а остальное все новѣйшее.

— Да, да... И къ тому-же какъ все плохо содержится, подтвердила супруга.—Ты замѣтилъ въ соборѣ? Даже полъ деревянный не сплоченъ, а со щелями; настоящаго отопленія нѣтъ, а стоятъ переносныя чугунки съ простыми желѣзными трубами, проведенными въ окна. Не изъ особенно ревностныхъ братья славяне къ своимъ храмамъ, прибавила она.

— Есть что нибудь еще осматривать? обратился Николай Ивановичъ къ своему чичероне.

— На могилу Стамбулова можно съѣздить.

— А это далеко?

— Полъ-часа ѣзды.

— Брось ты. Что намъ на могилу Стамбулова ѣздить! перебила ихъ Глафира Семеновна.—Домъ его видѣли, то мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ, видѣли— съ насъ и довольно.

— Княжескую печатницу можно посмотрѣть, ма-

дамъ ваше превосходительство, предложилъ проводникъ.

— Ну, ее! Какой тутъ интересъ!

— Садитесь, мадамъ. Памятникъ Александру II вы еще не видали и памятникъ нашимъ русскимъ лекарямъ, которые погибли въ войну за болгарское освобожденіе.

— Вотъ это дѣло другое. Туда насъ свезите. А потомъ въ самый лучшій ресторанъ. Я ужъ ѣсть начинаю хотѣть.

Фаэтонъ помчался. Опять пустыри, между старыхъ домишковъ, вросшихъ въ землю, опять начинающіе строиться дома, но на улицахъ вездѣ видно движеніе: ребятишки играютъ въ какую-то игру, швыряя въ чурку палками, бродятъ солдаты попарно и въ одиночку, проѣзжаютъ съ возами болгарскіе крестьяне въ овчинныхъ курткахъ и шапкахъ и везутъ то бочки, то сѣно, то солому, то мясо. По дорогѣ попадались кофейни и пивницы и въ нихъ народъ.

— Положительно болгарская Софія не похожа на своего сербскаго брата Бѣлградъ, рѣшилъ Николай Ивановичъ.

— Ну, а женскаго-то элемента и здѣсь на улицахъ не много. Простыя женщины есть, а изъ интеллигенціи, на комъ бы можно было наряды посмотрѣть, я совсѣмъ мало вижу, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Однако, мы видѣли десятка полтора дамъ.

— Да, и только въ фаэтонахъ, куда-то спѣшащихъ, а прогуливающихся никого.

Но вотъ осмотрѣны и памятники—очень скромный освободителю Болгаріи Александру II и очень удачный по замыслу—врачамъ, погибшимъ въ послѣднюю войну за освобожденіе Болгаріи. Послѣдній памятникъ помѣщается въ обширномъ скверѣ и состоитъ изъ пирамиды, составленной изъ множества скрѣпленныхъ между собой какъ-бы отдѣльныхъ камней, помѣщающейся на довольно высокомъ пьедесталѣ. На каждомъ камнѣ фамилія врача и такимъ образомъ пирамида является вся испестренная именами.

— Древнюю мечеть еще можно осмотрѣть—Софья Джамизи, предложилъ проводникъ.—Очень древняя, ваше превосходительство, такъ что боятся, чтобы не развалилась. Мы мимо нея проѣзжали. Она заколочена, но все-таки войти въ нее можно.

— Хочешь, Глаша? спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ!..Что я тамъ забыла? Еще обвалится и задавитъ насъ. Поѣдемъ лучше въ ресторанъ обѣдать.

— Княжій менажери есть съ звѣрями въ княжемъ саду, придумывалъ проводникъ достопримѣчательности.

— Обѣдать, обѣдать, стояла на своемъ Глафира Семеновна.—Какой здѣсь есть лучшій ресторанъ въ Софіи?

— Ресторанъ Панахова, ресторанъ Чарвенъ Ракъ (Красный Ракъ).

— Ну, вотъ въ Чарвенъ Ракъ насъ и везите.

Лошади опять помчали фаэтонъ.

Вотъ и ресторанъ „Чарвенъ Ракъ“ въ Торговой улицѣ. Входъ невзрачный, съ переулка, но лѣстница каменная, напоминяющая петербургскія лѣстницы въ небольшихъ домахъ. Въ первомъ этажѣ входъ въ кафе и въ пивницу, во второмъ—въ комнаты ресторана.

Супруги Ивановы вошли въ корридоръ съ вѣшалками. Ихъ встрѣтилъ черномазый и усатый малый въ потертомъ пиджакѣ, безъ бѣлья, вмѣсто котораго виднѣлась на груди и на шеѣ синяя гарусная фуфайка, съ мѣдной бляхой на пиджакѣ съ надписью „Portier“. Черномазый малый снялъ съ супруговъ верхоюю одежду и провелъ въ столовыя комнаты. Столовыхъ комнатъ было двѣ—обѣ большія. Онѣ были чистыя, свѣтлыя, съ маленькими столиками у оконъ и посерединѣ и имѣли стѣны, оклеенныя пестрыми обоями, не то въ китайскомъ, не то въ японскомъ вкусѣ, и поверхъ обоевъ были убраны дешевыми бумажными японскими вѣерами, а между вѣеровъ висѣло нѣсколько блюдъ и тарелокъ, тоже расписанныхъ въ китайско-японскомъ стилѣ. Публики было въ ресторанѣ не много. За столиками сидѣли только три компаніи мужчинъ, уже отобѣдавшихъ, пившихъ кофе и вино и курившихъ. Въ одной компаніи былъ офицеръ. Разговоръ за столиками шелъ по-болгарски. Супруги тоже выбрали себѣ столикъ у окна и усѣлись за нимъ. Къ нимъ подбѣжалъ слуга въ пиджакѣ и

зеленомъ передникѣ, подалъ имъ карту и по-нѣмецки спросилъ у нихъ, что имъ угодно выбрать.

— Братъ славянинъ или нѣмецъ? въ упоръ задалъ ему вопросъ Николай Ивановичъ.

— Азъ словенски...

— Ну, такъ и будемъ говорить по-словянски. Мы хотимъ обѣдать. Два обѣда.

— Вотъ карта, господине.

— А, у васъ по выбору! Ну, добре. Будемъ смотрѣть карту.

— Не разсматривай, не разсматривай, остановила мужа Глафира Семеновна.—Мнѣ бульонъ и бифштексъ. Только пожалуйста не изъ баранины и не на деревянномъ маслѣ, обратилась она къ слугѣ.

— Глаша, Глаша. Ты забываешь, что это Болгарія, а не Сербія. Тутъ деревянное масло и баранина не въ почетѣ, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ну, такъ бульонъ съ рисомъ, бифштексъ съ картофелемъ и мороженое. Поняли?

— Разумѣвамъ на добре, мадамъ, поклонился слуга.

— А мнѣ что-нибудь болгарское, сказалъ Николай Ивановичъ. Самое что ни на есть болгаристое, да изъ болгаристыхъ-то по болгаристѣе. Хочу пробовать вашу кухню.

— Заповѣдайте. Имамъ добръ готовачъ (то есть извольте, у насъ хорошій поваръ).

— Такъ вотъ, братушка, принеси мнѣ по своему выбору. Что хочешь, того и принеси.

— Говеждо расолъ соусъ отъ лукъ, сармо отъ лозовъ листне и пиле печено съ зеле.

— Самыя разпроболгарскія блюда уже это будутъ?

— Да, господине. Добръ обидъ.

— Ну, такъ тащи. Или нѣтъ! Стой! Бутылку чарвно вино.

— И сифонъ сельтерской воды, прибавила Глафира Семеновна.—Есть-ли у васъ?

— Все есте, мадамъ, отвѣчалъ слуга и побѣжалъ исполнять требуемое.

— Ты все забываешь, душечка, что это Софія, а не Бѣлградъ. Конечно-же, здѣсь все есть, сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

Слуга бѣжалъ обратно и несъ на подносѣ маленькую бутылочку и рюмки, коробку сардинъ и бѣлый хлѣбъ на тарелкѣ и, поставивъ все это, сказалъ:

— Русска ракія... Водка и закуска...

Николай Ивановичъ взглянулъ на бутылку, увидалъ ярлыкъ завода Смирнова въ Москвѣ и умилился.

— Вотъ за это спасибо! Вотъ за это мерси! воскликнулъ онъ.—Съ русской пограничной станціи Границы этого добра не видалъ. Глаша! Каково? Русская водка. Вотъ это истинные братья славяне, настоящіе братья, если поддерживаютъ нашу русскую коммерцію.

И онъ, наливъ себѣ рюмку водки, съ наслажденіемъ ее выпилъ и сталъ закусывать сардинкой.

XXVII.

Обѣдъ, чисто болгарской кухни, составленный для Николая Ивановича ресторpackагоннымъ слугой, особенно вкуснымъ, однако, Николаю Ивановичу не показался. Первое блюдо— говежо расолъ онъ только попробовалъ, изъ мяснаго фарша въ виноградныхъ листьяхъ съѣлъ тоже только половину. Третье блюдо пиле печено съ зеле оказалось жаренымъ цыпленкомъ съ капустой. Цыпленка Николай Ивановичъ съѣлъ, а капусту оставилъ, найдя этотъ соусъ совсѣмъ не идущимъ къ жаркому.

— Ну, что? спросила его Глафира Семеновна, подозрительно смотрѣвшая на незнакомыя кушанья.—Не нравится?

— Нѣтъ, ничего. Все-таки оригинально, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего-же не доѣдаешь?

— Да что-жъ доѣдать-то? Будетъ съ меня, что я попробовалъ. Зато теперь имѣю понятіе о болгарской стряпнѣ. Все-таки, она куда лучше сербской. Нигдѣ деревяннаго масла ни капли. Вотъ вино здѣсь красное монастырское хорошо.

— Что ты! Вакса. Я съ сельтерской водой насилу пью.

— На бургонское смахиваетъ.

— Вотъ ужъ нисколько-то не похоже... Однако, куда-же мы послѣ обѣда? Вѣдь ужъ темнѣетъ.

— Домой поѣдемъ.

— И цѣлый день будемъ дома сидѣть? Не желаю. Поѣдемъ въ театръ, что-ли, въ циркъ, а то такъ въ какой нибудь кафе-шантанъ, говорила Глафира Семеновна.

— Да есть-ли здѣсь театры-то? усумнился супругъ.—Здѣсь театръ только еще строится. Намъ давеча только стройку его показывали.

— Ты спроси афиши—вотъ и узнаемъ, есть-ли какія нибудь представленія.

— Кельнеръ! Афиши! крикнулъ Николай Ивановичъ слугѣ.

Слуга подскочилъ къ столу и выпучилъ глаза.

— Афиши. Молимъ васъ афиши... повторилъ Николай Ивановичъ.

— Здѣсь въ Софіи афиши не издаются, послышалось съ сосѣдняго стола.

Николай Ивановичъ обернулся и увидалъ коротенькаго человѣчка съ бородкой клиномъ и въ черномъ плисовомъ пиджакѣ, при бѣломъ жилетѣ и сѣрыхъ панталонахъ. Коротенькій человѣкъ всталъ и поклонился.

— Отчего? задалъ вопросъ Николай Ивановичъ.

— Оттого, что зрѣлищъ нѣтъ.

— Но вѣдь есть-же какія нибудь развлеченія? вмѣшалась въ разговоръ Глафира Семеновна.

— Кафешантаны имѣются при двухъ-трехъ го-

стинницахъ, но тамъ представленія безъ всякой программы.

— Стало быть это точно такъ же, какъ и въ Бѣлградѣ? Не весело-же вы живете!

— У насъ бываютъ иногда спектакли въ Славянской Бесѣдѣ... Но теперь весна... Весенній сезонъ.

— И въ клубахъ никакихъ нѣтъ развлеченій?

— Карты, шахматы.

— Какъ это скучно!

— Что дѣлать, мадамъ... Вы не должны ставить нашу Софью наравнѣ съ большими городами Европы. Мы только еще приближаемся къ Европѣ, сказалъ коротенькій человѣкъ и опять поклонился.

— Все равно. Мы поѣдемъ въ кафе-шантанъ, потому что я не намѣрена цѣлый вечеръ сидѣть дома, шепнула Глафира Семеновна мужу.

— Какъ хочешь, душенька. А только ловко-ли замужней-то женщинѣ въ кафе-шантанъ? отвѣчалъ тотъ и подозвалъ кельнера, чтобъ разсчитаться съ нимъ.

— А въ Парижѣ-то? Въ Парижѣ я была съ тобой и на балахъ кокотокъ въ Муленъ Ружъ и Шануаръ. Самъ-же ты говорилъ, что съ мужемъ вездѣ можно. Флагъ покрываетъ товаръ.

— Такъ-то оно такъ. Но въ Парижѣ насъ никто не зналъ.

— А здѣсь-то кто знаетъ?

Николай Ивановичъ поправилъ воротнички на рубашкѣ, пріосанился и отвѣчалъ:

— Ну, какъ тебѣ сказать... Здѣсь меня принимаютъ за особу дипломатическаго корпуса.

— Кто тебѣ сказалъ? Ты меня смѣшишь! воскликнула Глафира Семеновна.

— А давеча утромъ-то? Пріѣхалъ репортеръ и сталъ распрашивать. Вѣдь завтра мы будемъ ужъ въ газетѣ.

— Не смѣши меня, Николай! Какой-то дуракъ явился къ тебѣ съ разспросами, а ты ужъ и не вѣдь что подумалъ!

— Не кричи пожалуйста! Эта козлиная бородка и то насъ пристально разсматриваетъ.

Подошелъ слуга и принесъ счетъ. Николай Ивановичъ заглянулъ въ счетъ и поразился отъ удивленія. За шесть порцій кушанья, за водку, закуску, вино и сифонъ сельтерской воды съ него требовали семь съ половиной левовъ, что, считая на русскія деньги, было меньше трехъ рублей. Онъ отсчиталъ девять левовъ, придвинулъ ихъ къ слугѣ и сказалъ:

— А остальное возьмите себѣ.

Не менѣе Николая Ивановича поразился удивленіемъ и слуга, получивъ полтора лева на чай. Онъ даже весь вспыхнулъ и заговорилъ, кланяясь:

— Благодарю, господине! Благодарю, экселенцъ...

Супруги Ивановы поднялись изъ-за стола и хотѣли уходить изъ ресторана, какъ вдругъ къ нимъ подскочилъ коротенькій человѣкъ съ клинистой бородкой и, поклонясь, проговорилъ:

— Могу я просить у вашего превосходительства нѣсколько минутъ аудіенціи?

Николай Ивановичъ даже слегка попятился отъ удивленія, но отвѣчалъ:

— Сдѣлайте одолженіе.

Коротенькій человѣкъ вытащилъ изъ кармана записную книжку и карандашъ и продолжалъ:

— Я такой-же труженикъ пера, какъ и мой товарищъ, который посѣтилъ васъ сегодня поутру и которому вы удѣлили нѣсколько минутъ на бесѣду съ вами. Кто вы и что вы и зачѣмъ сюда пріѣхали, я, ваше превосходительство, очень хорошо знаю отъ моего сотоварища. Цѣль моя поинтервьюировать васъ для нашей газеты. Я состою сотрудникомъ другой газеты и даже совсѣмъ противоположнаго лагеря отъ той газеты, гдѣ пишетъ мой товарищъ. Вотъ, ваше превосходительство, вы теперь видѣли уже нашу Софью. Что вы можете сказать о ней и вообще о нашемъ поворотѣ въ русскую старину?

Николай Ивановичъ крякнулъ и произнесъ: „гмъ, гмъ“... Онъ рѣшительно не зналъ, что ему говорить.

— Городъ хорошій... Городъ съ будущностью... сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Я видѣлъ много незастроенныхъ мѣстъ, но видѣлъ уже много забутенныхъ фундаментовъ. Очень пріятно, что у васъ есть Аксаковская улица, Московская, Дондуковскій бульваръ, но очень жаль, что на этихъ улицахъ нѣтъ домовъ русской архитектуры. Понимаете? Хоть что нибудь-бы да въ русскомъ стилѣ...

А у васъ ничего, рѣшительно ничего... Вотъ этого я не одобряю.

— Осмѣлюсь замѣтить вашему превосходительству, что русскаго стиля на каменныхъ постройкахъ и въ Россіи нѣтъ, проговорилъ коротенькій человѣкъ.

— А зачѣмъ вамъ непремѣнно каменныя постройки? Вы возведите что-нибудь деревянное, но чтобъ русскій стиль былъ. Можно построить что-нибудь избеннаго характера, съ пѣтухами на конькѣ. Крыши, крыльцо можно устроить теремнаго характера. Вотъ тогда будетъ ужъ полный поворотъ къ русскому... А такъ... Однако, намъ пора... Прощайте! сказалъ Николай Ивановичъ, протягивая собесѣднику руку.—Ѣдемъ, Глафира Семеновна! обратился онъ къ женѣ.

— Осмѣлюсь обезпокоить ваше превосходительство еще однимъ вопросомъ. Вѣдь въ сущности мнѣ интересенъ вашъ взглядъ на нашу политику, остановилъ было Николая Ивановича коротенькій человѣкъ, но тотъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Извините, больше не могу... Не могу-съ... Когда-нибудь въ другой разъ...

И сталъ уходить изъ ресторана.

— Ну, что, Глаша? Каково? Видала? Неужели это, по твоему, второй дуракъ? обратился онъ къ женѣ, когда въ швейцарской сталъ надѣвать пальто.—Нѣтъ, матушка, во всей моей фигурѣ положительно есть что-то генеральское, административное... Вотъ тебѣ, милый, на чай... подалъ онъ

швейцару левъ и когда тотъ, въ восторгѣ отъ щедрой подачки, со всѣхъ ногъ бросился отворять дверь, величая его экселенцъ, онъ гордо сказалъ женѣ:—Глафира Семеновна! Слышали? Какъ вы должны радоваться, что у васъ такой мужъ!

XXVIII.

Есть еще что нибудь у васъ смотрѣть? спросилъ Николай Ивановичъ своего проводника—молодца въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь", который подсадилъ его въ фаэтонъ и остановился въ вопросительной позѣ.

— Все осмотрѣли, господине ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ, приложившись по военному подъ козырекъ.

— Врешь. Мы еще не видали у васъ ни одного такого мѣста, гдѣ производились надъ вами, болгарами, турецкія звѣрства.

— Турецкія звѣрства? спросилъ проводникъ, недоумѣвая.

— Да, да, турецкія звѣрства. Тѣ турецкія звѣрства, про которыя писали въ газетахъ. Я помню... Вѣдь изъ-за нихъ-то и начали васъ освобождать, разъяснилъ Николай Ивановичъ.—Гдѣ эти мѣста?

— Не знаю, господине, покачалъ головой проводникъ.

— Ну, значитъ, самаго главнаго-то вы и не знаете. Тогда домой везите насъ, въ гостиницу...

Фаэтонъ помчался.

— Досадно, что я не разспросилъ про эти мѣста давишняго газетнаго корреспондента, говорилъ Николай Ивановичъ женѣ.—Тотъ навѣрное знаетъ про эти мѣста.

— Выдумываешь ты что-то, проговорила Глафира Семеновна. Про какія такія звѣрства выдумалъ!

— Какъ выдумываю! Ты ничего этого не помнишь, потому что во время турецкой войны была еще дѣвченкой и подъ столъ пѣшкомъ бѣгала, а я ужъ былъ саврасикъ лѣтъ подъ двадцать и хорошо помню про эти турецкія звѣрства. Тогда только и дѣла, что писали въ газетахъ, что тамъ-то отняли турки у болгарина жену и продали въ гаремъ, тамъ-то похитили двухъ дѣвицъ у жениховъ, а женихамъ, которые ихъ защищали, отрѣзали уши. Писали, что башибузуки торгуютъ болгарскими бабами, какъ овцами, на рынкахъ—вотъ я и хотѣлъ посмотрѣть этотъ рынокъ.

— Да вѣдь это было такъ давно, возразила жена.

— Понятное дѣло, что давно, но вѣдь мѣсто-то торговли женскимъ поломъ все-таки осталось—вотъ я и хотѣлъ его посмотрѣть.

— Брось. Лучше поѣдемъ въ кафе-шантанъ какой нибудь.

— Рано, мать моя! Прежде проѣдемъ домой,

расчитаемся съ извощикомъ, напьемся чаю, отдохнемъ, а потомъ и отправимся разыскивать какое нибудь представленіе.

Фаэтонъ остановился около гостиницы. Изъ подъѣзда выскочили вынимать супруговъ изъ фаэтона швейцаръ, двѣ бараньи шапки, корридорный и „слугиня“ въ расписномъ ситцевомъ платкѣ на головѣ.

— Чаю и чаю! Скорѣй чаю! командовалъ Николай Ивановичъ, поднимаясь по лѣстницѣ въ сопровожденіи прислуги.—А ты, метрополь, разсчитайся съ возницей.

И Николай Ивановичъ подалъ проводнику двѣ серебряныя монеты по пяти левовъ.

Войдя къ себѣ въ номеръ, онъ нашелъ на столѣ три визитныя карточки корреспондентовъ газетъ. Тутъ былъ и „Свободный Гласъ“, и „Свободное Слово“, и „Свободная Рѣчь“. Николай Ивановичъ торжествовалъ.

— Смотри, сколько корреспондентовъ итересуются поговорить со мной и узнать мое мнѣніе о Болгаріи! указалъ онъ женѣ на карточки.—Положительно меня здѣсь принимаютъ за дипломата!

— Ахъ, боюсь я, чтобы изъ этого что-нибудь не вышло, покачала головой Глафира Семеновна.

— Полно. Что можетъ выдти изъ этого!

— Все-таки ты выдаешь себя не за того, кто ты есть, и величаешь себя не подобающимъ чиномъ.

— Я выдаю себя? Я величаю? Да что ты, мать

моя! Это они выдаютъ меня за кого-то и величаютъ превосходительствомъ. А я тутъ не причемъ. Смотри-ка, одинъ-то корреспондентъ даже какой-то нѣмецкой газеты, проговорилъ Николай Ивановичъ, разсматривая карточку, повернувъ ее на другую сторону.—„Фрейблатъ", прочелъ онъ.

Но въ это время отворилась дверь и въ номеръ торжествующе вошелъ корридорный. Въ рукахъ онъ держалъ грязный, но вычищенный самоваръ.

— Заповѣдайте, господине. Это русски самоваръ, сказалъ онъ.—Сѣднете, моляви...

Сзади его черномазый слуга несъ подносъ съ чашками, чайникомъ, лимономъ и сахаромъ.

Поставивъ самоваръ на столъ, корридорный сталъ разсказывать, какъ ему хотѣлось угодить русскому экселенцу, какъ онъ побѣжалъ искать самоваръ для него и наконецъ нашелъ у одного еврея-мѣдника.

— Глаша! Каково? Достали таки намъ самоваръ! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Иди, заваривай чай. Теперь всласть напьемся.

Глафира Семеновна подошла къ столу, взяла чайникъ, но чай былъ въ немъ уже заваренъ.

— Не умѣютъ и подавать-то какъ слѣдуетъ сказала она, принимаясь полоскать чашки.—Подаетъ самоваръ на столъ и къ нему чайникъ съ завареннымъ чаемъ. А самоваръ-то до чего грязенъ! Смотри, даже зелень на немъ.

— Все-таки, онъ хотѣлъ намъ услужить и за

это спасибо ему. Спасибо, братушка, спасибо! кивнулъ корридорному Николай Ивановичъ.

— Пакъ да се видимъ (т. е. досвиданья), экселенцъ, почтительно поклонился тотъ и ретировался.

Напившись дома чаю, супруги Ивановы рѣшили идти посидѣть въ кафе-шантанъ. Они сошли внизъ и стали разспрашивать швейцара, какъ имъ идти по улицѣ, какъ вдругъ появился ихъ давишній проводникъ въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь“.

— Сейчасъ я узналъ, что сегодня театръ есть, ваше превосходительство, сказалъ онъ, вытаскивая изъ кармана большую зеленую афишу.—Въ кафе-шантанъ вы еще послѣ театра поспѣете, а вотъ не хотите-ли сначала въ болгарскій театръ?

— Какъ-же мнѣ говорили, что у васъ въ Софіи нѣтъ теперь спектаклей, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Есть, но театръ-то очень ужъ простой, ваше превосходительство, для простой публики

— Это то-есть народный, что-ли?

— Народный, народный. Простой болгарскій народный.

— Тѣмъ лучше. Народъ увидимъ, народную жизнь.

— Покажите. Что даютъ? сказала Глафира Семеновна и взяла афишу, измятую, карнаухую, очевидно, снятую откуда-то со стѣны.

На афишѣ по-болгарски стояло, что въ театрѣ „Зора“ представлена будетъ пьеса „Галилей“.

— Да мы эту афишу, теперь я вспоминаю, сегодня утромъ видѣли на заборѣ, проговорилъ Ни-

колай Ивановичъ.—Ну, ведите насъ, почтенный чичероне. Далеко это?

— Рядомъ, господине, ваше превосходительство.

И супруги отправились въ сопровожденіи малаго въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь“.

Идти, дѣйствительно, было не далеко. Чрезъ тричетыре минуты они подошли къ досчатому забору, наскоро вымазанному охрой. Въ заборѣ была калитка и около нея горѣлъ керосиновый фонарь.

— Вотъ сюда... указалъ проводникъ на калитку и черезъ нее ввелъ супруговъ на грязный немощеный темный дворъ. Вдали виднѣлась освѣщенное нѣсколькими фонарями одноэтажное деревянное зданіе. Къ нему черезъ грязь были проложены узенькія доски.

— Это-то театръ „Зора“ и есть? спросилъ Николай Ивановичъ, балансируя по доскѣ.

— Для простого народа, ваше превосходительство. Самый простой театръ.

По доскамъ всѣ трое слѣдовали гуськомъ. Глафира Семеновна, видя убожество театра, обернулась къ мужу и спросила:

— Послушай, Николай, не вернутся-ли ужъ намъ назадъ? Что-то и на театръ не похоже. Не то землянка какая-то, не то изба, вросшая въ землю. Окна-то вѣдь совсѣмъ на землѣ.

— Иди, иди. Все-таки посмотримъ, что за театръ и какое такое представленіе, а не понравится—уйдемъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна двинулась опять впередъ.

XXIX.

Но вотъ и досчатыя, какъ у сарая, широко-распахнутыя двери театра, освѣщенныя фонаремъ съ маленькой керосиновой лампочкой. Глафира Семеновна подошла къ дверямъ и попятилась. Оказалось, что надо спускаться ступеней пять-шесть внизъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду туда... Это подвалъ какой-то, проговорила она.

— Подвалъ и то. Что-же это у васъ театръ-то въ склепѣ? спросилъ Николай Ивановичъ проводника, опередивъ жену и тоже заглянувъ внизъ.

— Простой болгарскій театръ, отвѣчалъ проводникъ. — Но только, кажется, я ошибся. Сегодня представленія нѣтъ.

Изъ подвала доносилось нѣсколько мужскихъ голосовъ. По тону слышно было, что голоса переругивались. Проводникъ побѣжалъ внизъ, тотчасъ-же вернулся и объявилъ супругамъ, что спектакль сегодня отмѣнили.

— Какъ отмѣнили? Зачѣмъ-же ты, братушка, велъ насъ сюда?.. удивленно сказалъ Николай Ивановичъ проводнику.

— Афиша... Объявленіе... развелъ тотъ руками и, вынувъ изъ кармана зеленую афишу, при свѣтѣ фонаря ткнулъ въ помѣченное на ней число.

— Ну, а отчего-же отмѣнили?

— Левовъ мало собрали.

— Да оно и лучше. Все равно я въ такой склепъ не пошла-бы, заявила Глафира Семеновна.

— Но, все-таки, мнѣ хочется посмотрѣть внутренность здѣшняго театра, проговорилъ Николай Ивановичъ. — Глаша, ты подожди здѣсь, а я спущусь внизъ, обратился онъ къ женѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь одна оставаться.

— Да съ тобой нашъ Метрополь останется. Онъ тебя не дастъ въ обиду.

И Николай Ивановичъ спустился внизъ. Внизу его обдало теплымъ, но сырымъ воздухомъ. Онъ очутился въ досчатомъ некрашенномъ, и даже изъ невыструганныхъ досокъ, корридорѣ. Въ немъ была будка съ надписью: „Касса". Двое подростковъ въ овчинныхъ шапкахъ, при свѣтѣ мигающей на стѣнѣ лампочки, вязали въ узелъ какое-то пестрое тряпье съ позументами, очевидно, костюмы. Подскочилъ солдатъ въ шинели и въ фуражкѣ и закатилъ одному изъ подростковъ за что-то затрещину. Тотъ заревѣлъ и принялся ругаться.

Въ отворенную изъ корридора дверь, Николай Ивановичъ вошелъ въ зало театра.. Пришлось спуститься еще три ступени внизъ. Это былъ просто большой сарай съ узенькими досчатыми некрашенными скамейками передъ виднѣвшейся въ глубинѣ приподнятой сценой. Въ первомъ ряду, впрочемъ, стояли стулья. На сценѣ занавѣсъ былъ поднятъ и при свѣтѣ лампочки можно было видѣть двухъ

солдатъ, бродившихъ по ней. Декорацій никакихъ, но за то сцена была обставлена елками.

„Ну, театръ"! подумалъ Николай Ивановичъ, покачавъ головой и вернулся обратно въ корридоръ.

— Когда-же у васъ теперь будетъ спектакль? спросилъ онъ все еще плачущаго подростка, стоявшаго около узла.

— Въ недѣлю, господине, въ недѣлю (т. е. въ воскресенье), отвѣчалъ тотъ.

Николай Ивановичъ поднялся во дворъ.

— Ну, что? встрѣтила его жена.

— Ужасъ что за помѣщеніе! Даже наши дачные актеры-любители, пожалуй, не стали-бы играть въ такомъ помѣщеніи, а ужъ тѣ на что неразборчивы. Братушка, да неужели у васъ въ Софіи нѣтъ какого-нибудь получше помѣщенія, гдѣ даются спектакли? отнесся Николай Ивановичъ къ проводнику.

— Има, господине. Въ Славянской Бесѣдѣ бываютъ спектакли. То для хорошей публики. Тамъ учители бываютъ отъ наша гимназіи, судіи, прокуроръ, офицеры...

Супруги, балансируя по дощечкѣ, начали опять выходить на улицу.

— Я дома вечеръ сидѣть не желаю, заявила Глафира Семеновна мужу. — Вѣдь это скучища... съ тоски помрешь. Пусть братушка сведетъ насъ въ кафе-шантанъ.

— Идемте, моляви, мадамъ. Есть хорошій кафе-шантанъ въ гостинницѣ „Одесса", откликнулся

проводникъ.—Пѣніе и танцы иноземныхъ пѣвицъ. Есть нѣмски актрисы, есть французски актрисы.

— Далеко это? спросилъ Николай Ивановичъ проводника.

— Сзади нашей гостинницы. Близко. Черезъ три улицы.

— Ну, такъ и веди.

Супруги двинулись по улицѣ, мимо освѣщенныхъ пивныхъ и кофеенъ. Въ окнахъ вездѣ виднѣлся народъ. Изъ пивныхъ доносилась музыка, напоминающая нашу музыку на масляничныхъ каруселяхъ. Визжали единичные кларнетъ и скрипка и ихъ покрывали тромбонъ или труба.

Но вотъ входъ въ кафе-шантанъ при гостинницѣ „Одесса“. У подъѣзда виситъ красный фонарь съ надписью: „Ресторанъ Одесса“.

Ресторанъ помѣщается въ нижнемъ этажѣ. Это довольно большая зала безъ всякихъ украшеній, уставленная маленькими столиками. У одной изъ стѣнъ эстрада, задняя стѣна которой задрапирована зеленымъ коленкоромъ. У эстрады піанино. Съ потолка висятъ трапеція и кольца для гимнастовъ, но эстрада еще пуста. Представленіе еще не начиналось.

— За входъ-то надо платить? Гдѣ касса? спросилъ Николай Ивановичъ проводника.

— Ничего не надо. Здѣсь за входъ ничего не берутъ, господине ваше превосходительство, почтительно отвѣчалъ тотъ.—Вотъ выберете себѣ хоро-

шій столъ, сядете, спросите вина или чего нибудь поясти и будете смотрѣть спектакль.

И онъ тотчасъ-же выбралъ столикъ противъ эстрады и сказалъ супругамъ по-болгарски:

— Заповѣдайте, сѣднете, моля ви...

Супруги усѣлись.

Проводникъ спросилъ ихъ, оставаться-ли ему или уходить.

— Уходите. Домой дорогу и одни найдемъ, кивнулъ ему Николай Ивановичъ—и проводникъ, раскланявшись, удалился.

Публики въ залѣ было очень немного. За однимъ столомъ сидѣли два офицера, пили пиво и играли въ шахматы. За другимъ столомъ компанія статскихъ болгаръ, плечистыхъ, бородатыхъ съ черными бровями, сросшимися надъ носомъ, ужинали. Слуга только что принесъ имъ на блюдѣ цѣльнаго зажареннаго ягненка и одинъ изъ ужинающихъ принялся ножомъ кромсать этого ягненка, придерживая его не вилкой, а прямо рукой. За третьимъ столомъ двѣ пожилыя, сильно накрашенныя грудастыя женщины въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ и съ розами въ волосахъ пили кофе и разговаривали по нѣмецки. Съ ними сидѣлъ молодой усатый субъектъ въ красномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ, причесанный á la капуль и пилъ вино. Это были, какъ оказалось впослѣдствіи, исполнитель и исполнительницы нумеровъ увеселительной программы. Около ихъ стола сидѣла большая черная собака и не спускала съ нихъ глазъ, ожидая подачки.

Къ супругамъ подошелъ кельнеръ, одѣтый на парижскій манеръ, въ черномъ пиджакѣ и бѣломъ длинномъ передникѣ до носковъ сапоговъ, и спросилъ ихъ по-нѣмецки, что они прикажутъ.

— Братъ славянинъ? спросилъ его въ свою очередь Николай Ивановичъ.

— Нѣ, господине. Нѣмски человѣкъ, отвѣчалъ тотъ. — Но я говорю по русски. Здѣсь ресторанъ Одесса, а я жилъ и въ русски городѣ Одесса.

— Отлично... Но когда-же у васъ представленіе начнется?

— Когда публикумъ побольше соберется, господине. — Теперь скоро. Въ девять часовъ придетъ музыкантъ—и тогда начнется.

Николай Ивановичъ заказалъ себѣ бутылку Монастырскаго вина, а женѣ велѣлъ подать апельсиновъ—и они стали ждать представленія.

XXX.

Публики прибывало мало, но къ представленію все-таки готовились и у эстрады стали зажигать двѣ большія керосиновыя лампы. Изъ дамъ, не считая исполнительницъ увеселительной программы, въ ресторанѣ была только одна Глафира Семеновна. Актрисы косились въ ея сторону, подсмѣивались и что-то шептали свое-

му собесѣднику въ красномъ фракѣ. Глафира Семеновна это замѣтила и сказала мужу:

— Халды... Нахалки... Чего это онѣ на меня глаза таращатъ?

— Да, видишь-ли, здѣсь должно быть не принято, чтобъ сюда замужнія дамы ходили, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— А почему онѣ знаютъ, что я замужняя?

— Ну, ужъ это сейчасъ для каждаго замѣтно. Конечно-же, строго говоря, тебѣ здѣсь сидѣть не совсѣмъ удобно.

— А вотъ хочу и буду сидѣть! капризно проговорила Глафира Семеновна.—При мужѣ мнѣ вездѣ удобно. Съ мужемъ я даже еще въ болѣе худшее мѣсто пойду и никто меня не долженъ осуждать. Я туристка и все видѣть хочу.

— Да будемъ сидѣть, будемъ.

Среди публики появился англичанинъ въ желтой клѣтчатой парочкѣ, тотъ самый, который ѣхалъ вмѣстѣ съ супругами въ одномъ вагонѣ. Фотографическій аппаратъ, бинокль въ кожаномъ чехлѣ и баулъ съ сигарами висѣли у него черезъ плечо на ремняхъ такъ-же, какъ и въ вагонѣ. Онъ усѣлся за столикомъ и спросилъ себѣ бутылку портеру.

Пришла еще одна дама исполнительница—тоже ужъ почтенныхъ лѣтъ, но въ бѣломъ платьѣ и съ необычайно роскошной шевелюрой, взбитой какой-то копной на макушкѣ и зашпиленной бронзовой шпагой необычайныхъ размѣровъ. Она ухарски хлоп-

нула по плечу усача въ красномъ фракѣ, подала руку накрашеннымъ въ черныхъ платьяхъ дамамъ и подсѣла къ нимъ.

Невдалекѣ отъ супруговъ, за столикомъ, появился турокъ въ статскомъ платьѣ и въ красной фескѣ и подмигнулъ дамамъ исполнительницамъ, какъ знакомымъ. Одна изъ дамъ въ черномъ платьѣ тотчасъ-же сдѣлала ему носъ, а блондинка въ бѣломъ платьѣ снялась со стула и подошла къ нему. Онъ велѣлъ слугѣ подать маленькую бомбоньерку съ конфектами и передалъ блондинкѣ. Она взяла ее и понесла товаркамъ. Тѣ показывали знаками турку, чтобъ онъ и имъ прислалъ по такой-же бомбоньеркѣ. Онъ поманилъ ихъ къ себѣ, но онѣ не пошли. Все это наблюдала Глафира Семеновна отъ своего стола и наконецъ проговорила:

— Крашеныя выдры! Туда-же жеманятся.

Но вотъ раздались звуки піанино. Косматый блондинъ въ очкахъ и съ клинистой бородкой игралъ одинъ изъ вальсовъ Штрауса и подмигивалъ дамамъ исполнительницамъ, вызывая ихъ на эстраду. Тѣ отрицательно покачивали головами и ѣли конфекты изъ бомбоньерки.

Вальсъ конченъ. Косматый блондинъ въ очкахъ ломалъ себѣ пальцы. Въ это время красный фракъ махнулъ ему красной-же шляпой. Блондинъ проигралъ какой-то веселый плясовой ритурнель. Красный фракъ вскочилъ на эстраду, прижалъ красную шляпу къ груди и поклонился публикѣ. Ему слегка зааплодировали и онъ подъ акомпа-

ниментъ піанино запѣлъ нѣмецкіе куплеты. Распѣвая ихъ, онъ приплясывалъ, маршировалъ, при окончаніи куплета становился во фронтъ и таращилъ глаза.

Наконецъ онъ кончилъ при жиденькихъ хлопкахъ и на смѣну ему появилась одна изъ дамъ въ черномъ платьѣ.

Она пѣла тоже по-нѣмецки, но что-то жеманное, чувствительное, то прижимая руку къ сердцу, то поднимая ее къ верху. Голосъ пѣвицы былъ окончательно разбитъ и пѣла она то и дѣло фальшивя, но когда кончила и ей зааплодировали.

— Это въ благодарность за то, что кончила терзать уши слушателей, язвительно замѣтила Глафира Семеновна.

— Да, пѣвичка изъ такого сорта, что у насъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ прогнали-бы съ эстрады, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Третьимъ нумеромъ пѣла вторая дама въ черномъ платьѣ. Эта пѣла тоже по-нѣмецки, почти мужскимъ басомъ, исполняя что-то канканистое, шевелила юбками и показывала голубые чулки. Ее также встрѣтили и проводили жиденькими хлопками.

Но вотъ на эстрадѣ появилась блондинка въ бѣломъ платьѣ, бойко подбѣжала она къ піанино, ухарски уперла руки въ боки, и весь залъ зааплодировалъ, застучалъ по столу кружками, стаканами, затопалъ ногами.

— Mes am ours! провозгласила она и запѣла французскую шансонетку, подергивая юбкой, и ко-

гда кончила куплеты, то такъ вскинула ногу, что показала публикѣ не только тѣльные чулки, но и розовыя подвязки.

Восторгъ публики былъ неописанный. Среди аплодисментовъ зазвенѣли рюмки и стаканы, застучали ножи и тарелки. Захлопалъ и Николай Ивановичъ, но Глафира Семеновна дернула его за рукавъ и сказала:

— Да ты никакъ съума сошелъ! При женѣ и вдругъ аплодируешь какой-то...

— Матушка, да вѣдь мы въ кафе-шантанѣ. Зачѣмъ-же ты тогда сюда просилась?

— Все равно при женѣ ты не долженъ хлопать безстыдницѣ.

— Душечка, она живой человѣкъ послѣ этихъ нѣмокъ.

— Молчи, пожалуйста.

У супруговъ начался споръ. А блондинка ужъ подходила къ Николаю Ивановичу и протягивала ему развернутый вѣеръ, на которомъ лежалъ серебряный левъ, и говорила:

— Ayez la bontè de donner quelque chose, monsieur...

Николай Ивановичъ смѣшался.

— Глаша! Надо дать сколько нибудь, сказалъ онъ, наконецъ.

— Не смѣй!

— Однако, вѣдь мы слушали-же. Я дамъ... Хоть во имя франко-русскихъ симпатій дамъ. Вѣдь это француженка.

Николай Ивановичъ полѣзъ въ кошелекъ, вынулъ два лева и положилъ на вѣеръ.

— Тогда собирайтесь домой въ гостинницу. Не хочу я больше здѣсь оставаться, проговорила Глафира Семеновна и поднялась изъ-за стола, надувъ губы.

— Постой... Дай хоть за вино и апельсины расчитаться. Чего ты взбѣленилась-то? спрашивалъ Николай Ивановичъ супругу.

— Не могу я видѣть, когда ты дѣлаешь женщинамъ плотоядные глаза.

— Я сдѣлалъ плотоядные глаза? Вотъ ужъ и не думалъ и не воображалъ. Кельнеръ! получите! поманилъ онъ слугу и сталъ расчитываться, а къ столу ихъ подходили ужъ и нѣмки въ черныхъ платьяхъ и протягивали ему свои черные вѣера.

Онъ имъ положилъ по леву.

— Скоро вы расчитаетесь? торопила его Глафира Семеновна.—Я устала и спать хочу...

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Могу только удивляться, что каждая старая крашеная выдра можетъ васъ заинтересовать...

— Да вѣдь сама-же ты...

— Вы кончили? А то я ухожу одна.

И Глафира Семеновна направилась къ выходу.

Николай Ивановичъ сунулъ кельнеру нѣсколько мелочи и побѣжалъ за женой.

Когда они уходили изъ зала, на трапеціи раскачивался гимнастъ—мальчикъ подростокъ въ трико, а косматый піанистъ наигрывалъ какой-то маршъ.

XXXI.

Отъ кафе-шантана до гостинницы, гдѣ остановились супруги Ивановы, было минутъ пять ходьбы, но всѣ эти пять минутъ прошли у нихъ въ переругиваніи другъ съ другомъ. Глафира Семеновна упрекала мужа за плотоядные глаза, которыми онъ будто-бы смотрѣлъ на пѣвицъ, упрекала за тѣ левы, которыя онъ положилъ на вѣера, а мужъ увѣрялъ, что и въ кафе-шантанъ-то онъ пошелъ по настоянію жены, которая не захотѣла сидѣть вечеръ въ гостинницѣ и непремѣнно жаждала хоть какихъ нибудь зрѣлищъ.

— И вздумала къ кому приревновать! Къ старымъ вѣдьмамъ. Будто-бы ужъ я не видалъ хорошихъ бабъ на своемъ вѣку, сказалъ онъ.

— А гдѣ ты видѣлъ хорошихъ бабъ? Гдѣ? Ну-ка, скажи мнѣ, съ яростью накинулась супруга на Николая Ивановича. — Гдѣ и когда у тебя были эти бабы?

— Да нигдѣ. Я это такъ къ слову... Мало-ли мы съ тобой по какимъ увеселительнымъ мѣстамъ ѣздили! Полъ Европы объѣздили и вездѣ поющихъ и пляшущихъ бабъ видѣли. Да вотъ хоть-бы взять Муленъ Ружъ въ Парижѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не виляй. Отъ меня не увильнешь. Я не дура какая-нибудь. Ты не про Парижъ мнѣ намекнулъ, а очевидно, про Петербургъ.

Николай Ивановичъ стиснулъ зубы отъ досады на безпричинный гнѣвъ супруги и послѣ нѣкоторой паузы спросилъ:

— Послушай... У тебя не мигрень-ли начинается? Не нервы-ли расходились? Такъ я такъ ужъ и буду держать себя. Наберу въ ротъ воды и буду молчать, потому при мигренѣ тебя въ ступѣ неутолчешь.

— Безстыдникъ! Еще смѣешь хвастаться передъ женой, что у тебя въ Петербургѣ были какія-то особенныя бабы! сказала Глафира Семеновна и умолкла.

Они подошли къ подъѣзду гостинницы. Швейцаръ распахнулъ имъ дверь и съ улыбкой привѣтствовалъ ихъ:

— Добръ вечеръ, экселенцъ! Добръ вечеръ, мадамъ экселенцъ!

Онъ далъ звонокъ наверхъ. Съ лѣстницы на встрѣчу супругамъ бѣжалъ корридорный и тоже привѣтствовалъ ихъ:

— Заповядайте (т. е. пожалуйте), экселенцъ! Заповядайте, мадамъ. Русски самоваръ? спросилъ онъ ихъ.

— Да пожалуй... давай самоваръ. Отъ скуки чайку напиться не мѣшаетъ, сказалъ Николай Ивановичъ, взглянувъ на часы.

Часы показывали всего одиннадцать.

Корридорный отворилъ супругамъ ихъ помѣщеніе, зажегъ лампу и подалъ визитную карточку.

— Опять корреспондентъ! воскликнулъ Николай

Ивановичъ.—А ну ихъ къ лѣшему! Надоѣли хуже горькой рѣдьки.

— А кто виноватъ? опять вскинулась на него жена.—Самъ виноватъ. Не величайся превосходительствомъ, не разыгрывай изъ себя генерала.

Николай Ивановичъ надѣлъ пенснэ на носъ, прочелъ надпись на карточкѣ и сказалъ:

— Нѣтъ, это не корреспондентъ, а прокуроръ.

— Какъ прокуроръ? испуганно спросила Глафира Семеновна.

— Да такъ... Прокуроръ Стефанъ Мефодьевичъ Авичаровъ. Прокуроръ...

Глафира Семеновна язвительно взглянула на мужа и кивнула ему:

— Поздравляю! Доплясался.

— То есть какъ это доплясался? спросилъ тотъ и вдругъ, сообразивъ что-то, даже измѣнился въ лицѣ.

По спинѣ его забѣгали холодные мурашки.

— Когда приходилъ этотъ прокуроръ? спросила Глафира Семеновна корридорнаго.

Тотъ объяснилъ, что прокуроръ не приходилъ а что прокуроръ этотъ пріѣхалъ изъ Пловдива, остановился въ здѣшней „гостильницѣ и молитъ да видя экселенцъ“ (т. е просить видѣть его превосходительство).

— То есть здѣсь въ гостинницѣ этотъ прокуроръ живетъ?—переспросилъ Николай Ивановичъ, для ясности ткнувъ пальцемъ въ полъ, и получивъ подтвержденіе, почувствовалъ, что у него нѣсколько

отлегло отъ сердца —Идите и принесите самоваръ и чаю,—приказалъ онъ корридорному.

Тотъ удалился.

Глафира Семеновна взглянула на мужа слезливыми глазами и сказала:

— Вотъ до чего ты довелъ себя присвоеніемъ непринадлежащаго себѣ званія. Генералъ, генералъ! Ваше превосходительство!

— Да когда-же я присваивалъ себѣ превосходительство? Мнѣ другіе присвоили его, оправдывался Николай Ивановичъ.

— Однако вотъ уже на тебя обратилъ вниманіе прокурорскій надзоръ

— Это что прокуроръ-то карточку подалъ? Да что ты! Сначала я также подумалъ, но когда корридорный сказалъ, что прокуроръ живетъ здѣсь въ гостинницѣ, то очевидно, что онъ по какому нибудь другому дѣлу хочетъ меня видѣть.

— Да Прокуроръ нарочно приказалъ сообщить тебѣ, что онъ живетъ въ гостинницѣ, чтобы не спугнуть тебя...Какой ты простякъ, посмотрю я на тебя.

— Да что ты! Ты ошибаешься... У страха всегда глаза велики...

Такъ говорилъ Николай Ивановичъ, но чувствовалъ, что его ударяетъ въ жаръ.

Онъ всталъ со стула и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Намъ нужно завтра-же утромъ уѣзжать отсюда—вотъ что я тебѣ скажу, объявила ему жена.

— Да я съ удовольствіемъ... На самомъ дѣлѣ

намъ здѣсь больше уже и дѣлать нечего... мы все осмотрѣли, отвѣчалъ онъ.—А только если-бы этотъ прокуроръ что нибудь на счетъ преслѣдованія меня по закону, то съ какой стати ему было карточку свою у меня оставлять? Ну, явился-бы онъ прямо и спросилъ: съ какой стати? по какому праву?

— Да неужели ты не знаешь судейскихъ? Они пускаются на всѣ тонкости, чтобъ затуманить дѣло и не спугнуть.

— Душечка, да вѣдь я ни бѣжать, ни скрываться никуда не сбирался, старался Николай Ивановичъ представить женѣ свое положеніе въ хорошемъ свѣтѣ, но ужъ и самъ не вѣрилъ своимъ словамъ. — Съ какой стати я побѣгу?

Голосъ его дрожалъ, глаза блуждали.

— А между тѣмъ теперь-то именно и надо бѣжать, сказала Глафира Семеновна.

— Да поѣдемъ, поѣдемъ завтра утромъ въ Константинополь. Поѣздъ, который вчера привезъ насъ сюда, ежедневно. спустя часъ, и отходитъ отсюда въ Константинополь, стало быть, завтра въ первомъ часу дня мы и отправимся на желѣзную дорогу. Можно даже уѣхать раньше на станцію...

— И непремѣнно раньше. Да не изволь сегодня съ вечера и намекать кому-либо въ гостинницѣ, что мы завтра уѣзжаемъ.

— Зачѣмъ же я буду намекать? Съ какой стати? Завтра утромъ, передъ самымъ отъѣздомъ только скажемъ, что уѣзжаемъ.

— Ну, то-то. А я сейчасъ, съ вечера, послѣ чаю,

потихоньку уложу всѣ наши вещи, продолжала Глафира Семеновна.—А завтра утромъ, чтобы избѣжать визита прокурора, мы можемъ пораньше уѣхать куда-нибудь.

— Дѣлай какъ знаешь, тебѣ съ горы виднѣе, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Но зачѣмъ ты меня пугаешь! Право, мнѣ думается, что прокуроръ такъ оставилъ свою карточку...

— Станетъ прокуроръ безъ причины карточку оставлять! Дожидайся!

Корридорный внесъ самоваръ и чайный приборъ. Супруги начали пить чай, но ни Николаю Ивановичу, ни Глафирѣ Семеновнѣ не пилось. Николая Ивановича била даже лихорадка.

— Глаша! Меня что-то знобитъ. Не принять-ли мнѣ хинину? сказалъ онъ женѣ.

— Блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ, произнесла та и полѣзла въ баулъ за хининомъ.

XXXII.

Хоть и бодрилъ себя Николай Ивановичъ, но прокурорская карточка произвела на него удручающее дѣйствіе. Онъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ и думалъ:

„Чертъ возьми, еще задержатъ да начнутъ слѣдствіе о присвоеніи не принадлежащаго званія. А задержатъ, такъ что тогда? Вѣдь это не-

дѣли на двѣ, а то такъ и на три. Знаю я, какъ слѣдствіе-то производятъ! Черезъ часъ по столовой ложкѣ. А потомъ судъ... Приговорятъ къ штрафу... Да хорошо если еще только къ штрафу. А какъ къ аресту дня на два, на три? Вотъ и сиди въ клоповникѣ. Навѣрное у нихъ клоповникъ. Ужъ если у насъ въ провинціи... А вѣдь это ничего, что столица Болгаріи Софія, а такая же глушь, лакъ и провинція. А на три недѣли задержатъ, такъ что мы будемъ дѣлать здѣсь? Вѣдь тутъ съ тоски подвѣсишься. А бѣдная Глаша? Впрочемъ, она не бѣдная. Ее жалѣть нечего. Она меня тогда поѣдомъ съѣстъ, загрызетъ и съѣстъ, такъ что отъ меня одни сапоги останутся. Развѣ откупиться? Развѣ поднести взятку завтра этому прокурору, если онъ насъ остановитъ завтра? мелькнуло у него въ головѣ. — Поднесу, непремѣнно поднесу. Навѣрное здѣсь берутъ, рѣшилъ онъ.—Ужъ если у насъ берутъ, то здѣсь и подавно. И подносить надо сразу. Какъ только прокуроръ войдетъ къ намъ, сейчасъ: „пожалуйста, сдѣлайте такъ, что какъ будто вы не застали насъ, какъ будто ужъ мы выѣхали изъ Софіи. Что вамъ?.. Во имя славянскаго братства это сдѣлайте. Вѣдь мы русскіе и васъ освобождали. Неужели вы захотите погубить руку, можетъ быть, хотя и преступную, но все-таки освободившую васъ, болгаръ, руку русскую, чувствующую къ вамъ братскую любовь? разсуждалъ Николай Ивановичъ, мысленно произнося эти слова.—А сколько же поднести? Пятьдесятъ, восемьдесятъ, сто рублей? за-

далъ онъ себѣ вопросъ и тутъ же отвѣтилъ:—Нѣтъ, сто рублей, я думаю, много. Поднесу восемьдесятъ. Русскими деньгами поднесу. Пусть мѣняетъ. Стой, стой! остановился онъ въ раздумьѣ и пощипывая бороду.—Поднесу-ка я ему сербскія бумажки, которыя привезъ сюда изъ Бѣлграда. У меня ихъ больше чѣмъ на девяносто рублей и ихъ все равно никто не беретъ здѣсь въ промѣнъ, а прокурору-то размѣняютъ. Поднесу! Ихъ и поднесу!" рѣшилъ онъ мысленно и машинально кинулъ окурокъ папиросы, которую курилъ.

— Николай! Да ты никакъ ошалѣлъ! закричала на него Глафира Семеновна. — Къ чему ты это озарничаешь и кинулъ окурокъ съ огнемъ въ нашъ сундукъ съ вещами! Вѣдь пожаръ сдѣлать можешь.

Она въ это время укладывала свои вещи и стояла передъ открытымъ сундукомъ.

— Виноватъ, душечка, прости! Дѣйствительно, я ошалѣвши, опомнился Николай Ивановичъ. — Эта исторія съ прокуроромъ не даетъ мнѣ покою.

И онъ кинулся къ сундуку искать окурокъ.

— Да ужъ вынула, вынула, сказала ему жена, взглянула на него, увидала его жалкую, удрученную физіономію и ей сдѣлалось жалко его. — Не знаю только, къ чему ты такъ особенно убиваешься, прибавила она.—Вѣдь въ сущности ты всегда можешь отпереться, что ты назвался генераломъ. Вѣдь слугѣ ты сказалъ только на словахъ, что ты превосходительство, а письменныхъ доказательствъ никакихъ нѣтъ.

— На словахъ, на словахъ, подхватилъ Николай Ивановичъ, нѣсколько повеселѣвъ.—Только на словахъ.

— Ну, такъ вотъ такъ и отвѣчай: „знать, молъ, ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, паспортъ у меня въ порядкѣ, а если меня люди вздумали звать превосходительствомъ, то я въ этомъ не виноватъ“.

— Такъ и скажу, такъ и скажу, милая. Дѣйствительно, я ни въ чемъ не виноватъ. Люди это все, а не я, гостинничная и ресторанная челядь вздумала меня называть превосходительствомъ. Они и этимъ проклятымъ репортерамъ и корреспондентамъ сообщили, что генералъ Ивановъ пріѣхалъ, говорилъ Николай Ивановичъ. — И знаешь, что я рѣшилъ сдѣлать? Я рѣшилъ завтра-же, какъ только прокуроръ войдетъ къ намъ, по первому-же абцугу дать ему взятку, поднести сербскія бумажки. Вѣдь все равно ихъ у насъ здѣсь не беретъ ни банкъ, ни мѣняла. Къ тремъ жидамъ мѣняламъ давеча послѣ обѣда заѣзжали—ни одинъ жидюга не размѣнялъ.

— Смотри какъ-бы, не раздражить этимъ. Это ужъ ты потомъ. А на первыхъ порахъ только отпирайся. „Знать, молъ не знаю, вѣдать не вѣдаю“, совѣтовала жена.

— Такъ и стану говорить, а только вѣдь свидѣтели будутъ. Первый свидѣтель—это корридорный. Когда я ему подалъ мою карточку для записи моей фамиліи на доскѣ, онъ спросилъ меня: „экселенцъ?“—и я отвѣтилъ ему: „хорошо, пишите экселенцъ. Я экселенцъ“. Вотъ такъ что-то въ этомъ

родѣ. Не вызвать-ли развѣ сейчасъ корридорнаго да не сунуть-ли ему десятокъ левовъ, чтобы онъ ничего этого прокурору не разсказывалъ?—задалъ женѣ вопросъ Николай Ивановичъ.

— Что ты! Что ты! Такъ все дѣло испортишь. Вотъ еще что выдумалъ! воскликнула Глафира Семеновна. — Ты съ корридорнымъ держи себя по прежнему гордо и съ достоинствомъ. А то якшаться съ корридорнымъ! Подкупать его?.

— Ну, такъ я только прокурору. Прокурору надо дать. Прокурору я осторожно... Какъ только я увижу, что онъ клонитъ рѣчь къ тому, чтобы задержать меня въ Софіи, я сейчасъ: „не можете-ли вы сдѣлать для меня, какъ для русскаго славянина, услугу?.. Въ виду, молъ, поворота въ Болгаріи ко всему русскому, услугу русскому человѣку. Есть, молъ, у меня сербскія бумажки, а ихъ не мѣняютъ. Такъ не размѣняютъ-ли ихъ вамъ?“ Вотъ эдакимъ манеромъ и подсуну. Онъ пойметъ.

— Ну, какъ знаешь. А только дѣлай ужъ это въ крайнемъ случаѣ, согласилась супруга и, окончивъ укладывать въ сундукъ вещи, легла въ постель.

Николай Ивановичъ продолжалъ ходить по комнатѣ и строить планы завтрашняго свиданія съ прокуроромъ. Черезъ нѣсколько времени онъ остановился передъ постелью жены и сказалъ:

— Глаша! Да не уѣхать-ли намъ сейчасъ куда нибудь на перекладныхъ? Вѣдь есть-же здѣсь почта и почтовыя лошади. Удеремъ.

— Это ночью-то? Да ты въ умѣ?! Тогда ужъ

прямо навлечешь на себя подозрѣніе и тотъ-же коррридорный сейчасъ дастъ знать прокурору, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да, да... Вѣдь прокуроръ-то здѣсь въ гостинницѣ живетъ, спохватился Николай Ивановичъ и опять въ безпокойствѣ зашагалъ по комнатѣ, пощипывая бороду.

— Теперь тебѣ нужно держать себя какъ можно спокойнѣе и веселѣе, какъ будто-бы ничего не произошло и ты ничего не знаешь.

— Однако, мы можемъ ѣхать въ какой нибудь монастырь. Будто-бы ѣдемъ на богомолье, чтобъ поспѣть къ заутрени. Давеча нашъ проводникъ говорилъ о какомъ-то монастырѣ въ трехъ часахъ ѣзды отъ Софіи. Въ монастырѣ и скроемся.

— Никуда я ночью не поѣду. Самъ-же ты слышалъ, что здѣсь въ горахъ повсюду разбойники. Ужъ лучше въ руки прокурору попасть, чѣмъ къ разбойникамъ, отрѣзала Глафира Семеновна и крикнула все еще шагавшему изъ угла въ уголъ мужу:— Да не вертись ты передъ моими глазами! Мечешься какъ тигръ въ клѣткѣ. Дай мнѣ успокоиться и заснуть. У меня и такъ мигрень, а ты... Ложись спать! Утро вечера мудренѣе.

Николай Ивановичъ послушался жену, раздѣлся и легъ въ постель, но ему не спалось. Онъ долго ворочался съ боку на бокъ и строилъ планы своей встрѣчи съ прокуроромъ.

Заснулъ онъ только подъ утро. Во снѣ ему снился прокуроръ.

XXXIII.

Проснулся Николай Ивановичъ на другій день рано. Еще только свѣтало. Первое, что у него мелькнуло въ головѣ—было слово, „прокуроръ“.

„Господи! Пронеси бѣду мимо!“—проговорилъ онъ мысленно и ужъ не могъ больше заснуть, хотя часы показывали только седьмой часъ.

Ему даже и не лежалось. Онъ всталъ, надѣлъ туфли, накинулъ на себя пальто вмѣсто халата, сѣлъ къ столу и принялся курить. Глафира Семеновна еще спала. Онъ злобно посмотрѣлъ на нее и подумалъ:

„Спитъ, глупая! Какъ будто-бы мое несчастіе до нея и не касается! Вѣдь задержатъ меня здѣсь, такъ и ей придется остаться со мной. Ахъ, женщины, женщины, какъ вы легкомысленны!“—подумалъ онъ.

Но онъ все-таки не хотѣлъ будить жену и перешелъ въ другую комнату, ту самую, которую онъ взялъ вчера себѣ для пріемной, чтобъ принимать къ себѣ газетныхъ корреспондентовъ. Здѣсь было холодно. Ее съ вечера не натопили. Его стало знобить и онъ, усиленно куря папиросы, сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Время тянулось медленно. Дабы наполнить до-

сугъ, Николай Ивановичъ сходилъ за платьемъ и за сапогами, одѣлся и ужъ сверхъ платья надѣлъ на себя пальто. Затѣмъ пересчиталъ отъ нечего дѣлать имѣющееся у него золото, русскія бумажныя деньги и сербскія бумажки. Въ корридорѣ стали раздаваться шаги. „Позвать развѣ слугу и потребовать чаю? задалъ онъ себѣ вопросъ. Кстати, спрошу его, не идетъ-ли какого-нибудь поѣзда по направленію къ Константинополю раньше полудня. Тогда можно съ этимъ раннимъ поѣздомъ и уѣхать куда-нибудь, а ужъ тамъ и пересѣсть на константинопольскій, поѣзъ. Въ Константинополь есть всего одинъ поѣздъ, въ первомъ часу дня, это я знаю, а можетъ быть не найдется-ли раньше другого поѣзда до какого-нибудь хоть паршивенькаго городка? Намъ только-бы уѣхать изъ Софіи".

Соображая все это, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по комнатѣ, постоялъ въ раздумьи около пуговки электрическаго звонка и, наконецъ, нажалъ кнопку.

Корридорный явился, привѣтствовалъ Николая Ивановича съ добрымъ утромъ и спрашивалъ, хорошо-ли онъ почивалъ.

— Чаю, самоваръ.., Вотъ въ эту комнату подадите... приказалъ ему Николай Ивановичъ, но о поѣздѣ, дабы не навлечь на себя подозрѣнія, сразу его не спросилъ...

Явился чай съ пыхтящимъ, попрежнему, грязнымъ самоваромъ, но самоваръ этотъ уже не привелъ въ умиленіе Николая Ивановича. Поставивъ

на столъ принадлежности чаепитія, корридорный остановился у дверей и, улыбаясь, проговорилъ:

— Днесь можете заповѣдать на обѣдъ русски щи, господине экселенцъ. Готовачъ (т. е поваръ) сказалъ, что онъ можетъ готовити.

Николая Ивановича взорвало.

— Какой тутъ обѣдъ! Мы хотимъ сегодня, какъ можно раньше, уѣхать въ Константинополь, сказалъ онъ.

— Сей день? Днесь? удивился корридорный.

— Да, да... Сегодня утромъ... И чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Я получилъ на почтѣ письмо.

Корридорный сталъ доказывать, что „тренъ желѣзницы" (т. е. желѣзнодорожный поѣздъ) идетъ въ „Цариградъ" только въ часъ дня и „экселенцъ" всегда успѣетъ пообѣдать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы хотимъ уѣхать даже раньше часу. Намъ нужно встрѣтиться до часу кое съ кѣмъ на слѣдующей отъ Софіи станціи... Я забылъ, какъ эта станція называется. Такъ вотъ нѣтъ-ли какого-нибудь поѣзда пораньше, хоть и не до Царьграда?

— Есте. Имамъ, экселенцъ... До Бѣловы... отвѣчалъ корридорный.

— Вотъ, вотъ... До Бѣлова намъ и надо, подхватилъ Николай Ивановичъ.—Когда идетъ этотъ поѣздъ?

Оказалось, что до Бѣловы есть мѣстный поѣздъ въ 11 часовъ утра. Николай Ивановичъ оживился.

— Вотъ и отлично! Вотъ на этомъ поѣздѣ мы

и поѣдемъ, заговорилъ онъ.—Пожалуйста, поскорѣй приготовьте намъ счетъ и экипажъ. Поскорѣй только! Мы уѣдемъ на желѣзную дорогу въ десять, даже въ девять часовъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Такъ пожалуйста, поскорѣй. Бакшишъ вамъ будетъ хорошій.

Коридорный поклонился и исчезъ.

— Съ кѣмъ это ты тамъ разговариваешь? послышался изъ другой комнаты заспанный голосъ Глафиры Семеновны.

— А! Проснулась! Вставай, милая, скорѣй! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Въ девять часовъ мы уѣзжаемъ. Есть ранній поѣздъ до какой-то Бѣловы, чортъ ее дери! Вотъ въ эту Бѣлову мы и поѣдемъ. Вѣдь намъ въ сущности все равно, куда-бы ни ѣхать, только уѣхать, а это по дорогѣ въ Константинополь. О, Господи, Господи! Пронеси только мимо этого прокурора! вздохнулъ онъ.

Было уже семь часовъ. Глафира Семеновна стала вставать. Началось надѣваніе чулокъ, юбки. Затѣмъ послѣдовало умыванье. Умывался и Николай Ивановичъ и ворчалъ на жену.

— Просто удивляюсь я на тебя! Какъ можно до этой поры спать, если надъ нами стряслась такая бѣда, говорилъ онъ.—Я ужъ давно всталъ. У меня и чай готовъ. Ты это что? Капотъ надѣваешь? Нѣтъ, ужъ ты прямо дорожное платье надѣвай. Я и экипажъ заказалъ. Мы какъ напьемся чаю, такъ сейчасъ и поѣдемъ на станцію.

— Хорошо, хорошо. Только вѣдь прокуроръ

насъ можетъ и на станціи захватить, отвѣчала она.—Тамъ даже хуже... Вѣдь онъ можетъ намъ сдѣлать скандалъ при публикѣ.

— Что ты меня пугаешь, что ты меня пугаешь, милая! закричалъ мужъ и схватился въ отчаяніи за волосы.—Ахъ, кругомъ вода! вздохнулъ онъ и, подумавъ, прибавилъ:—Впрочемъ, будь что будетъ, а все-таки мы уѣдемъ на станцію, какъ можно раньше.

Черезъ четверть часа супруги сидѣли въ „пріемной“ и пили остывшій чай.

— Хоть-бы поѣсть что-нибудь... въ дорогу, сказала Глафира Семеновна.

— Какая тутъ ѣда, милая! Только-бы удрать поскорѣе. Тамъ на станціи чего нибудь поѣдимъ, проговорилъ Николай Ивановичъ.—И удивляюсь я, какъ ты можешь при такой тревогѣ еще ѣсть хотѣть! Впрочемъ, вѣдь вотъ булки поданы. Кушай. О, только-бы все это благополучно пронеслось—большую свѣчку я поставлю! вздыхалъ онъ.

Раздался стукъ въ дверь. Николай Ивановичъ вздрогнулъ.

— Святители! Ужъ не прокуроръ-ли? прошепталъ онъ.

Но это былъ слуга. Онъ принесъ счетъ гостинницы и сообщилъ, что въ девять часовъ экипажъ будетъ у подъѣзда. Николай Ивановичъ заплатилъ ему по счету и далъ пять левовъ на чай. Корридорный чуть не до земли поклонился ему.

— Слушайте... наставительно сказалъ ему Ни-

колай Ивановичъ.—Послѣ нашего отъѣзда, если кто будетъ спрашивать про насъ—всѣмъ говорите, что мы не въ Царьградъ, а въ Вѣну уѣхали. Поняли?

— Разбирамъ, господине экселенцъ, снова поклонился корридорный и удалился.

— Ну, Глафира Семеновна! Все-ли у тебя уложено? Будь на готовѣ. Господи, какъ-бы поскорѣе удрать! прошепталъ Николай Ивановичъ и въ нетерпѣніи зашагалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, нервно затягиваясь папироской.

Такъ прошло съ полчаса. Но вотъ опять стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? закричалъ Николай Ивановичъ.

За дверью по-болгарски разговаривали два голоса. Наконецъ, въ комнату заглянулъ корридорный и доложилъ:

— Экселенцъ! Господинъ прокуроръ молитъ да видѣти экселенцъ.

Николай Ивановичъ какъ-бы весь застылъ на мѣстѣ и поблѣднѣлъ. Глафира Семеновна слезливо заморгала глазами.

XXXIV.

Въ комнату мѣшковато вошелъ нѣсколько неуклюжій, но съ красивымъ лицомъ бородатый брюнетъ среднихъ лѣтъ, гладко остриженный, въ черномъ жакетѣ и сѣрыхъ брюкахъ и раскланялся.

— Позвольте отрекомендоваться: вашъ сосѣдъ по номеру, прокуроръ болгарской службы Стефанъ Авичаровъ, сказалъ онъ чисто по русски.—Простите, что безпокою васъ въ такой неурочный часъ, но сейчасъ узнавъ отъ здѣшній прислуги, что вы сегодня утромъ уже уѣзжаете, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поговорить съ вами, тѣмъ болѣе, что можетъ быть мы уже и старые знакомые. Николай Ивановичъ Ивановъ, какъ я прочелъ на доскѣ у швейцара? спросилъ онъ.—Съ нимъ я имѣю удовольствіе говорить?

Николай Ивановичъ, блѣдный какъ полотно, попятился и, взявшись за спинку стула, отвѣчалъ:

— Точно такъ-съ, Николай Ивановичъ Ивановъ, петербургскій купецъ Ивановъ, а это вотъ моя жена Глафира Семеновна, но долженъ вамъ сказать, что все то, въ чемъ вы меня подозрѣваете, совершенно несправедливо и я знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю.

Прокуроръ вытаращилъ глаза.

— Да-съ, продолжала за мужа Глафира Семеновна.—Все что вы объ насъ думаете, все это совершенно напрасно. Мы мирные туристы, ѣздимъ съ мужемъ ежегодно по Европѣ для своего образованія и, посѣтивъ славянскій городъ Софію, ужъ никакъ не ожидали, что попадемъ въ какое-то подозрѣніе. Мы, какъ русскіе люди, ожидали отъ своихъ братьевъ славянъ дружественной встрѣчи, а не придирокъ отъ судейскихъ лицъ.

— Именно, именно... опять подхватилъ Николай Ивановичъ.—Тѣмъ болѣе, что въ настоящее время въ Болгаріи поворотъ ко всему русскому.

Прокуроръ слушалъ и недоумѣвалъ.

— Позвольте... Тутъ, очевидно, какое-то недоразумѣніе... Надо объясниться, проговорилъ онъ.

— Да и объясняться нечего. Я ничего не знаю. Хоть подъ присягу меня, такъ ничего не знаю. Вольно-жъ было людямъ величать меня Богъ знаетъ какъ! А я ничего не знаю, стоялъ на своемъ Николай Ивановичъ.

— Да, тутъ недоразумѣніе, повторилъ прокуроръ.—А потому позвольте разсѣять это недоразумѣніе и увѣрить васъ, что визитъ мой не имѣетъ никакого служебнаго характера.

— О, знаемъ мы васъ судейскихъ! сказала ему Глафира Семеновна.

Прокуроръ сконфузился и приложилъ руку къ груди.

— Мадамъ Иванова, мнѣ право такъ совѣстно, что я причинилъ вамъ своимъ визитомъ такую

непріятность, но позвольте васъ завѣрить честнымъ словомъ, что мой визитъ чисто дружественный, проговорилъ онъ.—Я воспитывался въ Россіи, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, люблю русскихъ и пришелъ поговорить о Россіи. А почему именно я осмѣлился придти къ вамъ—я это вамъ сейчасъ разскажу. Въ бытность мою въ семидесятыхъ годахъ въ Московскомъ университетѣ у меня былъ товарищъ по курсу Николай Ивановичъ Ивановъ.

— Нѣтъ-съ, никогда я не былъ вашимъ товарищемъ по курсу, перебилъ его Николай Ивановичъ.—Я петербуржецъ и учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, да и тамъ-то курса не кончилъ. Не товарищъ-съ...

— Да, теперь я самъ вижу, что не товарищъ и прошу меня извинить, что обезпокоилъ васъ. Мое почтеніе, поклонился прокуроръ, пятясь къ двери.— Но уходя отъ васъ, долженъ признаться, что и я отъ русскихъ ожидалъ болѣе любезнаго пріема. Еще разъ извините.

Прокуроръ уже взялся за ручку двери, какъ вдругъ Николай Ивановичъ, весь просіявъ, закричалъ ему:

— Постойте, постойте, господинъ прокуроръ! Такъ вы насъ ни въ чемъ не подозрѣваете? Вы къ намъ пришли не слѣдствіе производить?

— Какое-же слѣдствіе, помилуйте! вскричалъ прокуроръ въ свою очередь и остановился у дверей.- Я просто чаялъ встрѣчи съ Николаемъ Ива-

новымъ, товарищемъ моимъ по университету, вашимъ однофамильцемъ.

Николай Ивановичъ развелъ руками.

— Тогда, батенька, прошу покорно остановиться и присѣсть, сказалъ онъ.—Тутъ прямо недоразумѣніе. Очень пріятно познакомиться. Глаша! Проси господина прокурора садиться, обратился онъ къ женѣ.—А васъ, господинъ прокуроръ, позвольте познакомить съ моей женой Глафирой Семеновной

Рукопожатія, поклоны. Прокуроръ сѣлъ. Сѣли и супруги Ивановы. Николай Ивановичъ предложилъ прокурору папироску и пояснилъ:

— Русская... Изъ Россіи съ нами черезъ три таможни переѣхала. Жена моя пятьсотъ штукъ папиросъ въ коробкѣ подъ своей шляпкой провезла.

— Разсказывай, разсказывай!—подмигнула Глафира Семеновна мужу.—А господинъ прокуроръ и привяжется.

— Сударыня, зачѣмъ вы меня ставите въ такое неловкое положеніе?..—пожалъ плечами прокуроръ, приложивъ руку къ сердцу.—Вѣдь я у васъ въ гостяхъ, такъ неужели-же я?..

— Ну, да я шучу, конечно, а все-таки какой вы вообще опасный и непріятный народъ по своей должности. Вѣдь вотъ вы насъ какъ напугали вчера своей картoчкой! Мужъ всю ночь не спалъ. Да и вчера, и сегодня поутру въ переполохѣ. Знаете, ужъ я вамъ признаюсь, что изъ-за вашей карточки мы сегодня рѣшили бѣжать изъ Софіи, куда глаза глядятъ,—говорила Глафира Семеновна.

— Да что вы! что вы!—удивлялся прокуроръ.— Бога ради, разскажите, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, Глаша, не разсказывай!—остановилъ за руку жену Николай Ивановичъ.—Я очень радъ господину прокурору, но не надо разсказывать.

— Отчего-же? Пусть господинъ прокуроръ знаетъ. Даете мнѣ, господинъ прокуроръ, слово, что не будете преслѣдовать моего мужа?—улыбнулась Глафира Семеновна.

— Да что вы, что вы, мадамъ Иванова! Съ какой-же это я стати! Вѣдь ужъ навѣрное вы человѣка не зарѣзали и ничего не украли.

— Но, все-таки, прегрѣшили передъ закономъ.

И Глафира Семеновна подробно разсказала прокурору всю исторію съ превосходительствомъ.

Прокуроръ расхохотался.

— Позвольте... Да тутъ и состава-то преступленія нѣтъ!—говорилъ онъ.—Ну, теперь мнѣ понятно, отчего вы меня чуть не на рога приняли! Я слушаю давеча ваши рѣчи и дивлюсь имъ. „Не русскіе люди, думаю. Такъ русскіе гостей не принимаютъ“.

— Нѣтъ-съ, истинно русскіе люди. Славяне съ береговъ Волги и Невы! воскликнулъ Николай Ивановичъ, повеселѣвъ въ свою очередь.—На Волгѣ мы родились, а на Невѣ воспитались. Славянское гостепріимство считаемъ выше всего и чтобъ вамъ это доказать на дѣлѣ—позвольте вамъ сейчасъ-же предложить шампанскаго.

Онъ вскочилъ со стула и, бросившись къ звонку, нажалъ пуговку.

— Послушай, Николай! Ты ужъ не спрашивай одного шампанскаго, сказала ему жена.—Ты ужъ закажи и хорошій завтракъ. Я ужасно ѣсть хочу. Надо намъ позавтракать передъ отъѣздомъ. Вотъ и господинъ прокуроръ раздѣлитъ съ нами трапезу. Надѣюсь, что вы не откажете, мосье...

— Авичаровъ... подсказалъ прокуроръ и отвѣтилъ:—Могу только поблагодарить, хотя право, мнѣ такъ совѣстно...

— Ну, вотъ... Какая же тутъ совѣсть! Вѣдь не взятку-же мы вамъ завтракомъ подносимъ, что вы не нашли состава преступленія въ проступкѣ моего мужа, а просто намъ пріятно позавтракать въ компаніи. Вѣдь каждый день мы съ мужемъ глазъ на глазъ, такъ вообразите, какъ намъ это надоѣло! И наконецъ, мой мужъ любитъ выпить, а я не пью и ему выпить не съ кѣмъ, закончила Глафира Семеновна.

— Вѣрно, вѣрно! подхватилъ Николай Ивановичъ —А сегодня на радостяхъ, что мой переполохъ такъ благополучно кончился, я готовъ пображничать съ особеннымъ удовольствіемъ!

Вошелъ корридорный и подобострастно остановился у дверей.

— Завтракъ намъ нуженъ, весело обратился къ нему Николай Ивановичъ.—Какъ завтракъ по-болгарски?

— Подхаеване, экселенцъ!

— Цыцъ! Не смѣй меня такъ называть! Никогда я экселенцемъ не былъ, погрозилъ ему пальцемъ Николай Ивановичъ —Такъ вотъ подхаеване на три персоны намъ требуется. Что вы можете подать намъ самаго лучшаго? Впрочемъ, о завтракѣ поговоримъ вонъ въ той комнатѣ. При гостѣ завтракъ не заказываютъ.

И Николай Ивановичъ повелъ корридорнаго въ сосѣднюю комнату.

XXXV.

Завтракъ былъ обильный, хотя и не отличался особенною изысканностью. Какъ и вчера, кушанья, принесенныя изъ ресторана, не находящагося при гостинницѣ, были только теплы, но все это не мѣшало компаніи и въ особенности Николаю Ивановичу и его гостю, прокурору, ѣсть ихъ съ большимъ аппетитомъ. Были поданы: бульонъ, жареная константинопольская рыба скумбрія, бифштексы съ картофелемъ и солеными оливками вмѣсто огурцовъ и кондитерское пирожное. На закуску—сардинки, икра и русскія кильки изъ Ревеля. Передъ закуской пили русскую водку съ московскимъ ярлыкомъ на бутылкѣ, которую корридорный, шаромъ катавшійся отъ усердія, принесъ съ особенною торжественностью и говорилъ, мѣшая русскую рѣчь съ болгарской:

— Въ гастрономическомъ складѣ Панахова все есть. Въ Вѣнѣ того не найдете, господинъ, что есть въ складѣ Панахова. Спросите молока отъ птицы штраусъ—и то есть.

— А ну-ка, принеси штраусоваго молока бутылку! засмѣялся Николай Ивановичъ.

— Позвольте, позвольте... Да вы меня и безъ птичьяго молока на убой закормите, замѣтилъ прокуроръ, обозрѣвая яства, которыя были всѣ сразу принесены изъ ресторана и всѣ сразу поданы.

— Такъ и надо-съ, такъ и надо по русскому обычаю. Ну-ка, по рюмочкѣ русской водочки, да съ килечкой...

— Охотно, охотно выпью русской водки. Давно ее не пивалъ. Вѣдь у насъ здѣсь есть водка—ракія, но она изъ сливъ гонится, очень душиста и ее пьетъ только простой народъ. Ну-съ, за ваше здоровье!

Прокуроръ чокнулся съ Николаемъ Ивановичемъ и при этомъ послѣдній воскликнулъ, обращаясь къ женѣ:

— Глаша! Кто-бы часъ тому назадъ могъ повѣрить, что я съ прокуроромъ буду водку пить!

И онъ ловко, по-русски, опрокинулъ себѣ въ ротъ рюмку съ водкой.

— Повторить! обратился онъ черезъ минуту къ прокурору.—Объ одной рюмкѣ нельзя. Объ одной хромать будемъ.

Было повторено и сейчасъ-же послѣдовалъ возгласъ Николая Ивановича:

— По третьей, господинъ прокуроръ! Богъ Троицу любитъ.

— Выпьемъ и по третьей, Николай Иванычъ, согласился прокуроръ, прожевывая сардинку: —Но не зовите меня прокуроромъ. Какой я теперь прокуроръ! Зовите по имени и отчеству, какъ я васъ зову. Я Степанъ Мефодьичъ.

— Безъ четырехъ угловъ домъ не строится, Степанъ Мефодьичъ! восклицалъ Николай Ивановичъ послѣ выпитія третьей рюмки.—Мы еще икрой не закусывали.

— О, какъ мнѣ всѣ эти ваши русскія присловья напоминаютъ Москву, гдѣ я провелъ мои лучшіе годы жизни, студенческіе годы! И надо-бы отказаться отъ четвертой, но послѣ этихъ русскихъ присловій—не могу, отвѣчалъ прокуроръ.

При четвертой рюмкѣ Глафира Семеновна начала уже коситься на мужа и прокурора и замѣтила:

— Да кушайте вы прежде бульонъ-то. Онъ и такъ ужъ холодный, а вы его заморозите.

— Ничего. Холодный бульонъ иногда даже лучше, далъ отвѣтъ Николай Ивановичъ.—Вотъ мы еще по пятой вонзимъ въ себя, да и за бульонъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я больше ужъ не могу... сталъ отказываться прокуроръ.

— Да вѣдь какія рюмки-то маленькія! Развѣ это рюмки! Вѣдь это ликеръ пить, а не водку. Нельзя, нельзя, Степанъ Мефодьичъ, отказываться отъ пятой. Пятая — крыша. Гдѣ-же это видано, чтобы домъ о четырехъ углахъ былъ безъ крыши!

Прокуроръ улыбнулся Глафирѣ Семеновнѣ хмѣльными глазами, развелъ руками и произнесъ:

— Представьте, сударыня, вѣдь уговорилъ меня вашъ мужъ. Уговорилъ! Противъ такихъ аргументовъ не могу отказаться. Дѣйствительно, дому нельзя быть безъ крыши! О, русскія присловья, русскія присловья! Когда-то болгарскій языкъ выработаетъ себѣ что-нибудь подобное! Выпьемте и примемся за бульонъ.

Было выпито по пятой. Николай Ивановичъ и прокуроръ затѣмъ вылили въ себя по чашкѣ бульону и принялись за скумбрію.

Корридорный внесъ бокалы и бутылку шампанскаго.

— Боже мой! Да вы и въ самомъ дѣлѣ шампанскаго заказали! Вѣдь это будетъ чисто лукуловскій пиръ! воскликнулъ прокуроръ.—Напрасно, напрасно.

— Что за напрасно! Я радъ радехонекъ, что цѣлъ-то остался! Вѣдь я думалъ, что вы меня заарестуете, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Прокуроръ пожалъ плечами.

— Откуда вамъ могли такія мрачныя мысли придти! сказалъ онъ.

— А вотъ подите-же, пришли! Вѣдь меня, долженъ вамъ сказать, здѣшніе газетные репортеры за какого-то русскаго дипломатическаго агента приняли, были и здѣсь въ гостинницѣ, ловили меня и по ресторанамъ и разспрашивали, что я думаю про нынѣшнюю Болгарію, что я замѣтилъ особенное въ Софіи, а я ихъ не разубѣждалъ, что я простой

русскій путешественникъ. Вѣдь сегодня, я думаю, ужъ объ всемъ этомъ есть въ газетахъ, разсказывалъ Николай Ивановичъ.

— Любопытно прочесть. Надо послать за газетами, сказалъ прокуроръ.

— Потомъ, потомъ... На желѣзной дорогѣ купимъ. Вѣдь теперь некогда читать. Теперь, господинъ прокуроръ, пить да ѣсть надо.

— Опять прокуроръ!

— Виноватъ, Степанъ Мефодьичъ. А вѣдь рыбка-то плавала! вдругъ воскликнулъ Николай Ивановичъ, доѣдая скумбрію, и схватился за бутылку шампанскаго.—Вѣдь рыбка-то плавала, а потому и намъ по суху-то нечего бродить. Надо промочить себя.

И онъ принялся разливать шампанское въ бокалы.

— За здоровье дорогой хозяйки! возгласилъ прокуроръ, принимая бокалъ съ виномъ и чокаясь съ Глафирой Семеновной. — Ужасно только мнѣ совѣстно, что я, пользуясь отъ васъ такимъ радушнымъ гостепріимствомъ, не въ состояніи отплатить вамъ тѣмъ-же, ибо сегодня послѣ полудня уѣзжаю.

— Куда? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Въ Филипополь. Вѣдь я, кажется, говорилъ вамъ давеча, когда вошелъ, что уѣзжаю къ себѣ въ Филипополь. Да, говорилъ.

— Это когда вы вошли-то? Батюшка! До того-ли мнѣ тогда было, чтобы что нибудь слышать и понимать! Я дрожалъ, какъ осиновый листъ, отвѣ-

чалъ Николай Ивановичъ и спросилъ:—А въ Филипополь по той же дорогѣ, что и въ Константинополь?

— Да какъ-же! Ѣдущимъ въ Константинополь, нельзя миновать Филипополь.

— Вотъ и отлично. Значитъ, послѣ завтрака вмѣстѣ и поѣдемъ. Глафира Семеновна! Слышишь, какая пріятная компанія намъ предстоитъ въ дорогѣ! Не станемъ и мы откладывать нашъ отъѣздъ изъ Софіи. Вѣдь мы здѣсь ужъ все видѣли, что здѣсь есть и что можно видѣть. О, какъ все это хорошо устраивается восторгался Николай Ивановичъ, произнося слова уже нѣсколько заплетающимся отъ выпитаго языкомъ.—Въ дорогу захватимъ винца...

— Вотъ это винцо-то и позвольте мнѣ захватить въ дорогу, сказалъ прокуроръ.—Тогда я буду имѣть хоть маленькую возможность отплатить вамъ за гостепріимство.

— Э, что за счеты! Только-бы было вино, а тамъ чье оно—зачѣмъ разбирать! Братъ славянинъ! Вѣдь рыбка-то плавала! опять воскликнулъ Николай Ивановичъ.

Прокуроръ въ восторгѣ воздѣлъ руки кверху.

— О, русскія присловья, русскія присловья! опять воскликнулъ онъ.—Ну, какъ при нихъ откажешься пить! Они имѣютъ магическое дѣйствіе на волю человѣка! Выпьемте, Николай Ивановичъ! Поднимаю здравицу за единеніе братьевъ славянъ! За тѣсную дружбу!

— Живіо! закричалъ Николай Ивановичъ. — Глаша! Пей!

Глафира Семеновна, смотрѣвшая уже изъ-подлобья на расходившихся мужа и гостя, неохотно взялась за бокалъ. Она не любила, когда мужъ ея бывалъ пьянъ, а теперь отъ выпитаго вина у него уже даже перекосило глаза. Прокуроръ, тоже съ посоловѣвшими глазами, такъ чокнулся съ ней, что даже расплескалъ ея вино, выпилъ до дна и принялся уничтожать совсѣмъ уже остывшій бифштексъ съ солеными оливками.

Николай Ивановичъ вновь разливалъ по бокаламъ вино и восклицалъ:

— За здоровье славянскихъ женщинъ! Живіо!

XXXVI.

Въ первомъ часу дня по улицамъ Софіи, по направленію къ желѣзнодорожной станціи, во всю прыть мчались два фаэтона. Въ первомъ изъ нихъ сидѣли Николай Ивановичъ и прокуроръ, во второмъ помѣщалась Глафира Семеновна среди саковъ, корзинокъ, баульчиковъ и подушекъ, завернутыхъ въ пледы. На козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ усатый молодецъ изъ гостинницы въ фуражкѣ съ надписью „Метрополь“. Николай Ивановичъ размахивалъ руками и кричалъ: „Живіо! Да здравствуетъ славянское брат-

ство!" Дѣлалъ онъ это при каждой собравшейся кучкѣ народа, попадавшейся имъ по пути, и при этомъ лѣзъ цѣловаться къ прокурору. У нихъ также была кладь: въ ногахъ въ фаэтонѣ стояла плетеная корзинка съ виномъ и закусками, купленными въ гастрономическомъ магазинѣ Панахова.

Но вотъ и станція желѣзной дороги. У подъѣзда къ нимъ подскочило нѣсколько бараньихъ шапокъ и онѣ принялись ихъ высаживать изъ фаэтоновъ. Николай Ивановичъ и имъ закричалъ „живіо" и „да здравствуетъ славянство", а потомъ сталъ раздавать направо и налѣво никелевыя стотинки, нарочно для этого намѣнянныя, говоря:

— Получите по-русски на чай! Получите и помните славянина съ береговъ Волги и Невы!

Стотинки раздавались и извощикамъ, стоявшимъ передъ зданіемъ станціи въ ожиданіи сѣдоковъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались благодарности и привѣтствія получившихъ:

— Благодаря, господине! Проштавай! Останете съ здравіе! Благодары!

— Кричите ура! Вотъ вамъ еще на драку! проговорилъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ собравшимся извощикамъ и кинулъ имъ горсть стотинокъ на мостовую, но прокуроръ, бывшій менѣе пьянъ, схватилъ его подъ руку и потащилъ въ зданіе станціи.

Глафира Семеновна слѣдовала сзади, чуть не плача, и бормотала по адресу мужа:

— Пьяный безобразникъ! Сѣрый мужикъ! Бахвалъ безстыдный!

Николай Ивановичъ, слыша эти слова, оборачивался къ ней и говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Пусть прокуроръ посадитъ меня въ кутузку, если я пьяный безобразникъ! Пусть! А если онъ не сажаетъ, то, стало быть, онъ очень хорошо понимаетъ, что это не безобразіе, а славянское единство. Прокуроръ! Степанъ Мефодьичъ! Вѣдь это славянское единство? Правильно я? — приставалъ онъ къ прокурору.

— Идемте, идемте... Поѣздъ изъ Вѣны въ Константинополь прибылъ уже и надо садиться, а то опоздаемъ!—торопилъ его прокуроръ.

— Нѣтъ, я желаю знать мнѣніе прокурора — славянское это единство или безобразіе?— Прокуроръ! Душка, скажи! — допытывался у прокурора Николай Ивановичъ и воскликнулъ:—Чувствую полное радушіе славянской души и хочу обнять всѣхъ братьевъ, а она: пьяное безобразіе!

Поѣздъ, дѣйствительно, уже пришелъ изъ Вѣны и минутъ черезъ десять долженъ былъ отправиться въ Константинополь, такъ что супруги и прокуроръ еле успѣли, съ помощью проводника изъ гостинницы, купить билеты, сдать свой багажъ и помѣститься въ купэ. Николай Ивановичъ опять сталъ „серебрить“ бараньи шапки, принесшія въ купэ подушки и саки. Опять привѣтствія: „благодары“, и „останете съ здравіе“. Проводнику за его двухдневную службу Николай Ивановичъ далъ

двѣ большія серебряныя монеты по пяти левовъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, братушка, на ракію и ребятишкамъ на молочишко! Не поминай лихомъ славянина съ береговъ Невы, и помни, какой такой русскій человѣкъ Николай Ивановъ сынъ Ивановъ!

Проводникъ такъ ему поклонился въ благодарность, что хлопнулъ картузомъ съ надписью „Метрополь" по полу вагона и произнесъ, весь сіяя:

— Прощайте, экселенцъ! Прощайте, ваше высокопревосходительство!

Поѣздъ тронулся.

— Стой! Стой! закричалъ Николай Ивановичъ.— Что-жъ мы газеты-то хотѣли купить, гдѣ про меня напечатано!

И онъ даже вскочилъ съ мѣста, чтобъ бѣжать изъ вагона, но прокуроръ схватилъ его за руку и остановилъ:

— Куплены, сказалъ онъ, доставая изъ кармана газеты.—Я купилъ.

— А ну-ка, прочти и переведи. Вѣдь по-болгарски-то мы хоть и два пенснэ на носъ вздѣнемъ, все равно ничего не поймемъ, хоть и русскими буквами писано.

Прокуроръ развернулъ одну газету и сталъ пробѣгать ее.

— Есть, сказалъ онъ.—Дѣйствительно, пишутъ про васъ, что вы дипломатическій агентъ, отправляющійся въ Константинополь въ русскую миссію съ какимъ-то порученіемъ. Затѣмъ сказано, что на

предложенный вамъ вопросъ, съ какимъ именно порученіемъ—вы отказались приподнять завѣсу.

— Да, отказался. Съ какой-же кстати я буду отвѣчать, если я ничего не знаю!.. бормоталъ Николай Ивановичъ.—Рѣшительно ничего не знаю.

— Далѣе сказано, что вы съ особеннымъ восторгомъ отнеслись къ нынѣшнему повороту въ Болгаріи ко всему русскому, продолжалъ прокуроръ.

— А про самовары ничего не сказано?

— Есть, есть. Сказано. Напечатано, что вы высказывали удивленіе, отчего въ болгарскихъ гостинницахъ не распространенъ самоваръ.

— Ловко! Вотъ это хорошо, что сказано. Одобряю... Въ самомъ дѣлѣ, какое-же это славянское единство, если безъ русскаго самовара! Глаша! Слышишь? Вотъ какъ о насъ! Знай нашихъ! Объ насъ даже въ газетахъ напечатано! обратился Николай Ивановичъ къ женѣ и хлопнулъ ее ладонью по плечу.

Глафира Семеновна сидѣла надувшись и чуть не плакала.

— Оставь, пожалуйста! Что за мужицкое обращеніе! Хоть господина-то прокурора постыдился-бы, проговорила она, отвернулась, и стала смотрѣть въ окно.

— Ого-го! Нервы? Ну, такъ и будемъ знать. Вотъ, господинъ прокуроръ, и хороша она у меня бабенка, покладистая для путешествія, а ужъ какъ нервы эти самые начнутся—только чорту ее и по-

дарить, да и то незнакомому, чтобъ назадъ не принесъ.

— Дуракъ! Пьяный дуракъ! послышалось у супруги.

— Изволите слышать, какіе комплименты мужу!.. А все отъ нервовъ, кивнулъ Николай Ивановичъ на жену и сказалъ прокурору.—А ну-ка, что въ другой-то газетѣ?..Вѣдь меня разспрашивали два репортера.

Прокуроръ сталъ пробѣгать еще газету, ничего въ ней не нашелъ и развернулъ третью.

— Здѣсь есть. Здѣсь вы названы петербургскимъ сановникомъ. Сказано, что пріѣхали вмѣстѣ съ супругой Глафирой Семеновной, хвалите дешевизну жизни въ Софіи, удивляетесь ея незастроннымъ улицамъ... разсказывалъ прокуроръ.

— Откуда онъ узналъ, какъ жену-то мою зовутъ! дивился Николай Ивановичъ.—Ахъ, да... Вѣдь я при немъ ее называлъ по имени и отчеству—вотъ онъ и записалъ. Вотъ и ты, Глаша, въ болгарскую газету попала! Неужто не рада? спрашивалъ онъ жену.— Теперь вся Болгарія будетъ знать, что у петербургскаго купца Николая Ивановича Иванова есть супруга Глафира Семеновна! Знай нашихъ! Живіо!

— Что ты кричишь-то! Вѣдь мы въ вагонѣ... Рядомъ съ нами въ другомъ купэ пассажиры. Безстыдникъ! Скандалистъ! замѣтила ему Глафира Семеновна, не глядя на него.

— Нервы у бабы... Ничего не подѣлаешь, оправдывалъ Николай Ивановичъ передъ прокуроромъ

свою супругу и сказалъ:—А по сему случаю нужно выпить за болгарскую прессу. Мы еще не пили за прессу.

И онъ, вынувъ изъ корзинки бутылку вина, принялся ее откупоривать.

— За процвѣтаніе болгарской прессы! произнесъ онъ, откупоривъ бутылку, налилъ изъ нея стаканъ и поднесъ ее прокурору.

— Мадамъ Иванова, позволите выпить? Вы все сердитесь... обратился прокуроръ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Пейте. Богъ съ вами. Я не на васъ злюсь. Вы хоть и пьете, но прилично себя держите, а на мужа... былъ съ ея стороны отвѣтъ.

— Милая, да что-жъ я-то такое дѣлаю? воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Я только славянскій вопль въ себѣ чувствую. Вопль — и больше ничего. Дай ручку...

— Прочь! Оставь меня въ покоѣ!

Николай Ивановичъ покрутилъ головой, смотря на расходившуюся супругу, и сталъ наливать виномъ стаканъ для себя. Прокуроръ съ нимъ чокнулся и они выпили.

Черезъ четверть часа бутылка была выпита и лежала пустая на диванѣ. Николай Ивановичъ и прокуроръ, прижавшись каждый въ уголъ купэ, спали и храпѣли самымъ отчаяннымъ образомъ.

Глафира Семеновна чистила себѣ апельсинъ и, давъ волю слезамъ, плакала, смотря на своихъ спавшихъ пьяныхъ спутниковъ.

XXXVII.

Стучитъ, гремитъ, вздрагиваетъ поѣздъ, направляясь къ Константинополю. Мирнымъ сномъ спятъ, залихватски похрапывая, Николай Ивановичъ и прокуроръ, а Глафира Семеновна, приблизившись къ стеклу окна, съ красными отъ слезъ глазами, смотритъ на разстилающіеся передъ ней по пути виды. Погода прекрасная, солнечная, ясная и даетъ возможность далеко видѣть въ даль. Начиная отъ софійской станціи поѣздъ съ полчаса мчался по горной равнинѣ, миновалъ маленькія станціи Казичаны и Новосельцо, пересѣкъ Искеръ, съ особеннымъ трескомъ пронесясь по желѣзному мосту, и въѣхалъ въ горное ущелье. Начались величественные дикіе виды на покрытый снѣгомъ хребетъ Витошъ. Поѣздъ убавилъ ходъ и сталъ взбираться на крутую возвышенность. Снѣгу попадалось все больше и больше, поѣздъ шелъ все тише и тише, и вотъ совсѣмъ уже тихо сталъ подходить по желѣзному мосту черезъ пропасть близъ станціи Вакарель. Ѣхавшіе въ вагонѣ вышли изъ своихъ купэ въ корридоръ и, стоя у оконъ, смотрѣли на величественное зрѣлище, а Николай Ивановичъ и прокуроръ все еще спали сномъ праведника.

Глафира Семеновна тоже смотрѣла въ пропасть

„Храни Богъ! Если поѣздъ съ этого моста свалится—тутъ и костей не соберешь!“ подумала она. Ей сдѣлалось жутко и она принялась будить мужа, но тотъ не просыпался.

Вотъ и станція Вакарель—высшая точка желѣзнодорожнаго пути. На станціи надпись, что путь находится на 825 метровъ надъ уровнемъ моря. Началось усиленное постукиваніе молотками по колесамъ вагоновъ. Желѣзнодорожная прислуга суетилась, кричала. Кричали черномазые мальчики и дѣвочки, предлагающіе ключевую воду въ кувшинахъ. Баба въ опанкахъ продавала какія-то пшеничныя лепешки. Прокуроръ проснулся, протеръ глаза, взглянулъ на Глафиру Семеновну и сказалъ:

— Пардонъ... Какъ я заспался! А супругъ вашъ еще спитъ?

— Какъ видите, отвѣчала Глафира Семеновна, радуясь, что есть съ кѣмъ нибудь хоть слово перемолвить.—А какое вы величественное зрѣлище проспали, когда мы сюда подъѣзжали! Какая пропасть! Мнѣ даже страшно сдѣлалось.

— О, я эту дорогу знаю отлично. Мнѣ часто приходится ѣздить отъ Пловдива въ Софію и обратно, но вотъ вашъ мужъ...

— Мужа я расталкивала, но онъ и голоса мнѣ не подалъ.

Прокуроръ потянулся, зѣвнулъ, покосился на пустую бутылку, лежавшую около него на диванѣ, и спросилъ:

— Мы это на какой станціи?

— На станціи Вакарель, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Боже мой! Стало быть мы больше часа спали. До сихъ поръ мы все поднимались на высоту, а сейчасъ отъ этой станціи будемъ спускаться. Здѣсь водораздѣлъ. До сихъ поръ всѣ рѣки текли въ Черное море, а за этой станціей ужъ потекутъ въ Эгейское море. Фу, какъ пить хочется! Жаръ... Это отъ вина. Я вообще мало пью, но при такомъ пріятномъ знакомствѣ...съ вашимъ мужемъ—ошибся, переложилъ лишнее.

Прокуроръ спустилъ стекло у окна, подозвалъ къ себѣ дѣвочку и жадно напился воды изъ кружки, опустивъ туда для дѣвочки монетку въ пять стотинокъ.

— Вы знаете, кѣмъ вся эта мѣстность вокругъ Вакареля заселена? спросилъ онъ Глафиру Семеновну.—Здѣсь живетъ не болгарское племя, нѣтъ. Во время владычества турокъ тутъ были поселены плѣнные венгры и вотъ обитатели здѣшніе ихъ потомки.

— Да они на цыганъ и похожи по своему черномазію, отвѣчала та, смотря на кудряваго мальчика съ сизочерными волосами, поднимающаго къ ея окну кувшинъ съ водой.

Звонокъ. Поѣздъ сталъ тихо отходить отъ станціи и не прибавлялъ ходу.

— Спускаемся въ водораздѣлъ Эгейскаго моря, сообщилъ своей спутницѣ прокуроръ.—Скоро пере-

сѣчемъ границу Восточной Румеліи и спустимся въ долину Ихтимана. Можетъ быть, непріятно вамъ, что я разсказываю? спросилъ онъ, видя, что Глафира Семеновна хмурится.—Можетъ быть, вы хотите покоя... чтобы никто съ вами не разговаривалъ?

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе! Говорите. Даже очень пріятно. Я люблю разговаривать. Я не люблю только, когда люди много пьютъ.

— Усердно прошу прощенія. Это была ошибка. Но вѣдь вашъ мужъ своимъ радушіемъ можетъ даже мертваго заставить лишнее выпить. И такъ, буду вашимъ чичероне и стану вамъ разсказывать, что знаю. У Вакареля окончился желѣзнодорожный путь, построенный на болгарскія средства, и ужъ теперь мы ѣдемъ по турецкой дорогѣ.

— Какъ? Мы ужъ въ Турціи? воскликнула Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, но ѣдемъ-то мы по желѣзницѣ, построенной на турецкій счетъ. Турція еще послѣ Пловдива, послѣ Филипополя будетъ. Филипополь по-болгарски Пловдивъ и мы его такъ и зовемъ. Послушайте, мадамъ Иванова, заѣдемте къ намъ въ Пловдивъ на сутки. Право, у насъ есть не меньше, что посмотрѣть, чѣмъ въ Софіи.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. И, Бога ради, не говорите объ этомъ мужу! воскликнула испуганно Глафира Семеновна.—Мы теперь ѣдемъ прямо въ Константинополь.

— Отчего вы такъ противъ нашего Пловдива?

Мнѣ хотѣлось бы въ Пловдивѣ отблагодарить васъ и вашего супруга за то радушіе и гостепріимство, которое вы мнѣ оказали въ Софіи, упрашивалъ прокуроръ.

— А вотъ этого-то гостепріимства я и боюсь, подхватила Глафира Семеновна.—Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста не просите и, главное, мужу ни слова... Кромѣ того, ему вредно пить. У него ожирѣніе сердца.

— О, Боже мой! Да зачѣмъ-же много пить? А Пловдивъ все-же стоитъ посмотрѣть. Это главный городъ Восточной Румеліи. Въ немъ много достопримѣчательностей. Онъ древній городъ, основанъ еще Филипомъ Вторымъ, отцомъ Александра Великаго.

— Хоть-бы Филипомъ Десятымъ, такъ и то я не желаю заѣзжать.

— А какія въ немъ древности есть! Древній турецкій караван-серай съ свинцовыми куполами, древняя мечеть Джумая Джамизи...

— Нѣтъ, нѣтъ, не просите!

Разговаривая такимъ манеромъ, они миновали станцію Ихтиманъ. Начались отвѣсныя гранитныя скалы. Ѣхали какъ-бы въ стѣнахъ.

— Любуйтесь, мадамъ Иванова, и запомните. Эти скалы называются Трояновы ворота. Мы ѣдемъ по ущелью. Черезъ это ущелье прошелъ императоръ Троянъ во время его войны съ Дакіей,—разсказывалъ прокуроръ, но Глафира Семеновна очень равнодушно взглянула на величественныя скали-

стыя Трояновы ворота. Она боялась, что прокуроръ сманитъ ея мужа въ Пловдивъ, а тамъ опять начнется бражничанье.

Спустились въ долину Марицы. Виднѣлись вдали угрюмыя Родопскія горы. Попадались дубовые лѣса. Вотъ и станція Костенецъ. Помчались дальше.

— Мѣстность, по которой мы теперь проѣзжаемъ, долженъ вамъ сказать, мадамъ, хорошей славой не пользуется. Вонъ тамъ въ Родопскихъ горахъ, да и здѣсь въ долинѣ проживаютъ помаки, болгары-магометане, и они могутъ быть вполнѣ причислены къ полудикимъ. Занятіе ихъ—разбои. Покойный Стамбуловъ разсѣялъ много ихъ бандъ, но и посейчасъ еще въ горахъ есть ихъ шайки. Прежде здѣсь, по горамъ, безъ конвоя нельзя было проѣхать. Грабежи были страшные... Да и посейчасъ... Были даже случаи нападенія на поѣзда...

— Да что вы!—испуганно проговорила Глафира Семеновна и поблѣднѣла. О, Господи! А мужъ спитъ, какъ свинья. Что-же это такое! Надо его разбудить. Николай! Николай Иванычъ! Проснись! Послушай, что разсказываютъ!

И она въ страхѣ принялась трясти мужа за рукавъ, ущипнула его за руку, дернула даже за усы.

XXXVIII.

Николай Ивановичъ проснулся, посоловѣлыми глазами смотрѣлъ на жену и прокурора и съ просонья спрашивалъ:

— Пріѣхали? Куда пріѣхали?

— Никуда не пріѣхали. Но знаешь-ли ты, по какой мѣстности мы ѣдемъ? внушительно говорила Глафира Семеновна мужу.—Мы ѣдемъ по мѣстности, которая въ горахъ кишитъ разбойниками. Вотъ Степанъ Мефодьичъ говоритъ, что здѣсь повсюду, повсюду разбойники. Нужно быть на сторожѣ, а ты спишь, какъ невинный младенецъ.

— Позвольте, позвольте, мадамъ Иванова, перебилъ ее прокуроръ. — Я разсказываю больше о прежнемъ, достамбуловскомъ времени. Но Стамбуловъ вѣдь цѣлую войну велъ противъ нихъ, и надо отдать ему честь, перебилъ или перехваталъ ихъ атамановъ и шайки разсѣялись.

— Вы говорили, что даже были случаи нападенія на поѣзды.

— Были, были. Нападали, пассажировъ обирали до нитки, потомъ брали ихъ въ плѣнъ и требовали за нихъ выкупъ. Все это было сравнительно недавно, три-четыре года тому назадъ, но теперь, за послѣднее время, у насъ спокойно.

— Да вѣдь спокойно, спокойно, а вдругъ и бу-

детъ не спокойно, проговорила Глафира Семеновна.

Прокуроръ пожалъ плечами.

— Конечно, все можетъ случиться, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такъ ужъ очень пугаться, сказалъ онъ.—Смотрите, какъ вы поблѣднѣли. Воды-бы вамъ выпить, но ея нѣтъ. Выпейте вина. Это васъ приободритъ. Вино есть.

— Пожалуй, дайте.

У Глафиры Семеновны дрожали руки.

Прокуроръ вытащилъ изъ кармана складной штопоръ, досталъ бутылку съ бѣлымъ виномъ, откупорилъ ее и, наливъ полъ-стакана, подалъ Глафирѣ Семеновнѣ.

Та выпила нѣсколько глотковъ и проговорила:

— Боже мой, по какой мы дикой землѣ ѣдемъ! Даже на желѣзнодорожные поѣзда нападаютъ. Знала-бы, ни за что не поѣхала! Это все ты... кивнула она на мужа.

Тотъ зѣвалъ, протиралъ глаза и откашливался въ платокъ.

— Ну, вотъ... Не на кого валить бѣду, такъ на мужа. А сама только и бредила Константинополемъ. Вѣдь мы въ Константинополь ѣдемъ.

— Да никакой тутъ бѣды нѣтъ, и вы можете успокоиться. Теперь разбойничьи банды если гдѣ еще и существуютъ, то перемѣнили свою дѣятельность. Въ прошломъ году я былъ судебнымъ слѣдователемъ, производилъ слѣдствіе надъ двумя пойманными вожаками и познакомился съ ихъ нынѣш-

ними операціями. Теперь они живутъ въ горахъ и держатъ въ страхѣ только селенія. Чтобы никого не трогать, они распоряжаются очень просто. Берутъ извѣстную дань съ селъ и деревень. И если дань взята — они уже ту деревню не трогаютъ и даютъ у себя въ горахъ спокойный пропускъ лицамъ изъ той деревни. На слѣдствіи свидѣтели показывали, что у здѣшнихъ разбойниковъ на этотъ счетъ слово вѣрное, что у нихъ существуетъ своя честь.

Глафира Семеновна начала успокоиваться.

— Ну, а нападеніе на поѣзда? Когда было послѣднее нападеніе на поѣздъ? спросила она.—Не можете сказать?

— Какъ-же, какъ-же... Это всѣмъ памятно.. Объ этомъ вѣдь писали во всѣхъ европейскихъ газетахъ. Это сдѣлало страшный переполохъ, отвѣчалъ прокуроръ. — И на самомъ дѣлѣ нападеніе было возмутительно по своей дерзости. Но послѣднее нападеніе было сдѣлано не на болгарской територіи, а на турецкой. Вы поѣдете мимо этой станціи.

— О, Господи! Спаси насъ и помилуй! перекрестилась Глафира Семеновна.

— Чего-же, душечка, такъ ужъ особенно-то пугаться! успокоивалъ жену хриплымъ отъ вина и сна голосомъ пришедшій уже въ себя Николай Ивановичъ.—Вѣдь и у насъ на Закавказской и Закаспійской дорогахъ были нападенія на станціи и на поѣзда, но вѣдь это такъ рѣдко случалось. И

здѣсь.. Неужели такъ таки на насъ ужъ и нападутъ, если мы поѣхали?

— Все-таки это ужасно! потрясла головой Глафира Семеновна и спросила прокурора: — Такъ когда-же было послѣднее нападеніе на поѣздъ?

— Послѣднее нападеніе было... Я даже число помню... отвѣчалъ онъ.—Послѣднее нападеніе было въ ночь съ 31 мая на 1 іюня 1891 года. Разбойники забрались въ поѣздъ между станціями Черкесской и Синекли, перевязали поѣздную прислугу, остановили поѣздъ и грабили пассажировъ до гола. Но это бы еще ничего... А дерзость ихъ пошла дальше. Они захватили изъ перваго класса четырехъ пассажировъ заложниками. Это были германскіе подданные и лица изъ хорошей фамиліи, со связями... Они ѣхали въ Константинополь. Захватили ихъ заложниками и увели въ горы, а послѣ требовали съ турецкаго правительства 200.000 франковъ выкупа, грозя, что если выкупъ къ извѣстному времени не будетъ внесенъ и положенъ въ указанное мѣсто, убить заложниковъ.

— Боже милостивый! всплескивала руками Глафира Семеновна. — Ну, и что-же, выкупъ былъ внесенъ?

— Внесли выкупъ, кивнулъ головой прокуроръ.— Это была банда знаменитѣйшаго по своей дерзости разбойника. Афанасъ онъ назывался. По происхожденію грекъ. Впослѣдствіи онъ былъ убитъ въ свалкѣ. Вѣдь цѣлый турецкій полкъ ходилъ въ горы воевать съ этой шайкой разбойниковъ.

— Ужасъ, что вы говорите! Ужасъ! ужасалась Глафира Семеновна и спросила прокурора: — Какъ станція-то, около которой это случилось?

— Запомнить не трудно. Почти русское названіе. Станція Черкесской. Потурецки она произносится Черкескьей...

— Нѣтъ, я даже запишу, чтобы знать.

Глафира Семеновна вытащила изъ баульчика записную книжку съ карандашомъ.

— Далеко это отсюда?

— За Адріанополемъ. Почти подъ самымъ Константинополемъ, далъ отвѣтъ прокуроръ. — И имя разбойника запишите. Афанасій... Грекъ Афанасъ.

— Грекъ, стало быть православный человѣкъ и такой разбойникъ! О, Господи! дивилась Глафира Семеновна, записывая въ книжку.—Фу, даже руки дрожатъ. Вонъ какими каракулями пишу. Вы говорите, въ 1891 году это было?

— Въ 1891 году, въ ночь съ 31 мая на 1 іюня. Это фактъ. Это во всѣхъ газетахъ было.

— Ну, и ужъ послѣ этого не нападали на поѣзда?

— Кажется, не нападали,—отвѣчалъ прокуроръ, но тотчасъ-же спохватился и сказалъ:—Ахъ, нѣтъ, нападали. Года три тому назадъ нападали, но ужъ на этотъ разъ на нашей болгарской территоріи. То-есть, лучше сказать на границѣ турецкой и болгарской. Тоже обобрали пассажировъ, но не

причинили никому ни малѣйшей царапины. Также взяли въ плѣнъ одну богатую женщину.

— Даже женщину не пощадили?—воскликнула Глафира Семеновна и прибавила тихо: — Не могу писать. Николай Иванычъ, дай мнѣ вина.

Николай Ивановичъ поспѣшно налилъ стаканъ вина.

— Куда-жъ ты цѣльный-то стаканъ! Мнѣ одинъ, два глотка!—крикнула на него жена.

— Пей, пей. . Остальное я самъ выпью.

— Это чтобы опять натрескаться? Опомнись! Люди ужасы разсказываютъ, а тебѣ и горя мало. По такой дорогѣ ѣхать,—нужно быть трезвѣе воды.

Мужъ улыбнулся.

— Тебя Степанъ Мефодьичъ, шутя, пугаетъ, а ты вѣришь!—сказалъ онъ, выпивъ остатки вина.

— Нѣтъ, это факты, факты. Неужели-же я посмѣю шутить такимъ манеромъ! А только вамъ теперь совершенно нечего бояться. Теперь повсюду спокойно. Вотъ уже года два по всей дорогѣ спокойно.

— Такъ что-же разбойники сдѣлали съ этой женщиной? — интересовалась Глафира Семеновна. — Поди, турецкія звѣрства сейчасъ начались?

— Не разсказывайте ей, не разсказывайте, Степанъ Мефодьичъ. Видите, она и такъ ни жива, ни мертва, подхватилъ Николай Ивановичъ.

— Тутъ ужъ нѣтъ ничего страшнаго. Вообразите, впослѣдствіи она разсказывала, что всѣ разбойники обращались съ ней буквально по джен-

тельменски, съ предупредительностью и даже кормили ее лакомствами. Они только заставили ее написать письмо въ ея домъ съ приказаніемъ, чтобъ за нее выслали что-то пять или шесть тысячъ левовъ. Женщина была состоятельная, за нее выслали и положили въ назначенное мѣсто въ горахъ деньги, и она была освобождена. Но вы, мадамъ, Бога ради не бойтесь, прибавилъ опять прокуроръ.—Теперь уже два года ничего подобнаго не случается.

Кончивъ разсказъ, онъ налилъ себѣ стаканъ вина и выпилъ залпомъ, сказавъ покосившейся на него Глафирѣ Семеновнѣ:

— Простите, что пью... Но ужасная жажда...

Поѣздъ убавилъ ходъ и остановился на станціи Бѣлова.

XXXIX.

Запасные пути у станціи Бѣловы были сплошь уставлены платформами съ строевымъ лѣсомъ, досками, дровами. Были даже рѣшетчатые вагоны, нагруженные перепиленными на мелкіе куски вѣтвями и хворостомъ. Видно было, что здѣсь умѣютъ беречь лѣсъ и не даютъ сгнивать, какъ у насъ въ Россіи, даже самымъ мелкимъ лѣснымъ остаткамъ.

— Большая лѣсная торговля здѣсь, сказалъ про-

куроръ своимъ спутникамъ.—Бѣлова—городъ лѣсопромышленниковъ. Отсюда отправляется лѣсъ и въ Константинополь, и въ Австрію. Отъ Бѣловы мнѣ съ вами ѣхать всего шетьдесятъ шесть километровъ, семьдесять верстъ по вашему, а затѣмъ Филипополь—и прощайте.

— Такъ скоро? удивился Николай Ивановичъ.— Въ такомъ случаѣ надо проститься на бѣло и выпить на прощанье.

— Николай! да побойся ты Бога! вскинула на мужа умоляющій взоръ Глафира Семеновна.

— А что такое? Я Бога боюсь, какъ слѣдуетъ.

— Такъ какъ-же можно напиваться на такой дорогѣ, гдѣ разбойники даже поѣзда останавливаютъ!

— Да не напиваться, а выпить на прощанье. Вѣдь въ Турцію ѣдемъ. А въ Турціи ужъ аминь насчетъ вина. Тамъ оно и по магометанскому закону запрещено.

— Безстыдный ты человѣкъ! воскликнула Глафира Семеновна и отвернулась отъ мужа.

— И знаете, кто здѣсь главный скупщикъ лѣсовъ на срубъ? продолжалъ прокуроръ, чтобы замять начинающуюся ссору между мужемъ и женой.—Знаменитый еврей баронъ Гиршъ, устроитель Аргентинской колоніи для евреевъ. Эти лѣса правительственные, государственные.. И онъ здѣсь скупилъ на срубъ, ни много, ни мало, 35,000 гектаровъ. Много здѣсь есть, впрочемъ, лѣсовъ и частныхъ владѣльцевъ.

Поѣздъ отходилъ изъ Бѣловы. Прокуроръ продолжалъ:

— Черезъ полчаса будетъ станція Татаръ-Басарживъ. Перемѣна поѣздной прислуги. Турецкая прислуга замѣнитъ болгарскую.

— Какъ? И разговоръ ужъ будетъ по-турецки? спросила Глафира Семеновна.

— Нѣтъ. Большинство говоритъ по-французски и по-болгарски. Отъ станціи Басаржикъ вплоть до Константинополя будете слышить французскій языкъ. Вплоть до Басаржика лѣсная мѣстность и область лѣсной торговли, а послѣ Басаржика начнется область винодѣлія и рисовыхъ полей.

— Ну, вотъ какъ ни выпить винца, проѣзжая область винодѣлія! сказалъ Николай Ивановичъ и улыбнулся.—Нельзя-же такъ игнорировать мѣстности.

Глафира Семеновна сидѣла, молча, отвернувшись къ окну, и смотрѣла на мелькавшія мимо болгарскія деревеньки, пріютившіяся въ лѣсистой мѣстности, очень смахивающія по своей бѣлизнѣ на наши степныя малороссійскія деревни. Дорога спустилась уже къ подошвѣ горъ, и снѣгъ, въ изобиліи бывшій на горахъ, исчезъ.

Николаю Ивановичу очень хотѣлось выпить, чтобъ поправить голову, но онъ боялся жены и заискивающе началъ подговариваться насчетъ выпивки.

— Теперь на прощанье можно выпить чего ни-

будь самаго легенькаго, такъ чтобы и жена могла вмѣстѣ съ нами... сказалъ онъ.

— Не стану я пить, ничего не стану, отрѣзала Глафира Семеновна.

— Выпьешь, полъ-стаканчика-то выпьешь за господина прокурора, продолжалъ Николай Ивановичъ.—У меня даже явилась мысль соорудить крушонъ. Шампанское у насъ есть, бѣлое вино есть, апельсины и лимоны имѣются, вотъ мы это все и смѣшаемъ вмѣстѣ.

— Гмъ... Вкусно... произнесъ прокуроръ, улыбнувшись и облизываясь.—А въ чемъ смѣшаете-то?

— А угадайте! Голь на выдумки хитра, и я придумалъ, подмигнулъ Николай Ивановичъ.—Ну-ка, ну-ка? Я васъ еще помучаю.

— Въ стаканахъ?

— Какой-же смыслъ въ стаканахъ? Тогда это будетъ не крушонъ. А я крушонъ сдѣлаю, настоящій крушонъ. Въ Москвѣ-то вѣдь вы живали?

— Живалъ, отвѣтилъ прокуроръ.—Въ гимназіи въ Москвѣ учился и университетскій курсъ по юридическому факультету проходилъ.

— Ну, такъ въ Москвѣ въ трактирахъ, изъ чего купцы пьютъ вино на первой недѣлѣ великаго поста, чтобъ не зазорно было пить передъ посторонними? задалъ вопросъ Николай Ивановичъ.

— Ей-Богу, не знаю, отрицательно покачалъ головой прокуроръ.

— Изъ чайниковъ, милый человѣкъ, изъ чайни-

ковъ. Изъ чайниковъ наливаютъ въ чашки и пьютъ. Будто чай распиваютъ, а на самомъ дѣлѣ вино. Такъ и мы сдѣлаемъ. Металлическій чайникъ у насъ есть—вотъ мы въ металлическомъ чайникѣ крушонъ и устроимъ. Каково? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Дѣйствительно, изобрѣтательность богатая. Да вы, мой милѣйшій, нѣчто въ родѣ изобрѣтателя Эдиссона! воскликнулъ прокуроръ.

— О, въ нуждѣ русскій человѣкъ изобрѣтатель лучше всякаго Эдиссона! похвалялся Николай Ивановичъ.—Глафирушка, нарѣжъ-ка намъ апельсиновъ въ чайникъ, обратился онъ къ женѣ.

— Не стану я ничего рѣзать! Рѣжте сами! огрызнулась Глафира Семеновна.—У меня голова болитъ.

— Нервы... пояснилъ Николай Ивановичъ.—А ужъ когда нервы, тутъ значитъ закусила удила и ничего съ ней не подѣлаешь.

— Не хотите-ли антиперину? У меня есть нѣсколько порошковъ, предложилъ прокуроръ

— Не надо... А впрочемъ, дайте...

Прокуроръ тотчасъ-же досталъ изъ своей сумки порошокъ. Глафира Семеновна выпила порошокъ съ бѣлымъ виномъ. Порошокъ этотъ хорошо на нее подѣйствовалъ и отчасти подкупилъ ее. Она достала пару апельсиновъ, ножъ и принялась ихъ рѣзать, опуская ломти въ металлическій чайникъ.

— Ай да жена у меня! Что за милая у меня жена! разхваливалъ ее Николай Ивановичъ —Какъ

пріѣдемъ въ Константинополь, сейчасъ-же куплю ей вышитые золотомъ турецкіе туфли и турецкую шаль!

— Какъ это глупо! пробормотала Глафира Семеновна.

Проѣхали давно уже небольшую станцію Сарембей и приближались къ Татаръ-Басаржику. Лѣса стали рѣдѣть и исчезли. Открылась равнина въ горахъ и въ дали на холмѣ виднѣлся бѣлый городъ съ высокими каменными минаретами, упирающимися въ небо. Извиваясь синей лентой, протекала у подножія холма рѣка Марица. Поѣздъ сталъ загибать къ городу.

— Здѣсь начинается область винодѣлія-то? спросилъ прокурора Николай Ивановичъ, когда поѣздъ остановился на станціи Татаръ-Басаржикъ.

— Нѣтъ, здѣсь все еще область лѣсной торговли. Тутъ находится громадная контора французскаго общества разработки лѣсныхъ и горныхъ продуктовъ; за Басаржикомъ, когда мы начнемъ огибать вонъ ту гору, увидимъ опять лѣса, спускающіеся съ горъ, а за лѣсами вы увидите виноградники. Я скажу, когда область винодѣлія начнется.

— Ну, такъ я тамъ и открою бутылку. А теперь только смолку собью.

И Николай Ивановичъ принялся отбивать на бумагу смолку отъ шампанской бутылки.

Поѣздъ пріѣхалъ на станцію Татаръ-Басаржикъ, постоялъ тамъ минутъ пять и помчался дальше.

Дѣйствительно, на горахъ опять засинѣли хвойные лѣса. Пересѣкли горную рѣчку, которую прокуроръ назвалъ Кришмой, пересѣкли вторую—Деймейдеру рѣку.

— Сплавныя рѣки и обѣ въ Марицу вливаются, пояснилъ прокуроръ.—По нимъ сплавляютъ лѣсъ.

Поѣздъ мчался у подножія горъ. На нижнихъ склонахъ лѣсъ началъ рѣдѣть и дѣйствительно начались виноградники.

— Вотъ она областъ винодѣлія! Началась, сказалъ прокуроръ.

— Привѣтствуемъ ее!—отвѣчалъ Николай Ивановичъ, сидѣвшій съ бутылкой шампанскаго въ рукахъ, у которой были уже отломаны проволочные закрѣпы и пробка держалась только на веревкахъ. Онъ подрѣзалъ веревки—и пробка хлопнула, ударившись въ потолокъ вагона. Шипучее искрометное вино полилось изъ бутылки въ чайникъ. Затѣмъ туда же прокуроръ влилъ изъ бутылки остатки болгарскаго бѣлаго вина.

— Коньячку-бы сюда рюмки двѣ, проговорилъ какъ-то особенно, въ засосъ, Николай Ивановичъ, но жена бросила на него такой грозный взглядъ, что онъ тотчасъ-же счелъ за нужное ее успокоить:—Да вѣдь у насъ нѣтъ съ собой коньяку, нѣтъ, нѣтъ, а я только говорю, что хорошо-бы для аромата. Ну, Степанъ Мефодьичъ, нальемъ себѣ по стакану, чокнемся, выпьемъ и распростимся. Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Будете

въ Петербургѣ—милости просимъ къ намъ. Сейчасъ я вамъ дамъ мою карточку съ адресомъ.

— Собираюсь, собираюсь въ Петербургъ, давно собираюсь и навѣрное лѣтомъ пріѣду, отвѣчалъ прокуроръ.—А вамъ счастливаго пути! Желаю весело пожить въ Константинополѣ. Городъ-то только не для веселья. А насчетъ дороги, мадамъ Иванова, вы не бойтесь. Никакихъ теперь разбойковъ нѣтъ. Все это было да прошло. Благодарю за нѣсколько часовъ, пріятно проведенныхъ съ вами, и пью за ваше здоровье! прибавилъ онъ, когда Николай Ивановичъ подалъ ему стаканъ съ виномъ.

— За ваше, Степанъ Мефодьевичъ, за ваше здоровье!

Николай Ивановичъ чокнулся съ Прокуроромъ, чокнулась и Глафира Семеновна.

Поѣздъ свистѣлъ, а въ окнѣ вагона вдали показался городъ.

— Филипополь... сказалъ прокуроръ—Къ Филипополю приближаемся На станціи есть буфетъ. Буфетъ скромный, но все таки съ горячимъ. Поѣздъ будетъ стоять полчаса. Можете кое чего покушать: жареной баранины, напримѣръ. Здѣсь прекрасная баранина, прибавилъ онъ и сталъ собирать свои вещи.

XL.

Миновали Филипополь или Пловдивъ, какъ его любятъ называть болгары. Поѣздъ опять мчится далѣе, стуча колесами и вздрагивая.

Николай Ивановичъ опять спитъ и храпитъ самымъ отчаяннымъ образомъ. При прощаньи съ прокуроромъ передъ Филипополемъ не удовольствовались однимъ крушономъ, выпитымъ въ вагонѣ, но пили на станціи въ буфетѣ, когда супруги обѣдали. Кухня буфета оказалась преплохая въ самомъ снисходительномъ даже смыслѣ. Бульона вовсе не нашлось. Баранина, которую такъ хвалилъ прокуроръ, была еле подогрѣтая и пахла свѣчнымъ саломъ. За то мѣстнаго вина было ѣъ изобиліи и на него-то Николай Ивановичъ и прокуроръ навалились, то и дѣло возглашая здравицы. Упрашиванія Глафиры Семеновны, чтобъ мужъ не пилъ, не привели ни къ чему. На станціи, послѣ звонка, садясь въ вагонъ, онъ еле влѣзъ въ него и тотчасъ же повалился спать. Во время здравицъ въ буфетѣ и на платформѣ онъ разъ пять цѣловался съ прокуроромъ по-русски, троекратно. Прокуроръ до того умилился, что попросилъ позволенія поцѣловаться на прощанье и съ Глафирой Семеновной и три раза смазалъ ее мокрыми отъ вина губами. Глафира Семеновна успѣла заварить себѣ на станціи

въ металлическомъ чайникѣ чаю и купить свѣжихъ булокъ и крутыхъ яицъ, и такъ какъ въ буфетѣ на станціи не могла ничего ѣсть, сидитъ теперь и закусываетъ, смотря на храпящаго мужа. „Слава Богу, что скоро въ мусульманскую землю въѣдемъ, думаетъ она.—Тамъ ужъ вина, я думаю, не скоро и сыщешь, стало быть Николай поневолѣ будетъ трезвый. Вѣдь въ турецкой землѣ вино и по закону запрещено".

Корзинку изъ-подъ вина и пустыя бутылки она засунула подъ скамейки купэ вагона и радовалась, что бражничанье кончилось. На спящаго мужа она смотрѣла сердито, но все-таки была рада, что онъ именно теперь спитъ, и думала:

„Пусть отоспится къ Адріанополю, а ужъ послѣ Адріанополя я ему не дамъ спать. Опасная то станція Черкеской будетъ между Адріанополемъ и Константинополемъ, гдѣ совершилось нападеніе на поѣздъ. Впрочемъ, вѣдь и здѣсь, по разсказамъ прокурора, нападали на поѣзда. Храни насъ Господи и помилуй!" произнесла она мысленно и даже перекрестилась.

Сердце ея болѣзненно сжалось.

„Можетъ быть ужъ и теперь въ нашемъ поѣздѣ разбойники ѣдутъ? мелькало у ней въ головѣ. Оберутъ, остановятъ поѣздъ, захватятъ насъ въ плѣнъ и кому тогда мы будемъ писать насчетъ выкупа? Въ Петербургъ? Но пока пріѣдутъ оттуда съ деньгами выручать насъ, насъ десять разъ убьютъ, не дождавшись денегъ".

Закусивъ парой яицъ и прихлебывая чай, уныло смотрѣла она въ окно. Передъ окномъ разстилались вспаханныя поля, по откосамъ горъ виднѣлся подрѣзанный голый еще, безъ листьевъ, виноградъ, около котораго копошились люди, взрыхляя, очевидно, землю. На поляхъ тоже кое-гдѣ работали: боронили волами. Наконецъ, начали сгущаться сумерки. Темнѣло.

Вошелъ въ вагонъ кондукторъ въ фескѣ (съ Бѣловы началась ужъ турецкая желѣзнодорожная служба) и по-французски попросилъ показать ему билеты.

— Въ которомъ часу будемъ въ Адріонополѣ? спросила его Глафира Семеновна также по-французски.

— Въ два часа ночи, мадамъ.

— А въ Черкеской когда пріѣдемъ?

— Oh, c'est loin encore, былъ отвѣтъ, (т. е. о, это еще далеко!)

— Ночью? допытывалась она.

— Да, ночью, отвѣтилъ кондукторъ и исчезъ.

„Бѣда! опять подумала Глафира Семеновна. — Всѣ опасныя мѣста придется ночью проѣзжать. Господи! хоть-бы взводъ солдатъ въ такихъ опасныхъ мѣстахъ въ поѣздъ сажали".

Проѣхали станціи Катуница, Садова, Панасли, Енимахале, Каяжикъ. Глафира Семеновна при каждой остановкѣ выглядывала въ окно, прочитывала на станціонномъ зданіи, какъ называется станція, и для чего-то записывала себѣ въ записную книжку. Нѣсколько разъ поѣздъ шелъ по берегу рѣки Ма-

рицы, въ которой картинно отражалась луна. Ночь была прелестная, лунная. Поэтично бѣлѣли при лунномъ свѣтѣ, вымазанныя, какъ въ Малороссіи, известью, маленькіе домики деревень и не большія церкви при нихъ, непремѣнно съ башней въ два яруса. На поляхъ то и дѣло махали крыльями безчисленныя вѣтреныя мельницы, тоже съ корпусами выбѣленными известкой.

Вотъ и большая станція Тырнова-Семенли съ массой вагоновъ на запасныхъ путяхъ и со сложенными грудами мѣшковъ съ хлѣбомъ на платформѣ. Въ вагонъ вбѣжалъ оборванный слуга въ бараньей шапкѣ, съ подносомъ въ рукахъ и предлагалъ кофе со сливками и съ булками. Глафира Семеновна выпила кофе съ булкой, а Николай Ивановичъ все еще спалъ, растянувшись на скамейкѣ. Глафира Семеновна взглянула на часы. Часы показывали девять съ половиной.

„Надо будить его, подумала она. Надѣюсь, что ужъ теперь онъ выспался и можетъ разговаривать разумно. А то я все одна, одна и не съ кѣмъ слова перемолвить. Словно какая молчальница сижу. Положимъ, что мы съ нимъ въ разговорѣ только споримъ и переругиваемся, но и это все таки веселѣе молчанія. Да и мнѣ не мѣшаетъ немножко прикурнуть до Адріанополя, чтобы къ двумъ часамъ, когда пріѣдемъ въ Адріанополь, гдѣ начнется это проклятое самое опасное мѣсто, передъ станціей Черкеской, быть бодрой и не спать. Я прикурну и сосну, а онъ пусть теперь не спитъ и

караулитъ меня. Обоимъ спать сразу въ такихъ опасныхъ мѣстахъ невозможно, рѣшила она, и какъ только поѣздъ отошелъ отъ станціи, принялась будить мужа.

— Николай! Проснись! Будетъ спать! трясла она его за рукавъ и даже щипнула за руку.

— Ой! Что это такое! вскрикнулъ Николай Ивановичъ отъ боли и открылъ глаза.

— Вставай, безобразникъ! Приди въ себя. Вспомни, по какому разбойничьему мѣсту мы проѣзжаемъ.

— Развѣ ужъ пріѣхали? послышался заспаннымъ хриплымъ голосомъ вопросъ.

— Куда пріѣхали? Что такое: пріѣхали? Развѣ ты не помнишь разсказъ прокурора о здѣшней мѣстности? О, пьяный, легкомысленный человѣкъ!

Николай Ивановичъ поднялся, сѣлъ, почесывался, смотрѣлъ посоловѣвшими глазами на жену и спрашивалъ:

— А гдѣ прокуроръ?

— Боже мой! Онъ даже не помнитъ, что прокуроръ простился съ нимъ и остался въ Филипополѣ! всплеснула руками Глафира Семеновна.

— Ахъ, да... сталъ приходить въ себя Николай Ивановичъ. — Все помню я, но нельзя же такъ сразу вдругъ все сообразить съ просонья. Нѣтъ-ли чего-нибудь выпить? спросилъ онъ.

— На счетъ вина теперь аминь. Въѣзжаемъ скоро въ турецкую землю, гдѣ трезвость должна быть даже по закону. Въ Турціи съ пьяными-то

знаешь-ли что дѣлаютъ? Турція вѣдь не Болгарія, стращала Глафира Семеновна мужа.—Вотъ тебѣ чай холодный. Его можешь пить сколько хочешь.

— Отлично. Чаю даже лучше... проговорилъ Николай Ивановичъ, налилъ себѣ стаканъ и выпилъ его залпомъ.—Чай превосходно...

— Ну, наконецъ-то образумился!

— Дай мнѣ апельсинъ. Я съѣмъ апельсинъ. Это утоляетъ жажду.

Глафира Семеновна подала мужу апельсинъ, и онъ принялся его чистить.

XLI.

Ну, я теперь сосну немножко до Адріанополя, сказала Глафира Семеновна мужу, когда они отъѣхали отъ станціи Тырново-Семенли.—А ты ужъ, Бога ради, не спи. А съ Адріанополя, куда пріѣдемъ въ два часа ночи, оба не будемъ спать и станемъ ждать эту проклятую станціи Черкеской.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ мужъ.

Глафира Семеновна улеглась на скамейку, прикрылась пледомъ и заснула. Николай Ивановичъ сидѣлъ и бодрствовалъ, но и его сталъ клонить сонъ. Дабы сдержать слово и не заснуть, онъ вышелъ изъ купэ въ коридоръ и сталъ бродить

смотря въ открытыя двери сосѣднихъ купэ на своихъ спутниковъ.

Въ одномъ изъ купэ ѣхалъ тотъ-же желтый англичанинъ въ клѣтчатой парѣ, который вчера утромъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Софію спеціально для того, чтобы видѣть то мѣсто, гдѣ былъ убитъ Стамбуловъ, какъ сообщилъ объ немъ вчерашній спутникъ ихъ, болгарскій священникъ. Онъ былъ въ купэ одинъ, не спалъ и, при свѣтѣ свѣчки, вставленной въ дорожный подсвѣчникъ, разсматривалъ какія-то фотографіи, которыя вынималъ изъ спеціально для фотографій имѣвшаго у него футляра. Фотографій этихъ на скамейкѣ было разложено множество. Тутъ-же на скамейкахъ лежали его желтый футляръ на ремнѣ съ сигарами, футляръ съ фотографическимъ аппаратомъ и футляръ съ громаднымъ биноклемъ. Въ слѣдующемъ купэ ѣхали два турка въ европейской одеждѣ и въ красныхъ фескахъ съ черными кистями и самымъ отчаяннымъ образомъ рѣзались другъ съ другомъ въ карты. На столикѣ у окна лежали грудки мелкаго серебра. Два слѣдующіе купэ были закрыты и Николай Ивановичъ остался въ неизвѣстности, есть-ли въ нихъ пассажиры.

Поѣздъ опять остановился на станціи.

— Гарманли! Гарманли! закричали кондукторы.

Это была послѣдняя пограничная болгарская станція. На станціонномъ домѣ была надпись: „Митница“. На платформѣ стояли люди въ военныхъ фуражкахъ русскаго офицерскаго образца съ

красными и зелеными околышками и между ними два, три человѣка въ фескахъ.

„Неужели турецкая граница? Неужели таможенный осмотръ багажа? Будить или не будить жену?“ спрашивалъ самъ себя Николай Ивановичъ, но передъ нимъ уже стоялъ офицеръ въ формѣ, очень похожей на русскую, и на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ говорилъ:

— Паспортъ вашъ для просмотра позвольте...

— И багажъ здѣсь осматривать будутъ? спросилъ Николай Ивановичъ, вынимая паспортъ.

— Багажъ на слѣдующей, на турецкой станціи смотрѣть будутъ, отвѣчалъ офицеръ, просматривая паспортъ.

— Русскій, русскій, изъ Россіи, кивалъ ему Николай Ивановичъ.

— Вижу-съ. И даже раньше зналъ, что у васъ русскій паспортъ, иначе-бы къ вамъ по-русски не обратился, далъ отвѣтъ офицеръ.

— Но отчего вы догадались?

— Наметался! Ваша барашковая скуфейка у васъ русская, сорочка съ косымъ русскимъ воротомъ—съ меня довольно. Ну-съ, благодарю васъ и желаю вамъ счастливаго пути.

Офицеръ записалъ паспортъ въ свою записную книжку и возвратилъ его.

Все это происходило въ коридорѣ вагона и Глафира Семеновна не слыхала этого разговора, продолжая спать сномъ младенца.

На станціи Гармагли стояли довольно долго и

наконецъ тихо тронулись въ путь, подвигаясь къ турецкой границѣ.

Вотъ и турецкая станція Мустафа-Паша. Поѣздъ, какъ тихо шелъ, такъ тихо-же и остановился у платформы. Надъ входомъ въ станціонный домъ отоманскій гербъ изъ рога луны съ надписью турецкой вязью, направо и налѣво отъ входа двое часовъ на стѣнѣ—съ турецкимъ счисленіемъ и съ европейскимъ. На платформѣ мелькали фески при форменныхъ сюртукахъ съ красными и зелеными петлицами. Желѣзнодорожная прислуга и носильщики въ синихъ турецкихъ курткахъ, широкихъ шароварахъ и цвѣтныхъ поясахъ. У носильщиковъ фески вокругъ головы по лбу обвязаны бумажными платками, образуя что-то въ родѣ чалмы. Почти у всѣхъ фонари въ рукахъ.

„Надо разбудить Глашу. Сейчасъ будутъ наши вещи смотрѣть“, рѣшилъ Николай Ивановичъ и только что хотѣлъ направиться въ купэ, какъ въ корридоръ уже вошла цѣлая толпа фесокъ съ фонарями. Ими предводительствовалъ красивый молодой турокъ въ сине-сѣромъ пальто съ зелеными жгутами на плечахъ и, обратясь къ Николаю Ивановичу, заговорилъ по-французски.

— Вашъ багажъ, монсье... Ваши сакъ-вояжи позвольте посмотрѣть, пожалуйста...

— Вотъ они... распахнулъ дверь въ купэ Николай Ивановичъ и сталъ будить жену: — Глаша! Таможня... Проснись пожалуйста...

— Это ваша мадамъ? спросилъ по-французски

таможенный чиновникъ съ зелеными жгутами, кивая на Глафиру Семеновну. — Не будите ее, не надо. Мы и такъ обойдемся, прибавилъ онъ и сталъ налѣплять на лежавшія на скамейкахъ вещи таможенные ярлыки, но Глафира Семеновна уже проснулась, открыла глаза, быстро вскочила со скамейки и, видя человѣкъ пять въ фескахъ и съ фонарями, испуганно закричала:

— Что это? Разбойники? О, Господи! Николай Ивановичъ! Гдѣ ты?

— Здѣсь! Здѣсь я! откликнулся Николай Ивановичъ, протискиваясь сквозь толпу.—Успокойся, душечка, это не разбойники, а таможенные! Тутъ таможня турецкая.

Но съ Глафирой Семеновной сдѣлалась уже истерика. Плача навзрыдъ, она прижалась къ углу купэ и, держа руки на груди, по-русски умоляла окружающихъ ее:

— Возьмите все, все, что у насъ есть, но только, Бога ради, не уводите насъ въ плѣнъ!

Таможенный чиновникъ растерялся и не зналъ, что дѣлать.

— Мадамъ... Мадамъ... Бога ради, успокойтесь!.. Простите, что мы васъ напугали, но вѣдь нельзя же было иначе... Мы обязаны... бормоталъ онъ по-французски.

— Глаша! Глаша! Приди въ себя, матушка! Это не разбойники, а благородные турки, кричалъ въ свою очередь Николай Ивановичъ, но тщетно.

Услыхавъ французскую рѣчь, Глафира Семе-

новна и сама обратилась къ чиновнику по-французски:

— Мосье ле бриганъ! Прене тусъ, тусъ... Вуаля!

Она схватила дорожную сумку мужа, лежавшую на скамейкѣ, гдѣ были деньги, и совала ее въ руки чиновника. Тотъ не бралъ и смущенно пятился изъ вагона.

— Глаша! Сумасшедшая! Да что ты дѣлаешь! Говорятъ тебѣ, что это чиновники, а не разбойники!—закричалъ Николай Ивановичъ благимъ матомъ и вырвалъ свою сумку изъ рукъ жены.

Чиновникъ сунулъ ему въ руку нѣсколько таможенныхъ ярлычковъ, пробормоталъ по-французски: „налѣпите потомъ сами", и быстро вышелъ съ своей свитой изъ купэ.

Глафира Семеновна продолжала рыдать. Николай Ивановичъ, какъ могъ, успокоивалъ ее, налилъ въ стаканъ изъ чайника холоднаго чаю и совалъ стаканъ къ ея губамъ.

Наконецъ, въ купэ вагона вскочилъ сосѣдъ ихъ англичанинъ съ флакономъ спирта въ рукѣ и тыкалъ его Глафирѣ Семеновнѣ въ носъ, тоже бормоча что-то и по-французски, и по-англійски, и по-нѣмецки.

XLII.

Нашатырный спиртъ и одеколонъ, принесенные англичаниномъ, сдѣлали свое дѣло, хотя Глафира Семеновна пришла въ себя и успокоилась не вдругъ. Придя въ себя, она тотчасъ-же набросилась на мужа, что онъ не разбудилъ ее передъ таможней и не предупредилъ, что будетъ осмотръ вещей, и награждала его эпитетами въ родѣ „дурака", „олуха", „пьяницы".

— Душечка, передъ посторонними-то! кивнулъ Николай Ивановичъ женѣ на англичанина.

— Эка важность! Все равно онъ по-русски ничего не понимаетъ, отвѣчала та.

— Но все-же по тону можетъ догадаться, что ругаешься.

— Ахъ, мнѣ не до тону! Я чуть не умерла со страха. А все вслѣдствіе тебя, безстыдника! Знать, что я такъ настроена, жду ужасовъ, и не предупредить! А тутъ вдругъ врывается цѣлая толпа звѣрскихъ физіономій въ фескахъ, съ фонарями.

— И вовсе не толпа, а всего трое, и вовсе не ворвались, а вошли самымъ учтивымъ, тихимъ образомъ, возражалъ Николай Ивановичъ. — Ужъ такого-то деликатнаго таможеннаго чиновника, какъ этотъ турокъ, поискать да поискать. Онъ самъ испугался, когда увидалъ, что перепугалъ тебя.

— Молчи пожалуйста. Болванъ былъ, болваномъ и останешься.

— А что же, не деликатный, что-ли? Даже осматривать ничего не сталъ, а сунулъ мнѣ въ руку ярлычки, чтобы я самъ налѣпилъ на наши вещи. На вотъ, налѣпи на свой баулъ и на корзинку.

— Можешь налѣпить себѣ на лобъ, оттолкнула Глафира Семеновна руку мужа съ ярлыками. — Пусть всѣ видятъ, что ты вещь, истуканъ, а не мужъ пассажирки.

А англичанинъ продолжалъ сидѣть въ ихъ купэ и держалъ въ рукахъ два флакона. Глафира Семеновна спохватилась и принялась благодарить его.

— А васъ, серъ, мерси, гранъ мерси пуръ вотръ эмаблите... сказала она.

— О, мадамъ!..

Англичанинъ осклабился, и поклонившись прижалъ руки съ флаконами къ сердцу.

Это былъ пожилой человѣкъ, очень тощій, очень длинный, съ длиннымъ лицомъ, почему-то смахивающимъ на лошадиное, съ рыже-желтыми волосами на головѣ и съ бакенбардами, какъ подобаетъ традиціонному англичанину, которыхъ обыкновенно во французскихъ и нѣмецкихъ веселыхъ пьесахъ любятъ такъ изображать актеры.

Николай Ивановичъ насколько могъ сталъ объяснять, почему такой испугъ приключился съ женой.

— Ле бриганъ!.. Сюръ сетъ шемянъ де феръ ле бриганъ—и вотъ мадамъ и того... думала, что это не амплуае де дуанъ, а бриганъ, разбойники.

— O, yes, yes... C'est ça... кивалъ англичанинъ.

— Глаша... Объясни ему получше... обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Иси иль я боку де бриганъ... Въ свою очередь заговорила Глафира Семеновна. — Онъ ну за ди, ке иси грабятъ. Какъ грабятъ-то по-французски? обратилась она къ мужу, сбившись.

— А ужъ ты не знаешь, такъ почемъ-же мнѣ-то знать! отвѣчалъ тотъ. — Ну, да онъ пойметъ. Онъ ужъ и теперь понялъ. Ву саве, монсье, станція Черкеской?

— А! Tscherkesköi! Je sais... кивнулъ англичанинъ и заговорилъ по-англійски.

— Видишь понялъ, сказалъ про него Николай Ивановичъ.

— А мы безъ оружія. Ну сомъ санъ армъ.. продолжала Глафира Семеновна.

— То есть армъ-то у насъ есть, но какой это армъ! Револьверъ въ сундукѣ въ багажѣ. Потомъ есть кинжалъ и финскій ножикъ Вуаля. Мы не знали, что тутъ разбойники. Ну не савонъ па, что тутъ бриганъ. Мы узнали только на желѣзной дорогѣ. А знали-бы раньше, такъ купили-бы... Хорошій револьверъ купили-бы...

— Ты напрасно разглагольствуешь. Онъ все равно ничего не понимаетъ, замѣтила Глафира Семеновна.

— Про револьверъ-то? О, револьверъ на всѣхъ языкахъ револьверъ. Ву компрене, монсье, револьверъ?

— Revolver? O, c'est ça! воскликнулъ англичанинъ, поднялся, сходилъ къ себѣ въ купэ и принесъ револьверъ, сказавъ: Voilá la chose...

— Нѣтъ, нѣтъ, монсье! Бога ради! Же ву при оставьте! Лесе!.. замахала руками Глафира Семеновна и прибавила:—Еще выстрѣлитъ. Не бери, Николай, въ руки, не бери...

— Нѣтъ, онъ все понимаетъ! подмигнулъ Николай Ивановичъ.—Видишь, понялъ и револьверъ принесъ. О, англичане, и не говоря ни на какомъ языкѣ, все отлично понимаютъ! Это народъ—путешественникъ.

Началась ревизія паспортовъ. Вошли два турецкіе жандарма въ фескахъ и русскихъ высокихъ сапогахъ со шпорами и съ ними статскій въ фескѣ и въ очкахъ и начали отбирать паспорты. Поѣздъ продолжалъ стоять. Мальчишка-кофеджи изъ буфета разносилъ на подносѣ черный кофе въ маленькихъ чашечкахъ. Англичанинъ взялъ чашку и подалъ Глафирѣ Семеновнѣ!

— Prenez, madame... C'est bon pour vous... сказалъ онъ и для себя взялъ чашку.

Взялъ чашку и Николай Ивановичъ. Кофе былъ уже настоящі турецкій: съ гущею до половины чашки.

— Пускай этотъ англичанинъ въ нашемъ купэ останется. Я приглашу его... Втроемъ будетъ намъ все таки не такъ страшно этотъ проклятый Черкеской проѣзжать, сказала Глафира Семеновна мужу и стала приглашать англичанина сѣсть. — Пренэ

плясъ, монсье, е ресте ше ну, же ву занъ при. Черкеской... Воля Черкеской. Е анъ труа все-таки веселѣе. А у васъ револьверъ.

— Oh, madame! Je suis bien aise.. поклонился англичанинъ, прижимая револьверъ къ сердцу.

— А вотъ револьверъ мете анъ го, въ сѣтку... указывала она.—Онъ будетъ на всякій случай пуръ Черкеской. Ву компрене?

Англичанинъ понялъ, поблагодарилъ еще разъ, положилъ револьверъ въ сѣтку и сѣлъ. Съ пришедшимъ за чашками кофеджи началъ онъ расчитываться уже турецкими піастрами, которыхъ у него былъ намѣнянъ цѣлый жилетный карманъ. Николай Ивановичъ вспомнилъ, что у него нѣтъ турецкихъ денегъ, а только болгарскія, и просилъ англичанина размѣнять ему хоть пять левовъ. Англичанинъ тотчасъ-же размѣнялъ ему болгарскую серебряную монету на піастры и на пара, любезно составивъ цѣлую колекцію турецкихъ монетъ.

— Смотри, какой онъ милый! замѣтила мужу Глафира Семеновна и протянула англичанину руку, сказавъ: — Мерси, мерси, анкоръ мерси, пуръ ту мерси... Данке...

Разговаривали они, мѣшая французскія, русскія, англійскія и даже нѣмецкія слова. Николай Ивановичъ разсматривалъ новыя для него турецкія деньги.

На станціи Мустафа-Паша поѣздъ стоялъ долго. Пришли въ вагонъ таможенные сторожа и стали

просить себѣ „бакшишъ“, то есть на чай. Англичанинъ и Николай Ивановичъ дали имъ по мелкой монетѣ. Жандармъ, принесшій въ вагонъ возвратить паспорты, тоже умильно посматриваиъ и переминался съ ноги на ногу. Дали и ему бакшишъ. Англичанинъ при этомъ, осклабясь насколько могъ при своемъ серьезномъ лицѣ, разсказывалъ супругамъ, что Турція такая ужъ страна, что въ ней на каждомъ шагу нужно давать бакшишъ.

— Манже — бакшишъ, буаръ — бакшишъ, дормиръ—бакшишъ, марше—бакшишъ, партиръ—бакшишъ, муриръ — оси бакшишъ! сказалъ онъ въ заключеніе.

Наконецъ поѣздъ медленно тронулся со станціи.

XLIII.

Глафира Семеновна очень плохо объяснялась по-французски и знала, какъ она выражалась, только комнатныя слова, англичанинъ говорилъ еще того плоше, но они разговаривали и какъ-то понимали другъ друга. Онъ понялъ, что его приглашаютъ остаться въ купэ, боясь проѣзжать по такому опасному участку, какъ Адріанополь-Черкеской, гдѣ нѣсколько разъ случались нападенія на поѣзда спускающихся съ горъ разбойниковъ, и остался въ купэ супруговъ, перенеся

съ собой кое-какія свои вещи и, между прочимъ, два подсвѣчника со свѣчами. Сначала онъ считалъ супруговъ за болгаръ и, вынувъ изъ сакъ-вояжа какой-то спутникъ съ словаремъ, началъ задавать имъ вопросы по-болгарски, но Глафира Семеновна сказала ему, что они русскіе, „рюссъ“.

— А, рюссъ? Ессъ, ессъ, рюссъ... спохватился онъ, указывая на большія подушки супруговъ, какъ атрибуты русскихъ путешественниковъ, хорошо извѣстныя всѣмъ часто проѣзжающимъ по заграничнымъ дорогамъ.—Рюссъ де Моску, повторилъ онъ, досталъ вторую книжку и сталъ задавать уже вопросы по русски.

Русскій языкъ этотъ, однако, былъ таковъ, что ни Глафира Семеновна, ни Николай Ивановичъ не понимали изъ него ни слова.

— Лессе... Будемъ говорить лучше такъ... Парлонъ франсе... отстранила Глафира Семеновна его книжку съ русскими вопросами, написанными латинскими буквами, и англичанинъ согласился.

Кое-какъ могъ онъ объяснить смѣсью словъ разныхъ европейскихъ языковъ, что ѣдетъ онъ теперь въ Константинополь, а оттуда въ русскій Крымъ, что онъ археологъ любитель и путешествуетъ съ цѣлью покупки древнихъ вещей.

Онъ вынулъ изъ сакъ-вояжа и показалъ супругамъ древнюю православную маленькую икону съ серебрянымъ вѣнчикомъ, которую онъ купилъ въ Софіи у старьевщика, мѣдную кадильницу, въ сущности особенной древностью не отличающуюся, ки-

парисный крестъ, тоже въ серебряной оправѣ, нѣсколько византійскихъ монетъ императора Феодосія и лоскутокъ старой парчи. Что нельзя купить, съ того онъ проситъ снять фотографію, для чего онъ возитъ съ собой моментальный фотографическій аппаратъ.

Разговаривая такъ, они проѣхали маленькую станцію Кадикіой и остановились у платформы станціи Адріанополь.

— Ну, теперь нужно держать ухо востро! сказала мужу Глафира Семеновна, нѣсколько измѣнившись въ лицѣ. — Самое опасное мѣсто начинается. Адріанополь, а послѣ него черезъ нѣсколько станцій и проклятая станція Черкеской...

— Да, да... Но теперь уже насъ двое мужчинъ, сказалъ ей въ утѣшеніе Николай Ивановичъ. — У англичанина револьверъ, у меня — кинжалъ, такъ чего-жъ тебѣ!

— Ахъ, оставь пожалуйста. Что вы подѣлаете, если въ поѣздъ вскочитъ цѣлая шайка разбойниковъ! Убери свою сумку-то съ деньгами подъ диванъ. Если и ограбятъ насъ, то все-таки деньги-то останутся. Трудно имъ будетъ догадаться, что деньги подъ диваномъ. Или нѣтъ, погоди... перемѣнила свое намѣреніе Глафира Семеновна. Въ сумкѣ пусть останется переводъ на Ліонскій Кредитъ, а сторублевыя бумажки дай мнѣ. Я сейчасъ пойду въ уборную и спрячу ихъ себѣ въ чулокъ. Туда-же уберу и брилліанты. Про здѣшнихъ разбойниковъ прокуроръ разсказывалъ, что они до-

вольно деликатны, такъ, можетъ быть, даму-то и не станутъ такъ ужъ очень подробно обыскивать.

Николай Ивановичъ передалъ ей пачку, завернутую въ бумагу. Она отправилась въ уборную и черезъ нѣсколько времени вернулась.

— Готово, сказала она, силясь улыбнуться, но у самой у нея дрожали руки.

Она попросила у англичанина понюхать спирту.

Англичанинъ подалъ ей флаконъ и, кромѣ того, предложилъ ей валерьяновыхъ капель. Она приняла и капель и немного успокоилась отъ нихъ. Поѣздъ въ Адріанополѣ стоялъ минутъ двадцать. Николай Ивановичъ и англичанинъ ходили въ буфетъ и выпили по три рюмки коньяку. Со станціи Николай Ивановичъ вернулся значительно повеселѣвшій и сказалъ женѣ:

— Вотъ тебѣ и мусульманская земля! Магометъ запретилъ вино, а они коньякъ продаютъ въ буфетѣ.

— И ты выпилъ? воскликнула Глафира Семеновна.

— Выпили съ англичаниномъ по рюмочкѣ. Почемъ знать! Можетъ быть, ужъ послѣдній разъ? Можетъ быть, ужъ дальше ни за какія деньги не достанешь, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, дай-то Богъ!

Поѣздъ тронулся. Глафира Семеновна начала креститься. Отъ валерьяновыхъ капель она чувствовала себя спокойнѣе и повторила пріемъ. Второй пріемъ сталъ навѣвать на нее даже сонъ и она стала дремать.

Пришелъ турокъ кондукторъ еще разъ провѣрять билеты.

— Скоро станція Черкеской будетъ? спросила она его по-французски.

— Узункьопрю... Павловской... Люле-Бургасъ... Мурядли-Кьопекли — Черкаскіой... далъ отвѣтъ кондукторъ, перечисливъ станціи.

— Мерси... А на всякій случай вотъ вамъ, сказалъ Николай Ивановичъ по-русски и сунулъ кондуктору нѣсколько піастровъ. — Все-таки лучше, когда бакшишемъ присаливаешь, обратился онъ къ женѣ.

Разговоръ съ англичаниномъ изсякъ. Англичанинъ сидѣлъ молча въ углу купэ, завернувъ свои длинныя ноги пледомъ, и клевалъ носомъ. Онъ хотѣлъ погасить принесенныя съ собой свѣчи, но Глафира Семеновна попросила оставить ихъ горящими.

— Уснетъ онъ, подлецъ, навѣрное уснетъ, а мѣсто теперь самое опасное. Вотъ тоже пригласили къ себѣ караульщика-соню... говорила Глафира Семеновна мужу про англичанина.—Хоть ужъ ты-то не засни за компанію. А все вѣдь это съ коньяка, прибавила она.

— Ну, вотъ... Я ни въ одномъ глазѣ...

— Пожалуйста, ужъ ты-то не засни...

— Ни Боже мой...

А самою ее сонъ такъ и клонилъ. Валерьяна сдѣлала свое дѣло. Нервы были спокойны... Передъ станціей Узупкьопрю англичанинъ уже спалъ и

подхрапывалъ. Глафира Семеновна все еще бодрилась. Дабы чѣмъ нибудь занять себя, она сдѣлала себѣ бутерброды изъ дорожной провизіи и принялась кушать. Къ ней присоединился супругъ и они отлично поужинали. Сытый желудокъ сталъ еще больше клонить ее ко сну.

— Неудержимо спать хочу, и если усну, пожалуйста хоть ты-то не спи и разбуди меня на слѣдующей станціи, сказала мужу Глафира Семеновна.

— Хорошо, хорошо! Непремѣнно разбужу.

Она закутала голову платкомъ и, сидя, прислонилась къ подушкѣ, а черезъ нѣсколько минутъ ужъ спала.

Николай Ивановичъ бодрствовалъ, но и его клонилъ сонъ. Дабы не уснуть, онъ курилъ, но вотъ у него и окурокъ вывалился изъ руки, до того его одолѣвала дремота. Онъ слышалъ, какъ при остановкѣ выкрикивали станцію Павловской, а дальше уже ничего не слышалъ. Онъ спалъ.

Такъ проѣхали много станцій. Глафира Семеновна проснулась первая. Открыла глаза и къ ужасу своему увидала, что Николай Ивановичъ свалился на англичанина и оба они спятъ. Свѣчи англичанина погашены. Свѣтаетъ. Поѣздъ стоитъ на какой-то станціи. Она посмотрѣла въ окно и увидала, что надпись на станціонномъ домѣ гласитъ „Kabakdschi“ (Кабакджи). Опустивъ стекло, она стала спрашивать-по-французски бородатаго красиваго турка въ фескѣ:

— Черкеской? Станція Черкеской далеко еще?

— Проѣхали, мадамъ, станцію Черкескіой, отвѣчалъ турокъ тоже по-французски и отдалъ ей честь по-турецки, приложивъ ладонь руки къ фескѣ на лбу.

— Ну, слава Богу! миновала опасность! — произнесла Глафира Семеновна, усаживаясь на мѣсто и крестясь.—А мой караульщикъ-то хорошъ!— подумала она про спящаго мужа и принялась будить его.

XLIV

Разбудивъ мужа, Глафира Семеновна накинулась на него, упрекая, зачѣмъ онъ спалъ.

— Нечего сказать, хорошъ караульщикъ! Въ самомъ-то опасномъ мѣстѣ и заснулъ. Ну, можно-ли послѣ этого на тебя, безстыдника, въ чемъ нибудь положиться! говорила она.

— Да вѣдь благополучно проѣхали, такъ чего-жъ ты кричишь! отвѣчалъ Николай Ивановичъ, потягиваясь.

— Но вѣдь могло случиться и не благополучно, а ты дрыхнешь. Ахъ, все это коньякъ проклятый!

— Да всего только по одной рюмочкѣ съ англичаниномъ мы и выпили.

— Выпьешь ты одну рюмочку, какъ-же... Знаю я тебя! Ахъ, какъ я рада, что наконецъ-то мы подъѣзжаемъ къ такому городу, гдѣ всѣ эти конья-

ки ужъ по закону запрещены! вздохнула Глафира Семеновна.

Отъ возгласовъ ея проснулся и англичанинъ.

— Черкескіой? спросилъ онъ, щурясь и зѣвая.

— Какое! Проѣхали. Давно ужъ проѣхали! Пассе... Дежа пассе Черкеской! махнула рукой Глафира Семеновна и прибавила:—Тоже хорошъ караульщикъ, минога длинная!

— Кель статьонъ апрезанъ? (т. е. какая теперь станція?) спрашивалъ англичанинъ.

— Кабакдже... Извольте, запомнила... Вамъ, обоимъ пьяницамъ, особенно должно быть мило это названіе станціи.

— Кабакджи?.. се са... Сейчасъ будетъ знаменитая Анастасіева стѣна, сказалъ англичанинъ по-англійски и перевелъ слова „Анастасіева стѣна" по-французски и по-нѣмецки и сталъ разсказывать о построеніи ея въ эпоху Византійскаго владычества для защиты отъ набѣговъ варваровъ.—Стѣна эта тянется отъ Чернаго моря до Мраморнаго и отъ Мраморнаго до Эгейскаго... повѣствовалъ онъ по-англійски, смотря въ окно вагона и отыскивая по пути остатки стѣны.—Вуаля... указалъ онъ на развалины четырехъ-угольной башни, виднѣвшейся вдали при свѣтѣ восходящаго солнца.

Супруги слушали его и ничего не понимали.

Англичанинъ взялъ нарядный путеводитель и уткнулся въ него носомъ.

Вотъ и станція Чатальджа. Глафира Семеновна

взглянула на часы на станціи. Европейскій циферблатъ часовъ показывалъ седьмого половину.

— Скоро мы будемъ въ Константинополѣ? задала англичанину Глафира Семеновна вопросъ по-французски.

— Въ девять съ половиной. Черезъ три часа, отвѣчалъ онъ и продолжалъ смотрѣть въ путеводитель.—Здѣсь вообще по пути очень много остатковъ римскихъ и византійскихъ построекъ, продолжалъ онъ бормотать по-англійски, когда поѣздъ отъѣхалъ отъ станціи Чатальджа, и вскорѣ, увидавъ въ окно группу какихъ-то камней, за которыми виднѣлась каменная арка и полоса воды, произнесъ по-французски:—Римскій мостъ... Древній римскій мостъ черезъ рѣку Карасу...

Далѣе показались опять развалины Анастасіевой стѣны, на которыя не преминулъ указать англичанинъ, но супруги относились къ разсказамъ его невнимательно. Поѣздъ бѣжалъ по песчаной, невоздѣланной мѣстности, горы исчезли и лишь вдали виднѣлись голые темные холмы, ласкающія взоръ бѣлыя деревушки также не показывались и путь не представлялъ ничего интереснаго. Супруги подняли вопросъ, гдѣ-бы имъ остановиться въ Константинополѣ.

— Непремѣнно надо въ какой-нибудь европейской гостинницѣ остановиться, говорила Глафира Семеновна.—У турокъ я ни за что не остановлюсь. Они такіе женолюбивые... Все можетъ случиться.

Захватятъ да и уведутъ куда-нибудь. Просто въ гаремъ продадутъ.

Николай Ивановичъ улыбнулся.

— Полно, милая, сказалъ онъ.—Прокуроръ разсказывалъ, что Константинополь въ своихъ европейскихъ кварталахъ совсѣмъ европейскій городъ.

— Мало-ли, что прокуроръ съ пьяныхъ глазъ говорилъ! Какъ пріѣдемъ на станцію, сейчасъ спросимъ, нѣтъ-ли какого нибудь Готель де Пари или Готель де Лондонъ—и въ немъ остановимся. Непремѣнно чтобы была европейская гостинница и съ европейской прислугой.

— Да вотъ спросимъ сейчасъ ангичанина. Онъ человѣкъ въ Константинополѣ бывалый. Гдѣ онъ остановится, тамъ и мы себѣ комнату возьмемъ, предложилъ Николай Ивановичъ.

— Пожалуйста, ужъ только не выдавай себя въ Константинополѣ за генерала. Узнаютъ, что ты самозванецъ, такъ вѣдь тамъ не такъ, какъ у славянъ, а, пожалуй, и въ клоповникъ посадятъ.

— Да что ты, что ты! Зачѣмъ-же это я?..

Они стали разспрашивать англичанина, какія въ Константинополѣ есть лучшія европейскія гостинницы и гдѣ онъ самъ остановится.

— Пера Паласъ,—отвѣчалъ онъ, не задумываясь.—Готель перваго ранга.

— Такъ вотъ въ Пера Паласъ и остановимся, сказалъ Николай Ивановичъ.

— А лошадинымъ бифштексомъ тамъ не на-

кормятъ? задала англичанину вопросъ Глафира Семеновна.

Англичанинъ сначала удивился такому вопросу, но потомъ отрицательно потрясъ головой и пробормоталъ:

— Жаме...

Промелькнула станція Яримъ-Бургасъ, при чемъ англичанинъ опять указалъ на развалины древняго римскаго моста черезъ рѣку Зинаръ, промелькнула станція Крючукъ-Чекмендже, отъ которой можно было видѣть вдали полоску Мраморнаго моря, и наконецъ, поѣздъ остановился въ Санъ-Стефано.

— Здѣсь 3 марта 1878 года вы, русскіе, подписали съ турками знаменитый Санъ-Стефанскій договоръ, покончившій войну 1877 и 1878 годовъ, сказалъ англичанинъ по англійски и прибавилъ по-французски: „бравъ рюссъ".

— Да, да... Санъ-Стефанскій договоръ! вспомнилъ Николай Ивановичъ, какъ-то понявъ о чемъ ему англичанинъ разсказываетъ, и обратилъ на это вниманіе жены, но та отвѣтила:

— Ахъ, что мнѣ до договора! Лучше спросимъ его, можно-ли въ Константинополѣ найти проводника, говорящаго по-русски. И она принялась разспрашивать объ этомъ англичанина.

Но вотъ и станція Макрикіой, послѣдняя передъ Константинополемъ. Вдали на откосѣ холма виднѣлись красивые домики европейской и турецкой архитектуры. Поѣздъ стоялъ недолго и тронулся.

— Черезъ полчаса будемъ въ Константинополѣ, сказалъ англичанинъ, вынулъ изъ чехла свой громадный бинокль и приложилъ его къ глазамъ, смотря въ окно.

— Сейчасъ вы увидите панораму Константинополя, разсказывалъ онъ Глафирѣ Семеновнѣ.

Та тоже вынула бинокль и стала смотрѣть. Вдали начали обрисовываться купола гигантскихъ мечетей и высокихъ стройныхъ минаретовъ, упирающихся въ небо. Мѣстность отъ Макрикіой ужъ не переставала быть заселенной. Промелькнулъ веселенькій, ласкающій взоръ городокъ Еникуле, показался величественный семи-башенный замокъ. Началось предмѣстіе Константинополя.

Вскорѣ поѣздъ сталъ убавлять ходъ и въѣхалъ подъ высокій стеклянный навѣсъ Константинопольской желѣзнодорожной станціи.

XLV.

На станціи кишѣла цѣлая толпа турокъ-носильщиковъ съ загорѣлыми коричневыми лицами, въ рваныхъ, когда-то синихъ курткахъ, въ замасленныхъ красныхъ фескахъ, повязанныхъ по лбу пестрыми бумажными платками. Они бѣжали за медленно двигающимся поѣздомъ, что-кричали, махали руками, веревками, которыя держали въ рукѣ, и кланялись, прикладывая ладонь

ко лбу, стоявшимъ въ вагонѣ, у открытаго окна супругамъ Ивановымъ. Виднѣлись, стоявшіе на вытяжкѣ турецкіе жандармы въ синихъ европейскихъ мундирахъ, высокихъ сапогахъ со шпорами и въ фескахъ. Но вотъ поѣздъ остановился. Носильщики толпой хлынули въ вагонъ, вбѣжали въ купэ и стали хватать вещи супруговъ и англичанина, указывая на нумера своихъ бляхъ на груди. Они выхватили изъ рукъ Николая Ивановича даже пальто, которое тотъ хотѣлъ надѣвать.

— Стой! Стой! Отдай пальто! Куда вы тащите! Намъ нужно только одного носильщика! — закричалъ онъ на нихъ, но сзади, надъ самымъ его ухомъ, раздался вопросъ по-русски:

— Позвольте узнать, не господинъ-ли Ивановъ вы будете?

— Я. А что вамъ нужно?—обернулся Николай Ивановичъ и увидалъ пожилого человѣка съ горбатымъ носомъ и въ сѣдыхъ усахъ, одѣтаго въ сѣрое пальто, синій галстухъ и феску.

— Получилъ отъ господина прокурора Авичарова телеграмму изъ Филипополь, чтобы встрѣтить васъ и предложить вамъ своего услуги,—продолжалъ тотъ съ замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ. — Я проводникъ при Готель Пера Паласъ и имѣю свидѣтельства и благодарность отъ многаго русскихъ, которыхъ сопровождалъ въ Константинополѣ по городу.

Произнеся это, сѣрое пальто поклонилось и по-турецки приложило ладонь къ фескѣ.

— Вамъ прокуроръ телеграфировалъ, что мы ѣдемъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Точно такъ, господинъ, и предлагаю своего услуги быть вашимъ проводникомъ... Вотъ телеграмма прокурора.

— Ахъ, какъ это любезно со стороны прокурора! — проговорила Глафира Семеновна. — Ну, что-жъ, будьте нашимъ проводникомъ.

— Да, да... Пожалуйста...—прибавилъ Николай Ивановичт.—Но у насъ носильщики растащили всѣ наши вещи и даже мое пальто унесли.

— Успокойтесь, все будетъ цѣло. Турки народъ честный и у васъ булавки вашей не пропадетъ. Пожалуйте за мной, ваше благородіе... приглашалъ супруговъ проводникъ.—Или можетъ быть я долженъ величать васъ превосходительствомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! испуганно воскликнула Глафира Семеновна.—Мы самые обыкновенные люди и никакого чина пе имѣемъ. Пожалуйста оставьте... Мы купцы...

— Ваши паспорты позвольте для прописки и квитанцію отъ вашего багажа, который будетъ досматриваться здѣсь на станціи, попросилъ у супруговъ проводникъ и, получивъ требуемое, повелъ ихъ изъ вагона.

— Остановиться мы рѣшили въ Готель Пера Паласъ... сказалъ ему Николай Ивановичъ, шествуя за нимъ.

— Да, я при этого самаго гостинница и состою проводникомъ. Вотъ мой знакъ. О, это первая го-

стинница въ Константинополѣ! Она содержится отъ Американской компаніи спальныхъ вагоновъ... Wagons-lits... Въ Парижѣ такого гостинницы нѣтъ.

Проводникъ вынулъ изъ кармана мѣдную бляху съ надписью и нацѣпилъ ее на грудь своего пальто.

— Деньги турецкія у васъ есть? продолжалъ онъ. — Позвольте мнѣ одного турецкаго меджидіе на расходъ. Здѣсь въ турецкихъ владѣніяхъ надо давать бакшишъ направо и налѣво, а если вы будете сами разсчитываться, то васъ замучаютъ да и дороже вамъ это обойдется. О, русскаго на чаекъ пустяки передъ турецкаго бакшишъ! Но гдѣ въ Россіи нужно подать пятіалтыннаго, для турка и пятачокъ довольно. Есть у васъ турецкія деньги? А то надо размѣнять.

— Вотъ...

И Николай Ивановичъ вытащилъ изъ кармана пригоршню турецкаго серебра, намѣняннаго ему англичаниномъ. Проводникъ взялъ большую серебряную монету и сказалъ:

— Здѣсь въ Турціи мелкія деньги очень дороги и за промѣнъ вотъ такой монеты на мелочь надо заплатить около пятнадцати копѣекъ на русскаго деньги...

Онъ подошелъ къ окошку тутъ-же на станціи, за которымъ виднѣлась красная феска въ усахъ, съ громадными бычьими глазами и черными бровями дугой, сросшимися вмѣстѣ, и размѣнялъ монету на мелочь.

Подошли къ дверямъ, загороженнымъ цѣпью, около которыхъ стояли полицейскій офицеръ въ европейскомъ мундирѣ и въ фескѣ и солдатъ. Солдатъ держалъ конецъ цѣпи въ рукахъ.

— Votre passe, monsieur... произнесъ офицеръ, учтиво прикладывая руку къ фескѣ.

Проводникъ тотчасъ-же заговорилъ съ нимъ по-турецки, сунулъ ему паспортъ супруговъ Ивановыхъ и солдатъ отвелъ цѣпь для прохода.

Очутились въ таможенномъ залѣ. Пріѣзжихъ изъ-за границы было совсѣмъ мало: пять-шесть человѣкъ. Сундуковъ и чемодановъ на столахъ для досмотра не было и десятка.

— Приготовьте ключъ отъ вашего багажъ. Сейчасъ принесутъ вашъ сундукъ. И ужъ если кто у васъ будетъ просить бакшишъ, никому ничего не давайте. Я за все расплачусь, сказалъ проводникъ и побѣжалъ съ квитанціей за сундукомъ.

Появился сундукъ на столѣ. Николай Ивановичъ открылъ его. Около него, какъ изъ земли, выросъ таможенный сторожъ въ фескѣ, безъ формы, въ турецкой рваной курткѣ, но съ бляхой на груди. Онъ ткнулъ себя сначала въ грудь, а потомъ указавъ на сундукъ, протянулъ къ Николаю Ивановичу руку пригоршней и, оскаливъ зубы, произнесъ:

— Бакшишъ, эфенди...

— Съ него, съ него проси... указалъ Николай Ивановичъ на проводника.—Вотъ нашъ казначей.

Проводникъ сунулъ ему въ руку нѣсколько тоненькихъ мѣдныхъ монетъ и сказалъ супругамъ:

— Піастръ даю, а вѣдь это всего только семь копѣекъ на русскія деньги.

Подошелъ таможенный чиновникъ въ фескѣ и съ зелеными петлицами на воротникѣ гражданскаго сюртука, посмотрѣлъ на таможенные ярлыки австрійской, сербской и болгарской таможенъ на сундукахъ, произнесъ слово „русскій", улыбнулся и махнулъ рукой, чтобъ закрывали сундукъ.

— Ахъ, какая любезность! не утерпѣла и воскликнула Глафира Семеновна.—Что-же это только русскимъ такой почетъ въ Турціи? спросила она проводника.

— Всѣмъ, мадамъ. Учтивѣе турецкой таможни въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, но надо только бакшишъ дать, сказалъ проводникъ и тотчасъ-же сунулъ чиновнику въ руку, пояснивъ:—Десять піастровъ даю. Вотъ и все.

Сундукъ запертъ. Глазастый оборванецъ-носильщикъ, рослый и массивный, какъ слонъ, въ фескѣ, повязанной тряпицей, взвалилъ на плечо увѣсистый сундукъ, какъ перышко, и потащилъ его къ выходу.

Подошелъ еще носильщикъ и кланялся, прикладывая ладонь къ фескѣ.

— Этому піастръ за то, что принесъ изъ вагона сундукъ, проговорилъ проводникъ, суя въ руку носильщика монету.—Здѣсь ужъ такъ принято, что одинъ въ таможню приноситъ, а другой изъ таможни уноситъ. Вотъ и этому солдату надо дать, что цѣпь у входа держалъ, прибавилъ онъ и тутъ-

же сунулъ и солдату что-то въ руку.—А вотъ этому старому дяденькѣ за то дать надо, что онъ ярлыкъ на вашего сундукъ налѣпилъ.

Стоялъ маленькій, тщедушный старикъ съ таможенной бляхой. Проводникъ и ему сунулъ въ руку.

— Одному за то, что билетъ налѣпилъ, а другому за то, что стоялъ при этомъ и смотрѣлъ. Здѣсь Турція, здѣсь своего обычай, объяснялъ онъ.—Но все-таки, вамъ здѣсь обойдется дешевле, чѣмъ на русскаго желѣзнаго дорога. Пожалуйте садиться въ экипажъ!

— А паспортъ нашъ? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Паспортъ получимъ изъ русскаго консульства. Я схожу за нимъ и доставлю его вамъ.

— А нашъ ручной багажъ? Наши подушки? воскликнула Глафира Семеновна.

— Пожалуйте садиться въ экипажъ. Ваши вещи у экипажа.

Супруги Ивановы въ сопровожденіи проводника вышли на подъѣздъ станціи. На подъѣздѣ толпились швейцары изъ константинопольскихъ гостинницъ въ фуражкахъ съ названіями фирмъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ зазывали къ себѣ въ гостинницы немногочисленныхъ пассажировъ, пріѣхавшихъ съ поѣздомъ. Къ подъѣзду былъ уже поданъ экипажъ для супруговъ Ивановыхъ—прекрасная парная коляска съ кучеромъ въ фескѣ и приличномъ пальто на козлахъ. Въ коляскѣ былъ

размѣщенъ ихъ ручной багажъ и подушки и ее окружало человѣкъ пять носильщиковъ. На козлахъ около кучера высился сундукъ. Супруги усѣлись. Протянулись со всѣхъ сторонъ руки носильщиковъ. Проводникъ началъ одѣлять ихъ мелочью и говорилъ по-русски:

— Тебѣ піастръ, тебѣ піастръ. Вотъ и ты получай. Ну, всѣмъ теперь.

Онъ вскочилъ на козлы, ухитрился какъ-то сѣсть между кучеромъ и сундукомъ, и экипажъ помчался, напутствуемый гортанными звуками носильщиковъ, изъявляющими свою благодарность супругамъ Ивановымъ.

XLVI.

Даже духъ захватило и въ головахъ закружилось у Николая Ивановича и Глафиры Семеновны отъ той пестрой толпы, которая кишѣла на улицахъ, по которымъ они ѣхали отъ станціи. Европейскіе костюмы смѣшивались съ азіатскими, элегантные фаэтоны вѣнской работы двигались рядомъ съ тяжелыми турецкими двухколесными арбами. Въ толпѣ виднѣлись европейскія дамы, одѣтыя по послѣдней парижской модѣ, и турецкія женщины, съ ногъ до головы облаченныя въ какіе-то неуклюжіе цвѣтные мѣшки, безъ таліи, составляющіе и юбку, и корсажъ, и головной

уборъ, изъ-подъ котораго выглядывали только глаза и брови. Мелькали мужскія пальто англійскаго покроя и турецкія синія куртки, шляпа-цилиндръ и чалма, халатъ магометанскаго духовнаго лица и черная ряса и камилавка греческаго или армянскаго священника, европейскій военный мундиръ, шляпа католическаго монаха и фески, фески безъ конца—красныя фески съ черными кистями турокъ-франтовъ, молодцовато опрокинутыя на затылокъ, и побурѣвшія отъ времени фески носильщиковъ и рабочихъ, повязанныя по лбу бѣлымъ полотенцемъ или пестрымъ бумажнымъ платкомъ. И среди этой разнохарактерной толпы людей—знаменитыя константинопольскія собаки, грязныя, ободранныя, попадающія на каждомъ шагу и парами, и одиночками, и цѣлыми сворами. Онѣ бѣжали, лежали у стѣнъ домовъ, стояли около открытыхъ дверей лавокъ, продающихъ съѣстное. Если-бы не полчища собакъ, вся эта движущаяся пестрая толпа походила-бы на какой-то громадный маскарадъ. Дѣлать такое сравненіе заставляла и декораціонная обстановка, представляющаяся для европейца чѣмъ-то театральнымъ. Константинополь стоитъ на высокихъ холмистыхъ берегахъ, спускающихся къ заливу Золотой Рогъ и къ Босфору, и съ желѣзнодорожной площади, когда супруги Ивановы отъѣхали отъ станціи, открылся великолѣпный видъ высящихся величественно мечетей съ какъ-бы приплюснутыми куполами и цѣлаго лѣса высокихъ минаретовъ, упирающихся въ

небо. Когда-же съ площади въѣхали они въ узкія улицы, ведущія къ Золотому Рогу, мечети и минареты хотя и исчезли съ горизонта, но направо и налѣво замелькали маленькіе ветхіе каменные турецкіе дома съ облупившейся штукатуркой, съ окнами безъ симетріи, съ лавками ремесленниковъ и торговцевъ съѣстнымъ, что также имѣло какой-то декораціонный театральный видъ, ибо на порогахъ этихъ лавокъ ремесленники на глазахъ у проходящихъ и проѣзжающихъ занимались своими ремеслами, а торговцы варили и жарили. По этимъ узенькимъ улицамъ народъ въ безпорядкѣ двигался не только по тротуарамъ, но и по мостовой, однако это не мѣшало экипажамъ нестись во всю прыть. Изъ-подъ дышла лошадей, на которыхъ ѣхали Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, то и дѣло выскакивали фески и съ ругательствомъ грозили имъ и кучеру кулаками, то и дѣло взвизгивали собаки, задѣтыя колесами, но кучеръ продолжалъ гнать лошадей, лавировалъ между вьючными ослами, ковыляющими по мостовой, между носильщиками, тащущими на спинахъ ящики и тюки поражающей величины. Улицы шли извилинами, поминутно перекрещивались, приходилось то и дѣло сворачивать изъ одной въ другую, и нужна была особая ловкость, чтобы при крутыхъ поворотахъ не задѣть сидящихъ на углахъ, прямо на землѣ, разнощиковъ, продающихъ варенье, бобы, хлѣбъ и кукурузу, а также и ихъ покупателей. Попадались развалившіяся каменныя ограды ста-

рыхъ кладбищъ, на которыхъ, среди кипарисовъ, виднѣлись мусульманскіе памятники тумбами съ чалмами. На камняхъ развалившихся оградъ сидѣли слѣпые или такъ увѣчные нищіе съ чашечками для сбора милостыни и пѣли стихи изъ Корана.

Пораженные невиданной ими до сихъ поръ восточной обстановкой, супруги Ивановы ѣхали сначала молча и даже не дѣлясь впечатлѣніями другъ съ другомъ, но наконецъ Николай Ивановичъ спросилъ проводника, сидѣвшаго на козлахъ:

— Всегда такое многолюдіе бываетъ у васъ на улицахъ?

Проводникъ обернулся и отвѣчалъ:

— Здѣсь въ Стамбулѣ почти что всегда... Мы теперь ѣдемъ по Стамбулу, по турецкой части города. Но сегодня все-таки праздникъ, пятница—селамликъ, турецкаго воскресенье, пояснилъ онъ.— Каждаго пятницу нашъ султанъ ѣдетъ въ мечеть Гамидіе и показывается народу. И вотъ весь этотъ народъ поднялся съ ранняго утра и спѣшитъ посмотрѣть на султана. Бываетъ большой парадъ. Всѣ войска становятся шпалерами по улицамъ. Вся султанская гвардія будетъ въ сборѣ. Музыка... всякаго мусульманскаго попы... придворные шамбеляны... генералъ-адъютанты... министры... Великій визирь... Все, все будетъ тамъ. Принцы... Султанскихъ женъ привезутъ въ каретахъ. Вамъ, господинъ, и вашей супругѣ непремѣнно надо быть на церемоніи. Всѣ именитаго путешественники,

пріѣзжающіе къ намъ въ Константинополь, бываютъ на селамликѣ.

Слово „именитые“ пріятно пощекотало Николая Ивановича.

— Что-жъ, я пожалуй... произнесъ онъ.—Глаша, хочешь? спросилъ онъ жену.

— Еще-бы... Но вѣдь, поди, сквозь толпу не продерешься и ничего не увидишь, дала та отвѣтъ.

— О, мадамъ, не безпокойтесь! воскликнулъ проводникъ.—На вашъ паспортъ я возьму для васъ билетъ изъ русскаго консульства и съ этаго билетомъ вы будете смотрѣть на церемонію изъ оконъ придворнаго дома, который находится какъ разъ противъ мечети Гамидіе, куда пріѣдетъ султанъ.

— А въ которомъ часу будетъ происходить эта церемонія?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Часу во второмъ дня. Но туда надо все-таки пріѣхать не позже одиннадцати часовъ, потому какъ только войска разставятся шпалерами...

— Такъ какъ-же намъ?.. Вѣдь ужъ теперь...

— О, успѣемъ! Теперь еще нѣтъ и девяти часовъ. Скажите только Адольфу Нюренбергу, чтобы былъ добытъ билетъ, не пожалѣйте двадцати-франковаго золотаго, и вы будете видѣть церемонію также хорошо, какъ вы теперь меня видите. Но позвольте отрекомендоваться... Адольфъ Нюренбергъ—это я, проговорилъ съ козелъ проводникъ — По-русски я зовусь Афанасій Ивановичъ, а понѣмецки Адольфъ Нюренбергъ. Такъ вотъ только

прикажите Адольфу Нюренбергу—и билетъ будетъ. Наполеондоръ будетъ стоить экипажъ, ну и еще кое-какіе расходы піастровъ на пятьдесятъ-шестьдесятъ при полученіи билета. Нужно дать бакшишъ кавасамъ, швейцару... Сейчасъ я васъ привезу въ гостинницу, вы умоетесь, переодѣнетесь, возьмете маленькаго завтракъ, а я поѣду добывать билетъ. Вотъ на извощика тоже мнѣ надо. Нужно торопиться. Пѣшкомъ не успѣю. Весь расходъ для васъ будетъ въ два полуимперіала. Адольфъ Нюренбергъ честный человѣкъ и лишняго съ васъ ничего не возьметъ. Мое правило есть такого: беречь каждаго піастръ моихъ кліентовъ. Желаете видѣть церемонію саламлика? Парадъ помпезный!

— Да поѣдемъ, Глафира Семеновна... сказалъ Николай Ивановитъ женѣ.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, Пожалуйста выхлопочите билетъ, Афанасій Ивановичъ, кивнула Глафира Семеновна проводнику.

XLVII.

Но вотъ миновали узкія улицы Стамбула, выѣхали на набережную Золотого Рога, и показался плашкоутный мостъ черезъ заливъ.

Открылся великолѣпный видъ на Галату и Перу—европейскія части города. Террасами стояли дома всевозможныхъ архитектуръ, перемѣшанные

съ зеленью кипарисовъ, на голубомъ небѣ вырисовывались узкіе минареты мечетей, высилась старинная круглая башня Галаты. Вправо, на самомъ берегу Босфора, какъ-бы изъ бѣлыхъ кружевъ сотканный, смотрѣлся въ воду красавецъ султанскій дворецъ Долма-Бахче. Проводникъ Адольфъ Нюренбергъ, какъ ни трудно было ему сидѣть на козлахъ между кучеромъ и сундукомъ, то и дѣло оборачивался къ супругамъ Ивановымъ и, указывая на красующіяся на противоположномъ берегу зданія, назвалъ ихъ.

— А вотъ это, что отъ Долма-Бахче по берегу ближе къ заливу стоятъ: мечеть Валиде, Сали Базаръ, гдѣ рыбаки рыбу продаютъ, мечеть Махмуда, мечеть Кильджъ-Али-Паша, агентства пароходныхъ обществъ, карантинъ и таможня, говорилъ онъ.

— Какъ? Мы еще должны попасть въ карантинъ и въ таможню?—испуганно спросила Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы, мадамъ! Успокойтесь. Карантинъ только во время холеры для пріѣзжающихъ съ моря. Вещи ваши также осмотрѣны и никакой таможни для васъ больше не будетъ. О, на турецкаго таможню только слава! А если знать, какъ въ ней обойтись, то снисходительнѣе турецкаго таможни нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, и господа корреспонденты напрасно бранятъ ее въ газетахъ, когда пишутъ своего путешествія.

— Да, да... Это можемъ и мы подтвердить, подхватилъ Николай Ивановичъ.—На желѣзной доро-

гѣ, при переѣздѣ границы, насъ не заставили даже открыть нашихъ сакъ-вояжей, тогда какъ въ славянской Сербіи рылись у насъ даже въ корзинкѣ съ закусками и нюхали куски ветчины, нарѣзанные ломтями. И это у братьевъ славянъ-то! Молодцы турки.

Въѣхали на мостъ съ деревянной настилкой. Доски настилки прыгали подъ колесами экипажа, какъ фортепіанные клавиши. Экипажъ трясся, и Адольфъ Нюренбергъ ухватился одной рукой за сундукъ, другой за кучера, чтобы не упасть.

— Это Новый мостъ называется или мостъ Валиде, а тотъ, что вонъ по дальше, Старый мостъ или мостъ Махмуда, пояснилъ онъ, уже не оборачиваясь.—Но у насъ въ Константинополѣ зовутъ ихъ просто: Старый и Новый. Нѣкоторые ихъ настоящаго названій и не знаютъ.

Проскакавъ по клавишамъ моста сажень тридцать, экипажъ остановился. Къ нему подскочили усатыя и бородатыя физіономіи въ длинныхъ бѣлыхъ полотняныхъ балахонахъ, похожихъ на женскія рубашки, и въ фескахъ, а одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь подъ уздцы.

— Батюшки! Что это такое? Что имъ нужно? Отчего онъ насъ не пропускаетъ? спросила испуганно Глафира Семеновна.

— Не насъ однихъ, а всѣхъ такъ. Нужно заплатить за проѣздъ черезъ мостъ,—отвѣчалъ Нюренбергъ и полѣзъ въ карманъ за деньгами.

— Сколько за проѣздъ слѣдуетъ?—задалъ вопросъ Николай Ивановичъ.

— О, вы, господинъ, ужъ не безпокойтесь... Я отдамъ, а послѣ подамъ вамъ самаго точнаго счетъ расхода. Нужно заплатить два съ половиной піастра.

— Это сколько-же на наши деньги?

— Около двадцати копѣекъ. О, въ Константинополѣ даромъ по мостамъ не ѣздятъ,—деньги подай!—сказалъ Нюренбергъ, поругался съ балахонниками по-турецки и заплатилъ имъ, послѣ чего лошади поѣхали.

— Въ какихъ они странныхъ балахонахъ,— усмѣхнулась Глафира Семеновна.

— И знаете, мадамъ, ихъ балахоны безъ armановъ и безъ пуговицъ. Ихъ разстегнуть нельзя, а надо снимать черезъ голову.

— Это для чего?

— А чтобы проѣздную плату не воровали. Вонъ ихъ начальникъ стоитъ. Гдѣ тутъ за ними усмотрѣть, когда большаго движеніе! Получитъ, сунетъ въ карманъ и кончено. А тутъ ужъ, когда некуда деньги сунуть, онъ и несетъ ихъ тотчасъ мостовому начальнику. Видѣли давеча? Какъ только я заплатилъ ему—сейчасъ-же онъ и понесъ деньги начальнику.

На мосту было еще многолюднѣе, чѣмъ въ улицахъ, по которымъ проѣзжали къ мосту. Толпа была еще пестрѣе. Закутанныя съ ногъ до головы турецкія женщины изъ простого народа, съ лица-

ми, закрытыми отъ подбородка до полъ-носа, вели ребятишекъ. Мальчишки были въ фескахъ, дѣвочки въ платкахъ на головахъ, завязанныхъ концами назадъ, какъ ходятъ иногда наши бабы, и съ открытыми личиками. Шло мусульманское духовенство въ бѣлыхъ чалмахъ съ ввитымъ въ нихъ кускомъ какой-нибудь зеленой матеріи и въ халатахъ. То тамъ, то сямъ мелькали далматинцы-красавцы въ своихъ бѣлыхъ одѣяніяхъ, рослые черногорцы въ расшитыхъ синихъ курткахъ, въ маленькихъ круглыхъ плоскихъ шапочкахъ, тоже расшитыхъ, въ широкихъ красныхъ поясахъ, изъ-за которыхъ торчалъ цѣлый ворохъ оружія съ серебряной отдѣлкой—ятаганы, пистолеты. Показался старикъ бѣлобородый турокъ, важно возсѣдающій верхомъ на маленькомъ пузатомъ ослѣ, одѣтый по старотурецки—въ туфляхъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ широкихъ шароварахъ, въ курткѣ на распашку, изъ подъ которой виднѣлась бѣлая рубаха, и въ большой чалмѣ.

— Вотъ, вотъ настоящій турокъ! Вотъ какими я ихъ себѣ воображала! воскликнула Глафира Семеновна, указывая на комическую фигуру рослаго старика, возсѣдающаго на маленькомъ ослѣ.—Вотъ такой-же точно турокъ и на табачной вывѣскѣ передъ окнами нашей квартиры въ Петербургѣ изображенъ. Точь въ точь. Только тотъ длинную трубку куритъ и сидитъ поджавши ноги калачикомъ.

— Теперь ужъ, мадамъ, здѣсь въ Константино-

полѣ, началъ проводникъ,—настоящихъ турецкихъ нарядовъ стыдятся. Простого краснаго феска уничтожила чалму, на всѣхъ появились такого-же пальто, какъ и мы носимъ, и турецкій нарядъ увидите только на самаго стариннаго стариковъ изъ стараго лѣса. Даже турецкіе попы въ Константинополѣ и тѣ, мадамъ, не надѣнутъ вотъ такого громаднаго чалма, а сдѣлаютъ себѣ поменьше.

— Да, да... Вѣдь это точно также, какъ и у насъ, подхватилъ Николай Ивановичъ.—Куда старыя купеческія сибирки дѣлись? Кто ихъ носитъ? Только купцы старики стараго лѣса. А то спиньжакъ, спиньжакъ и спиньжакъ... Купчихи не повязываются ужъ у насъ болѣе косынками по головѣ, исчезъ сарафанъ. Прогрессъ... Цивилизація... Полировка...

— И здѣсь турецкаго дамы, чуть пообразованнѣе, въ самый модный платья на французскій мода ходятъ и въ самый шикарная парижской шляпка съ перьями щеголяютъ, а только вотъ, что лицо закрываютъ, разсказывалъ Нюренбергъ.—Но какъ закрываютъ? Какого это вуаль! Только одно названіе, что вуаль. Да вотъ посмотрите—карета съ евнухомъ на козлахъ ѣдетъ. Въ ней навѣрное модная турецкая дама, указалъ онъ.

И точно, съ экипажемъ супруговъ Ивановыхъ поравнялась шикарная карета, запряженная прекрасными лошадьми въ шорной упряжи, съ сморщеннымъ желтолицымъ евнухомъ въ фескѣ на козлахъ. Супруги взглянули въ окно кареты и

увидали чернобровую съ подведенными глазами даму, въ черной бархатной накидкѣ, въ шляпкѣ съ цѣлой пирамидой перьевъ и цвѣтовъ, въ свѣжихъ цвѣтныхъ перчаткахъ и съ бѣлой вуалью, которая прикрывала отъ подбородка двѣ трети лица, но эта вуаль была настолько прозрачна, что сквозь нее можно было видѣть и бѣлые зубы дамы и ея смазанныя красной помадой почти малиновыя губы.

XLVIII.

Фу, какъ накрашена! Даже сыплется съ нея! воскликнула Глафира Семеновна, посмотрѣвъ на турецкую даму.

— У турчанокъ, мадамъ, это въ модѣ, отвѣчалъ проводникъ.—Самаго молоденькаго хорошенькаго дама—и та красится. Хороша, а хочетъ быть еще лучше. На константинопольскія дамы выходитъ столько краски, сколько не выйдетъ на весь Парижъ, Берлинъ, Лондонъ и Вѣна, если ихъ вмѣстѣ взять. Да пожалуй можно сюда и вашъ Петербургъ приложить. Не смѣйтесь, мадамъ, это вѣрно, прибавилъ онъ, замѣтя улыбку Глафиры Семеновны.—Какъ встаетъ по утру—сейчасъ краситься и такъ цѣлаго дня. Имъ, мадамъ, больше дѣлать нечего. Кофе, шербетъ, конфекты и маляр-

ное мастерство! Гулять дама отъ хорошаго общества безъ евнуха не можетъ.

— Отчего? быстро спросила Глафира Семеновна.

— Этикетъ такой. Жена отъ паша или отъ турецкаго шамбеленъ даже пѣшкомъ по улицамъ ходить не должна, а если поѣдетъ на кладбище или въ моднаго французскаго лавка въ Пера— всегда съ евнухъ...

— Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, скучно. Какіе ревнивцы турки. Вѣдь это они изъ ревности запрещаютъ.

— Нѣтъ, не изъ ревность. Этикетъ. Какъ ваша петербургскаго большаго дама безъ лакея никуда не поѣдетъ, такъ и здѣшняя большаго дама безъ евнухъ не поѣдетъ.

— Могла-бы съ мужемъ.

— Псъ... произнесъ на козлахъ проводникъ и отрицательно потрясъ рукой.—Никакаго турокъ, даже самый простой, никуда со своя жена не ходитъ и не ѣздитъ.

— Отчего-же? Взялъ-бы подъ руку, какъ у насъ, и пошелъ.

— Какая ты, душечка, странная, возразилъ супругѣ Николай Ивановичъ.—Какъ турку взять жену подъ ручку и идти съ ней гулять, если у него ихъ пять, шесть штукъ. Вѣдь рукъ-то всего двѣ. Возьметъ съ собой пару—сейчасъ остальныя обидятся. Ревность... Да и двѣ-то если взять съ собой, одну подъ одну руку, другую подъ другую, то и тутъ по дорогѣ можетъ быть драка изъ ревности.

— Позвольте, позвольте, господинъ, перебилъ Николая Ивановича проводникъ.—Прежде всего, теперь въ Константинополѣ очень мало турокъ, у кого и двѣ-то жены есть. Все больше по одной.

— Какъ? Отчего?

— Дорого содержать. Да и моды нѣтъ.

— А гаремы? Вѣдь у турокъ гаремы и въ нихъ, говорятъ, по тридцати, сорока женъ.

— На весь Константинополь теперь и десяти гаремовъ нѣтъ. То есть гаремы есть, потому турецкаго дамы не должны въ мужскаго комната жить, а живутъ въ женскаго половина, что называется гаремъ, но въ этого гаремъ у самаго стараго и богатаго турка двѣ, три жены и женская прислуга, а у молодой турокъ почти всегда одна жена.

— Это для меня новость, проговорила Глафира Семеновна удивленно.—Но отчего-же у стараго больше женъ, чѣмъ у молодаго? Вотъ что странно.

— О, тутъ совсѣмъ другого разговоръ! Старые турки живутъ на старомоднаго фасонъ, а молодаго турки по новой мода.

— Такъ, такъ... Это значитъ, одни по цивилизаціи, а другіе безъ цивилизаціи, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ, вотъ... Одни на европейскій манеръ, а другіе... Но все-таки, кто и на европейскій манеръ, всегда есть шуры-муры съ прислугой. Вѣдь всегда есть хорошенькаго молоденькаго прислуга, пояснилъ проводникъ.

Н А. Лейкинъ.

— Понимаю, понимаю, проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Но отчего-же молодые турки, у которыхъ по одной женѣ, не могутъ гулять съ ней по городу подъ руку? допытывалась у проводника Глафира Семеновна.

— Законъ не позволяетъ. Боятся своего турецкаго поповъ.

— Да вѣдь сами-же вы сейчасъ сказали, что они цивилизованные, такъ что имъ попы!

— О, можетъ выдти большаго непріятность!

— Бѣдныя турецкія дамы. Ну, понятное дѣло, онѣ отъ скуки и красятся, произнесла Глафира Семеновна.—Да, да... Вотъ еще дама въ каретѣ проѣхала и съ нею дѣвочка и мальчикъ въ фескѣ. Тоже страшно наштукатурена.

— Армянскаго дамы, греческаго дамы, еврейскаго—тѣ не красятся, у тѣхъ нѣтъ этого мода, разсказывалъ проводникъ.—То есть такъ разнаго косметическаго товаръ онѣ на себя кладутъ, но немножко—и безъ мода. Вотъ одного моего знакомаго дама, мадамъ Лиліенбергъ идетъ, указалъ онъ на черноокую молодую еврейку въ шляпкѣ съ цѣлой клумбой цвѣтовъ. Она безъ штукатурки. Мужъ ея банкиръ и продаетъ стариннаго турецкія вещи.

Въ концѣ моста сдѣлалось еще многолюднѣе. Было ужъ даже тѣсно. Экипажъ ѣхалъ шагомъ. Кучеръ то и дѣло кричалъ и осаживалъ лошадей, чтобы не раздаваить прохожихъ. Между прочимъ, двигалась цѣлая толпа халатниковъ человѣкъ въ

пятьдесятъ, въ бѣлыхъ чалмахъ съ зеленой прослойкой и съ четками въ рукахъ.

— Это все духовнаго попы и дьячки изъ провинціи. Они идутъ къ мечети Гамидіе, чтобы видѣть султана и занять лучшія мѣста, пояснилъ проводникъ.—Да и вся эта публика идетъ туда-же, на Селамликъ, смотрѣть на церемонію.

— Стало быть, толпа эта не обычная? спросилъ Николай Ивановичъ.

— На мостахъ всегда бываетъ очень тѣсно, но сегодня Селамликъ, а потому еще теснѣе. Всѣ спѣшатъ, чтобы придти пораньше и занять хорошаго мѣста.

— Батюшки! Что это? Католическіе монахи... указала Глафира Семеновна мужу на двухъ капуциновъ въ коричневыхъ рясахъ и съ непокрытыми головами.—Точь, точь, какъ въ Римѣ. Послушайте, развѣ здѣсь позволяется имъ ходить въ своемъ нарядѣ? обратилась она къ проводнику.

— Въ Константинополѣ, мадамъ, каждый человѣкъ, каждый попъ можетъ ходить въ своего собственнаго одеждѣ и ни одинъ турокъ надъ нимъ не будетъ смѣяться. Вотъ это самаго лушаго обычай у турокъ. Ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ вы этого не увидите. Тамъ сейчасъ мальчишки сзади побѣгутъ и начнутъ дергать за одежду, свистать, смѣяться, пальцами указывать, а здѣсь у турецкій народъ этого нѣтъ. Вонъ, видите, армянскаго священникъ въ своего колпакъ идетъ и никто на него вниманія не обращаетъ.

— Вѣрно, вѣрно. Мы были въ Парижѣ и видѣли, подхватилъ Николай Ивановичъ.—Я пріѣхалъ туда въ февралѣ третьяго года въ абрашковой скуфейкѣ и на мою шапку мальчишки на улицѣ пальцемъ указывали и кричали: „персъ! персъ!“ А здѣсь это удивительно.

— Да, нигдѣ за границей духовенство въ своемъ поповскомъ платьѣ не ходитъ, прибавила Глафира Семеновна.

— А здѣсь, у турокъ, каждый чужой человѣкъ какъ хочешь молись, какую хочешь церковь или синагогу строй и никому дѣла нѣтъ, продолжалъ разсказывать проводникъ.—Тутъ и греческаго ортодоксъ церкви есть, есть и армянскаго церкви, есть католическаго, протестантскаго, еврейскаго синагоги, караимскаго, синагоги, церкви отъ вашихъ раскольники, церкви англійскаго вѣры. Какой хочешь церкви строй, какой хочешь попъ пріѣзжай, въ своей одеждѣ гуляй—и никому дѣла нѣтъ.

И точно, въ концѣ моста показались католическія монахини съ своихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ, съ крестами на груди Онѣ вели дѣвочекъ, одѣтыхъ въ коричневыхъ платьяхъ, очевидно воспитанницъ какого-нибудь католическаго пріюта или училища. Увидали супруги и греческаго монаха въ черномъ клобукѣ и съ наперснымъ крестомъ на шеѣ. Съ нимъ шелъ служка въ скуфьѣ и подрясникѣ. Еще подальше шелъ католическій монахъ въ черномъ и въ длинной черной шляпѣ доской

Видѣли они монаха и въ бѣломъ одѣяніи съ четками на рукѣ.

— Удивительно, какая здѣсь свобода духовенству! воскликнула Глафира Семеновна.

Экипажъ сталъ съѣзжать съ моста. Его окружили три косматыя цыганки въ пестрыхъ лохмотьяхъ, съ грудными ребятами, привязанными за спинами, протягивали руки и кричали:

— Бакшишъ, эфенди, бакшишъ!

Одна изъ цыганокъ вскочила даже на подножку коляски.

— Прочь! Прочь! махнулъ ей рукой Николай Ивановичъ.

Дабы отвязаться отъ нихъ, проводникъ кинулъ имъ на доски моста мѣдную монету. Цыганки бросились поднимать монету.

Экипажъ въѣхалъ на берегъ Галаты.

XLIX.

Вотъ ужъ здѣсь европейская часть города начинается, сказалъ проводникъ Нюренбергъ, когда экипажъ свернулъ на набережную. — Галата и Пера—это маленькаго Парижъ съ хорошаго кускомъ Вѣны. Въ гостинницу, въ магазинъ, въ контору или въ ресторанъ и въ кафе войдете — вездѣ по-французски или по-нѣмецки разговариваютъ. Но большаго часть—по-француз-

ски. Тутъ есть даже извощиковъ, которые по-французски понимаютъ, лодочники и тѣ будутъ понимать, если что нибудь скажете по-французски. Совсѣмъ турецкаго Парижъ.

— А по-русски понимаютъ? спросилъ Николай Ивановичъ проводника.

— Отъ лодочниковъ есть такого люди, что и русскаго языка понимаютъ. Галата и Пера — весь Европа. Тутъ на всякаго языкъ разговариваютъ. Тутъ и англичанскій народъ, тутъ итальянскаго, тутъ и ишпанскаго, и датскаго, и голандскаго, и шведскаго, греческаго, армянскаго, арабскаго. Всякаго языкъ есть.

Отъ самаго моста шла конно-желѣзная дорога съ вагонами въ одинъ ярусъ, но въ двѣ лошади, такъ какъ путь ея лежалъ въ гору. Вагоны были биткомъ набиты, и разношерстная публика стояла не только на тормазахъ, но даже и на ступенькѣ, ведущей къ тормазу, цѣпляясь за что попало. Кондукторъ безостановочно трубилъ въ мѣдный рожокъ.

— Смотри, арапъ, указала Глафира Семеновна мужу на негра въ фескѣ, выглядывающаго съ тормаза и скалившаго бѣлые, какъ слоновая кость, зубы.

— О, здѣсь много этого чернаго народъ! откликнулся проводникъ.—У нашего падишахъ есть даже цѣлаго батальонъ чернаго солдатовъ. Чернаго горничныя и кухарки... и няньки также много. Самаго лучшаго нянька считается черная. Да вонъ двѣ идутъ, указалъ онъ.

И точно, по тротуару, съ корзинками, набитыми провизіей, шли двѣ негритянки, одѣтыя въ розовыя, изъ мебельнаго ситца, платья съ кофточками и въ пестрыхъ ситцевыхъ платкахъ на головахъ, по костюму очень смахивающія на нашихъ петербургскихъ бабъ-капорокъ съ огородовъ.

Къ довершенью пестроты, по тротуару шелъ, важно выступая, босой арабъ, весь закутанный въ бѣлую матерію, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ и въ мѣдныхъ большихъ серьгахъ.

Дома на набережной Галаты были грязные, съ облупившейся штукатуркой и сплошь завѣшанные вывѣсками разныхъ конторъ и агенствъ, испещренными турецкими и латинскими надписями. Кой-гдѣ попадались и греческія надписи. Глафира Семеновна начала читать фамиліи владѣльцевъ конторъ и черезъ вывѣску начали попадаться Розенберги, Лиліентали, Блуменфельды и иные берги, тали и фельды.

— Должно быть все жиды, сказалъ Николай Ивановичъ и крикнулъ проводнику: — А евреевъ здѣсь много?

— О, больше, чѣмъ въ россійскаго городѣ Бердичевъ! отвѣчалъ тотъ со смѣхомъ.

— А вы сами еврей?

— Я? замялся Нюренбергъ. — Я американскаго подданный. Мой папенька былъ еврей, моя маменька была еврейка, а я свободнаго гражданинъ Сѣверо-Американскаго Штаты.

— А я думалъ—русскій еврей. Но отчего-же вы говорите по-русски?

— Я родился въ Россіи, въ Польшѣ, жилъ съ своего папенька въ Копенгагенъ, поѣхалъ съ датскаго посольства въ Петербургъ, потомъ перешелъ въ Шведскаго кунсульство въ Америку. Попалъ изъ Америки въ Одессу и вотъ теперь въ Константинополѣ. Я и въ Каиръ и въ Египтѣ былъ.

— А вѣры-то вы какой? Мусульманской?

— Нѣтъ. Что вѣра! Въ Америкѣ не надо никакой вѣра!

— А зачѣмъ-же вы турецкую феску носите, если вы не магометанинъ?

— Тутъ въ Константинополѣ, эфендимъ, кто въ фескѣ, тому почета больше, а я на турецкаго языкѣ говорю хорошо.

Экипажъ поднимался въ гору. Толпа значительно порѣдѣла. Чаще начали попадаться шляпы-котелкомъ, цилиндры, барашковыя шапки славянъ, женщины съ открытыми лицами. На улицѣ виднѣлись ужъ вывѣски магазиновъ, гласящія только на французскомъ языкѣ: „modes et robes, nouveautés" и т. п. Появились магазины съ зеркальными стеклами въ окнахъ. Начались большіе каменные многоэтажные дома.

— Грандъ Рю де Пера, сказалъ съ козелъ проводникъ.—Самаго главнаго улица Пера въ европейскаго часть города.

— Какъ? Главная улица и такая узенькая! воскликнула Глафира Семеновна.

— Турки, мадамъ, не любятъ широкаго улицы. У нихъ мечети широкія, а улицы совсѣмъ узенькія. Да лѣтомъ, когда бываютъ жары, узенькаго улицы и лучше, онѣ спасаютъ отъ жаркаго солнца.

— Но вѣдь сами-же вы говорите, что это европейская часть города, стало быть улица сдѣлана европейцами.

— А европейскаго люди здѣсь все-таки въ гостяхъ у турокъ, они продаютъ туркамъ моднаго товары и хотятъ сдѣлать туркамъ пріятнаго. Да для модный товаръ и лучше узенькая улица—на улицѣ цвѣтъ товара не линяетъ. Опять-же, мадамъ, когда въ магазинѣ потемнѣе, и залежалаго матерію продать легче.

— А здѣсь развѣ надуваютъ въ магазинахъ? Тутъ вѣдь все европейцы.

Проводникъ пожалъ на козлахъ плечами и произнесъ:

— Купцы—люди торговые. Что вы хотите, мадамъ! Вездѣ одного и тоже.

— А турки какъ? Тоже надуваютъ?

— Турки самаго честнаго купцы. Они не умѣютъ надувать.

— То есть, какъ это: не умѣютъ? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Увѣряю васъ, ваше благородіе, не умѣютъ. Турокъ запрашивать цѣну любятъ, за все онъ спрашиваетъ вдвое и съ нимъ всегда нужно торговаться и давать только третьяго часть, а потомъ прибавлять понемножку, но плохаго товаръ вмѣсто

хорошаго онъ и въ самаго темнаго лавка не подсунетъ. Турокъ самаго честнаго купецъ! Это вся европейскаго здѣшняго колонія знаетъ. Вотъ армянинъ, грекъ—ну, тутъ ужъ какого хочешь будь покупатель съ вострыми глазами — навѣрное надуетъ. Товаромъ надуетъ, сдачей надуетъ.

— А мясники тутъ турки или европейцы? спросила Глафира Семеновна, увидавъ рядомъ съ моднымъ магазиномъ съ выставленными на окнахъ за зеркальными стеклами женскими шляпками, мясную лавку съ вывѣшенной на дверяхъ великолѣпной бѣлой тушей баранины.

— Мясники, хлѣбники, рыбаки—вездѣ больше турки, отвѣчалъ проводникъ.—Турки... А для еврейскаго народа—евреи.

— Но какъ здѣсь странно... продолжала Глафира Семеновна, смотря по сторонамъ на магазины и лавки.—Магазинъ съ дамскими нарядами за зеркальными стеклами, шелкъ, дорогія матеріи—и сейчасъ же бокъ-о-бокъ мясная лавка.

— Дальше по улицѣ, такъ еще больше все перемѣшается, мадамъ. Такого у турокъ обычай. А вотъ потомъ на базарѣ въ Стамбулѣ и не то еще увидите! Тамъ и головы брѣютъ, и шашлыкъ жарятъ, и шелковыя ленты и фаты продаютъ — все вмѣстѣ.

— Да и здѣсь ужъ все перемѣшалось, сказала Глафира Семеновна.

И точно, роскошный французскій магазинъ чередовался съ убогой мѣняльной лавчонкой, по дру-

гую сторону магазина была мясная лавка, далѣе шло помѣщеніе шикарнаго кафе—и сейчасъ же рядомъ съ кафе турецкая хлѣбопекарня, продающая также и вареную фасоль съ кукурузой, а тамъ опять модистка съ выставленными на окнахъ шляпками и накидками.

Экипажъ остановился около подъѣзда мрачнаго многоэтажнаго дома. На зеркальныхъ стеклахъ входныхъ дверей была надпись: „Hötel Perà Palace".

— Пріѣхали въ гостинницу? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Пріѣхали, эфенди, отвѣчалъ проводникъ, соскакивая съ козелъ.

L.

Изъ подъѣзда выскочилъ рослый дѣтина, одѣтый въ черногорскій костюмъ, и сталъ помогать выходить изъ коляски пріѣзжимъ, бормоча что-то по-турецки Адольфу Нюренбергу. Тотъ тоже вытаскивалъ изъ экипажа подушки, сакъ-вояжи, корзиночки.

Супруги вступили въ подъѣздъ.

— Бакшишъ, эфендимъ!—крикнулъ имъ вслѣдъ съ козелъ кучеръ.

Проводникъ махнулъ ему рукой и сказалъ Николаю Ивановичу:

— Ничего не давайте. Я дамъ, сколько нужно, и потомъ вы получите самаго настоящаго счетъ.

Въ роскошныхъ сѣняхъ гостинницы, съ колоннами и мозаичнымъ поломъ, подскочили къ супругамъ два безукоризненно одѣтыхъ фрачника, въ воротничкахъ, упирающихся въ подбородокъ, и причесанные а ля капуль, одинъ съ бородкой Генриха IV, другой въ бакенбардахъ въ видѣ рыбьихъ плавательныхъ перьевъ, и спросили: одинъ по-французски, другой по-нѣмецки, въ какомъ этажѣ супруги желаютъ имѣть комнату.

— Пожалуйста, только не высоко, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— У насъ, мадамъ, великолѣпный асансеръ...— пояснилъ по-французски бакенбардистъ и пригласилъ супруговъ къ подъемной машинѣ, у которой уже мальчикъ въ турецкой курткѣ и фескѣ распахнулъ двери.

Прежде чѣмъ войти въ комнату подъемной машины, супруги осмотрѣлись по сторонамъ. Въ сѣняхъ было нѣсколько лѣпныхъ дверей съ позолотой и на матовыхъ стеклахъ ихъ значились надписи, гласящія по-французски: „столовая, кафе, кабинетъ для чтенія, куаферъ, бюро“.

— Сдерутъ въ такой гостинницѣ. Охъ, какъ сдерутъ! Чувствую, что обдерутъ, какъ липку, — проговорилъ Николай Ивановичъ, влѣзая въ подъемную машину.

— Ну, что-жъ... Зато ужъ хорошо будетъ и лошадинымъ бифштексомъ не накормятъ, — отвѣ-

чала Глафира Семеновна, усаживаясь на скамейку.

Торжественно всталъ передъ ними въ машинѣ бакенбардистъ, досталъ для чего-то изъ кармана аспидныя таблетки, раскрылъ ихъ и вынулъ изъ-за уха карандашъ. Турченокъ въ фескѣ заперъ дверь, нажалъ кнопку, раздался легкій свистокъ и машина начала подниматься.

Во второмъ этажѣ машина остановилась. Опять свистокъ. Бакенбардистъ выскочилъ на площадку корридора и пригласилъ выдти супруговъ. На встрѣчу имъ вышелъ еще фрачникъ, уже гладко выбритый, еще болѣе чопорный и ужъ съ такими высокими воротничками, упирающимися въ подбородокъ, что голова его окончательно не вертѣлась. За нимъ виднѣлась горничная въ бѣломъ чепцѣ пирамидой, черномъ платьѣ на подъемѣ и передникѣ съ кармашками, унизанномъ прошивками и кружевцами. Горничная совсѣмъ напоминала опереточную прислугу, какая, обыкновенно, бываетъ на сценѣ около декораціи, изображающей таверну, подаетъ жестяныя кружки горланящему мужскому хору и наливаетъ въ нихъ изъ бутафорскихъ деревянныхъ бутылокъ виво. Для довершенія сходства, у нея были даже подведены глаза.

— Сдерутъ. Семь шкуръ сдерутъ. Чувствую,— опять проговорилъ женѣ Николай Ивановичъ, выходя изъ подъемной машины.—По лицу вижу, что вотъ эта глазастая привыкла къ большимъ срывкамъ.

— Ну, что тутъ...—отвѣчала жена. — Зато чи-

сто, опрятно. А то ужъ я очень боялась, что мы попадемъ въ Константинополѣ въ какое-нибудь турецкое гнѣздо, гдѣ и къ кофею-то подадутъ кобылье молоко.

— Вотъ комната о двухъ кроватяхъ,—произнесъ по-французски, распахнувъ двери номера, первый фрачникъ.—Вчера изъ нея выѣхалъ русскій шамбеленъ, — прибавилъ онъ. — Oh, une grande personne!

Комната была большая, въ три окна, прекрасно меблированная.

— А комбьянъ? — спросилъ о цѣнѣ Николай Ивановичъ.

Фрачникъ въ бакенбардахъ посчиталъ что-то карандашемъ на таблеткахъ и отвѣчалъ:

— При двухъ кроватяхъ, эта комната будетъ вамъ стоить шестьдесятъ два піастра въ день.

Николай Ивановичъ взглянулъ вопросительно на жену и сказалъ по-русски:

— Шестьдесятъ два піастра... Разбери, сколько это на наши деньги! Вишь, какой туманъ подпускаетъ. Надо, впрочемъ, поторговаться. Нашъ еврейчикъ давеча говорилъ, что здѣсь въ Константинополѣ надо за все давать только половину. Се шеръ, мосье... Прене половину. Ля муатье... — обратился онъ къ фрачнику.

— Команъ ля муатье? — удивился тотъ. — О, мосье, ну завонъ прификсъ.

— Ну, карантъ франкъ.

— Вы меня удивляете, монсье... продолжалъ

фрачникъ по-французски и пожалъ плечами.—Развѣ нашъ торговый домъ (notre maison) позволитъ себѣ просить больше, чѣмъ назначено администраціей гостинницы!

— Надо дать, что спрашиваетъ. Онъ говоритъ, что у нихъ безъ запроса, сказала Глафира Семеновна.

— Безъ запроса! А еврейчикъ-то нашъ давеча что говорилъ? Дамъ ему пятьдесятъ. Ну, сянкантъ, мусью.

Фрачникъ съ бакенбардами въ видѣ плавательныхъ перьевъ сдѣлалъ строгое лицо, отрицательно потрясъ головой, сложилъ таблетки и убралъ ихъ въ карманъ, а карандашъ спряталъ за ухо, какъ-бы показывая, что окончательно прекращаетъ разговоры. Гладко бритый фрачникъ улыбался и перешептывался съ опереточной горничной.

— Ни копѣйки не хочетъ уступить, а еврейчикъ говорилъ, что въ Константинополѣ надо торговаться, повторилъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Да вѣдь нашъ еврейчикъ говорилъ про турокъ, отвѣчала Глафира Семеновна,—а тутъ французы.—Бонъ... Ну рестонъ зиси... (Мы остаемся), обратилась она къ фрачнику съ бакенбардами и стала снимать съ себя верхнее платье.

Фрачникъ въ бакенбардахъ поклонился и вышелъ изъ комнаты. Опереточная горничная бросилась къ Глафирѣ Семеновнѣ помогать ей снимать пальто. Гладкобритый фрачникъ принялъ отъ Николая Ива-

новича пальто и остановился у дверей въ ожиданіи приказаній.

— Вообрази, отъ нея пахнетъ духами, какъ изъ парфюмерной лавки, сказала мужу Глафира Семеновна про горничную, которая помогала ей снять калоши.

— Слышу, слышу, отвѣчалъ тотъ:—и чувствую, что за все это сдерутъ. И за духи сдерутъ, и за трехъэтажный чепчикъ сдерутъ, и за передникъ. Что-жъ, надо чаю напиться и закусить что нибудь.

— Да, да... И надо велѣть принести бутербродовъ,—проговорила Глафира Семеновна.—Апорте ну дю те...—обратилась она къ слугѣ, ожидавшему приказаній.

— Bien, madame... Desirez vous du thé complet?

— Вуй, вуй... Компле... Е авекъ бутербродъ... Впрочемъ, что я! Де тартинъ...

— Sandwitch?—переспросилъ слуга.

— И сандвичъ принесите.

— Постой... Надо спросить, нѣтъ-ли у нихъ русскаго самовара, такъ пусть подастъ,—перебилъ жену Николай Ивановичъ.—Экуте... Ву заве самоваръ рюсъ?

Слуга удивленно смотрѣлъ и не понималъ.

— Самоваръ рюсъ... Те машине... Бульиваръ рюсъ...—пояснила Глафира Семеновна.

— Nous avons caviar russe, мадамъ,—произнесъ слуга.

— Ахъ, шутъ гороховый! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Мы ему про русскій самоваръ, а онъ намъ про русскую икру. И здѣсь, въ Турціи, полированные французы не знаютъ, что такое русскій самоваръ. Грабить русскихъ умѣютъ, а про самоваръ не имѣютъ понятія. Апорте те компле, пянъ блянъ, бутербродъ. Алле!—махнулъ онъ рукой слугѣ.

Слуга сдѣлалъ поклонъ и удалился.

LI.

Въ комнату начали вносить багажъ. Багажъ вносили турки въ фескахъ. Костюмы ихъ были смѣсь европейскаго съ турецкимъ. Двое были въ турецкихъ курткахъ, одинъ въ короткой парусинной рубахѣ, перетянутой ремнемъ, одинъ въ жилетѣ съ нашитой на спинѣ кожей и всѣ въ европейскихъ панталонахъ. Входя въ комнату, они привѣтствовали супруговъ Ивановыхъ по-турецки, произнося „селямъ алейкюмъ“, размѣщали принесенныя вещи и кланялись, прикладывая ладонь руки ко лбу, около фески.

Николай Ивановичъ, знавшій изъ книжки „Переводчикъ съ русскаго языка на турецкій“ нѣсколько турецкихъ словъ, отвѣчалъ на ихъ поклоны словомъ „шюкиръ“, т. е. спасибо.

— Странное дѣло, сказалъ онъ женѣ.—У меня въ книжкѣ есть даже фраза турецкая—„поставь самоваръ“, а въ гостинницѣ не имѣютъ никакого понятія о самоварѣ.

— Да вѣдь это европейская гостинница, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Только вотъ ты всего боишься, а напрасно мы не остановились въ какой-нибудь турецкой гостинницѣ. Вѣдь ужъ всякія-то европейскія-то гостинницы мы видѣли и перевидѣли.

— Ну, вотъ... Выдумывай еще что-нибудь! Тогда-бы я ничего не пила и не ѣла.

— Баранину, пилавъ всегда можно ѣсть.

— Какъ-же! А что они въ пилавъ-то мѣшаютъ?

Николаю Ивановичу пришло въ голову попрактиковаться въ турецкомъ языкѣ, провѣрить, будутъ-ли понимать его турецкія фразы изъ книжки, и онъ остановилъ одного турка, принесшаго сундукъ, сѣдаго старика на жиденькихъ ногахъ и съ необычайно большимъ носомъ. Затѣмъ открылъ книгу и спросилъ:

— Мюслюманъ мы сынъ, я хрыстыанъ?

— Мюслюманъ, эфендимъ, отвѣчалъ турокъ, оживляясь, и улыбнулся.

— Понялъ, радостно обратился Николай Ивановичъ. Я спросилъ его—мусульманинъ онъ или христіанинъ и онъ отвѣтилъ, что мусульманинъ. Попробую спросить насчетъ самовара. Самоваръ-Кайнатъ. Кайнатъ есть у васъ? Кайнатъ русъ? спросилъ онъ опять турка.

— А! Кайнатъ! Йокъ (то есть: нѣтъ), покачалъ тотъ отрицательно головой.

— И на счетъ самовара понялъ. Спрошу его— говоритъ-ли онъ по-нѣмецки... У меня въ книжкѣ есть эта фраза... Нэмча лякырды эдермасинизъ?

— Йокъ, эфендимъ.

— И это понялъ! Глафира Семеновна! А вѣдь дѣло-то идетъ на ладъ. Кажется, я и безъ проводника буду въ состояніи объясняться по-турецки.

— Да брось пожалуйста... Ну, что ты какъ маленькій... Отпусти его... Мнѣ надо переодѣваться, раздражительно проговорила Глафира Семеновна.

— А вотъ попрошу у него спичекъ. Пойметъ, тогда и конецъ. Кибритъ? Есть кибритъ? задалъ турку еще вопросъ Николай Ивановичъ и досталъ папироску.

Турокъ подбѣжалъ къ столу, на которомъ стояли спички, чиркнулъ одну изъ нихъ о спичечницу и поднесъ ему огня.

— Шюкиръ, поблагодарилъ его Николай Ивановичъ, закуривъ папироску, сунулъ ему въ руку монету въ два піастра и махнулъ рукой, чтобы онъ уходилъ.

Получивъ неожиданный бакшишъ, турокъ просіялъ, забормоталъ что-то по-турецки, сталъ прикладывать ладони къ сердцу и задомъ вышелъ изъ комнаты.

— Какой забавный старикъ! сказалъ ему вслѣдъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Ну, теперь я

вижу, что съ этой книжкой турки будутъ меня понимать.

Супруги стали оріентироваться въ комнатѣ. Двѣ кровати были на вѣнскій манеръ, желѣзныя, съ простеганнымъ пуховикомъ-одѣяломъ и все это, вмѣстѣ съ подушками, было прикрыто простымъ турецкимъ ковромъ. Мебель была также вѣнская, гнутаго дерева, но съ мягкими сидѣньями. Комната была съ балкономъ. Супруги вышли на балконъ. Балконъ выходилъ въ какой-то запущенный садъ, обнесенный рѣшеткой, за которой шла улица, и по ней тащился вагонъ конножелѣзной дороги. Влѣво виднѣлась голубая полоска воды Золотаго Рога. Въ саду бродили и лежали сотни собакъ, пріютившись подъ кипарисовыми деревьями. Тутъ были и старые ободранные псы, угрюмо смотрящіе на веселыхъ подростковъ-щенковъ, затѣявшихъ веселую игру другъ съ другомъ, были и матери съ маленькими щенками, лежащія въ выкопанныхъ ямахъ. Всѣ собаки были одной породы, нѣсколько смахивающей на нашихъ сѣверныхъ лаекъ, но менѣе ихъ пушистыя и съ менѣе стоячими ушами и всѣ одной масти—желто-бурыя.

— Несчастныя... проговорила Глафира Семеновна мужу. — Вѣдь, поди, голодныя... И смотри, сколько изъ нихъ хромаетъ! А вонъ и совсѣмъ собака безъ ноги. Только на трехъ ногахъ... Въ особенности вотъ тѣхъ, которыя со щенками, жалко. Надо будетъ ихъ покормить. У меня осталось нѣсколько хлѣба и колбасы... Есть сыръ засохшій.

Она сходила въ комнату, вынесла оттуда дорожную корзинку и начала изъ нея выкидывать въ садъ все съѣстное.

Собаки всполошились и бросились хватать выброшенные куски. Хватали и тащили прочь. Но вотъ на одинъ кусокъ бросилось нѣсколько собакъ и началась свалка. Пискъ, визгъ, грызня... Сильныя одолѣли слабыхъ, завладѣли кусками, а слабыя, хромая отъ только что нанесенныхъ поврежденій въ дракѣ, стали отходить отъ нихъ.

Въ дверь стучали. Глафира Семеновна услыхала стукъ съ балкона, вошла въ комнату и крикнула: „антрэ!“

Вошли два лакея-фрачника съ мельхіоровыми подносами, торжественно державшіе ихъ на плечѣ, и опустили на столъ. На одномъ подносѣ стояли миніатюрныя двѣ чашечки изъ тонкаго фарфора, два миніатюрные мельхіоровые чайника, два такія-же блюдечка съ вареньемъ, два съ медомъ, блюдцо, переполненное сахаромъ, масло и булки. На другомъ лежали на двухъ блюдечкахъ англійскіе сандвичи и буше съ мясомъ и сыромъ, и помѣщались флаконъ съ коньякомъ, двѣ маленькія рюмки и разрѣзанный пополамъ лимонъ. Увидавъ все это, Глафира Семеновна поморщилась, пожала плечами и крикнула мужу на балконъ:

— Николай! Иди и пей англійскую ваксу чайными ложечками. Чай подали по англійски!

— Да что ты! вбѣжалъ въ комнату Николай Ивановичъ, увидалъ поданное, всплеснулъ руками

и воскликнулъ:—Ахъ, Европа, Европа! Не понимаетъ она русскаго чаепитія! Кипятку, мерзавцы, подали словно украли! Тутъ вѣдь и на одинъ стаканъ не хватитъ. Вытаскивай скорѣй изъ корзинки нашъ металлическій чайникъ и дай имъ, чтобы намъ въ немъ принесли кипятку.

— Да ты посмотри, чашки-то какія принесли! Вѣдь это для куколъ и для канареекъ. Изъ такой чашки только канарейкѣ напиться. Какъ ты будешь пить?

— Требуй большіе стаканы! Глясъ, глясъ... Гранъ глясъ... кричалъ Николай Ивановичъ лакеямъ.—Те а ля рюсъ, а не те англе.

Глафира Семеновна достала свой дорожный чайникъ и стала объяснять прислугѣ по-французски, что ей и ея мужу нужно для чаяпитія.

LII.

Супруги Ивановы не успѣли еще и чаю напиться, Глафира Семеновна только еще умылась, сидѣла въ юбкѣ и ночной кофточкѣ и утиралась полотенцемъ, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь и возгласъ Адольфа Нюренберга:

— Все устроено! Можно ѣхать на Селамликъ! Готовы-ли вы? Экипажъ стоитъ у подъѣзда.

— Какъ: готовы? жена еще не одѣта, а я даже и не умывался, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь мы опоздаемъ и вы не увидите ни парада, ни султана! Въ одиннадцать часовъ будутъ закрыты всѣ улицы, ведущія къ мечети, а ужъ теперь половина одиннадцатаго. Намъ полчаса ѣхать. Торопитесь пожалуйста. Иначе прощай Селамликъ! Прощай падишахъ!

— Да что-жъ вы не сказали, что надо торопиться! Даже не пришли къ намъ давеча въ номеръ.

— Помилуйте, я побѣжалъ, какъ бѣшанаго собака, чтобы достать для васъ пропускъ. Взялъ экипажъ—лошади идутъ, какъ стараго черепахи, пересѣлъ на другой. Бакшишъ направо, бакшишъ налѣво... Консула дома нѣтъ—я къ вице-консулу... Не пускаютъ. Бакшишъ швейцару, бакшишъ прислугѣ... Умоляю его, чтобы выдалъ билетъ. Далъ записку въ канцелярію. Я опять къ консулу. О, только Адольфъ Нюренбергъ и можетъ кататься колесомъ и кувыркаться въ воздухъ! Пожалуйста торопитесь, господинъ Ивановъ! Пожалуйста торопитесь, мадамъ! А то прощай Селамликъ!

— Да я сейчасъ, сейчасъ... суетилась Глафира Семеновна, застегивая на себѣ корсетъ.—Послушайте, Афанасій Ивановичъ, какъ одѣться? Откуда мы будемъ смотрѣть на церемонію?

— Изъ окна придворнаго дома. Тамъ будетъ и вашъ консулъ, тамъ будетъ и вашъ посланникъ и много именитаго господа, которые пріѣхали къ намъ въ Константинополь! кричалъ Нюренбергъ

изъ коридора.—Падишахъ будетъ отъ васъ въ тридцать шагахъ, мадамъ.

— Такъ тогда я черное шелковое платье одѣну.

— Парадъ, мадамъ, парадъ. Чѣмъ больше будетъ у васъ парадъ, тѣмъ лучше. Будетъ многаго иностранцевъ: англичане, американцы, датчане, итальянцы.

— А мнѣ какъ одѣться? спрашивалъ Николай Ивановичъ.—Если фракъ нужно, то я его съ собой не захватилъ.

— Надѣньте чернаго сюртукъ, надѣньте чернаго визитка и бѣлаго галстухъ. Только пожалуста скорѣй, иначе насъ къ мечети въ экипажѣ не пропустятъ и придется пѣшкомъ идти.

Супруги торопились, вырывали другъ у друга гребенку, чтобы причесаться, Николай Ивановичъ бранился и посылалъ всѣхъ чертей прачкѣ, туго накрахмалившей сорочку, отчего у него въ воротѣ запонка не застегивалась. У Глафиры Семеновны оторвалась пуговица у корсажа и она стала зашпиливать булавкой.

— Да не вертись ты передо мной, какъ бѣсъ передъ заутреней! раздраженно кричала она на мужа.—Чего ты зеркало-то мнѣ загораживаешь!

— Странное дѣло... Долженъ-же я галстухъ себѣ повязать.

А изъ коридора опять возгласъ Нюренберга:

— Пожалуйста, господа, поторопитесь! Опоздаемъ—прощай падишахъ!

Наконецъ супруги были одѣты. Глафира Семе-

новна взглянула на себя въ зеркало и проворчала:

— Не успѣла завить себѣ волосы на лбу и теперь какъ старая вѣдьма выгляжу.

— Ну, вотъ... И такъ сойдетъ. Султана прельщать вздумала, что-ли? Не прельстишь. У него и такъ женъ изъ всякихъ мастей много.

— Какъ это глупо! Дуракъ! огрызнулась на Николая Ивановича супруга и отворила въ корридоръ дверь.

Вошелъ Нюренбергъ и потрясалъ билетомъ.

— Вотъ нашъ пропускъ. Скорѣй, скорѣй! торопилъ онъ супруговъ и сталъ имъ подавать ихъ пальто.

— Цилиндръ надѣть для парада, что-ли? спрашивалъ Николай Ивановичъ.

— Будьте въ вашей барашковаго скуфейка. Солиднѣе, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Сейчасъ будетъ видно, что русскаго человѣкъ ѣдетъ, а русскіе теперь здѣсь въ почетѣ. Такая полоса пришла.

Супруги въ сопровожденіи проводника вышли изъ номера, вручили ключъ въ корридорѣ опереточной горничной и стали спускаться внизъ на подъемной машинѣ.

— Нравится-ли вамъ, мосье и мадамъ, ваше помѣщеніе? освѣдомился Нюренбергъ.—Гостинница новая, съ иголочки и вся на англійскаго манеръ.

— А вотъ это-то я считаю и нехорошо. Очень ужъ чопорно, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—И послушайте, неужели они не знаютъ здѣсь, какъ

пьютъ чай въ Россіи. Вѣдь пріѣзжаютъ-же сюда и русскіе люди, а не одни англичане.

— А что такого? Что такого? спросилъ Нюренбергъ.

— Да вотъ хоть-бы эти корридорные лакеи. Личности у нихъ—у одного, какъ-бы губернаторская, а у другого какъ-бы у актера на роли первыхъ любовниковъ, а не понимаютъ они, что чай по-русски нужно пить, если ужъ не изъ стакановъ, то изъ большихъ чайныхъ чашекъ, а не изъ кофейныхъ. Подаютъ въ двухъ маленькихъ чайничкахъ скипяченый чай и безъ кипятку. Даю свой большой чайникъ, требую, чтобы принесли кипятку—приносятъ чуть теплой воды и четверть чайника. Спрашиваю къ чаю бутербродовъ, чтобы закусить, позавтракать—приносятъ на двоихъ два маленькіе сандвича и десятокъ буше вотъ съ мой ноготь. Я по пяти штукъ въ ротъ запихалъ—и нѣтъ ничего. А ѣсть хотимъ. Требуемъ двѣ телячьи котлеты съ гарниромъ—отвѣчаютъ: нельзя. Кухня будто бы заперта, завтракъ повара готовятъ. „Отъ двѣнадцати до двухъ завтракать, говорятъ, пожалуйте. Дежене а пять блюдъ“... Да ежели я въ двѣнадцать-то часовъ не хочу или не могу, а вотъ подай мнѣ сейчасъ котлету?.. Вѣдь за свои деньги требуемъ—а у нихъ нельзя!..

Нюренбергъ развелъ руками.

— Порядокъ—что вы подѣлаете!—отвѣчалъ онъ. Здѣсь на все порядокъ и англичанскаго режимъ...

Отъ восемь до девять часовъ маленькій дежене, отъ двѣнадцать до часъ—большой дежене... Въ семь обѣдъ. И я вамъ скажу, господинъ Ивановъ, здѣсь въ семь часовъ такого обѣдъ, что на два дня поѣсть можно. Пожалуйте садиться въ экипажъ.

— Да мнѣ чертъ съ нимъ, съ этимъ обѣдомъ, что имъ можно наѣсться на два дня! Мы не изъ голодной деревни пріѣхали, чтобы такъ на ѣду зариться. Слава Богу, въ состояніи заплатить и каждый день за обѣдъ. Но дай ты мнѣ тогда котлетку, когда я хочу, а не тогда, когда ты хочешь, актерская его морда!

— Каковъ экипажъ-то! воскликнулъ Нюренбергъ, когда они вышли на подъѣздъ, и причмокнулъ языкомъ, поцѣловавъ свои пальцы.—Арабскаго лошади, коляска отъ работы придворнаго вѣнскій поставщикъ.

Экипажъ былъ, дѣйствительно, прекрасный, лошади тоже, кучеръ на козлахъ былъ даже въ синей ливреѣ съ золотыми пуговицами и въ новой, не линючей, красной фескѣ съ пушистой черной кистью, висѣвшей на затылкѣ.

Нюренбергъ посадилъ супруговъ въ коляску и шепнулъ:

— Такого экипажъ только Адольфъ Нюренбергъ и можетъ достать! Я его перебилъ отъ бразильскаго посланникъ. Такого экипажъ ни одинъ полицейскаго заптіе не позволитъ себѣ не пропуститъ, хоть мы и опоздали. Прямо побоится, по-

думаетъ, что самого большущаго лицо отъ дипломатическій корпусъ ѣдетъ, подмигнулъ онъ супругамъ и вскочилъ на козлы.

Лошади помчались.

LIII.

Путь къ мѣсту, гдѣ должна совершиться церемонія Селамлика, былъ отъ гостинницы не близокъ. Сначала довольно долго ѣхали по главной улицѣ Перы. Проводникъ Нюренбергъ обращалъ вниманіе супруговъ на замѣчательныя зданія, на дома греческихъ и армянскихъ богачей, на красивый домъ русскаго посольства съ виднѣвшимися около него кавасами въ черногорскихъ костюмахъ. Зданія частныхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ были вѣнскаго типа, вѣнской архитектуры. По дорогѣ попадалось много кофеенъ съ зеркальными стеклами въ окнахъ и виднѣвшимися въ нихъ фесками и шляпами котелкомъ. Кофейни чередовались съ магазинами, лавками съ съѣстными припасами, щеголявшими необычайно бѣлыми тушами барановъ, вывѣшанными на дверяхъ. Изобиловали кондитерскія, содержимыя европейцами. Вывѣски на магазинахъ были сплошь съ французскими надписями, очень рѣдко гдѣ попадалась въ видѣ перевода турецкая вязь. Не взи-

рая на праздникъ, турецкое воскресенье, какъ выразился проводникъ про пятницу, всѣ магазины и лавки, даже и турецкіе, были отворены. Турки носильщики тащили тяжести на палкахъ, какъ у насъ таскаютъ ушаты съ водой, погоньщики гнали вьючныхъ лошадей и ословъ. Движеніе на улицѣ было большое, но женщинъ, даже и европейскихъ, было видно мало. Фески и фески, шляпы—котелки и шапки. Даже и провизію въ мясныхъ и зеленыхъ лавкахъ покупали фески.

Ближе къ мечети—и движеніе на улицахъ усилилось. Экипажи такъ и обгоняли другъ друга. Стали попадаться красивые черкесы всадники на лихихъ коняхъ, то тамъ, то сямъ тянулись старики турки верхомъ на маленькихъ осликахъ. Экипажъ супруговъ Ивановыхъ обгонялъ солдатъ, идущихъ съ оркестрами впереди, но безъ музыки. Вагоны конки шли чуть не шагомъ, кондукторы трубили въ рога во всю, но никто и не думалъ останавливать ихъ движенія, хотя улицы были совсѣмъ узки. Заслыша рожокъ конки, взводы идущихъ въ строю солдатъ тѣснились и давали дорогу для проѣзда.

Ѣхали по набережной Золотого Рога. Виднѣлся цѣлый лѣсъ трубъ и мачтъ паровыхъ и парусныхъ судовъ. Шла разгрузка и нагрузка. Тѣснота была страшная. Пришлось ѣхать шагомъ. Собаки съ визгомъ выскакивали изъ подъ ногъ лошадей. Отряды солдатъ въ разныхъ формахъ показывались изо всѣхъ переулковъ, ведущихъ къ набережной.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они уже разставлялись шпалерами по набережной. А движеніе конки не прекращалось. Вагоны, нагруженные самой пестрой публикой, хоть и шагомъ, но не переставали двигаться при неустанныхъ звукахъ рожковъ. И что удивительно, не было безпорядка. Прохожіе и проѣзжіе сторонились, жались, останавливались, но все-таки пропускали вагоны конки. Этотъ порядокъ движенія не уклонился отъ наблюденія Николая Ивановича, и онъ тотчасъ-же указалъ на него женѣ.

— Вино запрещено—оттого, отвѣчала та. — Трезвые люди, никто не нализавшись. Вѣдь у насъ отчего лѣзутъ, напираютъ, давятъ другъ друга, толкаются? Отъ того, что какъ какой-нибудь праздникъ, какъ какая-нибудь церемонія—сейчасъ съ ранняго утра нальютъ себѣ глаза.

— И полиціи-то вѣдь не особенно много видно. Кой-гдѣ только... продолжалъ удивляться Николай Ивановичъ.

— Ну, какъ-же... Вотъ полицейскій стоитъ, а вотъ опять.

— Да что-же это, матушка, значитъ! Пустяки.

— Говорю тебѣ, что трезвые люди. По ихъ закону вино и водка имъ запрещены—вотъ и порядокъ, повторила Глафира Семеновна.—Опять-же можетъ быть и боятся уже очень полиціи. А вѣдь у насъ народъ нахальный...

— Да чего тутъ бояться-то? Я даже не вижу, чтобы кого-нибудь, что называется, честью про-

сили. Полицейскіе стоятъ и даже руками не машутъ, а не то, чтобы что нибудь... продолжалъ удивляться Николай Ивановичъ и спросилъ проводиика:—Скоро пріѣдемъ?

— Вонъ мечеть виднѣется.

Дѣйствительно, вдали высилась бѣлая мечеть съ тонкой изящной лѣпной отдѣлкой, кажущаяся издали какъ-бы убранная вся кружевомъ. На тонкомъ высокомъ минаретѣ виднѣлась черная точка имама, бродившаго по балкону. Войска пошли уже вплоть шпалерой. Стояла конница. Военныя формы были самыя разнообразныя, напоминающія и нашу русскую, и прусскую, и французскую. Экипажи начали останавливаться. Нюренбергъ вынулъ пропускной билетъ и сталъ помахивать имъ на козлахъ, вслѣдствіе этого экипажъ супруговъ Ивановыхъ пропустили дальше. Здѣсь уже не было тѣсно. Экипажъ помчался мимо рядовъ войскъ. Ихъ обгоняли коляски съ сановниками въ фескахъ и въ залитыхъ золотомъ мундирахъ. Сами супруги обогнали карету съ сидѣвшей внутри турецкой дамой въ модной шляпкѣ съ цвѣтами, въ пенснэ и съ закутанною вуалью нижней частью лица. Экипажъ дамы былъ великолѣпный, съ иголочки, на козлахъ молодцоватый кучеръ въ англійской кучерской ливреѣ и желтыхъ перчаткахъ, но въ фескѣ. Рядомъ съ кучеромъ евнухъ. Нюренбергъ обернулся къ супругамъ Ивановымъ и тихо произнесъ:

— Это мадамъ супруга султанскаго шамбелена...

И онъ назвалъ имя сановника.

— Почему вы ее узнали? Вѣдь у ней лицо закрыто, сказала Глафира Семеновна.

— Я? Я по кучеру и по ея лакею знаю, отвѣчалъ Нюренбергъ.

Экипажъ подъѣхалъ къ мечети и прослѣдовалъ къ довольно скромному двухъэтажному дому, находящемуся противъ мечети, окна котораго сплошь были открыты и въ нихъ виднѣлись мужчины и нарядно одѣтыя дамы. Коляска остановилась.

— Пожалуйте, пріѣхали... Сходить надо. Вотъ изъ оконъ этого дома вы будете смотрѣть на церемонію, проговорилъ проводникъ, соскакивая съ козелъ, и сталъ помогать Глафирѣ Семеновнѣ выходить изъ экипажа.

LIV.

Супруги Ивановы вышли изъ коляски и опѣшили отъ той военной пестроты, которая окружила ихъ. На площадкѣ, около крыльца, ведущаго въ домъ, по которой имъ пришлось проходить, бродило и стояло множество военныхъ всѣхъ чиновъ и оружія. День былъ прекрасный, теплый и при солнечныхъ лучахъ ярко блестѣло золото, серебро и вычищенная сталь мундировъ.

Они остановились, но Нюренбергъ выбѣжалъ впередъ, махнулъ пропускнымъ билетомъ и заговорилъ:

— Пожалуйте, пожалуйте! Идите за мной. Вы будете смотрѣть изъ самаго лучшаго окна въ первомъ этажѣ. Московлу (т. е. русскій), сказалъ онъ какому-то, указывая на Николая Ивановича, военному, который заглянулъ въ пропускной билетъ.

Военный приложилъ ладонь къ фескѣ на лбу и поклонился.

По каменнымъ ступенькамъ крыльца, на которыхъ стояли люди въ фескахъ и въ статскомъ платьѣ, супруги Ивановы вошли за Нюренбергомъ въ домъ и вступили въ прихожую съ вѣшалками, сдавъ верхнее платье сторожамъ въ пиджакахъ съ петлицами. Сторожа величали ихъ „султанымъ“ и „эфендимъ“. На встрѣчу имъ выдвинулся рослый красавецъ въ фескѣ и флигель адъютантскомъ мундирѣ. Нюренбергъ забѣжалъ впередъ и подалъ ему пропускной билетъ супруговъ, на—звалъ ихъ фамилію и, прижимая ладонь къ фескѣ, ретировался въ сторону.

— Charmè, сказалъ флигель-адъютантъ и, протянувъ Николаю Ивановичу руку, пригласилъ его съ женой пройти въ слѣдующую комнату. И все это на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ и даже съ парижскимъ акцентомъ. А затѣмъ прибавилъ: — Публики сегодня немного и вы можете помѣститься у окна, какъ вамъ будетъ удобно.

Комната, куда вошли супруги, была большая въ нѣсколько оконъ и, очевидно, въ другое время имѣла назначеніе для какихъ нибудь засѣданій, ибо посрединѣ ея стоялъ большой длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. У двухъ отворенныхъ оконъ сидѣли уже мужчины и нарядно одѣтыя молодыя дамы. Трое мужчинъ были одѣты во фраки и бѣлые галстухи и между ними супруги увидали и англичанина, который ѣхалъ съ ними вмѣстѣ въ вагонѣ. Николай Иваановичъ съ особеннымъ удовольствіемъ бросился къ нему и ужъ, какъ старому знакомому, протянулъ руку, спрашивая его по-французски о его здоровьѣ.

— Wery well... I thank you... отвѣчалъ англичанинъ по-англійски и отошелъ къ своимъ дамамъ.

Проводникъ Нюренбергъ приготовилъ стулья около свободнаго открытаго окна, усадилъ супруговъ и шепнулъ Николаю Ивановичу:

— Дайте мнѣ еще два серебряннаго меджидіе... Здѣсь нужно дать бакшишъ направо и налѣво, а вамъ чтобы ужъ не безпокоиться.

— Да нѣтъ у меня больше серебряныхъ денегъ. Все вамъ отдалъ, отвѣчалъ тотъ.

— Дайте золотаго... Я размѣняю у знакомаго сторожей. Дайте русскаго золотой, я его размѣняю и потомъ представлю вамъ самаго аккуратнаго счетъ.

Николай Ивановичъ далъ.

— Потомъ не забудьте расписаться въ книгѣ... продолжалъ Нюренбергъ.—Вонъ на столѣ боль-

шаго книга лежитъ. Здѣсь всѣ именитаго люди пишутъ своего фамилій и откуда они.

— А по-русски можно?

— На какомъ хотите языкѣ. Въ книгѣ есть и бухарскаго, и японскаго, и китайскаго подпись. Имя, фамилій и городъ...

Нюренбергъ исчезъ. Николай Ивановичъ тотчасъ-же отправился къ лежащей на столѣ книгѣ, испещренной подписями, и расписался въ ней: „Потомственный Почетный Гражданинъ и Кавалеръ Николай Ивановичъ Ивановъ съ супругой Глафирой Семеновной изъ С.-Петербурга“. Перелистовавъ ее, онъ, дѣйствительно, увидѣлъ, что она была покрыта подписями на всѣхъ языкахъ. Латинскій алфавитъ чередовался съ строчками восточныхъ алфавитовъ.

— Припечаталъ... шепнулъ онъ торжественно женѣ, вернувшись къ окну.—И тебя подмахнулъ. Теперь наша подпись и въ Константинополѣ у султана, и въ Римѣ у папы въ Ватиканѣ, и на Везувіи, и на Монбланѣ, и въ Парижѣ на Эйфелевой башнѣ, и...

— Ну, довольно, довольно... Смотри въ окно... Вонъ ужъ пескомъ посыпаютъ, стало быть скоро поѣдетъ султанъ, — перебила его Глафира Семеновна.

Дѣйствительно, на площадку, передъ рѣшетчатой желѣзной оградой мечети, пріѣхали двухколесныя арбы съ краснымъ пескомъ и рабочіе въ курткахъ и фескахъ, повязанныхъ по лбу пестрыми грязными платками, усердно принялись посыпать площадку.

Нѣсколько полицейскихъ заптіевъ, одѣтыхъ въ мундиры съ иголочки, торопили ихъ, крича на своемъ гортанномъ нарѣчіи, махали руками и, какъ только какая-нибудь арба опорожнивалась, тотчасъ-же угоняли ее прочь. Пропустили нѣсколько арбъ въ ограду мечети, и тамъ началась посыпка пескомъ.

Около супруговъ опять появился Нюренбергъ и шепнулъ:

— Я забылъ сказать... Если при васъ есть бинокль, не вынимайте его и не смотрите въ него. Здѣсь этого дѣлать нельзя... Падишахъ не любитъ и запретилъ.

— Да при насъ и бинокля-то нѣтъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Но я къ тому, что всѣ именитаго иностранцы пріѣзжаютъ сюда съ бинокль, и мы предупреждаемъ всегда, чтобы въ бинокль не смотрѣли. Золотаго вашего размѣнялъ и даю бакшишъ направо, бакшишъ налѣво... „Вотъ, говорю, отъ его превосходительства господина русскаго генерала". Всѣ благодарны до горла, прибавилъ Нюренбергъ.

— Ахъ, зачѣмъ вы это, Афанасій Ивановичъ! проговорила испуганно Глафира Семеновна. — Ну, какіе мы генералы! Послѣ всего этого еще можетъ выйти какая-нибудь исторія. Пожалуйста не называйте насъ генералами.

— Ничего, ничего... Такъ лучше. Я опытнаго человѣкъ и знаю, что въ этого слова есть большаго эффектъ.

Супруги Ивановы смотрѣли въ окно и любова-

лись красивою бѣлою, какъ-бы ажурною мечетью, вырисовывающеюся на голубомъ ясномъ небѣ. Въ оградѣ ея бродили и стояли группами генералы и высшіе сановники въ ожиданіи пріѣзда падишаха. Съѣздъ еще продолжался. Къ воротамъ ограды то и дѣло подъѣзжали роскошные экипажи и изъ нихъ выходили старики военные, въ залитыхъ золотомъ или серебромъ мундирахъ. Подъѣзжало и подходило духовенство въ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ съ прослойкой изъ зеленой матеріи и, войдя въ ворота ограды, слѣдовало въ мечеть, направляясь къ правому крыльцу ея. Мечеть имѣла два крыльца или иначе двѣ лѣстницы въ десять двѣнадцать бѣлыхъ ступеней, ведущихъ ко входу. По правой лѣстницѣ взбиралось духовенство, и ступени ея были ни чѣмъ не покрыты, тогда какъ лѣвая лѣстница, предназначавшаяся для султана, была сплошь застлана ковромъ, и прислуга мечети со щетками и метелками въ рукахъ тщательно чистила коверъ, ползая на колѣняхъ.

Пріѣхали два большихъ фургона, запряженные каждый парой великолѣпныхъ лошадей, и прослѣдовали въ ограду, а затѣмъ къ лѣвому крыльцу мечети.

— Дворцовые ковры отъ султана привезли, чтобы застлать имъ мѣсто падишаха въ мечети, шепнулъ супругамъ Нюренбергъ.—Всякій разъ изъ дворца привозятъ. Нашъ падишахъ не любитъ не на своего собственнаго ковровъ молиться.

Дѣйствительно, придворные служители, сопро-

вождавшіе фургоны, начали вытаскивать изъ нихъ свертки ковровъ и проносить въ мечеть.

— И въ мечеть Ая-Софія ихъ всегда возятъ изъ дворца, когда падишахъ тамъ бываетъ. Тамъ есть своего собственнаго дорогіе ковры, котораго стоютъ можетъ быть каждаго пять, шесть, десять тысячъ, но султанъ молится только на своего ковры, прибавилъ Нюренбергъ шопотомъ.

LV.

Къ воротамъ ограды прискакали всадники мальчики въ офицерскихъ мундирахъ. Ихъ было мальчиковъ пять-шесть, возрастомъ отъ тринадцати до пятнадцати лѣтъ. Они тотчасъ-же спѣшились, передавъ лошадей конюхамъ и вошли въ ограду.

— Дѣти султана, должно быть? спросила Глафира Семеновна у Нюренберга.

— Тутъ только одинъ сынъ султана, а другіе— дѣти отъ разнаго паши и шамбеленъ.

Къ мальчикамъ тотчасъ-же подошли старики военные и размѣстили ихъ въ двѣ шеренги у входа.

Но вотъ къ воротамъ ограды, спѣша и волнуясь, подошла толпа халатниковъ въ бѣлыхъ чалмахъ съ зеленой прослойкой. Ихъ было человѣкъ до ста. Лица ихъ были красны и потны. Остановившись

у воротъ, они утирались рукавами халатовъ. Очевидно, они шли издалека.

— Духовенство? спросилъ Николай Ивановичъ, привыкшій уже ихъ отличать по зеленой вставкѣ въ бѣлыхъ чалмахъ.

Нюренбергъ замялся.

— Должно быть, что это разнаго маленькаго мусульманскаго попы и дьячки, отвѣчалъ онъ, подозвалъ къ себѣ слугу въ черномъ сюртукѣ и фескѣ, разставлявшаго на столѣ подносы съ графинами прохладительнаго питья, стаканами и вазочками варенья, и заговорилъ съ нимъ по турецки, указывая на стоящую передъ воротами толпу.—Тутъ есть и попы и разнаго другого люди. Они изъ провинціи... Это караванъ. Они отправляются въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета, сказалъ онъ наконецъ, получивъ объясненіе отъ слуги.—Въ Константинополѣ они проѣздомъ. Тутъ есть у нихъ сборнаго пунктъ.

Два полицейскихъ заптія подошли къ толпѣ халатниковъ, переговорили съ ней и велѣли привратникамъ пропустить ихъ въ ограду. Халатниковъ впустили, провели къ лѣвой лѣстницѣ, противъ которой они тотчасъ же встали на колѣни и по-турецки сѣли себѣ на пятки, принявшись молиться.

Раздался стукъ подковъ. На площадкѣ передъ оградой зашевелились. Полицейскіе махали руками по направленію къ воротамъ. Ворота, бывшія распахнутыми только въ одну половину, раствори-

лись настежъ. Показалась двухмѣстная карета, запряженная четверкой великолѣпныхъ коней съ форейторомъ и конвоируемая двумя чернолицыми всадниками въ маленькихъ чалмахъ. Карета въѣхала въ ограду мечети, обогнула толпу сановниковъ, расположившихся у въѣзда, и остановилась налѣво въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ султанскаго подъѣзда съ ковромъ.

— Дама, дама какая-то въ каретѣ и съ дѣвочкой. Я видѣла въ окно. И только чуть-чуть прикрыта вуалью, немолодая уже дама, сказала мужу Глафира Семеновна.

Нюренбергъ тотчасъ-же наклонился къ супругамъ и тихо сказалъ:

— Султанскаго жена... Пріѣхала посмотрѣть на парадъ своего мужа и повелитель.

Минуты черезъ двѣ показалась вторая такая-же карета, тоже четверкой и тоже конвоируемая такими-же всадниками, какъ и первая карета. Она такимъ-же порядкомъ въѣхала во дворъ мечети и остановилась впереди первой кареты.

— Тоже жена?—спросилъ Нюренберга Николай Ивановичъ, увидавъ въ окнѣ кареты даму, закутанную съ подбородка до носа бѣлой тюлевой дымкой

— Жена,—кивнулъ тотъ.—Это другая жена.

— И неужели всѣ султанскія жены сюда пріѣдутъ? — задала вопросъ Глафира Семеновна.— Вѣдь, говорятъ, у него ихъ сто...

— Пфуй! Что вы говорите, мадамъ!—отрицательно потрясъ головой Нюренбергъ.—Настоящаг

жена у султана только два, а остальнаго дамы это все такъ... А потомъ разнаго фрейлинъ, разнаго пѣвицы, музыкантши, прислуга.

— Все-таки-же онѣ женами называются.

— Гаремнаго дамы и дѣвицы—вотъ какъ онѣ называются.

Между тѣмъ, у остановившихся въ оградѣ каретъ стали отпрягать лошадей, сняли постромки и въ сбруѣ отвели за мечеть.

— Отчего-жъ дамы изъ каретъ не выходятъ?— интересовалась Глафира Семеновна.

— Этикетъ. Такъ изъ оконъ каретъ и будутъ смотрѣть,—далъ отвѣтъ проводникъ.

Но вотъ войска, разставленныя шпалерами, зашевелились. Раздалась команда. Музыканты взяли въ руки трубы и деревянные инструменты и приготовились играть. Барабанщики положили палки на кожу барабановъ. Все подтянулось. Начали строиться и паши въ оградѣ мечети и вытянулись въ длинную шеренгу отъ воротъ до султанской лѣстницы съ ковромъ. Къ ковру на лѣстницѣ бросились два сторожа съ ручными щетками въ рукахъ и еще разъ начали съ него счищать насѣвшія на него пылинки.

— Ѣдетъ.. Султанъ ѣдетъ...—сказалъ Нюренбергъ.—Сюда вѣдь отъ его дворца близко... Два шага... Поэтому онъ и избралъ эту мечеть.

Вдругъ раздалось протяжное заунывное пѣніе. На минаретѣ мечети стоялъ имамъ въ чалмѣ и пѣлъ, то протягивая свои руки въ широкихъ ру-

кавахъ къ небу, то опуская ихъ съ балкона минарета внизъ.

Сидѣвшіе у оконъ приподнялись съ мѣстъ и всѣ обратились въ зрѣніе. Вдали раздались звуки военнаго оркестра. Звуки эти смѣшались съ звуками второго оркестра. Наконецъ, заигралъ оркестръ, расположенный около мечети, передъ окнами, изъ которыхъ смотрѣли на церемонію супруги. Послышалось привѣтствіе, отчеканиваемое тысячами голосовъ солдатъ. Показалась четырехмѣстная коляска—черная, обитая внутри свѣтлосиней шелковой матеріей, съ позолоченными колесами, запряженная парой бѣлыхъ лошадей, и въ ней султанъ съ великимъ визиремъ, сидѣвшимъ напротивъ его. Коляску конвоировалъ взводъ черкесовъ. Черкесы остались у воротъ ограды, а коляска медленно въѣхала во дворъ мечети и мимо шеренги придворныхъ, министровъ и пашей, кланяющихся въ поясъ и при этомъ прикладывающихъ ладони рукъ ко лбу, на грудь и обратно, стала подвозить султана къ лѣстницѣ, покрытой ковромъ. У лѣстницы великій визирь выскочилъ изъ коляски и помогъ выйти султану, который въ сопровожденіи его и прослѣдовалъ въ мечеть.

Напряженное вниманіе присутствующихъ прервалось. Генералитетъ и придворные на дворѣ мечети заходили вольно. Появились въ рукахъ ихъ платки и началось отираніе вспотѣвшихъ лицъ. Отошли отъ оконъ и смотрѣвшіе на церемонію изъ дома иностранцы. Николай Ивановичъ тоже

вынулъ изъ кармана платокъ и сталъ сморкаться, присѣвъ на стулъ.

— Представь себѣ, я просто удивлена насчетъ султана. Онъ еще не старый человѣкъ,—сказала ему Глафира Семеновна.—А вѣдь я воображала почему-то султана старикомъ, съ большой бѣлой бородой, въ парчевомъ халатѣ, въ громадной чалмѣ съ полумѣсяцемъ... Въ туфляхъ безъ задковъ и съ загнутыми носками... Богъ знаетъ, какъ воображала... А онъ, оказывается...

— Самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ оказывается, подхватилъ Николай Ивановичъ.—И мнѣ онъ казался совсѣмъ иначе... хотя и не въ парчевомъ халатѣ. Я думалъ его увидать въ мундирѣ, залитомъ золотомъ, а онъ въ простомъ, черномъ, длинномъ военномъ сюртукѣ и въ простой фескѣ. И никакихъ орденовъ... Даже безъ эполетъ, кажется. Это для меня совсѣмъ удивительно. И какъ все это просто... Подъѣхалъ къ мечети и вошелъ въ нее.

— Да, да... Да и пашей-то этихъ я себѣ иначе представляла, продолжала Глафира Семеновна признаваться мужу.

— Въ чалмахъ и съ трубками, какъ на вывѣскахъ табачныхъ лавочекъ у насъ?

— Ну, нѣтъ, безъ трубокъ. Какія-же трубки при султанѣ! А я думала, что всѣ они упадутъ передъ султаномъ внизъ лицомъ и будутъ лежать, пока онъ проѣдетъ. Я даже столько разъ читала, что это такъ бываетъ на Востокѣ... А это совсѣмъ

Европа. А что онъ не старикъ, такъ этаго я и представить себѣ не могла. И вдругъ оказывается, что онъ брюнетъ, съ небольшой бородой, и мужчина лѣтъ сорока.

— Шатенъ, по моему, а не брюнетъ, и даже какъ будто съ рыжеватостью.

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Настоящій брюнетъ Я хорошо видѣла.

— Ну, будь по твоему. Мнѣ все равно. Брюнетъ, такъ брюнетъ. А только лицо у него больное, не свѣжее, истомленное.

— Вотъ это есть... Это дѣйствительно. И держитъ онъ себя не прямо, а какъ-то сгорбившись.

Въ это время прислуга начала разносить на подносахъ чай и кофе присутствующимъ.

Лакеи въ черныхъ сюртукахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы, въ фескахъ, въ бѣлыхъ галстухахъ и бѣлыхъ перчаткахъ подходили съ подносами и кланялись, бормоча что-то по-турецки.

— Батюшки! Да здѣсь даже съ угощеніемъ... удивленно сказала Глафира Семеновна и спросила мужа:—Пить или не пить?

— Ты какъ хочешь, а я выпью и чаю, и кофею... Султанское угощеніе, да чтобъ не выпить! Всего выпью и съѣмъ, и потомъ хвастаться буду, что у султана угощался.—Послушайте, Афанасій Ивановичъ... Это отъ султана чай и кофей? спросилъ Нюренберга Николай Ивановичъ.

— Все, все придворное... отвѣчалъ тотъ.—Вотъ

потомъ можете прохладительное питье пить, варенье кушать. Фрукты еще подадутъ, прибавилъ онъ.

— Всего съѣмъ. Пей, Глафира Семеновна. Потомъ разсказывать будешь, что вотъ такъ и такъ... Штука-ли! У султана чай пьемъ! Взяла кофею? Вотъ и отлично. А я сначала чашку чаю возьму.

Онъ взялъ съ подноса чашку чаю и сказалъ лакею по-турецки и по-русски:

— Шюкюръ. Спасибо.

LVI.

Послѣ чаю и кофе присутствующихъ начали обносить фруктами. Въ двухъ большихъ вазахъ были красиво уложены крупные іерусалимскіе апельсины, мандарины, груши-дюшесъ и яблоки.

— Боже мой, да мы совсѣмъ въ гостяхъ у султана! Намъ даже и врать не придется, если мы будемъ разсказывать въ Петербургѣ, что пользовались гостепріимствомъ султана, сказала Глафира Семеновна мужу, взявъ апельсинъ и очищая его отъ кожи.—Одно только, что не во дворцѣ онъ насъ принимаетъ.

— Ну, а я сегодня буду писать въ Петербургъ Федору Васильичу, такъ напишу, что мы угощались у султана во дворцѣ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Напишу даже, что мы съ однимъ папой выпили вмѣстѣ по рюмкѣ померанцевой...

— Какъ съ пашой по рюмкѣ померанцевой? Ты забылъ, что мы въ Турціи, въ Константинополѣ. Вѣдь здѣсь вино и водка запрещены по закону. И, наконецъ, съ пашой...

Николай Ивановичъ почесалъ затылокъ.

— Да... И я-то тоже... Забылъ... сказалъ онъ, улыбнувшись.—Ну, напишу, что выпили съ пашой по чашкѣ кофею и выкурили по трубкѣ. Пусть Федоръ Васильичъ разсказываетъ тамъ всѣмъ нашимъ.

У другого окна двѣ англійскія леди, одѣтыя въ клѣтчатыя триковыя платья съ необычайно узкими юбками и огромными буфами на рукавахъ, чопорно кушали вилками съ тарелки очищенную и нарѣзанную на кусочки грушу и лѣниво переговаривались съ пожилымъ кавалеромъ, очень смахивающимъ на орангутанга во фракѣ. Англичанинъ, спутникъ супруговъ по вагону, уничтожилъ большое яблоко и принялся его запивать прохладительнымъ питьемъ съ вареньемъ, перепробовавъ содержимое всѣхъ графиновъ.

Проводникъ Адольфъ Нюренбергъ вертѣлся тутъ-же.

— Афанасій Иванычъ, долго еще султанъ пробудетъ въ мечети?—спросила его Глафира Семеновна.

— О, нашъ султанъ аккуратенъ и болѣе двадцать минутъ въ мечети не молится,—отвѣчалъ тотъ.—Минутъ черезъ пять-семь онъ уже обратно поѣдетъ.

И точно, не прошло и получаса со времени прiѣзда султана въ мечеть, какъ съ лѣстницы со ступеньками, покрытыми краснымъ ковромъ, былъ данъ сигналъ, что султанъ выходитъ. Какой-то почтенный паша съ сѣдой бородкой махнулъ платкомъ генералитету и придворнымъ и всѣ опять начали строиться въ шеренгу. Въ шпалерахъ войска также раздалась команда, и солдаты начали ровняться. Къ лѣстницѣ съ ковромъ подали шарабанъ, запряженный парой лошадей золотистой масти въ англiйской упряжкѣ и безъ кучера. На лѣстницѣ показался султанъ, сошелъ внизъ, сѣлъ въ шарабанъ, взялъ въ руки возжи и, сдерживая лошадей, медленно и совершенно одинъ сталъ выѣзжать со двора мечети, кивая кланяющейся ему шеренгѣ пашей и придворныхъ.

При выѣздѣ султана за ограду, военные хоры грянули турецкiй гимнъ, солдаты закричали привѣтствiе своему падишаху, и онъ, пустивъ лошадей рысью, скрылся изъ глазъ публики, завернувъ за уголъ.

Сейчасъ-же начали подавать экипажи и генералитету. Къ каретамъ султанскихъ женъ привели лошадей и стали впрягать ихъ. Когда площадка передъ каретами опросталась отъ стоявшихъ на ней сановниковъ, отъ толпы халатниковъ въ чалмахъ, поднявшихся уже съ колѣнъ, отдѣлилось десять-двѣнадцать человѣкъ, и они, вынувъ изъ-за пазухъ какiя-то бумаги, бросились къ окнамъ каретъ султанскихъ женъ, протягивая свои бумаги.

Но на халатниковъ во мгновеніе ока налетѣли заптіи и стали ихъ гнать прочь отъ каретъ. Нѣкоторыхъ отталкивали прямо въ шею, а съ одного такъ заптій даже сбилъ чалму.

— Вотъ это такъ... Вотъ это ловко! смѣялся Николай Ивановичъ.—Не особенное-же здѣсь уваженіе къ духовенству и къ паломникамъ.

— Турецкіе попы и вотъ эти самаго богомольцы, котораго сбираются ѣхать въ Мекку, самаго нахальнаго народъ въ Константинополѣ, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Наши дервиши очень нахальнаго, а эти еще больше.

— Чего имъ нужно? Чего они лѣзли къ каретамъ?

— Прошенья разнаго хотѣли подать султанскимъ женамъ.

Но вотъ лошади впряжены, и кареты съ султанскими женами стали выѣзжать за ограду. При отъѣздѣ отъ мечети султанскія жены держали себя уже смѣлѣе. Онѣ спустили свой тюль съ лица на подбородокъ, такъ что лица ихъ совсѣмъ были видны для наблюдающей за ними публики. А одна изъ женъ даже для чего-то выглянула изъ окна кареты.

— Пожилыя, совсѣмъ пожилыя! воскликнула Глафира Семеновна, когда кареты султанскихъ женъ проѣхали мимо того окна, у котораго она сидѣла.—Пожилыя и даже некрасивыя! Ну, признаюсь, женъ султана я себѣ совсѣмъ иначе воображала. Я думала, что онѣ какой-нибудь неопи-

санной красоты, а онѣ самыя обыкновенныя женщины съ обыкновенными лицами.

Николай Ивановичъ дернулъ жену за рукавъ и сказалъ:

— Чего ты кричишь-то? Чего голосъ возвышаешь! И вдругъ какія слова! За эти слова здѣсь арестовать могутъ.

— Ну, вотъ!.. Кто здѣсь понимаетъ по-русски? отвѣчала Глафира Семеновна, а сама опѣшила и прибавила:—Да вѣдь я не браню ихъ, а только говорю, что пожилыя. Мнѣ казалось почему-то, что султанскія жены должны быть самыя молоденькія и красавицы. Ну, все? Можно уѣзжать? спросила она Нюренберга.

— Вся церемонія Селамлика кончилась. Пожалуйте садиться въ экипажъ, отвѣчалъ тотъ.

Супруги стали уходить изъ комнаты. Въ прихожей, получивъ свое верхнее платье, Николай Ивановичъ сказалъ:

— Надо-бы людямъ-то дать на чай.

— Псъ... Не извольте безпокоиться, протянулъ Нюренбергъ свою руку кверху.—Бакшишъ направо, бакшишъ налѣво! Всѣмъ далъ, всѣ будутъ довольны и потомъ представлю вамъ самаго подробнаго счетъ. Объ васъ теперь здѣсь всѣ думаютъ, какъ о самаго богатаго русскаго генералъ.

Когда супруги сходили съ крыльца, на площади стояли тѣ самыя двухколесныя арбы, которыя передъ церемоніей привезли песокъ для посыпки. Теперь песокъ этотъ сгребали и вновь складывали

въ арбы. Это удивило Николая Ивановича и онъ спросилъ Нюренберга:

— Послушайте, неужели здѣсь такъ дорогъ песокъ, что его надо сгребать и увозить обратно?

— О, такого краснаго песокъ у насъ нѣтъ въ Константинополь. Этого песокъ привозятъ изъ-за двѣсти-триста километровъ по желѣзнова дорога. А теперь у насъ при дворѣ падишаха вездѣ самый большаго экономія.

Поданъ экипажъ, и супруги сѣли въ него. Нюренбергъ вскочилъ на козлы и сказалъ Николаю Ивановичу:

— Еще только третьяго часъ, а экипажъ у меня нанятъ на цѣлаго день, до шести часовъ. Если вы, ефендимъ, и вашего супруга не устали, то можно что-нибудь въ городѣ посмотрѣть.

— Везите, везите. Показывайте... Заодно ужъ... отвѣчала за мужа Глафира Семеновна.

LVII.

Коляска ѣхала обратно по тѣмъ же улицамъ, по которымъ супруги Ивановы проѣзжали и въ мечеть. Теперь толпы народа плыли еще тѣснѣе, такъ какъ на Селамликъ сбирались постепенно въ теченіи нѣсколькихъ утреннихъ часовъ, а по окончаніи церемоніи всѣ двинулись сразу и такъ какъ, толпа въ большинствѣ случаевъ,

состояла изъ турокъ, то всѣ направлялись къ мосту, чтобы чрезъ него попасть въ Стамбулъ, въ турецкую часть города. Вагоны конки были переполнены до невозможности, но на подножки ихъ все-таки вскакивали и ѣхали, держась за поручни. Пассажировъ тащили ужъ шагомъ. Кондукторъ трубилъ безостановочно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и экипажу супруговъ Ивановыхъ приходилось ѣхать шагомъ. Собаки, согнанныя съ тротуара пешѣходами, шныряли подъ ногами лошадей еще въ большемъ числѣ, и Глафира Семеновна то и дѣло кричала: „стойте, стойте! Не задавите собаку!"

— Не безпокойтесь, мадамъ, здѣшняго собаки умнѣе людей... отвѣчалъ съ козелъ Нюренбергъ.— Онѣ сами себя берегутъ, держатъ своего ухо востро и никогда не случалось, чтобы экипажъ задавилъ собаку.

— Однако, ихъ такъ много здѣсь изкалѣченныхъ. Есть хромыя, есть въ ранахъ и даже вовсе безъ ноги, на трехъ ногахъ.

— Это онѣ отъ драки за своего собачьяго дамы или оттого, что какого-нибудь собака въ чужаго улицу забѣжала—вотъ на нее и набросились.

— Какъ въ чужую улицу забѣжала? Я читала, что здѣсь собаки бродячія никому не принадлежащія.

— Да... Но у каждаго собачьяго компанія есть своего улица и своего районъ, а если онѣ въ чужаго участокъ забѣгутъ, имъ сейчасъ трепка. Да не только трепка, а до смерти загрызутъ. Это еще

хорошо, если какого собака только безъ ноги въ своя улица вернется.

— Да что вы! удивился Николай Ивановичъ. Стало быть, собака должна жить только въ своемъ участкѣ?

— Да, только въ своего участокъ, гдѣ она родилась,—отвѣчалъ Нюренбергъ.—Вотъ вы вглядитесь въ нихъ теперь. Здѣсь въ Перѣ и Галатѣ есть собаки желтаго, чернаго и бѣлаго. Здѣсь разнаго собакъ: есть и съ тупаго морда и съ востраго, есть съ большаго хвостъ и съ маленькаго. Онѣ помѣшались отъ французскаго и англійскаго домашняго собакъ. А въ Стамбулѣ, на той сторонѣ Золотой Рогъ—ничего этого нѣтъ. Вотъ мы завтра поѣдемъ въ турецкаго часть города, мечети и базаръ осматривать, и вы увидите, что въ Стамбулъ только самаго турецкаго собаки и всѣ желтаго, рыжаго, какъ верблюдъ, съ востраго уши и востраго морда. Турецкаго люди не держатъ комнатнаго собакъ и помѣси нѣтъ. Самаго настоящаго константинопольскаго собаки—это въ Стамбулъ. И въ Стамбулъ онѣ здоровѣе, сытѣе, шуба ихняго лучше. Турецкаго люди не держатъ въ комнатахъ собакъ, но къ этого уличнаго собаки добрѣе, чѣмъ здѣшняго франки изъ Пера или армянскаго человѣки и греки изъ Галата. Здѣсь какого-нибудь поваръ и кипяткомъ на нихъ плеснетъ, армянскаго человѣкъ окурокъ папиросъ въ шерсть заткнетъ, мальчишка зажженнаго спичку на спину кинетъ, а турецкаго люди къ нимъ жалость имѣютъ.

— Турки, стало быть, добрѣе христіанъ? удивленно спросила Глафира Семеновна.

— Да, мадамъ. Тамъ въ Стамбулѣ турки ихъ кормятъ и никогда не бьютъ, никогда не мучаютъ, и если турецкаго человѣкъ увидитъ, что мальчишка кинулъ въ собаку камень, онъ сейчасъ схватитъ его за ухи.

— Николай Ивановичъ, слышишь?

— Слышу, слышу, и удивляюсь! А вѣдь у насъ сложилось такое понятіе, что если турокъ, то безчеловѣчный звѣрь, который и человѣка-то изъ христіанъ готовъ перервать пополамъ, а не только что собаку.

— О, нѣтъ, эфендимъ! Турки имѣютъ много суевѣріевъ насчетъ своего турецкія собаки и никогда ихъ не будутъ бить. На нѣкотораго турецкаго дворы въ Стамбулъ есть цистерны съ вода для собакъ, въ нѣкоторыя турецкаго дома у воротъ есть этакаго загородка съ крышкой, гдѣ собака можетъ родить своего щенки. Тамъ онѣ и лежатъ со щенки. Имъ бросаютъ всякаго остатки и онѣ ѣдятъ, имъ даютъ пить. Турецкаго люди въ квартиру къ себѣ собаку не впустятъ, а такъ они любятъ собаки и жалѣютъ.

— Удивляюсь, совсѣмъ удивляюсь. Турокъ до пріѣзда въ Константинополь я себѣ совсѣмъ иначе воображала,—сказала Глафира Семеновна.—Чего-чего только у насъ про турецкія звѣрства не разсказывали—и оказывается, совсѣмъ наоборотъ.

— А вотъ поживите, такъ увидите, какого это

добраго и хорошаго народъ!—произнесъ съ козелъ Нюренбергъ.—И здѣсь у насъ въ Константинополь рѣдко когда турокъ воръ... Армянинъ, грекъ, славянскаго человѣкъ—вотъ этого народъ надо опасаться.

— Николай Ивановичъ, слышишь? — дернула мужа за рукавъ Глафира Семеновна.—Просто удивительныя вещи онъ разсказываетъ.

— Да, слышу, слышу—и вотъ сижу и удивляюсь: за что-же мы это такъ трепали турокъ во время войны! Просто даже жалко теперь,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Но тутъ экипажъ, ѣхавшій трускомъ, принужденъ былъ остановиться. Около ларька турка, торговца съѣстными припасами, застряла цѣлая толпа фесокъ и турецкихъ женщинъ съ ребятишками. Проголодавшись, находясь съ утра на парадѣ, толпа на расхватъ раскупала у торговца хлѣбъ, вареную кукурузу, бобы-фасоль, распаренный горохъ и винныя ягоды. Въ толпѣ вертѣлся какой-то молодой длинноволосый оборванецъ-халатникъ въ скуфейкѣ и съ мѣдной чашкой въ рукахъ, напоминающей наше лукошко. Онъ протягивалъ свою чашечку направо и налѣво въ толпѣ и зычнымъ голосомъ кричалъ: „Гу, гу! Гокъ! Гокъ!“ и при этомъ ударялъ въ нее палкой. Въ толпѣ кидали ему въ чашку мѣдныя пара, пригоршни бобовъ, кукурузы. Завидя остановившуюся коляску супруговъ, онъ тотчасъ бросился къ ней, вскочилъ на подножку, и тоже протягивая чашку прямо на ко-

лѣни Глафиры Семеновны, закричалъ: „гу, гу! Гокъ, гокъ!“ Та взвизгнула и отшатнулась, откинувшись на спинку коляски.

— Прочь! Чего лѣзешь! замахнулся на него Николай Ивановичъ, но тотъ и ему ткнулъ чашку чуть не въ лицо и крикнулъ свое: „гокъ, гокъ! гу, гу!“

— Нюренбергъ! Да что-же это такое! обратился Николай Ивановичъ къ проводнику.

— Это дервишъ! Нищій—дервишъ! Надо дать что-нибудь, а то не отстанетъ! отвѣчалъ Нюренбергъ съ козелъ и сталъ говорить дервишу что-то по-турецки, махая рукой.

Дервишъ соскочилъ съ подножки, но стоялъ съ протянутой чашкой, бормоталъ что-то и при этомъ закатывалъ подъ лобъ глаза и потопывалъ голыми ногами по мостовой. Нюренбергъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда тоненькую турецкую бронзовую монету съ дырочкой и кинулъ ему въ чашку. Дервишъ не отошелъ и продолжалъ бормотать и стоять въ той-же позѣ.

— Ахъ, нахальнаго человѣкъ! возмутился Нюренбергъ. Получилъ отъ васъ монету и теперь отъ ханымъ, то есть отъ вашего барыня требуетъ.

Въ чашку брошена вторая монета — и тогда только дервишъ отбѣжалъ отъ экипажа.

— Дервишъ... Мусульманскаго монахъ нищій... Вотъ хуже этого нахальнаго человѣкъ въ Константиноноль нѣтъ люди! И полицейскаго заптій ничего не можетъ съ ними дѣлать. Ударить его по

шеѣ или въ полицейскаго домъ взять—сейчасъ турки за него заступятся и отнимутъ, да и самаго заптія приколотятъ, потому они его считаютъ за святаго человѣкъ, пояснилъ Нюренбергъ и прибавилъ:—Самаго сквернаго люди. Смотрите, какого сильнаго, красиваго человѣкъ, а лѣнивый и работать не хочетъ.

Экипажъ, окруженный жующей толпой, двинулся впередъ.

LVIII.

Однако, я ужасно, какъ ѣсть хочу, шепнула Глафира Семеновна мужу. Вѣдь, кромѣ этихъ маленькихъ буше, которыя были поданы въ гостинницѣ къ чаю, я ничего сегодня не ѣла.

— Да, и у меня въ желудкѣ такъ пусто, что даже воркотня началась, какъ будто кто-то на контробасѣ играетъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ видишь. А между тѣмъ ты-то главнымъ образомъ и съѣлъ тѣ буше, что были поданы къ чаю.

— А много-ли ихъ было подано-то? Всего и было-то пятнадцать-двадцать штукъ съ трехъ копѣечную монету. Въ ресторанъ заѣхать, что-ли? Вѣдь до обѣда еще долго. Въ гостинницѣ объявили, что тамъ табель-дотъ для дине будетъ въ

семь часовъ, а теперь только три. Скажемъ, чтобы проводникъ свезъ насъ въ ресторанъ.

— Съ удовольствіемъ-бы поѣхала и съѣла чего нибудь кусочекъ, но боюсь, что насъ кониной накормятъ.

— Ну, вотъ... При проводникѣ-то! Афанасій Иванычъ! Куда мы теперь ѣдемъ? обратился Николай Ивановичъ къ Нюренбергу.

— А вотъ видите эта большаго башня, что стоитъ впереди? Я ее вамъ показать хочу, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Это знаменитаго башня отъ Галата, построеннаго въ самаго древняго времена генуэзцами. Это остатки крѣпости. Отъ нея идутъ остатки стараго крѣпостнаго стѣна.

— Да что въ башнѣ внутри-то? Есть что-нибудь замѣчательнаго?—допытывался Николай Ивановичъ у проводника.

— Внутри ничего. Но оттуда самаго лучшаго видъ на Босфоръ, на Золотаго Рогъ, на Мраморнаго моря, на весь Константинополь. Оттуда вы увидите весь городъ и его окрестности.

— Да вѣдь туда лѣзть надо, взбираться?

— Да, это очень высоко. Но мадамъ можетъ подниматься не сразу. Это большаго примѣчательность отъ Пера и Галата.

— Глаша, полѣзешь? На Эйфелеву башню въ Парижѣ лазили.

— Богъ съ ней. Я ѣсть хочу. Вѣдь видимъ мы ее отсюда. Большая, круглая башня, сначала

снизу не отдѣленная ярусами, а потомъ вверху четыре яруса съ арками—вотъ съ насъ и довольно.

— Нѣтъ, я къ тому, что вотъ онъ говоритъ, что это большая достопримѣчательность. А вдругъ въ Петербугѣ кто-нибудь изъ бывалыхъ въ Костантинополѣ спроситъ насъ: „были вы на башнѣ Галаты?"

— А ты отвѣчай, что были. „Были, молъ, и видѣли всѣ окрестности города. Видъ, молъ, великолѣпный и весь городъ, какъ на ладони". А то еще лазить на верхъ! Скажи ему, чтобъ онъ лучше свезъ насъ въ ресторанъ. Если я кушанья никакого ѣсть буду не въ состояніи, то хоть кофею съ булками напьюсь.

— Послушайте, Нюренбергъ, — обратился Николай Ивановичъ къ проводнику.—Съ насъ довольно и того, что мы посмотрѣли эту башню снаружи. Свезите-ка насъ лучше въ какой-нибудь хорошій ресторанъ. Мы хотимъ закусить до обѣда.

— Съ удовольствіемъ, эфендимъ... — оживился проводникъ.—Въ какого ресторанъ вы желаете: въ турецкаго или въ французскаго?

— Глафира Семеновна, да пойдемъ въ турецкій ресторанъ?—обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.—Надо вѣдь намъ и турецкій ресторанъ посмотрѣть. Европейскіе-то рестораны мы ужъ видали да и перевидали. А вонъ Нюренбергъ столько хорошаго про турокъ разсказываетъ.

— Поѣхала-бы, но, право, боюсь насчетъ конины. Вѣдь турки хоть и добрый, и честный народъ,

а конина-то у нихъ, какъ у магометанъ, первое блюдо.

— Нюренбергъ, вотъ женѣ и хотѣлось-бы побывать въ турецкомъ ресторанѣ, но она боится, какъ-бы ее тамъ не накормили кониной... Понимаете? Лошадинымъ мясомъ,—сказалъ Николай Ивановичъ проводнику.

— Пхе... Что вы, мадамъ...—улыбнулся тотъ.— Я пятнадцать годовъ живу въ Константинополь, а не слыхалъ, чтобы въ турецкаго ресторанъ съ лошадинаго мяса кормили. Развѣ по особаго заказу кто потребуетъ.

— Ну, вотъ... Магометане даже у насъ въ Петербургѣ лошадиное мясо ѣдятъ и первый это для нихъ деликатесъ. Опять-же кумысъ... Могутъ и его подмѣшать. А подадутъ что-нибудь на лошадиномъ маслѣ вмѣсто коровьяго? говорила Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ничего этого здѣсь нѣтъ и вы не бойтесь. Только бычьяго мясо въ турецкаго ресторанъ даютъ. Бычьяго, бараньяго и куринаго. Хмъ... Лошадинаго! Здѣсь лошадь большаго цѣна имѣетъ.

— Да вѣдь старыхъ и искалѣченныхъ-то лошадей бьютъ.

— Это мясо покупаютъ бѣднаго люди, носильщики, разнощики, нищаго народъ. А я васъ свезу въ самаго лучшаго турецкаго ресторанъ, гдѣ турецкаго офицеры и полковники обѣдаютъ.

Нюренбергъ сталъ что-то говорить кучеру по-турецки. Тотъ обернулъ лошадей.

— Куда это вы? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Надо черезъ мостъ ѣхать въ Стамбулъ. Тамъ самаго лучшаго турецкаго рестораны, а здѣсь въ европейскаго часть нѣтъ, отвѣчалъ проводникъ.

— Да вѣдь это ужасная даль будетъ. Тогда свезите насъ въ европейскій ресторанъ, сказала Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно воскликнулъ мужъ.— Согласилась, такъ ужъ поѣдемъ въ турецкій ресторанъ. Нюренбергъ! Вали въ турецкій!

Лошади помчались обратно, сдѣлали съ четверть версты, свернули въ другую улицу и стали подъѣзжать къ Новому мосту.

— Только ужъ вы пожалуйста, Афанасій Ивановичъ, объясните тамъ въ ресторанѣ и послѣдите, чтобы намъ чего-нибудь такого очень ужъ турецкаго не подали.

— Будьте покойны, мадамъ, что вы будете кушать самаго свѣжаго, самаго лучшаго провизія... Турецкаго кушанья очень хорошаго кушанья, но они очень жирнаго кушанья и съ много лукъ, чеснокъ, перецa и паприка, но я скажу, чтобы этого приправа положили вамъ поменьше.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Попробуемъ ужъ настоящій турецкій вкусъ! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Съ чеснокомъ я даже очень люблю.

— О, чеснокъ и паприка очень хорошаго вещь! причмокнулъ на козлахъ Нюренбергъ.

— Любишь? Впрочемъ, тебѣ-то еще-бы не любить! Вамъ, Нюренбергъ, нельзя не любить чеснокъ, вы изъ чесночнаго племени. Цибуля и чеснокъ, шутя замѣтилъ Николай Ивановичъ.—А вотъ что я его люблю—это удивительно.

— Да можетъ быть, эфендимъ, и вашего прадѣдушка или дѣдушка...

— Что? Еврей? Врешь! Шалишь! Чистокровный славянинъ съ береговъ Волги Ярославской губерніи, Любимовскаго уѣзда былъ мой дѣдушка. И ты этого не смѣй говорить. А вотъ люблю, чтобы въ иныхъ блюдахъ чесночекъ былъ припущенъ. Баранина съ чесночкомъ—прелесть, свѣжепросольный огурчикъ съ чесночкомъ—одинъ восторгъ.

Николай Ивановичъ говорилъ, смакуя, и даже облизывался.

— А я такъ только колбасу съ чеснокомъ люблю, проговорила жена.

— Ну, вотъ видишь, видишь... Стало быть и турецкія кушанья тебѣ будутъ по нутру.

— Ни за что на свѣтѣ! Пусть турокъ изжаритъ мнѣ кусокъ мяса въ родѣ бифштекса—буду ѣсть, а потомъ кофеемъ запью. А турецкихъ блюдъ—ни-ни. Я ѣду въ турецкій ресторанъ только посмотрѣть турецкую обстановку, чтобы знать, какіе турецкіе рестораны бываютъ.

Экипажъ ѣхалъ по мосту, направляясь черезъ Золотой Рогъ въ Стамбулъ.

LIX.

Вотъ нашаго знаменитаго Ая-Софія во всей своего красота на горѣ стоитъ, указалъ Нюренбергъ съ моста супругамъ, когда экипажъ чуть не шагомъ пробирался среди пестрой толпы, спѣшившей съ Селамлика домой на турецкій берегъ Золотаго Рога.

Гигантская мечеть, окруженная минаретами, высилась во всемъ своемъ величіи надъ Стамбуломъ.

— Завтра ее можно будетъ осмотрѣть? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Непремѣнно. Завтра, эфендимъ, мы осмотримъ всѣ лучшаго мечети, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Прежде на этого случая нужно было доставать билетъ и давать бакшишъ направо, бакшишъ налѣво каждаго турецкаго дьячку, а теперь ничего этого не надо. За осмотръ каждаго мечети такса... Вы пріѣзжаете въ мечеть, берете билетъ, котораго стоитъ двадцать піастровъ, и безъ всякаго хлопотъ смотрите, что вамъ угодно. Какъ въ театрѣ; покупаете билетъ для входа и можете гулять и смотрѣть, что хотите. Каждаго мечети стоитъ двадцать піастровъ.

— Да вѣдь это теперь заведено и въ Парижѣ въ соборѣ Нотръ дамъ де-Пари, замѣтила Глафира Семеновна мужу.—Помнишь, мы также взяли билеты и осматривали всю ризничью и другія замѣчательности.

— И все-таки монахи, показывавшіе намъ достопримѣчательности, протягивали руку пригоршней и мы давали имъ по франку, отвѣчалъ тотъ.

Въѣхали на турецкій берегъ и потянулись по длинной улицѣ, по которой также скользили одноконные вагоны желѣзной дороги. Улица была съ каменными домами полуевропейской постройки, съ тротуарами, газовыми фонарями. Нижніе этажи домовъ были заняты отворенными настежъ лавками, съ выглядывающими изъ нихъ турками въ фескахъ, въ европейскомъ платьѣ и въ турецкихъ курткахъ и шароварахъ. Лавки были исключительно съ съѣстными припасами или торгующія топливомъ. Виднѣлись дрова въ вязанкахъ, каменный и древесный уголь. Попадались пустыри со складами строительнаго матеріала—досокъ, бревенъ, кирпича, камня, бочекъ съ цементомъ. Проѣхали мимо маленькаго, упраздненнаго, очевидно, кладбища съ турецкими памятниками—тумбы, увѣнчанныя чалмой, съ нѣсколькими старыми кипарисами, лѣзущими въ небо и полуразвалившейся каменной оградой.

— Диванъ—Іоли... Самаго лучшаго турецкаго улица въ Стамбулъ, отрекомендовалъ Нюренбергъ улицу.—Все равно, что вашего петербургскаго Невскій проспектъ, прибавилъ онъ.

— Вотъ ужъ нисколько-то не похоже! вырвалось у Глафиры Семеновны.—Скорѣй-же эта улица смахиваетъ на Большой проспектъ на Петербургской сторонѣ, но тотъ все-таки куда шире! Не правда-ли, Николай? обратилась она къ мужу.

— Пожалуй, что такъ... Здѣсь такъ же, какъ и на Большомъ проспектѣ, попадаются садики изъ нѣсколькихъ деревьевъ.

— Здѣсь на дворахъ садиковъ много, эфендимъ, сказалъ съ козелъ Нюренбергъ.—Но еще больше этого садиковъ въ маленькаго улица, которыя пересѣкаютъ нашу Диванъ-Іоли. Тамъ дома маленькаго, для одного семейства, деревяннаго дома и почти на каждаго двора есть или садикъ или пять, шесть кипариснаго дерева. Сейчасъ мы свернемъ въ такова улица, и вы будете видѣть самаго настоящаго турецкаго житье... Европейскаго человѣкъ тамъ и на сто турокъ одинъ нѣтъ.

Онъ пробормоталъ что-то кучеру по-турецки, и экипажъ свернулъ въ первую-же улицу, пересѣкавшую Диванъ-Іоли и поѣхалъ шагомъ по мостовой изъ крупнаго камня.

Декорація тотчасъ же перемѣнилась. По правую и по лѣвую сторону узкой улицы жались другъ къ другу небольшіе пестрой окраски домики съ окнами безъ симетріи, прикрытыми деревянными рѣшетчатыми ставнями-жалузи, окрашенными въ зеленый цвѣтъ. Рѣдко гдѣ попадалось окно съ отворенными ставнями, но оно ужъ непремѣнно было изнутри завѣшано густымъ узорчатымъ тюлемъ. Дома были двухэтажные и даже трехэтажные, но такой странной постройки, что второй этажъ выдавался впередъ на улицу надъ первымъ, по крайней мѣрѣ на сажень впередъ, а надъ вторымъ этажемъ выдавался третій, такъ-что у

трехэтажнаго дома образовывались два навѣса на улицу. Ворота между домами, ведущія во дворъ, узенькія деревянныя, тоже пестрой окраски, настолько узки, что въ нихъ пройдетъ развѣ только вьючная лошадь. Изъ-за воротъ, составлявшихъ просвѣты между домовъ, торчали кипарисы и голыя отъ листьевъ, но уже цвѣтшія розовымъ цвѣтомъ миндальныя деревья.

— Вотъ эта улица самаго старо-турецкаго жилье, отрекомендовалъ Нюренбергъ.—Здѣсь на каждаго дворъ есть садъ и въ саду фонтанъ.

— А во дворъ войти и посмотрѣть нельзя? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Пхе! Нѣтъ, низачто на свѣтѣ! отрицательно покачалъ головой Нюренбергъ.—Туда мужскаго персона можетъ войти только съ самаго хозяинъ.

— Отчего?

— Да вѣдь это въ каждаго дома гаремъ.

— Да что вы! удивленно произнесъ Николай Ивановичъ и даже приподнялся съ своего мѣста въ коляскѣ, весь обратившись въ зрѣніе, устремленное на зеленыя рѣшетчатыя ставни.—Глаша! Слышишь? Это гаремы. Вотъ они гаремы-то какіе!

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? отвѣчала супруга, подозрительно-ревниво взглянувъ на мужа.— Чего ты пѣтухомъ-то такимъ встрепенулся? Даже привскочилъ... И глаза заиграли, какъ у кота въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Да я что-же? Я—ничего... нѣсколько опѣшилъ Николай Ивановичъ и продолжалъ:—Такъ

вотъ какіе гаремы-то въ Турціи бываютъ! А жены турокъ—вотъ за этими ставнями? спрашивалъ онъ Нюренберга.

— Да, за этими ставнями, а то такъ на дворѣ, въ саду.

— Но отчего-же на улицѣ никого не видать? Только однѣ собаки.

— А это турецкаго-то кейфъ и есть. Теперь такого время, что турки послѣ обѣда отдыхаютъ. Да и вообще здѣсь всегда тишина и очень мало прохожаго люди. А женскаго жизнь вся на дворѣ. Вотъ, впрочемъ, турокъ съ кувшинами воду несетъ. Вотъ турецкаго дама въ шелковаго капотѣ изъ гостей идетъ.

— На всю-то улицу два человѣка!

— Два да насъ четверо—шесть. Для здѣшняго самаго турецкаго улица это уже много. Тутъ только сами хозяева вотъ отъ этого домовъ ходятъ. А женщины изъ гаремъ вѣдь выходятъ очень рѣдко на улицы.

— Бѣдныя турецкія женщины! вздохнула Глафира Семеновна.—Въ какомъ онѣ стѣсненіи! Развѣ это жизнь! Взаперти, въ четырехъ стѣнахъ! Не смѣютъ даже выглянуть въ окошко.

— О, мадамъ!.. Теперь онѣ всѣ на насъ смотрятъ сквозь жалузи.—Только мы ихъ не видимъ, а онѣ всѣ у оконъ, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Какъ только нашего экипажъ застучалъ съ своего колесы по мостовой—онѣ всѣ бросились къ своего окнамъ и смотрятъ. Здѣсь это большого эпоха, когда экипажъ·

Всѣ у оконъ.—Я вонъ сквозь ставни вижу даже чернаго глаза...

— Да, да. И я вижу, сказала Глафира Семеновна.

— И я, и я вижу! - воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Даже четыре глаза вижу... А вотъ еще...

— Тебѣ какъ не видать! Ты все увидишь! огрызнулась на мужа супруга.

— Глаша, голубушка, за что-же ты сердишься? Вѣдь на то глаза во лбу, чтобы видѣть. Смотрятъ, смотрятъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ оконъ смотрятъ на насъ.

Изъ одного дома сквозь ставни донеслись на улицу звуки рояля. Играли изъ оперетки „Дочь рынка“. Немного погодя къ звукамъ рояля пристали звуки скрипки.

— Это турецкаго дамы музыкой забавляются.

— Бѣдныя! Совсѣмъ какъ въ курятникѣ куры!— опять произнесла Глафира Семеновна.

— И все-таки, мадамъ, теперь ой-ой, какъ больше свободы. А прежде-то что было! Теперь есть много молодаго турки, котораго совсѣмъ либералы и европейскаго люди,—отвѣчалъ Нюренбергъ.

— Да какой тутъ либерализмъ! Что вы! Держатъ женъ въ курятникахъ.

— Ну, теперь вы видѣли самаго настоящаго турецкаго улицу и турецкаго дома, а сейчасъ увидите самаго настоящаго турецкій ресторанъ,— проговорилъ Нюренбергъ и приказалъ кучеру обернуть лошадей.

LX.

Опять выѣхали на улицу Диванъ-Іоли и какъ бы изъ деревенскаго затишья вновь попали въ водоворотъ кипучей городской жизни. Улица упиралась въ площадь съ прекрасными зданіями и мечетью съ минаретами. Не доѣзжая этой площади, экипажъ остановился около одного изъ домовъ, нижній этажъ котораго былъ скрытъ подъ парусиннымъ навѣсомъ.

— Пожалуйте... самаго лучшаго турецкаго ресторанъ, проговорилъ Нюренбергъ, соскакивая съ козелъ.

Супруги вышли изъ экипажа и подлѣзли подъ навѣсъ, гдѣ находился ресторанъ. Двери ресторана были распахнуты и на нихъ висѣли заколотые селезень и пѣтухъ въ перьяхъ. На порогѣ стояло и сидѣло пять-шесть буро-рыжихъ собакъ съ взорами, обращенными въ ресторанъ. Пройдя между собакъ, супруги вошли въ довольно мрачное помѣщеніе, состоящее изъ большой комнаты съ диванами по стѣнамъ и столиками съ мраморными досками около этихъ дивановъ. На диванахъ сидѣли, поджавъ подъ себя одну или обѣ ноги, фески въ бородахъ и усахъ. Одни съ аппетитомъ уписывали что-то съ тарелокъ ложками, другіе, покончивъ съ ѣдой, пили изъ большихъ стакановъ лимонадъ или воду съ вареньемъ и покуривали шипящій наргиле,

съ большимъ усиліемъ втягивая въ себя черезъ воду табачный дымъ. Въ углу какой-то старикъ турокъ съ сѣдой бородой, но съ черными сросшимися въ одну дугу бровями держалъ въ рукахъ остовъ курицы и самымъ аппетитнымъ образомъ обгладывалъ на немъ послѣдніе остатки мяса. На столѣ лежали три-четыре турецкія газеты, но ихъ никто не читалъ. Пахло чадомъ отъ пригорѣлаго жира, ибо у задней стѣны, какъ разъ противъ входа, помѣщался большой закоптѣлый очагъ и около него жарили на древесныхъ угольяхъ вздѣтые на желѣзные прутья куски мяса. Около очага молодой парень въ фескѣ и бѣломъ передникѣ мѣшалъ что-то уполовникомъ въ мѣдномъ горшкѣ, поставленномъ на табуреткѣ. Посреди комнаты, ближе къ входу было возвышеніе, а на немъ прилавокъ, уставленный графинами съ яркими фруктовыми эссенціями для прохладительнаго питья и цѣлыми стопками цвѣтныхъ фаянсовыхъ блюдцевъ и колонками изъ стакановъ, вставленныхъ одинъ въ другой. Тутъ-же стояли вазы съ апельсинами, яблоками, грушами, а съ потолка висѣли на веревкѣ, связанные вмѣстѣ, нѣсколько ананасовъ. Изъ-за прилавка торчала голова турка въ фескѣ и сѣдыхъ усахъ.

При входѣ супруговъ Ивановыхъ въ сопровожденіи Нюренберга, голова турка изъ-за прилавка начала кланяться, при чемъ ко лбу прикладывалась ладонь руки.

Видя такую непривычную обстановку, Глафира Семеновна говорила:

— Николай, я, ей-ей, боюсь... Смотри, какъ на меня подозрительно всѣ смотрятъ.

— Да что, ты душенька! Гдѣ-же подозрительность-то! Напротивъ, я вижу самыя добродушныя лица,—отвѣчалъ мужъ.

Нюренбергъ суетился и предлагалъ супругамъ усѣсться на диванъ за одинъ изъ столиковъ.

— А то такъ можно на галлереѣ помѣститься. Здѣсь есть сзади этаго комната маленькаго галлерея, выходящаго на дворъ, а на дворѣ маленькаго садикъ и фонтанъ,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше здѣсь сядемъ и будемъ въ самомъ центрѣ турецкаго ресторана,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Садись, Глаша, обратился онъ къ женѣ и сѣлъ.

Та все еще не рѣшалась занять мѣсто и спросила Нюренберга:

— Послушайте, Афанасій Иванввичъ, можетъ быть сюда дамы вовсе и не ходятъ?

— Турецкаго дамы—нѣтъ, не ходятъ. А каждаго американскаго леди, каждая англійскаго миссъ, котораго пріѣзжаютъ въ Стамбулъ, всегда бываютъ,—отвѣчалъ проводникъ и захлопалъ въ ладоши.

Изъ-за прилавка вылѣзъ усатый турокъ и, прикладывая ладонь къ фескѣ и къ груди и кланяясь, подошелъ къ супругамъ. Нюренбергъ заговорилъ съ нимъ по-турецки.

— Афанасій Иванычъ, вы карту кушаній у него

потребуйте и по картѣ я выберу себѣ что-нибудь самое распротурецкое,—сказалъ проводнику Николай Ивановичъ.

— Карты здѣсь нѣтъ, а вотъ господинъ кабакджи (т. е. рестораторъ) предлагаетъ самаго лучшаго пилавъ изъ курицы и долмасъ изъ баранины.

— Для меня ничего, кромѣ бифштекса, заявила Глафира Семеновна.—Но пожалуйста скажите хозяину, чтобы не изъ лошадинаго мяса. Мы вдвое заплатимъ, а только чтобы была бычья говядина.

— Я уже спрашивалъ, мадамъ. Бифштексовъ у него поваръ не дѣлаетъ, а если вы желаете, то вамъ приготовятъ самаго лучшаго кусокъ филе на вертелѣ.

— Изъ бычьей говядины? переспросила Глафира Семеновна.

— Да, да. Изъ бычьяго говядина. А про лошадинаго мяса бросьте вы, мадамъ, и думать. Нѣтъ здѣсь такого говядина.

— Какъ-же въ Петербургѣ у насъ всѣ разсказываютъ, что мусульмане просто обожаютъ лошадиное мясо.

— Только не въ Константинополѣ. Вамъ, эфендимъ, пилавъ изъ курицы? обратился Нюренбергъ къ Николаю Ивановичу.

— Вали пилавъ! Пилавъ, такъ пилавъ. А нѣтъ-ли еще чего нибудь потуречистѣе, чтобы было самое распротурецкое?

— Долмасъ.

— А что это за долмасъ такой?

— Жаренаго рисъ и бараньяго мясо въ виноградннаго листьяхъ.

— Такъ это развѣ турецкое блюдо? Мы его у братьевъ славянъ ѣдали. А ты выбери что-нибудь изъ турецкаго-то турецкое.

Нюренбергъ опять началъ съ кабакджи переговоры на турецкомъ языкѣ и наконецъ объявилъ, что есть гусиная печенка съ лукомъ и чеснокомъ.

— Ну, жарь гусиную печенку съ лукомъ и чеснокомъ.

— Баклажаны и маленькаго тыквы можно сдѣлать съ рисомъ и бараньимъ фаршемъ.

— Опять съ рисомъ? Да что это вамъ этотъ рисъ дался!

— Самаго любимаго турецкаго кушанья—рисъ.

— Николай! Да куда ты столько всякихъ разныхъ разностей заказываешь! Заказалъ два блюда — и довольно, останавливала мужа Глафира Семеновна.

— Матушка моя, вѣдь это я не для ѣды, а для пробы. Ну, хорошо. Ну, довольно два блюда—пилавъ и печенка. А что-же сладкое? Надо и турецкое сладкое попробовать. Совѣтую и тебѣ что-нибудь заказать для себя. Къ сладкому ужъ никоимъ образомъ лошадятины тебѣ не подмѣшаютъ, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Пусть подастъ мороженаго, только не сливочнаго, а то я знаю, какія здѣсь могутъ быть сливки!

— Мороженаго, мадамъ, здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Мороженаго мы въ кафе у кафеджи

получимъ. Самаго лучшаго мороженаго. А вотъ у него есть хорошаго яуртъ.

— Это еще что за яуртъ такой?

— А это кислаго молоко съ сахаромъ, съ вареньемъ, съ корица, гвоздика и...

— Довольно, довольно! перебила Нюренберга Глафира Семеновна.—За молоко спасибо. Знаю я, чье здѣсь молоко подаютъ. Вѣдь это то молоко, изъ котораго кумысъ дѣлаютъ.

— О, мадамъ! Зачѣмъ такого подозрительнаго?..

— Ну, такъ вотъ... Мужъ, что заказалъ себѣ, того ему и пусть подадутъ, а мнѣ филе на вертелѣ. Да пожалуйста, чтобы съ соленымъ огурцомъ.

— Кабакджи говоритъ, что есть цвѣтнаго капуста.

— Ну, съ цвѣтной капустой...

Нюренбергъ сталъ по-турецки передавать хозяину ресторана заказъ супруговъ, подошелъ къ его прилавку и что-то выпилъ изъ налитой ему рюмки.

Старикъ турокъ съ большой сѣдой бородой и черными бровями дугой, обглодавъ окончательно остовъ курицы, кинулъ его на улицу сидѣвшимъ на порогѣ ресторана собакамъ и, держа свои сальныя руки растопыренными, направился мыть ихъ къ находящемуся у стѣны фонтанчику-умывальнику.

LXI.

Начали подавать на столъ. Турченокъ-подростокъ, съ почернѣвшей уже усами верхней губой, въ неизбѣжной фескѣ и пестромъ передникѣ до полу, напоминающемъ наши малороссійскія плахты, подалъ прежде всего судокъ съ перцемъ, солью, уксусомъ и горчицей и поставилъ его на непокрытый мраморный столъ. Затѣмъ передъ Глафирой Семеновной была поставлена глубокая тарелка съ накрошенными на мелкіе кусочки мясомъ, изжареннымъ на вертелѣ. Половину тарелки занимали кусочки сочнаго мяса съ вытекающимъ изъ нихъ розовымъ сокомъ, а другую половину неизбѣжный во всѣхъ турецкихъ блюдахъ рисъ съ лукомъ.

— Постой, постой, остановилъ турченка Николай Ивановичъ.—Ты прежде столъ-то скатертью накрой, а потомъ подавай, старался онъ объяснить таращившему на него глаза турченку жестами насчетъ скатерти.—Скатерть... Покрыть...

— Здѣсь, эфендимъ, скатерти не полагается, съ улыбкой отвѣчалъ Нюренбергъ, сновавшій около стола и что-то прожевывающій.

— Какъ не полагается? Отчего?

— Ни въ одного турецкаго ресторанъ не полагается ни скатерть, ни салфетка... Видите, всѣ безъ скатерти кушаютъ. Такой ужъ обычай.

Глафира Семеновна брезгливо глядѣла въ тарелку и говорила:

— Зачѣмъ-же они нарѣзали говядину-то? Что это? Словно кошкѣ... И рису наложили. Я рису вовсе не просила.

— Мадамъ, надо знать турецкаго порядки... наклонился къ ней проводникъ.—Если вамъ они не нарѣзали-бы мясо, то какъ-же вы его кушать станете? Въ турецкаго ресторанѣ ни вилка, ни ножикъ не подаютъ.

— Еще того лучше! Чѣмъ-же мы ѣсть-то будемъ?

— Съ ложкой .. Вотъ хорошаго настоящаго серебрянаго ложка. Здѣсь всѣ такъ.

— Дикій обычай, странный. Но въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Будемъ есть ложками, Глафира Семеновна, сказалъ Николай Ивановичъ, подвигая и къ себѣ поданную ему тарелку съ пилавомъ и ложкой.—Ни скатерти, ни салфетокъ, ни вилокъ, ни ножей... Будемъ въ Петербургѣ разсказывать, такъ никто не повѣритъ.

Онъ зачерпнулъ ложкой пилавъ, взялъ его въ ротъ, пожевалъ и раскрылъ ротъ.

— Фу, какъ наперчено! Даже скулу на сторону воротитъ! Весь ротъ ожгло.

— Хорошаго краснаго турецкаго перецъ... подмигнулъ Нюренбергъ.

— Припустили, нарочно припустили... Русскій, молъ, человѣкъ выдержитъ. Вы ужъ, навѣрное, почтенный, сказали, что мы русскіе?

— Сказалъ. Но здѣсь всѣ такъ кушаютъ. Здѣсь

такого ужъ вкусъ. Турки иногда даже прибавляютъ еще перцу. Вотъ нарочно на столѣ перецъ и поставленъ.

— Скуловоротъ, совсѣмъ скуловоротъ... Боюсь, какъ-бы кожа во рту не слѣзла, продолжалъ Николай Ивановичъ, проглотивъ вторую ложку.

— И ништо тебѣ! Пусть слѣзаетъ. Не суйся въ турецкій ресторанъ. Ну чего тебя понесло именно въ турецкій, если есть европейскіе рестораны! говорила ему жена.

Она все еще не касалась своего кушанья и смотрѣла въ тарелку, пошевеливая ложкой кусочки нарѣзаннаго сочнаго мяса.

— Тутъ, кромѣ перцу и чесноку, что-то есть, продолжалъ Николай Ивановичъ, проглотивъ третью ложку пилава.—Оно вкусно, но очень ужъ забористо. Боюсь, нѣтъ-ли здѣсь сѣрной кислоты... обратился онъ къ проводнику.

— Что вы, что вы, эфендимъ!.. Кушайте и не бойтесь, махнулъ тотъ рукой.—Тутъ краснаго перецъ, лукъ, чеснокъ, паприка, шафранъ и... Эта... Какъ его? Имбирь.

— Ужасно ядовито съ непривычки... Конечно, раза три поѣсть, то можно привыкнуть, потому русскій человѣкъ ко всему привыкаетъ, но... Фу! вздохнулъ вдругъ Николай Ивановичъ, открывъ ротъ.—Надо полагать, что вотъ имбирь-то этотъ и объѣдаетъ все внутри. Вѣдь у меня теперь не только ротъ горитъ, а даже и внутри...

— Горитъ, а самъ ѣшь. Брось... Еще отравишься

и придется мнѣ везти твое мертвое тѣло изъ Константинополя въ Россію... замѣтила ему жена.

— Тьфу, тьфу! Типунъ-бы тебѣ на языкъ! Вѣдь скажетъ тоже! Но отчего ты сама-то не ѣшь? Вѣдь у тебя только жареная говядина и ничего больше, сказалъ онъ.

— Боюсь.

— Да вѣдь жареная говядина ужъ навѣрное безъ перца. Ты попробуй...

Глафира Семеновна осторожно взяла ложкой кусочекъ мяса, пожевала его, сказала—„дымомъ пахнетъ“ и, выплюнувъ въ руку, кинула на порогъ сидѣвшимъ тамъ собакамъ.

Къ куску бросилась одна собака, потомъ другая и произошла легкая трепка изъ-за куска.

— Нѣтъ, я не стану ѣсть, отодвинула Глафира Семеновна отъ себя тарелку.—Лучше ужъ голодомъ буду... Или вотъ хлѣба поѣмъ... Да и сырое мясо. А я не люблю сырого. Я отдамъ бѣднымъ собакамъ, прибавила она.

— Оставь, оставь... Тогда я съѣмъ... остановилъ ее мужъ.—А пилавъ очень ужъ пронзителенъ. Лучше мы его отдадимъ бѣднымъ собакамъ. На вотъ пилавъ... Тутъ есть кусочки курицы.

Они перемѣнились тарелками, и Николай Ивановичъ принялся ѣсть жареное мясо. Къ нему наклонился Нюренбергъ и шепнулъ:

— Можетъ быть, рюмочка водочки хотите? Съ водкой всегда лучше.

— Да развѣ здѣсь есть? воскликнулъ Николай

Ивановичъ и даже бросилъ ложку на мраморный столъ, удивленно смотря на проводника.

— Русскаго нѣтъ, но турецкаго есть. Турецкаго мастика... Мастика называется.

— Глаша! Слышишь, водки предлагаетъ выпить. Въ турецкомъ ресторанѣ водка... обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Да что ты! Послушайте, Афанасій Ивановичъ, сказала та проводнику:—какая-же водка въ турецкомъ ресторанѣ и въ турецкой землѣ! Вѣдь и по закону, по турецкой вѣрѣ...

— О, мадамъ, махнулъ Нюренбергъ рукой.— Все это пустаго сказки и турецкаго люди теперь такъ же пьютъ, какъ и всѣ, особенно въ такой городъ, какъ Константинополь. Не пьютъ такъ, чтобы всякаго видѣлъ, но по секрету пьютъ. Магометъ запретилъ для исламскаго люди вино, винаграднаго вино, а мастика—не вино. Мастика—это все равно, что вашего русскаго наливка. Да и вино пьютъ! прибавилъ онъ.

— Такъ давайте, почтеннѣйшій, скорѣй давайте. Велите скорѣй подать рюмку турецкой водки, торопилъ Николай Ивановичъ Нюренберга.— Съ водкой куда лучше...

— А мнѣ за вашего здоровье можно? спросилъ тотъ.

— Пей, братецъ, пей—что тутъ разговаривать!

По приказанію проводника турченокъ подалъ большую рюмку толстаго стекла, на половину налитую прозрачнымъ, какъ вода, содержимымъ.

— Турецкую водку пьемъ... Ахъ, ты, Господи! умилился Николай Ивановичъ, глядя на рюмку и приготовляясь выпить. — Только зачѣмъ-же онъ полъ-рюмки налилъ? Мы полнымъ домомъ у себя въ Петербургѣ живемъ, спросилъ онъ проводника.

— Такого ужъ турецкаго обычай. Вездѣ такъ.

Николай Ивановичъ выпилъ, посмаковалъ и сказалъ:

— Да это простая подслащенная анисовая водка, какъ нашъ Келлеровскій допель-кюмель.

— Вотъ, вотъ... Только крѣпче... Здѣсь самаго крѣпкаго спиртъ, подмигнулъ Нюренбергъ.

Глафира Семеновна смотрѣла исподлобья на только что выпившаго мастики мужа и говорила:

— А я-то радовалась, а я-то торжествовала, что мы въ такой городъ пріѣхали, гдѣ ни водки, ни вина ни за какія деньги достать нельзя!

LXII.

Глафира Семеновна такъ ничего и не ѣла въ турецкомъ ресторанѣ. Кабакджи очень сожалѣлъ объ этомъ, ахалъ, разводилъ руками, предлагалъ ей черезъ переводчика скушать хоть цвѣтной капусты, но она отказалась. Николай Ивановичъ съѣлъ жаренаго мяса съ поданнымъ на салатъ громаднымъ соленымъ томатомъ, опять

сильно наперченнымъ; гусиной печенки онъ не могъ ѣсть. Это было что-то чрезмѣрно жирное, плавающее въ гусиномъ салѣ и въ тоже время сладкое, перемѣшанное чуть-ли не съ пюре изъ чернослива или винныхъ ягодъ. Печенка была скормлена собакамъ, и супруги отправились. Николаю Ивановичу очень хотѣлось остаться и пображничать въ турецкомъ ресторанѣ, выпить еще рюмку мастики и выкурить наргиле, но супруга не дозволила.

— Довольно, довольно, сказала она.—Поѣдемъ домой. Меня и корсетъ жметъ и вся я, какъ вареная, до того устала. Вѣдь мы въ вагонѣ такъ плохо спали. Что? Трубку водяную хочешь испробовать? Успѣешь. Мы не на одинъ день въ Константинополь пріѣхали. По турецкимъ кабакамъ-то еще придется шляться.

— Скушай ты хоть сладкаго пирога съ вареньемъ? Тутъ есть сладкій пирогъ, предлагалъ мужъ.

— Ничего я не буду здѣсь ѣсть. Афанасій Иванычъ купитъ мнѣ фунтъ швейцарскаго сыру и булокъ по дорогѣ и я въ гостинницѣ закушу.

Пришлось отправиться домой.

Опять потянулась длинная Диванъ-Іоли. Ѣхать по улицамъ было уже свободнѣе. Народъ разошелся по своимъ домашнимъ щелямъ и не наводнялъ больше ни улицы, ни мостъ. Даже собаки перестали бродить посреди улицы и лежали на тротуарахъ, прижавшись къ цоколямъ домовъ.

Переѣхали мостъ, миновали Галату и стали подниматься по Большой улицѣ Перы. Здѣсь также наполовину улеглось движеніе. Только носильщики и вьючные ослы и лошади тащили куда-то тюки и ящики. Даже въ окнахъ кофеенъ порѣдѣли сидѣвшія тамъ турецкія фески и европейскія шляпы котелкомъ. Начались, очевидно, часы обыденнаго затишья. Даже приказчики изъ французскихъ магазиновъ высыпали на пороги своихъ лавокъ и, покуривая папиросы, позировали, выставляя то одну, то другую ногу въ пестрыхъ брюкахъ впередъ и держа праувю руку за жилетомъ около цвѣтнаго галстуха шарфомъ. Изрѣдка только въ какой-нибудь парфюмерной лавкѣ подъѣзжала двухмѣстная карета, изъ нея выходила аристократка-турчанка съ закутаннымъ лицомъ и въ шляпкѣ съ цѣлой пирамидой цвѣтовъ и перьевъ и въ сопровожденіи соскочившаго съ козелъ ливрейнаго евнуха исчезала въ дверяхъ склада благовонныхъ товаровъ. Зато надъ магазинами, въ верхнихъ окнахъ домовъ появились головы и бюсты гречанокъ, армянокъ и евреекъ съ необыкновенно развитой черной шевелюрой. Эти барыни, очевидно, уже пообѣдали, лежали на подушкахъ на подоконникахъ и смотрѣли на улицу.

Экипажъ подкатилъ къ гостинницѣ. Изъ подъѣзда выскочилъ рослый гайдукъ въ черногорскомъ костюмѣ и сталъ помогать супругамъ выходить изъ коляски. Въ вестибюлѣ опять лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, распорядители во фра-

кахъ и съ воротничками, упирающимися въ подбородокъ и не позволяющими вертѣться головѣ, турченки асансера въ фескахъ и синихъ курткахъ. Къ супругамъ подошелъ длинный, какъ сельдь, англичанинъ въ рейтфракѣ и бѣлыхъ суконныхъ панталонахъ, рекомендовался директоромъ компаніи, которая содержитъ гостинницу и на плохомъ французскомъ языкѣ заговорилъ съ ними.

— Вуаля, монсье... Се ма фамъ... Она понимаетъ... а муа—плохо...—указалъ ему Николай Ивановичъ на жену.

Англичанинъ, держась какъ палка, обратился къ Глафирѣ Семеновнѣ и говорилъ ей что-то довольно долго, но наконецъ поклонился и ретировался.

— Объ чемъ онъ?—спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Говоритъ, что если мы проживемъ у нихъ въ гостинницѣ болѣе десяти дней и будемъ аккуратно посѣщать табель-дотъ, то онъ скинетъ намъ съ общаго счета пятнадцать процентовъ. „Очень, говоритъ, жаль, что вы не взяли у насъ сегодня второго завтрака".

— А изъ-за завтрака ихняго прозѣвали-бы султана? Вѣчная, старая заграничная исторія. Хотятъ на арканѣ въ свою столовую тянуть.

Только что хотѣли они влѣзать въ подъемную машину, какъ подошелъ распорядитель съ таблеткой и карандашомъ въ рукахъ.

— Надѣюсь, что вы сегодня посѣтите, монсье

и мадамъ, нашу столовую и будете обѣдать у насъ? сказалъ онъ.—Обѣдъ у насъ въ восемь.

— Вуй, вуй!.. отвѣчалъ Николай Ивановичъ, понявъ слово: „дине“ и „саль а манже“—и махнулъ рукой распорядителю.

— Вотръ номъ, монсье?

— Ивановъ... Николя Ивановъ и мадамъ Глафиръ Ивановъ...

Распорядитель поклонился и сталъ записывать въ таблетки.

Подъемная машина свистнула и начала подниматься.

Вотъ супруги въ своей комнатѣ. Опереточная горничная около Глафиры Семеновны и спрашиваетъ ее, сейчасъ она будетъ переодѣваться къ обѣду или потомъ.

— Алле, алле... Я сама... Же сюи фатиге... Мерси... машетъ Глафира Семеновна горничной, помогающей ей раздѣться, сбрасываетъ съ себя лифъ, корсетъ и остается въ юбкѣ.—Принесите мнѣ чашку кофе съ молокомъ и булку, приказываетъ она.

Горничная смотритъ на нее недоумѣвающе и исчезаетъ.

Сбрасываетъ съ себя Николай Ивановичъ визитку и жилетъ и валится на диванъ.

— Фу! Усталъ, произноситъ онъ.

Стукъ въ дверь. Стучитъ Нюренбергъ. Глафира Семеновна накидываетъ на себя платокъ и впускаетъ его.

— Когда прикажете, эфендимъ, явиться къ вашего услуга?

— Послушайте, милѣйшій, намъ сегодня хотѣлось бы куда-нибудь въ театръ, говоритъ ему Николай Ивановичъ.

— Вы съ вашего супруга хотите?

— Да, да, да... Не сидѣть-же ей дома. Она-то главная театральщица у меня и есть.

— Нашего театръ все такого, куда дамскаго полъ не ходитъ. Тутъ кафе-шантанъ.

— Отчего не ходятъ? Съ мужемъ и въ кафе-шантанъ можно.

— Тутъ у насъ все такого кафе-шантанъ, что нашаго извощики сидятъ, нашего лодочники, нашего солдаты и матросы.

— Но вѣдь тѣ въ дешевыхъ мѣстахъ сидятъ, а мы возьмемъ первыя мѣста.

— Въ константинопольскаго кафе-шантаны всѣ мѣста одного сорта.

— Но неужели у васъ нѣтъ настоящаго большаго театра? Оперы, напримѣръ, драмы.

— Теперь нѣтъ. Пріѣзжала маленькаго итальянскаго опера, но теперь уѣхала, пріѣзжала труппа французскаго актеровъ, а теперь она въ Адріанополѣ.

— Да намъ не нужно итальянскаго и французскаго. Вы намъ турецкій театръ покажите. Чтобы на турецкомъ языкѣ играли.

— На турецкаго языка?

Нюренбергъ задумался, но тотчасъ-же ударилъ себѣ рукой по лбу и сказалъ:

— Есть на турецкаго языка. Французскаго оперетка на турецкаго языкъ.

— Вотъ, вотъ... Такой театръ намъ и давайте. Нѣтъ-ли еще драмы турецкой какой нибудь позабористѣе, но чтобы играли турки и турчанки.

— Турецкаго оперетка есть, но играютъ ее и хоть на турецкаго языкѣ, армянскаго, греческаго и еврейскаго мужчины и дамы.

— А отчего-же не турки и турчанки?

— Пхе... Какъ возможно! А шейхъ-ульисламъ? Онъ такого трепку задастъ, что бѣда!..

— Ну, такъ добудьте намъ билеты въ турецкую оперетку съ армянами и греками.

Нюренбергъ поклонился и ушелъ. Появилась горничная и объявила, что подать кофе теперь нельзя, потому что повара всѣ заняты приготовленіемъ обѣда, а гарсоны накрываютъ въ столовой на столъ.

— Кофе съ молокомъ и хлѣбомъ у насъ въ гостинницѣ можно получить только отъ семи часовъ утра до одиннадцати, сказала она, разумѣется, по-французски.

— Подлецы! Вотъ вамъ и европейскій ресторанъ! сердито проговорила Глафира Семеновна, развернула сыръ и булки, купленные ей Нюренбергомъ по пути въ гостинницу, и жадно принялась закусывать.

LXIII.

Въ шесть часовъ въ корридорѣ раздался пронзительный звонокъ. Супруги, лежавшіе въ дезабилье—одинъ на диванѣ, другая на кровати и отдыхавшіе, всполошились.

— Что такое? Ужъ не къ обѣду-ли? вскочила Глафира Семеновна.—А я еще и не одѣта.

— Какъ-же, душечка, къ обѣду. Давеча оберкельнеръ явственно сказалъ, что обѣдъ въ восемь часовъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Звонокъ повторился съ большею силой.

— Такъ спроси. Накинь пиджакъ, выди въ корридоръ и спроси, продолжала Глафира Семеновна.—Очень ужъ трезвонятъ пронзительно. Не пожаръ-ли?

Николай Ивановичъ вышелъ въ корридоръ. Къ нему тотчасъ-же подскочила горничная.

— Кескесе? спрашивалъ онъ ее. — Звонятъ. Пуркуа?

И онъ сдѣлалъ рукой жестъ, показывая, что звонятъ.

Горничная, лукаво улыбаясь, стала объяснять по-французски, что звонятъ это къ чаю, который теперь будутъ давать въ салонѣ и въ кабине де лектюръ. Николай Ивановичъ понялъ только слово „те“, то есть чай.

— Какой те? Команъ? недоумѣвалъ онъ, но

изъ недоумѣнія его вывелъ Нюренбергъ, который явился съ купленными на спектакль билетами и подошелъ къ нимъ. Онъ объяснилъ, что здѣсь въ гостинницѣ за два часа до обѣда всегда подаютъ, по англійскому обычаю, чай въ гостиныхъ и при этомъ постояльцы-англичане принимаютъ пришедшихъ къ нимъ съ визитами гостей.

— Какой чай? Это по-англійски въ маленькихъ чашечкахъ, сваренный какъ вакса и съ бисквитами? спросилъ Николай Ивановичъ.

Нюренбергъ кивнулъ головой и прибавилъ:

— Самаго лучшаго англійскаго общество бываетъ.

— Чортъ съ нимъ съ лучшимъ англійскимъ обществомъ! Ахъ, шуты гороховые! Изъ-за чашки чаю такъ трезвонить! А мы-то переполошились! Думали, не загорѣлось-ли что.

Нюренбергъ вручилъ билеты и сказалъ:

— Въ девять часовъ начало. Самаго лучшаго оперетка идетъ: „Маскотъ". Около девяти часовъ я буду къ вашего услугамъ, поклонился онъ.

— Съ экипажемъ?

— Это два шага... Какъ разъ рядомъ съ нашего гостинница, въ городскомъ саду.

— Ахъ, это гдѣ такое множество собакъ лежитъ? Знаю.

— Вотъ, вотъ... Балконъ вашего комната даже выходитъ въ садъ, такъ зачѣмъ экипажъ? Мы можемъ и пѣшкомъ дойти. Экипажъ послѣ девяти часовъ стоитъ три франка за курсъ. О, Нюрен-

бергъ умѣетъ соблюдать экономи своего кліентовъ! похвастался онъ и ретировался, прибавивъ:—Въ девять часовъ начало, но можете и опоздать на полчаса, такъ какъ турецкаго представленія всегда опаздываютъ.

Николай Ивановичъ хотѣлъ уже юркнуть къ себѣ въ номеръ, но передъ нимъ, какъ изъ земли выросъ ихъ спутникъ по вагону, англичанинъ. Оказалось, что дверь его комнаты приходилась наискосокъ отъ комнаты супруговъ. Онъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ бѣломъ атласномъ жилетѣ и съ розой въ петлицѣ.

— Те... Алонъ, монсье, прандръ дю те... приглашалъ онъ Николая Ивановича, улыбаясь и при этомъ скаля длинные зубы.

— Нонъ, братъ, мерси. Ну, тебя въ болота! Мы этого вашего англійскаго декогта не любимъ. Мерси.

Англичанинъ вынулъ изъ кармана завернутый въ бумагу старинный мѣдный старообрядческій крестъ и показалъ свое археологическое пріобрѣтеніе Николаю Ивановичу.

— Вьель шозъ... Е сельманъ карантъ франкъ (т. е. древняя вещь И всего сорокъ франковъ), похвастался онъ.

— Нашъ русскій, кивнулъ ему Николай Ивановичъ.—У насъ такіе кресты называются олонецкими. Ну, о ревуаръ, монсье, прибавилъ онъ и направился въ свой номеръ, гдѣ и сообщилъ женѣ о причинѣ звонка.

— Вѣдь вотъ англійскимъ жильцамъ угождаютъ, чай имъ по-англійски подаютъ, проговорилъ онъ, снова укладываясь съ папироской на диванъ.—А нѣтъ того, чтобы русскимъ постояльцамъ угодить и подать хоть въ тотъ-же салонъ русскій самоварчикъ да по-русски чайку-то изобразить, съ медкомъ, благо теперь постъ.

Въ семь часовъ въ корридорѣ опять звонокъ. Опять выскочилъ въ корридоръ Николай Ивановичъ, чтобы узнать, къ чему теперь звонятъ, и опять наткнулся на горничную, которая сообщила ему, что это первый звонокъ къ обѣду, и вмѣстѣ съ нимъ вошла въ комнату и стала предлагать Глафирѣ Семеновнѣ помочь одѣваться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мерси... Я сама... замахала руками Глафира Семеновна.

— Букетъ цвѣтовъ для мадамъ не надо-ли или хорошую розу? спрашивала она.

— Пуркуа? Нонъ, нонъ.

— А для господина розу?

— Вотъ еще что выдумала! Нонъ, нонъ, мерси. Для тебя розу къ обѣду предлагаетъ, сообщила Глафира Семеновна мужу.

Тотъ только улыбнулся и отвѣчалъ горничной по-русски:

— Съ водкой Смирнова № 21 мы привыкли, душечка, обѣдать, а не съ розами.

Горничная удалилась недоумѣвающая и недовольная.

Стукъ въ дверь. Появился старикъ турокъ въ фескѣ и въ передникѣ, тотъ самый, который приходилъ давеча утромъ и съ которымъ Николай Ивановичъ упражнялся въ разговорѣ по-турецки. На поясѣ его висѣли, поверхъ передника, двѣ сапожныя щетки на веревкѣ.

— Кейфинизъ эйи ми диръ (т. е. здравствуйте),— привѣтствовалъ онъ Николая Ивановича, приложа руку ко лбу и, продолжая бормотать по-турецки, указывалъ ему на его сапоги.

— Сапоги, другъ, почистить пришелъ? Не надо, не надо. Спасибо... Шюкюръ... Чисты у меня сапоги...

Старикъ-турокъ, однако, не захотѣлъ уйти ни съ чѣмъ, онъ сдвинулъ свои брови, подскочилъ къ сидѣвшему на стулѣ и курившему папиросу Николаю Ивановичу, присѣлъ около его ногъ и, поплевавъ на щетку, принялся начищать ему сапоги.

— Вотъ неотвязчивый-то! Ну, чисть, чисть...— улыбнулся Николай Ивановичъ и ужъ протянулъ ему и второй сапогъ.—Однако, ты, Глаша, въ развращенномъ-то видѣ не сиди, а одѣвайся и приготовляйся къ обѣду. Теперь ужъ скоро.

— Да что-жъ мнѣ особенно-то приготовляться! Корсетъ надѣть, да лифъ—вотъ и все. Въ этомъже платьѣ я и къ обѣду пойду,—отвѣчала Глафира Семеновна и, не стѣсняясь передъ старикомъ-туркомъ, сбросила съ плечъ платокъ и начала надѣвать корсетъ.

Въ корридорѣ давали второй звонокъ къ обѣду. Старикъ-турокъ начистилъ Николаю Ивановичу сапоги и съ словомъ „адье“ удалился изъ комнаты.

— Надѣть развѣ мнѣ бѣлый жилетъ?—спросилъ жену Николай Ивановичъ.—Здѣсь, очевидно, къ таблъдоту-то выходятъ во всемъ парадѣ. Давеча нашъ англичанинъ во фракѣ отправился.

— Да надѣнь. И для театра послѣ обѣда будетъ хорошо,—отвѣчала супруга и стала гофрировать себѣ шпилькой волосы на лбу для челки.

— Надѣнь брилліантовую брошку, серьги и браслетку. Утри носъ здѣшнимъ-то англичанкамъ,—сказалъ ей супругъ.

— Непремѣнно.

А въ корридорѣ гремѣлъ уже третій звонокъ къ обѣду.

LXIV.

Вошли супруги въ столовую гостинницы и остановились въ удивленіи. Столовый залъ, залитый огнями отъ спускавшихся съ потолка керосиновыхъ лампъ и стоявшихъ на столахъ канделябръ, былъ наполненъ изящно одѣтыми дамами и кавалерами, нарядившимися точно на балъ. Мужчины были всѣ во фракахъ, а дамы въ платьяхъ декольте, въ перчаткахъ и съ вѣерами. Почти у всѣхъ дамъ на груди или въ рукахъ

были живые цвѣты... у кого розы, у кого фіалки, у кого ландыши съ резедой. Большинство мужчинъ также имѣло по цвѣтку въ петличкѣ фраковъ. Исключеніе въ костюмахъ представляли только красивый полный усачъ въ фескѣ и черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и супруги Ивановы. Николай Ивановичъ былъ даже въ свѣтло-сѣрой пиджачной парочкѣ и бѣломъ жилетѣ. Общество бродило между множествомъ небольшихъ столиковъ, прекрасно сервированныхъ и разставленныхъ по залу. Столы были накрыты на пять персонъ, на четыре, на три и на двѣ и переполнены самой разнообразной посудой для питья и ѣды. Французская и преимущественно англійская рѣчь такъ и звенѣла. При входѣ супруговъ, всѣ взоры устремились на нихъ, и фрачники начали шептаться съ своими дамами и кивать по направленію супуговъ. Николаю Ивановичу сдѣлалось неловко. Онъ не зналъ, куда дѣть руки.

— Фу, что это они вырядились, какъ на балъ во дворецъ! проговорилъ онъ женѣ.

— Да вѣдь въ большихъ заграничныхъ гостинницахъ почти всегда такъ, отвѣчала та.—Помнишь, мы обѣдали въ Гранъ-Отель въ Парижѣ...

— Ну, что ты... Были фраки и бальныя дамы но куда меньше. А здѣсь вѣдь поголовно.

— Въ Ниццѣ въ Космополитенъ, въ Неаполѣ. Англичане это любятъ.

— Все-таки тамъ куда меньше. А вѣдь въ Неаполѣ-то мы жили въ самой распроанглійской го-

стинницѣ. Ужасно стѣснительно! Не люблю я этого. Выставка какая-то.

— Да и я не люблю,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Только я не понимаю, отчего ты не надѣлъ черной визитки? Вѣдь ужъ по здѣшнимъ лакеямъ на манеръ лордовъ можно было догадаться, что здѣсь за табль-дотомъ парадъ.

— Ну, ладно! Попа и въ рогожѣ знаютъ!— пробормоталъ мужъ.

— Здѣсь не знаютъ, какой ты попъ.

— По твоимъ брилліантамъ могутъ догадаться, что мы не изъ прощалыгъ.

— Дѣйствительно, смотри, какъ смотрятъ на тебя, замѣтила Глафира Семеновна.

— А вотъ я имъ сейчасъ такую рожу скорчу, что не поздоровится.

— Брось. Не дѣлай этого.

— Ей-ей, сдѣлаю, если очень ужъ надоѣдятъ.

Но къ супругамъ подскочилъ оберъ-кельнеръ съ таблетками и карандашомъ и предложилъ имъ столикъ съ двумя кувертами, за который они и усѣлись.

— Какое вино будете вы пить, монсье? спросилъ онъ Николая Ивановича, останавливаясь передъ нимъ въ вопросительной позѣ.

— Боже мой! Да здѣсь, оказывается вездѣ пьютъ вино!—воскликнула Глафира Семеновна.— А въ Петербургѣ мнѣ разсказывали, что у турокъ вино можно получить только по секрету, контрабандой, какъ въ Валаамскомъ монастырѣ.

— Пустое. Наврали намъ. Столько здѣсь иностранцевъ, да чтобы они жили безъ вина!

— Лафитъ, Марго, Мускатъ люнель, венъ де пейи? — спрашивалъ оберъ-кельнеръ, дожидаясь отвѣта.

— Ну, венъ де пейи,—отвѣтилъ Николай Ивановичъ и прибавилъ, обратившись къ женѣ:— Попробуемъ мѣстнаго турецкаго вина. Видишь, у турокъ даже свое вино есть.

Но вотъ два поваренка, одинъ изъ коихъ былъ негръ, въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи, внесли въ столовую большую кастрюлю съ супомъ и поставили ее на нарочно приготовленный столикъ. Пришелъ полный усатый метрдотель въ бѣломъ и принялся разливать супъ въ тарелки. Присутствующіе стали размѣщаться за столами. Захлопали пробки, вытягиваемыя изъ бутылокъ, зазвенѣли ложки о тарелки. Николай Ивановичъ взялъ меню обѣда и сосчиталъ кушанья.

— Девять блюдъ, сказалъ онъ.

— И навѣрное я изъ нихъ буду ѣсть только три, улыбнулась жена.

— Отчего? Боишься, чтобы лошадинымъ мясомъ не накормили? Здѣсь, матушка, кухня европейская.

— Да вѣдь ты знаешь мою осторожность. И при европейской кухнѣ могутъ улитками и всякой другой дрянью накормить. Да и сыта я. Вѣдь я только что часъ назадъ бутерброды съ сыромъ ѣла.

Подали по полъ-тарелкѣ супу, какого-то зелено-

фисташковаго цвѣта и съ кнелью. Глафира Семеновна заглянула въ меню, попробовала прочитать и сказала:

— Поди, разбери, изъ чего супъ! Какіе-то каракули написаны.

Она дрызгала ложкой по тарелкѣ и отодвинула отъ себя тарелку. Мужъ съѣлъ всю порцію и проговорилъ:

— По три ложки около каждаго прибора положено для всякихъ потребъ, а по полъ-тарелки супу подаютъ. Хорошо, что я давеча пилавомъ и турецкимъ бифштексомъ позаправился. Да даже меньше полутарелки.

За супомъ шелъ горъ-девръ. Подавали сардины, вестфальскую ветчину. Глафира Семеновна съѣла сардинку.

— Смотри, смотри, и турокъ-то ветчину ѣстъ, указала она мужу на усача въ फескѣ, помѣстившагося за столикомъ, какъ разъ рядомъ съ ними, и прибавила:—Все шиворотъ на выворотъ. А ѣхавши сюда, я думала, что и свинина-то въ Турціи запрещена.

Усачъ въ фескѣ, сидѣвшій съ какой-то красивой полной дамой съ развязными манерами, превесело разговаривалъ съ ней по-французски и съ особеннымъ аппетитомъ уписывалъ тоненькіе ломтики жирной вестфальской ветчины. Николай Ивановичъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Да, дѣйствительно, не ѣстъ, а жретъ. Видно, все запретное-то мило. Впрочемъ, можетъ быть,

онъ не турокъ, а грекъ. Вѣдь здѣсь и греки фески носятъ и даже вонъ нашъ жидюга проводникъ. Спроси-ка, Глаша, по-французски у лакея—турокъ это или нѣтъ. Можетъ быть, лакей знаетъ.

Глафира Семеновна обратилась съ вопросомъ къ оберкельнеру, принесшему имъ двѣ полубутылки вина краснаго и бѣлаго—и тотъ отвѣчалъ утвердительно.

— Это аташе изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ его «птитъ фамъ», прибавилъ онъ тихо и наклоняясь къ супругамъ.—Она француженка, пѣвица.

— Батюшки! Да онъ и винище хлещетъ! воскликнула Глафира Семеновна, дернувъ мужа за рукавъ.—Гляди. Даже не стѣсняясь, пьетъ. Да... Все. что намъ разсказывали про Турцію, вышло шиворотъ на выворотъ.

— Да вѣть это какъ и у насъ... отвѣчалъ мужъ.—Намъ, православнымъ, по постамъ мясо запрещено, а мы ѣдимъ. Да и не одни мы, міряне, а и духовенство.

— Про турокъ вообще говорили, что они такъ строго къ своей вѣрѣ относятся. А тутъ ветчину жретъ, винище лопаетъ, съ содержанкой-француженкой сидитъ. Вѣдь эта француженка-то для него считается гяурка. Всѣхъ европейцевъ турки гяурами называютъ, а гяуръ по ихнему, значитъ собака. Я читала въ книгѣ.

— Эхъ, матушка! Всѣ люди—человѣки и во грѣхахъ рождены. Вѣдь вотъ ты лѣсника Трешки-

на знаешь. Безпоповщинскую молельну у себя имѣетъ, на свои иконы людямъ не его согласія перекреститься не дозволитъ, а акробатку итальянку на содержаніи держалъ, въ Великомъ посту ей въ Аркадіи пикники съ цыганами закатывалъ, разсказывалъ Николай Ивановичъ, отпилъ изъ стакана вина, посмаковалъ и прибавилъ: — А турецкое красное винцо не дурно.

Подали на рыбу двѣ маленькія скумбріи.

— Что это? Только по рыбкѣ на человѣка? удивился онъ.—Да тутъ и облизнуться нечѣмъ. Освѣщенія много, посуды много, а ужъ ѣды куда мало подаютъ... Хорошо, что ты не будешь рыбу ѣсть, такъ я твою порцію съѣмъ. Вѣдь не будешь?

— Само собой, не буду. Это какая-то змѣя.

— Ну, вотъ! Скажетъ тоже! А вѣдь рыба-то плавала, улыбнулся Николай Ивановичъ, налилъ себѣ бѣлаго вина, выпилъ и сказалъ:—А бѣлое вино еще лучше краснаго. Молодцы турки! Хорошее вино дѣлаютъ. А при эдакомъ хорошемъ винѣ да не пить его, такъ что-бы это и было! закончилъ онъ и принялся ѣсть рыбу.

Н. А. Лейкинъ.

LXV.

Обѣдъ кончился. Изъ девяти блюдъ Глафира Семеновна кушала только ростбифъ съ салатомъ, зеленые бобы и мороженое. Николай Ивановичъ остался обѣдомъ не доволенъ.

— Очень ужъ мизерны порціи, а вѣдь восемь франковъ за обѣдъ дерутъ. Много свѣту, много посуды всякой, а голодновато,—сказалъ онъ послѣ кофе.

— Да неужели ты еще ѣсть хочешь?—удивилась супруга.

— То есть какъ тебѣ сказать... Голоденъ не голоденъ, а вплотную не поѣлъ. Предложи мнѣ сейчасъ тарелку щей кислыхъ—съ удовольствіемъ съѣмъ.

— Смотри, смотри... Турокъ-то съ своей мамзелью абрикотинъ пьютъ. Вотъ тебѣ и трезвое мусульманство!

— Это ужъ онъ на загладку, а давеча, кромѣ столоваго вина, шампанское съ ней пилъ.

Англичане стали вставать изъ-за стола. Мужчины отправлялись курить въ кабинетъ для чтенія, а дамы въ салонъ, гдѣ вскорѣ раздались звуки рояля. Проходя мимо супруговъ, всѣ опять смѣривали взорами сѣрый костюмъ Николая Ивановича и разсматривали брилліанты Глафиры Семеновны.

Даже знакомый супругамъ по вагону англичанинъ какъ-то сторонился отъ нихъ и прошелъ мимо, не остановившись. Очевидно, отсутствіе фрачной пары на Николаѣ Ивановичѣ было въ глазахъ ихъ чуть-ли не преступленіемъ.

— Нѣтъ, сюда ужъ меня обѣдать больше калачомъ не заманишь,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Воробьиныя порціи подаютъ, да и чопорно очень.—Ну, теперь въ театръ. Посмотримъ, какой театръ у турокъ,—прибавилъ онъ, вставая.

Когда они уходили изъ столовой, турокъ въ фескѣ все еще сидѣлъ за столомъ съ своей дамой. Они ѣли жареный съ солью миндаль и ужъ пили мараскинъ изъ длинной четырехугольной бутылки, обтянутой водорослями.

Въ вестибюлѣ ихъ встрѣтилъ Нюренбергъ. Лицо его было красно и отъ него значительно припахивало виномъ.

— Въ самый разъ теперь въ театръ. Къ самому началу явимся,—сказалъ онъ и даже слегка покачнулся.

Въ сопровожденіи Нюренберга супруги вышли на улицу и пошли пѣшкомъ. Пера, хотя и не роскошно, но освѣщалась газомъ. Движеніе на улицѣ было не особенное. Магазины были уже всѣ закрыты. Тротуары сплошь заняты свернувшимися въ калачикъ и спящими собаками, такъ что ихъ пришлось обходить. Театръ дѣйствительно находился недалеко отъ гостинницы. Обогнули они рѣ-

шетку городскаго сада и показался красный фонарь, висѣвшій у подъѣзда театра.

— А электрическаго освѣщенія у васъ въ Константинополѣ нѣтъ? спросилъ Николай Ивановичъ Нюренберга.

— Тсъ... Боже избави! Нашъ султанъ боится и электрическаго освѣщенія и телофоннаго проволока. Думаетъ, что его взорветъ, отвѣчалъ Нюренбергъ.

— Но вѣдь телеграфъ-то у васъ есть, а это тоже электричество.

— Подите и поговорите съ султаномъ! Насчетъ телефона его какъ просили—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

У театра не было ни одного экипажа, но стоялъ полицейскій солдатъ и ѣлъ насыпанныя въ перчатку зерна кукурузы или бобовъ, вынимая ихъ по зернышку. Супруги вошли въ театръ. Въ коридорѣ потертая замасленная феска осмотрѣла у нихъ билеты и пропустила ихъ въ залъ. Залъ былъ довольно большой, нѣсколько напоминающій залъ театра Неметти, но плохо освѣщенный. Пахло керосиномъ. Висѣлъ занавѣсъ съ объявленіями на французскомъ и греческомъ языкахъ. Публиковались мыло, притиранія, шляпы, перчатки и татерсаль. Публики въ театрѣ почти совсѣмъ не было. Изъ двухъ ярусовъ ложъ была занята только одна. Въ ней сидѣли три армянки: одна старая въ маленькой плоской голубой шапочкѣ и двѣ молоденькія, очевидно, ея дочери и очень хорошенькія, смуглыя, какъ жучки, да въ первомъ ряду креселъ

пожилой турокъ въ фескѣ читалъ газету, вздѣвъ золотое пенснэ на носъ. Въ оркестрѣ былъ только одинъ музыкантъ—барабанщикъ. Онъ сидѣлъ около своего барабана и ужиналъ. Держалъ въ одной рукѣ кусокъ бѣлаго хлѣба, а въ другой кусокъ сыру и откусывалъ попеременно по кусочку того и другого. Супруги усѣлись во второмъ ряду креселъ. Нюренбергъ сѣлъ сзади ихъ въ третьемъ ряду и дышалъ на Глафиру Семеновну смѣсью виннаго перегара, чесноку и луку, такъ что та невольно морщилась и сказала:

— Здѣсь городъ-то не трезвѣе нашихъ городовъ. Не такъ я себѣ воображала Константинополь.

— О, мадамъ, турки пьютъ еще больше, чѣмъ европейскаго народъ, но они пьютъ такъ, чтобы никто не видалъ, отвѣчалъ Нюренбергъ.—И турецкаго дамы пьютъ. Турецкаго дамы пьютъ даже одеколонъ.

— Послушайте, Нюренбергъ, что-же публики-то нѣтъ? Неужели такъ и будетъ? спросилъ проводника Николай Ивановичъ.—Да и музыкантовъ еще нѣтъ.

— Здѣсь всегда очень поздно собираются, эфендимъ. Еще прійдетъ публика. Но не думайте, чтобъ публики здѣсь столько было, какъ въ европейскаго театръ. Нѣтъ, нѣтъ. Здѣсь если пять стульевъ пустыхъ и шестого занято, то актеры ужъ очень рады и весело играютъ. А музыканты—я знаю, гдѣ музыканты. Они въ ресторанѣ Космо-

политенъ за обѣдомъ играютъ, и какъ тамъ обѣдъ кончится, сейчасъ сюда придутъ.

Въ первомъ ряду прибавились еще двѣ фески, очень галантные, молодые въ черныхъ военныхъ сюртукахъ со свѣтлыми пуговицами, при сабляхъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ черными четками на правой рукѣ.

— Зачѣмъ эти офицеры съ четками то сюда пришли? спросилъ Николай Ивановичъ Нюренберга.

— Мода .. Турецкаго мода... Самаго большаго франты всѣ съ четками. Онъ сидитъ и отъ своего скуки считаетъ ихъ пальцами.

Заполнилась и еще одна ложа. Въ ней показались двѣ шляпы котелкомъ и среднихъ лѣтъ нарядная дама съ необычайно горбатымъ носомъ. Барабанщикъ, поужинавъ, сталъ раскладывать ноты на пюпитры, стоявшіе въ оркестрѣ. Пришла скрипка въ фескѣ, помѣстилась въ оркестрѣ на стулѣ, начала канифолить смычекъ, положила его и стала чистить для себя апельсинъ.

— Когда-же представленіе-то начнется? спросила Глафира Семеновна проводника.—Вѣдь это ужасно скучно такъ сидѣть. Десятый часъ, а и оркестръ еще не игралъ.

— Здѣсь, мадамъ, всегда поздно... Пообѣдаютъ, выпьютъ, а послѣ хорошаго обѣда сюда... отвѣчалъ Нюренбергъ.—Теперь скоро. Вонъ музыканты идутъ.

Въ оркестръ влѣзали музыканты въ фескахъ, вынимали изъ чехловъ инструменты и усаживались на мѣста.

— И это лучшій театръ въ Константинополѣ?

— Самаго лучшаго театръ. У насъ есть много маленькаго театры въ Галатѣ, но то кафе-шантанъ съ акробатами, съ разнаго накрашеннаго кокотки.

— А буфетъ здѣсь есть? въ свою очередь задалъ вопросъ Николай Ивановичъ и зѣвнулъ самымъ апатичнымъ образомъ.

— А какъ-же не быть буфету, эфендимъ? И хорошаго буфетъ. Лимонадъ, пиво, мастика, сантуринскаго, коньякъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Бога ради сиди тутъ! схватила Глафира Семеновна мужа за рукавъ и прибавила:—И во снѣ мнѣ не снилось, что въ турецкомъ городѣ можетъ быть коньякъ.

Оркестръ началъ строиться. Занавѣсъ на сценѣ освѣтился свѣтлѣе. Задніе ряды креселъ наполнились нѣсколькими десятками фесокъ, бараньихъ шапокъ армянъ. Кто-то раздавливалъ щипцами грецкіе орѣхи.

— А турчанки, турецкія дамы сюда не ходятъ? поинтересовалась Глафира Семеновна.

— Пхе... Какъ возможно! Турецкаго дамы никуда не ходятъ, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Онѣ ходятъ только въ баню, въ магазины и на турецкаго кладбище, чтобы поклониться своего мертваго папенькѣ, маменькѣ или дѣдушкѣ. Вотъ все, что дозволяется для турецкаго дама.

Оркестръ заигралъ увертюру изъ „Маскоты“.

Барабанъ и труба свирѣпствовали. Неистово гнусилъ кларнетъ.

Николай Ивановичъ сталъ обозрѣвать ложи и увидалъ, что въ ложу перваго яруса, около сцены, входилъ тотъ самый элегантный турокъ, который обѣдалъ съ ними въ гостинницѣ за табльдотомъ. Его дама сердца была съ нимъ-же. Онъ усадилъ ее къ барьеру, раскрылъ передъ ней бомбоньерку съ конфектами и сѣлъ сзади ея, положа правую руку на спинку свободнаго стула и сталъ перебирать имѣвшіяся въ рукѣ четки.

Занавѣсъ началъ подниматься.

LXVI.

На сценѣ, при самой примитивной декораціи, изображавшій лѣсъ съ приставленной къ ней съ боку хижиной, пѣлъ хоръ французскихъ крестьянъ, изъ коихъ одинъ крестьянинъ былъ въ турецкой фескѣ. Хоръ состоялъ изъ шести мужчинъ, пяти женщинъ и одной дѣвочки лѣтъ двѣнадцати. Хоромъ дерижировалъ кто-то изъ-за кулисъ, но такъ откровенно, что изъ хижины высовывался махающій смычекъ и рука. Хоръ два раза сбился и поэтому, должно быть, повторилъ свой нумеръ два раза. Оркестръ хору не акомпанировалъ, а подъигрывалъ, при чемъ особен-

но свирѣпствовали трубы. Выбѣжалъ къ рампѣ Пипо—красавецъ мужчина, набѣленный и нарумяненный до нельзя, и сталъ пѣть соло, молодецки покручивая роскошный черный усъ и ухорски ударяя себя по дну сѣрой шляпы, что совсѣмъ уже не соотвѣтствовало съ ролью глуповатаго малаго. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлую рубашку, запрятанную въ панталоны, и опоясанъ широкимъ черногорскимъ поясомъ. Голосъ у него былъ хорошій, свѣжій, но необычайно зычный. По окончаніи нумера ему зааплодировали. Онъ снялъ шляпу, по-турецки приложилъ руку ко лбу и поклонился публикѣ. Турку, сидѣвшему съ своей дамой сердца въ крайней ложѣ, онъ отдалъ отдѣльный поклонъ, отдѣльнымъ поклономъ отблагодарилъ и сѣдаго турка, помѣщавшагося въ первомъ ряду креселъ.

— Это итальянецъ, шепнулъ сзади Нюренбергъ супругамъ про актера.—Я его знаю. У него въ Галатѣ лавочка и онъ дѣлаетъ фетроваго шляпы. А эта маленькаго дѣвочка его дочь.

— Ахъ, такъ это любители, актеры любители! замѣтила Глафира Семеновна.—А я думала, что настоящіе актеры.

— Настоящаго, настоящаго актеры, а только у нихъ есть своего другаго дѣло. Вонъ и тотъ, что старика играетъ .. Тотъ приказчикъ изъ армянскаго мѣняльнаго лавки.

— Все равно, значитъ не профессіональные актеры, казалъ Николай Ивановичъ и спросилъ:— А женщины въ хорѣ должно быть портнихи, что-ли?

— Этого женщинъ я не знаю. Но тутъ есть хорошаго актеръ и такой голосъ, что самый первый сортъ, но сегодня онъ не играетъ, потому что шабашъ начался.

— Еврей?

— Да, канторъ изъ еврейскаго синагога.

На сценѣ происходили разговоры на турецкомъ языкѣ. Дѣйствіе шло вяло. Глафира Семеновна начала зѣвать. Оркестръ молчалъ. Капельмейстеръ, за неимѣніемъ дѣла, опять чистилъ себѣ апельсинъ. Но вотъ за сценой кто-то ударилъ три раза въ доску. Онъ встрепенулся, схватилъ смычекъ и музыканты грянули. На сцену выбѣжала Бетина-Маскота, задѣла за хижину и уронила ее, при чемъ публика увидала въ глубинѣ сцены двухъ солдатъ въ фескахъ, которые тотчасъ-же бросились къ упавшей декораціи и начали ее ставить.

Маскота пѣла. Это была рослая, неуклюжая женщина съ длиннымъ, напоминающимъ лошадиную голову лицомъ, очень почтенныхъ уже лѣтъ, сильно декольтированная и такъ намазанная, что, казалось, съ нея сыплется краска. Одѣта она была въ самую короткую пеструю юбку и голубые шелковые чулки со стрѣлками, чего по роли ужъ не требовалось. Юбку она укоротила, очевидно, для того, чтобы похвастать дѣйствительно замѣчательными по своей округлости икрами. Голоса у нея не было никакого. Она два раза сорвалась, не докончила арію и забормотала по-турецки, разсказывая ее говоркомъ.

— Вотъ это самаго настоящаго французскаго

актриса. Она здѣсь въ Константинополѣ живетъ лѣтъ десять и танцуетъ въ кафе-шантанѣ въ Галатѣ, разсказывалъ Нюренбергъ.

— Ну, не похоже, чтобъ это была настоящая, улыбнулась Глафира Семеновна.

— О, она была хорошяго танцовщица, но у ней нѣтъ голосъ... Да и стара стала. Она можетъ говорить на турецкаго языкѣ—вотъ ее сюда и пригласили.

— Совсѣмъ старая вѣдьма! зѣвнулъ Николай Ивановичъ и спросилъ жену:—Душечка, тебѣ не скучно?

— Очень скучно.

— Такъ, я думаю, что посмотрѣли мы да и будетъ. Хорошенькаго по немножку. Теперь имѣемъ понятіе о турецкой опереткѣ, а потому можемъ и домой чай пить отправиться.

— Да, да... кивнула мужу Глафира Семеновна.— Домой, домой... Достаточно...

Но тутъ изъ-за кулисъ показались старикъ графъ и графиня въ бархатной амазонкѣ съ хлыстикомъ. Графиню изображала молодая красивая гречанка съ крупнымъ носомъ, а графа маленькій сѣденькій, тщедушный грекъ, вышедшій на сцену даже и не загримированный. Онъ былъ въ чечунчовой парочкѣ, бѣломъ жилетѣ, для чего-то съ настоящимъ орденомъ на шеѣ и въ сѣрой шляпѣ цилиндрѣ и съ зонтикомъ. Вышелъ онъ на сцену, ломаясь до невозможности, и строилъ гримасы. Въ заднихъ рядахъ публика захохотала. Онъ заговорилъ съ

графиней и должно быть отпускалъ какія-нибудь турецкія остроты, потому что хохотъ усиливался. Графиня отвѣчала ему вяло. Она обробѣла, смотрѣла въ полъ и не знала, куда дѣть руки.

— Эта дама совсѣмъ по-турецкаго говорить не умѣетъ, атестовалъ ее Нюренбергъ супругамъ.

— По моему, она и ходить по сценѣ не умѣетъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Графъ подошелъ къ рампѣ. Капельмейстеръ махнулъ смычкомъ и оркестръ заигралъ рефренъ. Графъ остановилъ музыку и сказалъ что-то капельмейстеру по-турецки, зрители засмѣялись. Но вотъ онъ выставилъ ногу впередъ, заложилъ руку за бортъ жилета и, откинувъ голову назадъ, говоркомъ запѣлъ подъ музыку. Фигура его была очень комична, но старческій голосъ сипѣлъ, хрипѣлъ даже и при исполненіи куплета говоркомъ. Но вотъ куплету конецъ, его надо закончить долгой, высокой нотой и графъ зажмурился и открылъ беззвучно ротъ, давая протянуть ноту только скрипкамъ. Затѣмъ, когда оркестръ кончилъ, онъ снялъ съ головы шляпу, махнулъ ею въ воздухѣ и съ улыбкой сказалъ публикѣ по-французски:

— Съ голосомъ всякій споетъ, а вотъ попробуй спѣть безъ голоса.

Ему зааплодировали. Въ особенности аплодировали и смѣялись въ ложѣ турокъ съ француженкой.

— Ну, довольно.. Домой... Достаточно насмо-

трѣлись на безобразіе...—сказала Глафира Семеновна, поднимаясь съ кресла.

— Да, въ глухой провинціи у насъ лучше играютъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ, слѣдуя за женой, направляющейся къ выходу.—И это лучшій театръ въ Константинополѣ!—прибавилъ онъ, покачавъ головой.

Нюренбергъ проводилъ ихъ до гостинницы и спросилъ Николая Ивановича:

— Въ котораго часу прикажете завтра явиться мнѣ къ вамъ, эфендимъ? Завтра мы поѣдемъ мечети смотрѣть.

— Рано не являйтесь. Намъ надо поспать. Приходите такъ часовъ въ десять... Да намъ нужно подсчитаться, что-бы знать, сколько вы истратили.

— Завтра, завтра, эфендимъ. Завтра я вамъ представлю самаго подробнаго счетъ. О, Адольфъ Нюренбергъ честный человѣкъ и не возьметъ съ васъ ни одного копѣйки лишняго. Покойнаго ночи!—раскланялся Нюренбергъ.

LXVII.

Когда супруги звонили у подъемной машины, они увидали, что въ салонѣ танцовали подъ рояль. Англичане были по прежнему во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, но уже съ сильно раскраснѣвшимися лицами и съ растрепанными прическами. Англичанинъ, знакомый имъ по вагону, завидя ихъ въ отворенную дверь салона, подошелъ къ нимъ. Лицо его было совсѣмъ малиновое. Отъ него такъ и несло виномъ. Онъ вынулъ изъ кармана бережно завернутый въ бумагу портретъ-миніатюру, писанный на слоновой кости, и показалъ имъ.

— Кескесе? спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Une miniature de XVII siècle... отвѣчалъ онъ и продолжалъ ломанымъ французскимъ языкомъ:— Шетьдесятъ пять франковъ... Рѣдкая вещь... Мнѣ давеча послѣ обѣда одинъ еврей сюда принесъ. Это портретъ кардинала.

— Всякую дрянь скупаетъ. Вотъ дуракъ-то! пробормотала по-русски Глафира Семеновна и вошла въ вагонъ машины.

Свистокъ—и супруги начали подниматься.

Въ корридорѣ ихъ встрѣтила опереточная горничная, вошла съ ними въ номеръ и стала помогать Глафирѣ Семеновнѣ раздѣваться. Она уже

приготовила ей туфли и кретоновый капотъ, который лежалъ на постели. Глафира Семеновна отклонила ея услуги и сказала ей, чтобы она пошла и велѣла приготовить имъ чаю.

— Какъ? Такъ поздно чай? Развѣ мадамъ больна? удивленно произнесла горничная по-французски.

— Вотъ оселъ-то въ юбкѣ! Мы пришли изъ театра, хотимъ пить, а она спрашиваетъ, не больна-ли я, что прошу подать чаю, перевела по-русски Николаю Ивановичу жена.

Тотъ вспылилъ.

— Те... Те... Дю те... Чаю! Чтобы сейчасъ былъ здѣсь те! Те и боку де ло шо!.. топнулъ онъ ногой и прибавилъ:—Вотъ ефіопы-то!

Горничная скрылась, но вслѣдъ за ней явился лакей съ бакенбардами въ видѣ рыбьихъ плавательныхъ перьевъ и объявилъ, что теперь чаю подать нельзя, такъ какъ кухня и всѣ люди заняты приготовленіемъ ужина по случаю суаре-дансанъ, а если мадамъ и монсье желаютъ ужинать, то въ двѣнадцать часовъ можно получить ужинъ изъ четырехъ блюдъ за пять франковъ.

— Вонъ!—закричалъ на лакея взбѣшенный Николай Ивановичъ, когда Глафира Семеновна перевела ему французскую рѣчь.—Вѣдь это чертъ знаетъ что такое! Люди просятъ чаю, а они предлагаютъ ужинъ Мерзавцы! Подлецы! И это лучшій англійскій отель! Нѣтъ, завтра-же вонъ изъ такого отеля! Переѣдемъ куда нибудь въ другой. Да и не могу

я видѣть эти фраки и натянутыя лакейскія морды! А горничная, такъ словно балетъ танцуетъ! Пируэты какіе-то передъ нами выдѣлываетъ. Два раза сегодня чай требуемъ и два раза почему-то его нельзя намъ подать!

— Не горячись, не горячись!—остановила его жена.—Тебѣ это вредно. Сейчасъ я приготовлю чай... Хоть и трудно это, но приготовлю.

— Какъ ты приготовишь?

— Чайникъ у насъ есть, чай есть, сахаръ тоже... Есть и двѣ дорожныя чашки. Вода въ графинѣ... Сейчасъ я вскипячу воду въ металлическомъ чайникѣ на спиртовой машинкѣ, на которой я грѣю мои щипцы для завиванія челки, и заварю чай...

— Душечка! Да ты геніальный человѣкъ! Вари, вари скорѣй! воскликнулъ Николай Ивановичъ, бросившись къ женѣ, обнялъ ее, потрепалъ по спинѣ и прибавилъ:—Молодецъ-баба! Дѣйствуй!

И вотъ Глафира Семеновна, переоблачившаяся въ капотъ, кипятитъ на спиртовой машинкѣ воду. Стукъ въ дверь. Входитъ горничная, въ удивленіи смотритъ на приготовленіе кипятку, улыбается и сообщаетъ, что если мадамъ и монсье хотятъ пить, то можно подать вино и шипучую воду.

— Проваливай! Проваливай въ свой кордебалетъ! кричалъ ей по-русски Николай Ивановичъ и махалъ рукой.

Горничная быстро произноситъ „доброй ночи", кладетъ на столъ лоскутокъ бумажки и опять исчезаетъ. Николай Ивановичъ беретъ лоскутокъ

и читаетъ. На немъ карандашомъ написано по-французски: „чай и кофе отъ 8 часовъ до 10 часовъ утра, въ 1 часъ дня—завтракъ, въ 6 часовъ вечера чай, въ 8 часовъ обѣдъ“.

— Смотрите, пожалуйста, косвенный выговоръ дѣлаютъ, какъ смѣли спросить въ непоказанное у нихъ время чай и прислали письменный приказъ, какъ намъ жить слѣдуетъ! Ахъ, скоты! Нѣтъ, вонъ изъ этой гостинницы. Ну, ихъ къ черту! Не желаю я жить по нотамъ.

Черезъ полчаса супруги пили чай. Николай Ивановичъ съ жадностью пилъ горячую влагу въ прикуску и говорилъ женѣ:

— И право, такъ лучше... Какой прелестный чай... Одинъ восторгъ, что за чай!.. Вѣдь я у себя въ складахъ и въ кладовыхъ, въ Петербургѣ, всегда такой чай пью, чай, заваренный прямо въ большомъ чайникѣ. Артельщикъ пойдетъ въ трактиръ и заваритъ. Ты и завтра утромъ, душечка, приготовь такой-же... сказалъ онъ женѣ.

— Хорошо, хорошо. Но каково стоять въ гостинницѣ перваго ранга и самимъ себѣ приготовлять чай на парикмахерской машинкѣ!

Черезъ четверть часа Глафира Семеновна укладывалась въ постель, а Николай Ивановичъ, продолжая еще сидѣть около стакана, принялся писать письмо въ Петербургъ къ своему родственнику, завѣдующему его дѣлами. Въ комнатѣ было тихо, но съ улицы раздавался заунывный и несмолкаемый лай собакъ. Нѣкоторыя собаки, не

довольствуясь лаемъ, протяжно завывали. Изрѣдка слышался и жалобный визгъ собаки, очевидно, попавшей въ свалку и искусанной противниками.

Николай Ивановичъ писалъ:

„Добрѣйшій Федоръ Васильевичъ, здравствуй! Пишу тебѣ изъ знаменитаго турецкаго города, Константинополя, куда мы пріѣхали сегодня утромъ и остановились въ лучшей англійской гостинницѣ. Ахъ, что это за дивный городъ! Что это за прелестные виды! Сегодня мы этими видами любовались съ высоты знаменитый башни Галаты. На башню триста ступеней. Она выше Ивановской колокольни въ Москвѣ и оттуда городъ виденъ, какъ на ладони. Глафира Семеновна еле влѣзла, но на половинѣ лѣстницы съ ней сдѣлалось даже дурно,—вотъ какъ это высоко! А наверху башни пронзительный вѣтеръ и летаютъ какія-то страшныя дикія птицы, которыя на насъ тотчасъ-же набросились и намъ пришлось отбиваться отъ нихъ палками. Одну я убилъ. Она такъ велика, что каждое крыло у ней по сажени. Говорятъ, онѣ питаются трупами здѣшнихъ разбойниковъ, которыхъ турки за наказаніе кидаютъ въ море. А башня эта стоитъ на берегу моря. А морей здѣсь нѣсколько: виднѣется Черное море и вода въ немъ кажется черной, виднѣется Мраморное и вода какъ-бы мраморная, потомъ проливъ Босфоръ—и вода голубая, а затѣмъ Золотой рогъ и струи его при солнцѣ блещутъ какъ-бы золотомъ.

Сегодня-же видѣлъ я и султана во всей его красѣ

и величіи, когда онъ во время турецкаго праздника Селамлика показывался народу и въѣзжалъ въ мечеть. Ахъ, какой это былъ великолѣпный парадъ! Смотрѣли мы на него изъ султанскаго дворца и удостоились даже турецкаго гостепріимства. Насъ приняли отъ имени султана двое настоящихъ турецкихъ пашей и угощали чаемъ, кофеемъ, фруктами и шербетомъ. Да и вино здѣсь пьютъ, а только по секрету, и съ однимъ пашой я выпилъ по рюмкѣ мастики, турецкой водки. На вкусъ не особенно пріятная, но крѣпче нашей. Принимали насъ во дворцѣ съ большимъ почетомъ, и султанъ, узнавъ, что мы русскіе, когда проѣзжалъ, отдѣльно отъ всѣхъ намъ поклонился и даже махнулъ рукой. Видѣли и султанскихъ женъ, когда онѣ проѣзжали въ каретѣ, видѣли евнуховъ, видѣли весь генералитетъ. Съ пашой однимъ я подружился и онъ звалъ меня въ гости и обѣщалъ показать свой гаремъ. Побываю у него и напишу.

А затѣмъ все. Очень усталъ. Хочу ложиться спать.

Будь здоровъ, поклонись женѣ. Глафира Семеновна тебѣ и ей также кланяется. Сегодня она цѣлый день опасалась, чтобы ее здѣсь не накормили лошадинымъ мясомъ, а теперь спитъ.

Желаю тебѣ всего хорошаго. Твой Николай Ивановъ“.

LXVIII.

На утро супруги еще спали, а ужъ проводникъ ихъ стучалъ въ дверь и кричалъ изъ коридора:

— Эфендимъ! Десять часовъ! Вы хотѣли мечети ѣхать смотрѣть! Экипажъ ждетъ у подъѣзда. Самаго лучшаго экипажъ досталъ. Вставайте.

— Сейчасъ, сейчасъ! Да неужто десять часовъ? откликнулся Николай Ивановичъ и принялся будить жену.—Афанасій Ивановичъ! Вы подождите насъ внизу и приходите такъ черезъ часъ. Мы должны умыться, одѣться и чаю напиться.

Глафира Семеновна поднялась не вдругъ.

— Цѣлую ночь проклятыя собаки не дали спать. Воютъ, лаютъ, грызутся, жаловалась она.— Ужъ свѣтать начало, такъ я настоящимъ маneромъ заснула. И удивительное дѣло: днемъ голоса не подаютъ, а ночью цѣлый собачій концертъ устроили.

Началось умыванье. Закипѣлъ опять на парикмахерской спиртовой лампочкѣ металлическій чайникъ. Супруги окончательно рѣшили не требовать больше чаю изъ буфета гостинницы. Глафира Семеновна начала вынимать платье изъ сундука.

— Здѣсь совсѣмъ весна. Солнце такъ и палитъ. Надо по весеннему одѣться. Надѣну и кружевную

шляпку съ цвѣтами, которую купила въ Вѣнѣ, говорила она.

— А я останусь въ своей барашковой скуфейкѣ. Правду Нюренбергъ говоритъ, что она придаетъ мнѣ больше солидности при здѣшнихъ фескахъ и французскихъ шляпахъ котелкомъ.

Къ одиннадцати часамъ супруги были уже одѣты, выходили изъ своей комнаты и въ корридорѣ столкнулись съ Нюренбергомъ.

— А что-жъ вы мнѣ счетъ-то, почтеннѣйшій? спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Поздно теперь, эфендимъ. Пора ѣхать мечети осматривать. Счетъ расходовъ я вамъ уже сегодня вечеромъ представлю сразу за два дня, отвѣчалъ Нюренбергъ.—А ужъ теперь позвольте мнѣ на расходы два золотаго монета. Теперь мы поѣдемъ въ такого мѣсто, гдѣ вездѣ бакшишъ. Бакшишъ направо, бакшишъ налѣво.

— Берите... Только я боюсь, какъ-бы намъ не сбиться...

— О, все записано! Каждаго вашего піастръ записанъ. Адольфъ Нюренбергъ честнаго человѣкъ и представитъ вамъ самаго подробнаго счетъ.

Лишь только супруги спустились внизъ на подъемной машинѣ, какъ къ нимъ подскочилъ прилизанный оберкельнеръ съ таблетками и съ карандашомъ.

— Et déjeuner, monsieur?.. обратился онъ къ Николаю Ивановичу.

— Какой тутъ дежене, если мы ѣдемъ мечети

сматривать! воскликнулъ тотъ по-русски.—Когда мы ѣсть хотимъ, вы намъ ѣсть не даете, а когда намъ некогда, съ дежене лѣзете.

— А обѣдъ, монсье? Въ восемь часовъ у насъ обѣдъ. Прикажете васъ записать на сегодня? догналъ Николая Ивановича оберкельнеръ уже у дверей.

— Нѣтъ, нѣтъ! И обѣда вашего не надо! замахалъ руками тотъ.—Керосиновымъ свѣтомъ только, фраками да хорошой посудой кормите, а супу по полтарелкѣ подаете, да рыбку величиною съ колюшку. Я у васъ и жить-то не хочу въ гостинницѣ, не только столоваться! Надоѣли вы мнѣ хуже горькой рѣдьки своими лощеными харями во фракахъ!

Оберкельнеръ отскочилъ въ недоумѣніи. Супруги вышли на подъѣздъ и стали садиться въ экипажъ, но къ нимъ ринулся швейцаръ съ развернутыми вѣеромъ какими-то билетами и говорилъ по-французски:

— Сегодня, монсье, у насъ въ салонѣ въ девять часовъ большой концертъ...

Услыша слова „салонъ“ и „гранъ концертъ“, Николай Ивановичъ и на швейцара закричалъ:

— Пошелъ прочь! Какой тутъ концертъ! Ну, васъ къ лѣшему! Ужъ и безъ того заставляете постояльцевъ жить по нотамъ.

Экипажъ помчался, а швейцаръ такъ и остался стоять съ развернутыми вѣеромъ билетами.

Спускались внизъ по Большой улицѣ Перы,

по направленію къ мосту, чтобы переѣхать въ Стамбулъ, гдѣ, главнымъ образомъ, замѣчательныя мечети вмѣстѣ съ стариннѣйшей изъ нихъ—святой Софіей—и сосредоточивались. Нюренбергъ, сидя на козлахъ, обернулся къ супругамъ и сказалъ:

— Если я вамъ покажу прежде всего нашего знаменитаго мечеть Ая-Софія, то вамъ остальныя мечети будетъ не интересно ужъ и смотрѣть. А потому посмотримъ сначала Ени-Джами или Валиде-Джами, какъ хотите ее называйте. Это тоже стариннаго и замѣчательнаго мечеть. Она будетъ сейчасъ, какъ только мы переѣдемъ Новаго мостъ. Этого мечеть построила мать Магомета IV въ семнадцатаго столѣтіе. Я могъ-бы вамъ прочесть отъ этаго мечеть цѣлаго ученаго лекція, но зачѣмъ? Скажу только, что Ени-Джами почти копія съ византійскаго стиль Ая-Софія. А съ Ени-Джами есть опять хорошаго копія мечеть Солиманіе. А съ Солиманіе еще копія мечеть Мехмедіе. Въ котораго годы онѣ построены и какого султаны ихъ строили, вамъ говорить не надо?

— Нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ ними! Вѣдь мы все-равно забудемъ, махнулъ рукой Николай Ивановичъ.

— Такъ вотъ сейчасъ будетъ Ени-Джами. О, это замѣчательнаго постройка! Вся внутренность ея изъ пестраго персидскаго фаянсоваго изразцы. Ахъ, Богъ мой! Я и забылъ сказать вамъ самаго главнаго. Надѣли-ли вы на себя ваши калоши? воскликнулъ Нюренбергъ.

— А что? спросила Глафира Семеновна.—Я въ калошахъ.

— И очень хорошаго дѣла сдѣлали, мадамъ. Тогда вамъ не придется надѣвать стараго сквернаго туфли, когда вы войдете въ мечеть... Въ сапогахъ въ мечеть входить нельзя. Нужно или снять своего сапоги или надѣть туфли, которыя вамъ подадутъ. А такъ какъ вы въ калошахъ, то вы снимете своего калоши и это будетъ считаться, что вы сняли сапоги.

— А мнѣ стало-быть придется туфли надѣвать? задалъ вопросъ Николай Ивановичъ. — Я безъ калошъ.

— Туфли, туфли. Соломеннаго туфли. А въ нихъ такъ неловко ходить, что вы будете на каждаго шагу спотыкаться. Ахъ, зачѣмъ вы не надѣли калоши!

— Но вѣдь вы не предупредили меня.

— Да, я дуракъ, большаго дуракъ. Впрочемъ, мы дадимъ турецкому попу бакшишъ, и вы надѣнете туфли на вашего сапоги, рѣшилъ Нюренбергъ.

— Пожалуйста, Афанасій Иванычъ, устройте. А вы сами-то въ калошахъ?

— Я? По своего обязанности я даже въ самаго жаркаго погода, въ іюлѣ мѣсяцѣ въ резинковаго калоши. Какъ мнѣ быть безъ калоши, если я каждаго день ступаю ногами на священнаго мусульманскаго полъ! отвѣчалъ Нюренбергъ.

Бойкіе кони несли коляску по мосту. Нюренбергъ указалъ по направленію виднѣющагося боль-

шаго плоскаго купола, окруженнаго многими маленькими, такими-же плоскими куполами, и произнесъ:

— Вотъ она Ени-Джами. Она вся покрыта свинцомъ... Ее всегда узнаете по двумъ минаретамъ. У ней только два трехъяруснаго минареты.

Вотъ и конецъ моста. Начался старо-турецкій Стамбулъ. Свернули на площадь, уставленную ларьками и крытыми лавками, въ которыхъ оборванные турки продавали разную рыбу, и передъ глазами путешественниковъ вырисовалась, хотя нѣсколько и прикрытая домами, вся мечеть своимъ фасадомъ.

У ларьковъ шла перебранка. Турки, и продавцы и покупатели, какъ-то не могутъ обойтиться безъ перебранки. Стояли ослы съ корзинками, перекинутыми черезъ спины и тоже наполненными рыбой, и по временамъ кричали самымъ пронзительнымъ крикомъ. Между покупательницами было замѣтно нѣсколько негритянокъ въ красныхъ кумачевыхъ платьяхъ и съ завязанными бѣлыми платками ртами и подбородками.

— Балыкъ-базаръ... Рыбнаго рынокъ, отрекомендовалъ площадь Нюренбергъ и прибавилъ: По вашему, по-русскому балыкъ —соленаго и сушенаго спина отъ осетрина, а по турецкому балыкъ— всякаго рыба.

LXIX.

Экипажъ подъѣхалъ къ мечети Ени-Джами. Въ мечеть вела снаружи широкая гранитная лѣстница, прямая, безъ площадокъ, ступеней въ тридцать. Нюренбергъ соскочилъ съ козелъ, помогъ Глафирѣ Семеновнѣ выйти изъ экипажа и сказалъ:

— По этаго главнаго лѣстницѣ я васъ въ мечеть не поведу. Если я васъ поведу по этого лѣстницѣ—сейчасъ подай за входъ серебрянаго меджидіе и бакшишъ направо, бакшишъ налѣво. А я люблю, чтобы для моего кліентовъ было экономія. Мы этого мечеть и безъ меджидіе посмотримъ, а только дадимъ хорошаго бакшишъ здѣшняго дьячку. Пожалуйте за мной. Мы съ другаго хода.

И онъ повелъ супруговъ. Они обогнули мечеть, подошли къ ней съ другой стороны и остановились около громадныхъ старыхъ дверей, обитыхъ желѣзомъ. Двери были заперты, но висѣлъ деревянный молотокъ. Нюренбергъ взялъ молотокъ и сталъ дубасить имъ въ двери. Долго никто не показывался, но наконецъ послышались шаги, стукнулъ запоръ извнутри, и дверь, скрипя на ржавыхъ петляхъ, отворилась.

На порогѣ стоялъ съ длинной бѣлой бородой старикъ-турокъ въ чалмѣ, въ круглыхъ серебря-

ныхъ очкахъ и въ темнозеленомъ халатѣ. Нюренбергъ заговорилъ съ нимъ по-турецки. Переговаривались они довольно долго. Турокъ на что-то не соглашался, но наконецъ распахнулъ дверь и пропустилъ въ нее супруговъ, прикладывая руку ко лбу, ко рту, къ груди и кланяясь. Пришлось подниматься по свѣтлой гранитной внутренней лѣстницѣ съ мозаичными стѣнами изъ бѣлыхъ фаянсовыхъ съ свѣтлосинимъ рисункомъ пластинъ, сильно потрескавшихся. Нюренбергъ слѣдовалъ сзади и говорилъ:

— Мы теперь идемъ въ комнаты султана. При здѣшняго мечети есть комнаты султана. Это былъ любимаго кіоскъ султана Магометъ Четвертый и здѣсь жила его любимаго жена. И онъ такъ любилъ этого жена, что никогда съ ней не разставался. Когда султанъ умеръ, мамаша его къ этаго кіоскъ пристроила мечеть, и такъ пристроила, что кіоскъ остался и окновъ его всѣ выходятъ въ мечеть. Вотъ изъ этого окновъ вы и будете видѣть всего внутренность мечеть Ени-Джами. Кромѣ порцеляноваго стѣны, въ ней нечего смотрѣть, а между тѣмъ у васъ будетъ экономія на цѣлаго серебрянаго меджидіе, потому что за входъ въ мечеть вы ничего не заплатите. О, Нюренбергъ никогда не продастъ своего кліенты! хвастливо воскликнулъ онъ.

Въ концѣ лѣстницы была опять дверь. Около двери стояло нѣсколько плетеныхъ изъ соломы туфель безъ задковъ, въ какихъ иногда купают-

ся въ заграничныхъ морскихъ курортахъ. Турокъ въ очкахъ остановился и указалъ на туфли.

— Изъ-за того, что вы, эфендимъ, не надѣли дома вашего калоши—пожалуйте теперь и надѣвайте на сапоги здѣшняго туфли, сказалъ Нюренбергъ Николаю Ивановичу.—А мы съ вашего супругой только снимемъ калоши и пойдемъ въ своего сапогахъ.

Глафира Семеновна сбросила съ себя калоши, Николай Ивановичъ надѣлъ туфли, и турокъ въ очкахъ распахнулъ передъ ними дверь. Они вступили въ большую комнату, стѣны и потолокъ которой были изъ фаянсовыхъ изразцовъ съ свѣтлосинимъ нѣжнымъ рисункомъ, а полъ былъ застланъ нѣсколькими великолѣпными персидскими и турецкими коврами. Ни одинъ коверъ по своему рисунку не походилъ на другой и разостланы они были безъ системы въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ. Коврами былъ завѣшенъ и выходъ изъ первой комнаты во вторую, также съ фаянсовыми стѣнами и разнообразными коврами на полу. Первая комната была вовсе безъ всякой мебели, но во второй стояла низенькая софа, длинная, широкая, опять-таки покрытая ковромъ и съ множествомъ подушекъ и валиковъ. У софы два низенькихъ восточныхъ столика, двѣ-три мягкія совсѣмъ низенькія табуретки—тоже подъ коврами.

— Всѣ эти ковры и софа такъ отъ султана Магомета Четвертаго и остались здѣсь и вотъ уже

больше двѣсти годовъ стоятъ, разсказывалъ Нюренбергъ.

— Двѣсти лѣтъ? Да какъ ихъ моль не съѣла! замѣтилъ Николай Ивановичъ, улыбаясь.

— Вы смѣетесь, эфендимъ? Вы не вѣрите? О, хорошаго турецкаго коверъ можетъ жить триста, четыреста годовъ, если за нимъ хорошо смотрѣть. Есть турецкаго ковры пятьсотъ, шетьсотъ годовъ. Да, да... Не смѣйтись, ефендимъ. И хорошаго кашемироваго шали есть, котораго прожили пятьсотъ годовъ.

Всѣхъ комнатъ въ кіоскѣ Магомета IV пять или шесть и всѣ онѣ похожи одна на другую по своей отдѣлкѣ, но одна съ маленькимъ куполомъ. Окна двухъ комнатъ выходятъ во внутренность мечети. Турокъ въ серебряныхъ очкахъ распахнулъ одно изъ нихъ, супруги заглянули въ него, и глазамъ ихъ представился гигантскій храмъ съ массой свѣта, льющагося изъ куполовъ, стѣны котораго также сплошь отдѣланы фаянсомъ. Въ храмѣ никого не было видно изъ молящихся, но откуда-то доносилось заунывное чтеніе стиховъ Корана на распѣвъ. Внизу то тамъ, то сямъ виднѣлись люстры съ множествомъ лампадъ. Два служителя въ фескахъ и курткахъ, стоя на приставныхъ лѣстницахъ, заправляли эти лампады, наливая ихъ масломъ изъ жестяныхъ леекъ. Множество лампадъ висѣло и отдѣльно отъ люстръ на желѣзныхъ шестахъ, протянутыхъ отъ одной стѣны къ другой, что очень портило величіе храма.

— Больше въ здѣшняго мечеть нечего пмотрѣть. Изъ окна вы видите то же самое, что вы увидали-бы и войдя въ мечеть, но тогда нужно платить серебрянаго меджидіе, а теперь у васъ этого меджидіе на шашлыкъ осталось, сказалъ супругамъ Нюренбергъ.—Послѣ смотрѣнія мечети, мы все равно должны были-бы придти сюда и смотрѣть кіоскъ, и давать бакшишъ этому стараго дьячку, а теперь вы за одного бакшишъ и кіоскъ, и мечеть видѣли. Вотъ какого человѣкъ Адольфъ Нюренбергъ! Онъ съ одного выстрѣла двоихъ зайца убилъ.

Соломенная туфля съ ноги Николая Ивановича свалилась, и онъ давно уже бродилъ въ одной туфлѣ.

— Ну, теперь все? Больше нечего смотрѣть? спросилъ онъ проводника.

— Больше нечего. Теперь только остается дать бакшишъ вотъ этаго стараго дьячку. Я ему дамъ пять піастровъ—съ него и будетъ довольно.

Нюренбергъ далъ старику пять піастровъ, но тотъ подбросилъ ихъ на рукѣ и что-то грозно заговорилъ по-турецки.

— Мало. Проситъ еще. За осмотръ кіоска проситъ отдѣльнаго бакшишъ и за то, что окно отворилъ въ мечеть, опять отдѣльнаго. Пхе... Адольфъ Нюренбергъ хитеръ, а стараго турецкаго дьячекъ еще хитрѣе и понимаетъ дѣло, подмигнулъ Нюренбергъ.— Надо будетъ еще ему дать бакшишъ пять піастровъ. О, хитраго духовенство!

Старику турку было дано еще пять піастровъ и онъ приложилъ ладонь ко лбу въ знакъ благодарности, а когда супруги стали выходить изъ кіоска на лѣстницу, порылся у себя въ карманѣ халата, вынулъ оттуда маленькій камушекъ и протянулъ его Глафирѣ Семеновнѣ. Та не брала и попятилась.

— Что это? спросила она.

— Берите, берите. Это вамъ сувениръ онъ даетъ, сказалъ Нюренбергъ.—Кусочекъ фаянсъ отъ отдѣлки здѣшняго кіоскъ. Здѣсь имъ это охъ какъ запрещено!

Глафира Семеновна взяла. Старикъ турокъ протянулъ руку и сказалъ: „бакшишъ".

Нюренбергъ сказалъ ему что-то по-турецки и оттолкнулъ его.

— О, какого жаднаго эти попы! Далъ бакшишъ направо, далъ бакшишъ налѣво—и все мало. Еще проситъ! воскликнулъ онъ.

Супруги стали спускаться съ лѣстницы.

LXX.

Куда теперь? Въ Софійскую мечеть? спрашивалъ проводника Николай Ивановичъ, садясь въ коляску.

— Нѣтъ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы Ая-Софія была для васъ послѣдняго удовольствіе.

Отсюда мы поѣдемъ въ Голубинаго мечеть и тоже не будемъ входить въ нее. Зачѣмъ давать лишняго серебрянаго меджидіе турецкаго попамъ? Внутри ее только англичане смотрятъ. Въ ней есть восемь колоны изъ яспись—вотъ и все. А мы войдемъ въ Караванъ-Сарай, котораго идетъ вокругъ всего мечеть, и посмотримъ знаменитаго баязитскаго голуби. Мечеть этаго называется—Баязитъ-мечеть.

Лошади мчались, проѣхали двѣ-три торговыя узенькія улицы съ турками ремесленниками, работающими на порогахъ лавокъ, и переполненныя рыжими собаками и сѣренькими вьючными осликами, тащущими перекинутыя черезъ спины корзинки, набитыя бѣлымъ печенымъ хлѣбомъ, и наконецъ выѣхали на площадь. На площади вырисовывалась громадная мечеть довольно тяжелой архитектуры, окруженная высокой каменной оградой, напоминающей нашу монастырскую. Также высились каменныя ворота въ оградѣ съ какимъ

то жильемъ надъ ними, а надъ входомъ, гдѣ у насъ обыкновенно находятся большія иконы, былъ изображенъ полумѣсяцъ и подъ нимъ изреченія изъ Корана золотыми турецкими буквами на темнозеленомъ фонѣ. У воротъ ограды въ два ряда, направо и налѣво, шпалерами выстроились торговцы въ фескахъ и чалмахъ, халатахъ и курткахъ, продающіе съ ларьковъ сласти, стеклянную и фарфоровую посуду, самыя разнообразныя четки, тюлевыя покрышки для лицъ турецкихъ женщинъ, пестрые турецкіе пояса и цѣлыя груды апельсиновъ.

— Вотъ она Баязитъ-мечеть, сказалъ съ козелъ Нюренбергъ, оборачиваясь къ супругамъ.

— Батюшки! Да тутъ цѣлая ярмарка. Точь въ точь, какъ въ нашихъ глухихъ монастыряхъ во время храмоваго праздника, сказалъ Николай Ивановичъ и спросилъ проводника:—Всегда здѣсь торгуютъ?

— Каждый день. Это доходъ здѣшняго попы. Въ Караванъ-Сарай въѣзжать на лошадяхъ нельзя. Мы должны здѣсь слѣзть.

Кучеръ остановилъ лошадей, супруги вышли изъ коляски и между рядами торговцевъ направились въ ворота. Крикъ поднялся страшный. Каждый торговецъ совалъ имъ свой товаръ и кричалъ во всю ширину глотки, размахивая руками, а одинъ черномазый турокъ съ повязанной по лбу русскимъ полотенцемъ феской, концы котораго, вышитые красными пѣтухами, свѣсились ему на плечо, даже схватилъ Николая Ивановича за рукавъ, такъ что

Николай Ивановичъ насилу отъ него вырвался. Супруги были уже у самыхъ воротъ, какъ вдругъ отъ одного изъ ларьковъ съ посудой раздался русскій выкрикъ:

— Господинъ московскій купецъ! Поддержите коммерцію!

Супруги вытаращили глаза и остановились. Кричалъ рыжебородый халатникъ въ большой бѣлой чалмѣ, перевитой съ узенькимъ кускомъ зеленой матеріи.

— Купите, вашего сіятельство, что-нибудь для своей барыни, продолжалъ онъ очень чисто по-русски и черезъ ларекъ съ посудой протягивалъ имъ съ чѣмъ-то пакетики.—Вотъ чай есть московскій, настоящее казанское яичное мыло есть.

— Князь? вырвалось у Николая Ивановича восклицаніе.

— Такъ точно-съ... Вашъ Казанскій... Будьте здоровы, а намъ поддержите коммерцію.

— Татаринъ? все еще недоумѣвая спрашивалъ его Николай Ивановичъ.

— Вотъ, вотъ... Вашъ землякъ. Купите что нибудь, ваша свѣтлость.

— Глаша! Въ Константинополѣ около мечети соотечественникъ явился! обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.—Надо у него купить что-нибудь на память. Въ Константинополѣ нашъ русскій татаринъ! И смотри, какъ чисто говоритъ по-русски!

— Съ малолѣтства на Хитровомъ рынкѣ торго-

валъ, ваше степенство, такъ какъ же мнѣ по-русски не говорить!

— Удивленъ! Пораженъ! покачалъ головой Николай Ивановичъ и улыбался.

— Здѣсь ихъ много бѣглаго изъ Россіи, шепнулъ ему Нюренбергъ.

Глафира Семеновна стояла уже около ларька и разсматривала посуду.

— Вотъ развѣ полдюжины этихъ кофейныхъ чашечекъ съ турецкими надписями купить, говорила она мужу, показывая миніатюрную чашечку.— Турецкія это? спросила она татарина.

— Турецкія, турецкія, мадамъ. Бери смѣло. Тутъ счастье на чашкѣ написано.

— Почемъ?

— Всего по двугривенному. Зачѣмъ съ земляковъ запрашивать! Три піастра за чашку дадите— спасибо скажемъ.

Николай Ивановичъ вытащилъ золотой, разсчитывался за чашки и спрашивалъ татарина:

— Почему вы узнали, что мы русскіе?

— А шапка-то русская на головѣ. Да и весь видъ русскій... Совсѣмъ московскій видъ.

— А вотъ мы изъ Петербурга, а не изъ Москвы. Давно здѣсь въ Константинополѣ?

— Да ужъ лѣтъ пять будетъ.

— А отчего изъ Россіи уѣхалъ?

— Да ужъ очень народъ тамъ прижимистъ сталъ. Трудно торговать стало. Вотъ-съ пожалуйте сдачу съ вашего золотого. На піастры да на пары-то

привыкли-ли считать?—задалъ вопросъ татаринъ и, когда супруги направились въ ворота мечети, крикнулъ имъ:—Счастливо оставаться, господа!

За каменной оградой, составляющей изъ себя навѣсъ съ каменнымъ поломъ и нѣсколькими спокойно текущими изъ стѣны фонтанчиками, было еще болѣе торговцевъ. Пестрота одеждъ была изумительная. Всѣ кричали и махали руками. Здѣсь уже продавали, кромѣ сластей и посуды, и ярославскія красныя скатерти съ вытканными изреченіями: „не красна изба углами, а красна пирогами“, „хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь“. Скатерти и салфетки висѣли надъ лавками и развѣвались въ воздухѣ, какъ знамена. Между ларьками бродили, ведя за руки ребятъ, турчанки въ пестрыхъ фереджи (нѣчто вродѣ капота мѣшкомъ, безъ таліи) и въ вуаляхъ. Ребятишки держали въ кулакахъ засахаренные фрукты, рахатъ-лукумъ, халву, откусывали отъ кусковъ и мазали ими губы, носъ и щеки. А среди торговцевъ и покупателей бродили тысячи голубей, выскакивая изъ-подъ людскихъ ногъ. Еще большія тысячи голубей сидѣли и воркoвали на карнизахъ навѣсовъ, составляющихъ галлерею Караванъ-Сарая и ожидая подачекъ въ видѣ раскрошеннаго хлѣба отъ добровольныхъ дателей.

— Здѣшніе голуби кормятся на счетъ султана. Отъ дворцоваго управленія отпускается очень много мѣшковъ овса смотрителю мечети, но должно-быть очень немного попадаетъ здѣшняго голубямъ,

разсказывалъ супругамъ Нюренбергъ.—Вы посмотрите, какого они голоднаго звѣри. Протяните вашего рука—и они тотчасъ сядутъ на руку, думая, что вы даете имъ маленькаго крошка. Два раза въ день выходитъ смотритель къ голубямъ и выноситъ маленькаго ящикъ съ овсомъ, а получаетъ для этого дѣла цѣлаго мѣшокъ овса. Только отъ публики они и питаются, а то улетѣли-бы. Протяните рука, мадамъ, протяните.

— Зачѣмъ-же я буду ихъ обманывать? Вы мнѣ лучше купите булку, и я съ крошками имъ протяну, сказала Глафира Семеновна.

Нюренбергъ сбѣгалъ за хлѣбомъ. Глафира Семеновна раскрошила его, раскидала, протянула руку съ крошками и цѣлое громадное стадо голубей слетѣло съ карнизовъ и окружило ее. Они садились къ ней на руки, на плечи, на голову.

— Видите, какъ они голодны, указывалъ на голубей Нюренбергъ.—Но за то смотритель, турецкаго попъ—о, какого онъ сытаго и толстаго человѣкъ!

— Ну, что-жъ, больше нечего здѣсь смотрѣть? спрашивалъ его Николай Ивановичъ.

— Нечего, нечего, эфендимъ. Извольте выходить за ворота. Сейчасъ поѣдемъ въ знаменитаго Ая-Софію.

Супруги вышли за ворота. Чалма изъ-за ларька съ посудой кричала имъ:

— Прощайте, ваше сіятельство! Вернетесь въ

Русскую землю, такъ кланяйтесь тамъ нашимъ казанскимъ и касимовскимъ землякамъ.

При этомъ татаринъ привѣтливо улыбался и по-турецки кланялся, прикладывая ладонь руки ко лбу.

LXXI.

А вотъ и знаменитаго Ая-Софія! проговорилъ съ козелъ Нюренбергъ, когда экипажъ супруговъ Ивановыхъ вынырнулъ изъ узенькаго переулка на площадь.

Ивановы взглянули и увидѣли передъ собой что-то колоссальное, съ плоскимъ византійскимъ, придавленнымъ куполомъ и окруженное самыми разнообразными, облупившимися каменными пристройками, которыя сидѣли на немъ, какъ громадныя бородавки. Къ этимъ пристройкамъ, прижимаясь, ютились другія, болѣе мелкія пристройки. Въ облупленныхъ мѣстахъ виднѣлся красный кирпичъ, и самъ уже начинающій осыпаться. А изъ мелкихъ пристроекъ выставились и уперлись въ небо четыре остроконечные круглые минарета, какъ-бы сторожащіе всю эту массу прижавшихся другъ къ другу построекъ. На первый взглядъ представлялась какая-то безформенная каменная громада, даже и не похожая на храмъ. Виднѣлась далеко не презентабельная рѣшетка, окружающая всѣ зданія и пристройки.

— Это-то знаменитая Софія? вырвалось у Глафиры Семеновны.—Не нахожу въ ней ничего особеннаго. Чего-же кричать-то такъ объ ней? Софія, Софія...

— О, мадамъ, она испорчена пристройками, отвѣчалъ Нюренбергъ.—Кто, кто изъ султановъ не прикладывалъ сюда своего рука! Одинъ—фонтанъ выстроилъ, другаго—минареты пристроилъ, третьяго—прилѣпилъ маленькаго кіоскъ, четвертаго—тоже... Всѣ, всѣ хотѣли быть строители. Вотъ эти облупившагося стѣны, что вы видите, были пристроены, чтобы мечеть не упала. Показалось при какого-то султана, что она должна упасть, ну, и выстроили глупаго подпорки. Но посмотрите Ая-Софія внутри! Ахъ! Одного американскаго архитекторъ упалъ въ обморокъ, когда вошелъ въ Ая-Софія. Да-съ... Упалъ въ обморокъ, а потомъ сошелъ съ ума. Ну, да вы сейчасъ увидите.

— Николай Ивановичъ, какъ твое впечатлѣніе? обратилась Глафира Семеновна къ мужу.

— Да дѣйствительно, какъ будто того... Не то на городъ съ рѣки смотришь, не то... Но отчего на куполѣ луны нѣтъ? Я гдѣ-то читалъ или слышалъ, что турки какъ взяли Константинополь, сейчасъ-же крестъ замѣнили луной, а тутъ ни креста, ни луны, а только одинъ шпиль. Да... Софію я себѣ совсѣмъ иначе воображалъ!

— А вотъ сейчасъ внутри вы ее увидите. Увидите и какъ каменнаго статуя остановитесь, проговорилъ Нюренбергъ.—Войдемъ мы въ нее съ

боковаго входъ. Главнаго входъ запертъ, прибавилъ онъ.

Лошади свернули опять въ какой-то переулокъ съ убійственной мостовой и ветхими, убогими домишками и остановились около воротъ въ полуразрушенной оградѣ. Отъ воротъ ко входу въ храмъ вела покатая дорожка, вымощенная растрескавшимися и осѣвшими плитами. Супруги вышли изъ экипажа. Къ нимъ подскочилъ старикъ въ оборванной курткѣ и замасленной фескѣ, продающій въ корзинкѣ вареную кукурузу и четки, и сталъ предлагать купить эти четки, моргая красными воспаленными глазами и кланяясь. Сидѣли двое нищихъ, поджавъ подъ себя ноги, темнолицые, морщинистые, въ чалмахъ изъ тряпицъ, протягивали мѣдныя чашечки и тоже кланялись, прикладывая руки ко лбу. Одинъ былъ слѣпой, съ страшными бѣльмами, другой безъ руки по локоть. Нищіе были настолько жалки, что Глафира Семеновна остановилась и подала имъ по серебряному піастру. Николай Ивановичъ купилъ у старика пару четокъ и надѣлъ ихъ наруку.

— Какъ настоящіе правовѣрные войдемъ... съ четками...—сказалъ онъ женѣ.

Вотъ и входъ, завѣшанный кожаной занавѣской. Супруги проникли въ притворъ и на нихъ пахнуло холодомъ подвала. На каменныхъ плитахъ стояли цѣлые ряды соломенныхъ туфель безъ задковъ, а около нихъ съ небольшимъ деревяннымъ ларчикомъ сидѣлъ на коврѣ старикъ съ сѣдой бородой,

въ бѣлой чалмѣ съ зеленой прослойкой и въ халатѣ. Тутъ-же вертѣлся черномазый мальчикъ въ фескѣ. Нюренбергъ снялъ съ себя резиновыя калоши, предложилъ то же сдѣлать Глафирѣ Семеновнѣ, и сдалъ ихъ мальчику. Такъ какъ Николай Ивановичъ былъ безъ калошъ, то ему мальчикъ подвинулъ туфли.

— Извольте, ефендимъ, надѣвать знаменитаго турецкаго башмаки и ходить въ нихъ, улыбнулся ему Нюренбергъ.—Этого законъ шейхъ-уль-исламъ требуетъ. Сами виноваты, что не надѣли своего калоши и теперь вамъ снять нечего. А вотъ мы съ вашего барыня безъ туфель пойдемъ.

Сѣдобородый старикъ открылъ уже шкатулку, вынулъ оттуда книжечку и вырвалъ изъ нея билетъ. Нюренбергъ заговорилъ съ нимъ по-турецки и подалъ ему золотую монету. Старику слѣдовало получить за билетъ серебряный меджидіе и онъ сталъ сдавать сдачи съ золотого, вытаскивалъ серебряныя и мѣдныя деньги изъ шкатулки, раскладывалъ ихъ на ладони, считалъ и наконецъ подалъ Нюренбергу. Сдачу принялся считать Нюренбергъ и не досчитался чего-то. Опять мѣдныя и серебряныя деньги перешли къ старику. Тотъ сосчиталъ ихъ, прибавилъ монетку и возвратилъ Нюренбергу. Нютенбергъ опять сосчиталъ и потребовалъ еще. Старикъ не давалъ. Завязался споръ. Начали переругиваться. Старикъ считалъ уже что-то по пальцамъ.

— Послушайте, да скоро-ли вы кончите! крик-

нулъ на нихъ Николай Ивановичъ, которому ужъ надоѣло стоять и шмыгать соломенными туфлями, которыя сваливались съ ногъ.

Нюренбергъ плюнулъ и сказалъ:

— Обсчиталъ-таки, стараго турецкаго морда, на два съ половиной піастра! Охъ, попы, попы! Самаго корыстнаго народъ!

— Да развѣ это попъ?—задала вопросъ Глафира Семеновна.

— Ну, не попъ, такъ какого нибудь духовнаго лицо: турецкаго дьячокъ, турецкаго канторъ. Пожалуйте, мадамъ.

И Нюренбергъ ввелъ супруговъ въ лѣвую боковую галлерею храма.

Масса мягкаго пріятнаго свѣта поразила глазъ. На первыхъ порахъ нельзя было догадаться, откуда исходитъ этотъ свѣтъ, до того искусно скрыты окна. Николай Ивановичъ зашмыгалъ туфлями и остановился, разсматривая стѣны и колонны.

— Стѣны всѣ изъ мозаики, но замазаны краской, потому что это были образа отъ ортодоксъ. Тутъ самаго драгоцѣннаго образа изъ мозаики, но вы не видите ихъ. Они подъ краской...—разсказывалъ Нюренбергъ.—Но сейчасъ я вамъ покажу облупившагося краска, и вы увидите лицо. Вотъ...—указалъ онъ на стѣну.

Дѣйствительно, изъ-за стершейся бѣлой краски сквозилъ ликъ иконы.

— Ахъ, невѣрные! Ахъ, варвары!—ахала Глафира Семеновна.

— Самаго драгоцѣннаго, самаго древняго, византійскаго мозаикъ! торжественно произнесъ Нюренбергъ и спросилъ:—Желаете, эфендимъ, чтобъ я разсказывалъ вамъ все по порядку, какъ мы разсказываемъ англійскаго путешественникамъ, кто и въ которомъ году построилъ Ая-Софія, кто началъ кто докончилъ, когда знаменитаго храмъ былъ передѣланъ въ мечеть? Желаете?

— Нѣтъ, нѣтъ. Оставьте пожалуйста. Не надо этого. Мы гдѣ нибудь въ книжкѣ прочитаемъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ, стоявшій передъ одной изъ колоннъ, отдѣлявшихъ боковую часть зданія отъ части, находящейся подъ куполомъ.

Онъ вглядывался въ лѣпной орнаментъ, въ звѣзды и видѣлъ, что эти звѣзды передѣланы изъ крестовъ.

— Смотри, Глаша, какъ кресты-то въ звѣзды превратили, указалъ онъ женѣ, сдѣлалъ шагъ и споткнулся.

Соломенныя туфли положительно мѣшали ему ходить, а одна такъ совсѣмъ не держалась на ногѣ. Онъ вглядѣлся и взялъ ее въ руку, оставшись объ одной туфлѣ, только на правой ногѣ.

— Ну, а теперь, эфендимъ и мадамъ, войдите подъ самый куполъ, приглашалъ Нюренбергъ.—Вотъ гдѣ громаднаго эффектъ!

Супруги Ивановы сдѣлали нѣсколько шаговъ, вошли подъ куполъ и остановились, пораженные величіемъ.

LXXII.

Открылось громадное, на первый взглядъ необъятное пространство, брезжущее бѣлесоватымъ нѣжнымъ свѣтомъ и утопающее въ выси. Гдѣ прорѣзаны окна—не замѣчалось, до того они искусно скрыты.

— Фу, какая штука! произнесъ наконецъ Николай Ивановичъ.—Какъ этотъ куполъ строили?

— Больше чѣмъ тысяча триста двадцать пять лѣтъ назадъ строили, отвѣчалъ Нюренбергъ:—а и теперь даже самаго знаменитаго архитекторы удивляются, какъ его строили.

— Непонятно, какъ такая масса держится и не упадетъ, удивлялась Глафира Семеновна.

— И сколько землетрясеніевъ было, мадамъ, въ Стамбулъ—и все-таки не упалъ, опять вставилъ свое слово проводникъ.—Сначала думали, что этого куполъ изъ... какъ его?.. Изъ... изъ пемзы, какъ самаго легкаго камень. Два архитектора этаго храмъ строили: Антеміасъ изъ Тралесъ и Исидоръ изъ Милета.

— Какъ вы все это помните, Афанасій Ивановичъ, сказала Глафира Семеновна.

— Наша обязанность такая, мадамъ, чтобъ все помнить. Я считаюсь здѣсь перваго проводникъ. Самаго перваго! похвастался Нюренбергъ.—Я даже

знаю день, когда была открыта Святаго Софія. 24 декабря 568 года была она открыта, а начата постройкой въ пятьсотъ тридцать перваго году. Въ перваго разъ Софія была открыта въ 538 году, но черезъ двадцать годовъ половина купола обвалилась—и вотъ это уже втораго куполъ, котораго Антеміосъ и Исидоръ кончили въ 568 году. Прикажите—и я могу вамъ все подробно разсказывать.

— Не надо, не надо. Зачѣмъ? Все равно все перезабудемъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ, опустилъ глаза съ выси купола и поэзія величія начала исчезать.

Отъ колонны къ колоннѣ виднѣлись протянутыя желѣзныя жерди. На жердяхъ висѣли тысячи масляныхъ лампадъ группами, въ видѣ маленькихъ круглыхъ люстръ и въ одиночку. Служители, усѣвшіеся на передвижныхъ лѣстницахъ, заправляли лампады наливали въ нихъ изъ жестяныхъ посудинъ деревянное масло.

Полъ подъ куполомъ былъ покрытъ роскошными коврами и нѣкоторые изъ нихъ, болѣе свѣтлые, были, въ свою очередь, прикрыты циновками. То тамъ, то сямъ сидѣли на колѣняхъ, по восточному, опрокинувшись корпусомъ на пятки, молящіеся въ чалмахъ и фескахъ и, зажавъ пальцами уши, шопотомъ произносили молитву. Черноглазый турченокъ-подростокъ съ еле пробивающимися усиками въ европейскомъ костюмѣ, но въ фескѣ и безъ ботинокъ, тоже сидѣлъ на колѣняхъ, смотрѣлъ въ большую книгу, положенную передъ нимъ на ска-

меечкѣ, и на распѣвъ читалъ стихи Корана. Поодаль отъ него помѣщался старый бородатый улемъ въ громадной чалмѣ и халатѣ, также на колѣняхъ, и поправлялъ его время отъ времени.

— Это сынъ какого-нибудь шамбеленъ или отъ паша учится у попа своего мусульманскому закону, пояснилъ Нюренбергъ, подвелъ супруговъ къ величественнымъ колоннамъ и сказалъ:—Вотъ восемь колоннъ изъ цѣльнаго порфира... Они были перенесены сюда изъ храма Солнца. Постойте, постойте, остановилъ онъ супруговъ, видя, что они невнимательно относятся къ колоннамъ.—Есть еще колонны. Вотъ... Эти взяты изъ другаго языческаго храма—изъ храма Діаны Эфесской.

Но и эти чудеса древняго искусства супруги удостоили только бѣглыхъ взглядовъ. Къ нимъ подошелъ рыжебородый халатникъ въ чалмѣ, улыбнулся, молча поклонился по-турецки и поманилъ въ глубь храма, къ главному входу.

— Бакшишъ сорвать хочетъ, бакшишъ. Не ходите, остановилъ супруговъ Нюренбергъ и началъ перебраниваться по-турецки съ халатникомъ, но супруги все-таки пошли за халатникомъ.

Противъ главнаго входа онъ остановился, указалъ рукой на стѣну и прищелкнулъ языкомъ. Здѣсь на стѣнѣ, надъ аркой, удаленной отъ купола, въ полумракѣ, супруги увидѣли сохранившееся не замазаннымъ изображеніе Святаго Духа въ видѣ голубя. Халатникъ, показавъ изображеніе, протянулъ уже руку и говорилъ:

— Бакшишъ, ефендимъ.

— Видите, видите!.. вскричалъ Нюренбергъ.— Вотъ ужъ онъ проситъ на чай. А зачѣмъ? Я самъ вамъ все покажу. Я всякаго уголки Ая Софія еще лучше его знаю.

Но халатникъ не отставалъ и, заискивающе улыбаясь, твердилъ: „бакшишъ, эфендимъ“.

Николай Ивановичъ сунулъ ему въ руку серебряную монетку въ два піастра.

— Если вы будете давать здѣсь всякому старого дьячекъ—о, вы много денегъ отдадите, продолжалъ Нюренбергъ, подвелъ супруговъ къ бѣлой стѣнѣ и указалъ на слабый оттискъ руки съ пятью растопыренными пальцами.—Когда турецкаго войско взяло Константинополь, султанъ въѣхалъ въ Ая-Софія верхомъ по трупамъ несчастнаго христіаны, и вотъ на этаго самаго стѣна приложилъ своего рука съ кровью, разсказывалъ онъ.—И вотъ этого рука. Вы можете ее видѣть. Вотъ пальцы.

— И такъ съ тѣхъ поръ пятно и осталось? недовѣрчиво спросила Глафира Семеновна.

— Такъ и осталось, подмигнулъ Нюренбергъ и улыбнулся.

А Николай Ивановичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ алтарному мѣсту и уже разсматривалъ двѣ гигантскія свѣчи, высящіяся по правую и лѣвую сторону алтаря, и манилъ къ себѣ жену.

— Глаша! Смотри, какія свѣчи-то! указывалъ онъ ей, поражаясь удивленіемъ.

— Да развѣ это свѣчи? Это колонны, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Свѣчи, свѣчи, мадамъ, подтвердилъ Нюренбергъ.—И представьте себѣ, изъ самаго чистаго воскъ.

Передъ супругами были двѣ колоссальныя свѣчи въ четыре-пять сажень вышины и такого объема въ толщину, что двумъ взрослымъ людямъ еле-еле представлялась возможность обнять ихъ.

— Ну, у насъ на матушкѣ Руси, я думаю, еще ни одинъ купецъ такихъ свѣчей не ставилъ, торжественно произнесъ Николай Ивановичъ.—Послушайте, Нюренбергъ, какъ-же онѣ зажигаются?

— О, на этого есть особаго лѣстницы. Эти свѣчи зажигаютъ только въ самаго большущаго праздники.

— Да неужели онѣ всѣ изъ воска? Я думаю, тамъ въ рединѣ дерево, усумнилась Глафира Семеновна.

— Псъ... Что вы, мадамъ! Въ мусульманскаго мечеть можетъ по закону горѣть только настоящаго воскъ и оливковаго масло. А другаго матеріалъ—ни-ни.

И Нюренбергъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой.

— Хотите турецкаго хорошаго ковры смотрѣть? спросилъ онъ.—Здѣсь есть на полу прикрытаго циновками ковры, которые десять, пятнадцать, двадцать тысячъ піастровъ стоитъ.

Николай Ивановичъ взглянулъ на жену и отвѣчалъ:

— Ну, что ковры? Богъ съ ними! Мечеть осмотрѣли—съ насъ и довольно.

Подтвердила это и Глафира Семеновна, прибавивъ:

— Вѣдь мы не англичане. Намъ не надо каждый кирпичикъ на каждой колоннѣ разсматривать, или плиты пола считать. Мы такъ... въ общемъ... Видѣли Софію снаружи и изнутри—ну и довольно. Гдѣ выходъ?

Они начали выходить изъ мечети. Къ нимъ подскочилъ еще халатникъ—и тоже таинственно манилъ ихъ куда-то, но они уже не обратили на него вниманіе и Николай Ивановичъ только отмахнулся. Возвращаясь къ выходу, соломенныя туфли онъ уже несъ въ рукахъ, но никто на это его вольнодумство не обращалъ вниманія.

— Свѣчи уже очень удивительны! Замѣчательныя свѣчи! Царь-свѣчи! Какъ эти свѣчи отливали—вотъ что любопытно! повторялъ онъ нѣсколько разъ.

При выходѣ ихъ окружили халатники и просили бакшишъ. Просилъ себѣ бакшишъ мальчикъ, у котораго хранились калоши и трость. Просилъ бакшишъ старикъ съ ларчикомъ, продавшій имъ входный билетъ.

— Давать или не давать? спрашивалъ Нюренбергъ.—Вѣдь изъ-за того и входнаго плата уста-

новлена во всякаго мечеть, чтобъ не давать бакшишъ.

— Дайте по немногу. Ну ихъ... сказалъ Николай Ивановичъ.—Пусть церковныя крысы попользуются.

Нюренбергъ принялся раздавать направо и налѣво мелочь.

LXXIII.

Лошади вывозили коляску супруговъ Ивановыхъ изъ переулка опять на площадь. По узкому переулку коляска ѣхала шагомъ, а около нея бѣжали нищіе съ паперти Ая-Софія, взрослые и дѣти, оборванные, покрытые струпьями, и просили бакшишъ. Николай Ивановичъ раскидалъ имъ всѣ имѣвшіяся у него мѣдныя деньги.

— А что эти нищіе только турки? спросилъ онъ сидѣвшаго на козлахъ проводника.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Нюренбергъ.—Тутъ есть и цыганскаго дѣти, и славянскаго, и армянскаго, и греческаго.

— И турки имъ позволяютъ просить милостыню на своихъ папертяхъ?

— О, турки все позволяютъ! Турки давно уже чувствуютъ, что они теперь въ Константинополѣ не свои.

— То есть какъ это?

— Каждаго часъ ждутъ, что ихъ Константинополь кто нибудь возьметъ.

— Ну?! Кто-же его можетъ взять безъ войны?

Нюренбергъ обернулся, улыбнулся и проговорилъ:

— Да вѣдь онъ ужъ и сейчасъ взятъ Европой. Нашего падишахъ сидитъ здѣсь только для виду и никакого своего воля не имѣетъ, а что русскаго, англійскаго и австрійскаго посланники скажутъ— тому и быть. И турки этого очень хорошо понимаютъ. Ну вотъ... Посмотрите еще разъ на Ая-Софію снаружи, сказалъ онъ, когда коляска выѣхала на площадь.

Глафира Семеновна вынула бинокль и стала смотрѣть на мечеть.

— Нѣтъ, некрасивая она съ наружи. Глыба, каменная глыба и ничего больше. И какъ невзрачна она снаружи, такъ великолѣпна внутри!

— Да ужъ внутренность ея вѣкъ не забудешь, поддакнулъ Николай Ивановичъ.—А снаружи именно каменная глыба, грязная, облупившаяся. Но скажите, пожалуйста, отчего ее турки не отремонтируютъ? задалъ онъ вопросъ Нюренбергу.

— Пхе... Отчего! Оттого и не ремонтируютъ, что они теперь не свои. Денегъ мало, деньги нужно на Долма-Багче, на Ильдизъ-Кіоскъ, такъ зачѣмъ ихъ тратить на Ая-Софія! Кто Константинополь возьметъ—тотъ и отремонтируетъ.

— А что это такое Долма-Багче? спросила Глафира Семеновна.

— Султанскаго дворецъ. На дворцы нужно деньги, на придворныхъ, на войско. И на этого-то предметъ не хватаетъ, такъ какого тутъ Ая-Софія!

— О, Нюренбергъ, да вы либеральничаете! поддакнулъ ему Николай Ивановичъ.

— Здѣсь всякаго человѣкъ такъ либеральничаетъ, потому всякаго человѣкъ знаетъ. Объ этого въ газетахъ только не печатаютъ, а по кофейнаго домамъ всѣ разговариваютъ. И нашего султанъ знаетъ, что онъ не свой, такъ зачѣмъ на Ая-Софія тратиться, разсуждалъ Нюренбергъ.

— Ну, ну... Кажется, у васъ очень ужъ мрачныя мысли о Константинополѣ, замѣтилъ ему Николай Ивановичъ и спросилъ:—А куда мы теперь ѣдемъ?

— Сейчасъ я вамъ покажу стараго константинопольскаго водопроводъ. Еребатонъ-Серай онъ называется, по-русски—Подземнаго замокъ. Мы спустимся съ факеломъ подъ землю...

— Нѣтъ, нѣтъ! Подъ землю я ужъ ни за что спускаться не буду, перебила Глафира Семеновна Нюренберга.

— Но вѣдь это, мадамъ, знаменитаго сооруженіе. Это большущаго пространство... Все это подъ сводами... Своды эти самаго имѣютъ триста колоннъ, и посрединѣ громаднаго озеро, и все это подъ землей.

— Не пойдемъ, не пойдемъ мы подъ землю. Что намъ водопроводъ! мы не водопроводчики!

— Всѣ знаменитаго путешественники смотрятъ.

— Ну, и мы будемъ считать, что осмотрѣли.

— Однако, душечка, если это дѣйствительно замѣчательное и интересное, то отчего-же не осмотрѣть? возразилъ Николай Ивановичъ.—А вдругъ кто въ Петербургѣ спроситъ: „были вы въ Подземномъ замкѣ, гдѣ водопроводное озеро?“

— А ты и говори, что были. Вѣдь намъ Афанасій Ивановичъ разсказалъ, что тамъ есть триста колоннъ, поддерживающихъ своды, что туда спускаются съ факеломъ. Это можешь и ты разсказывать въ Петербургѣ. Не водите, Афанасій Ивановичъ, туда. Я низачто не спущусь въ ваше подземелье, обратилась Глафира Семеновна къ Нюренбергу.

— Мы только мимо входа пройдемъ, а потомъ я вась провезу на Атмейданъ.

— А что это за Атмейданъ такой?

— Коннаго площадь... Древняго ипподромъ... Византійскаго циркъ...

— Ну, это пожалуй...

Минутъ черезъ пять экипажъ остановился передъ маленькимъ облупившимся одноэтажнымъ каменнымъ зданіемъ съ нѣсколькими несиметрично расположенными окнами и зіявшею пастью входа въ подземелье.

— Вотъ входъ въ Еребатанъ-Серай къ подземнаго озеру... указалъ Нюренбергъ.

Завидя остановившуюся коляску, къ ней подскочилъ старикъ сторожъ въ синей курткѣ и ѳескѣ

и хотѣлъ помочь выдти супругамъ, но Глафира Семеновна замахала руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пойдемъ... Мерси... Мы такъ только... Снаружи посмотримъ... сказала она.

Но Николаю Ивановичу очень хотѣлось войти въ подземелье и онъ бормоталъ:

— Въ Римѣ въ катакомбы спускались-же...

— То въ Римѣ—и, наконецъ, тамъ нѣтъ никакого подземнаго озера, отвѣтила жена.

— А что такое озеро? Везувій-то опаснѣе, однакоже на него въ Неаполѣ мы взбирались и у самаго кратера были. И въ Голубомъ гротѣ были на Капри... Такое-же подземное озеро.

— Въ Голубомъ гротѣ такъже свѣтло, какъ днемъ. Вѣдь тебѣ что надо? Тебѣ надо Василію Семеновичу въ письмѣ похвастать, что ты былъ на подземномъ озерѣ—ну, и напиши ему. Никто провѣрять не будетъ. Велите ѣхать дальше, Афанасій Ивановичъ, сказала Глафира Семеновна проводнику.

Лошади тронулись. За коляской побѣжалъ сторожъ и кричалъ: „бакшишъ". Николай Ивановичъ обернулся къ нему и показалъ кулакъ.

— Даже и изъ экипажа не вышли, а онъ—бакшишъ. Ну, народъ въ здѣшнемъ мѣстѣ!—проговорилъ онъ.

Экипажъ выѣхалъ на площадь Атмейданъ.

— Ипподромъ... Вотъ тутъ былъ древняго византійскаго циркъ, разсказывалъ Нюренбергъ. А вонъ

знаменитаго мечеть Ахмедіе... Сейчасъ мы къ ней одъѣдемъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Довольно мечетей! Надоѣло, сказала Глафира Семеновна.

— Но это, мадамъ, знаменитаго и самаго красиваго мечеть. Здѣсь прежде хранилось зеленаго знамя Пророка... Всѣ стѣны изъ порцелянъ.

— Богъ съ ней... Изъ порцелана мы уже видѣли въ одной мечети стѣны.

— А тогда осмотримъ ее только снаружи. Намъ надо къ ней подъѣхать. Около нея находится древнѣйшаго въ мірѣ египетскаго обелискъ. Вонъ онъ стоитъ, указывалъ Нюренбергъ.

Въ концѣ площади высилась, дѣйствительно, изящная, красивая мечеть, нѣсколько напоминающая Ая-Софію, но не испорченная постройками. Ее окружали шесть минаретовъ. Нюренбергъ разсказывалъ:

— Шесть минаретовъ. Единственнаго мечеть съ шесть минаретовъ. Ее перехвастала только одна Кааба въ Меккѣ, мечеть Кааба, гдѣ есть семь минаретовъ. Вы зайдите хоть на дворъ ея! Дворъ Ахмедіе—прекраснаго Караванъ-Сарай, гдѣ въ стариннаго годы собирались мусульманы, котораго ѣдутъ въ Мекку на поклоненіе гробу Пророка.

— Ну, на дворъ можно заглянуть, согласилась Глафира Семеновна и стала выходить изъ коляски, остановившейся около ограды мечети.

LXXIV.

Не прошло и пяти минутъ, какъ ужъ супруги выходили со двора мечети Ахмедіе.

— Ничего особеннаго... говорилъ проводнику Николай Ивановичъ.—А что до Караванъ-Сарая, то я себѣ иначе его воображалъ.

— А сколько колоннъ-то! И замѣтили вы, какого особеннаго колонны! расхваливалъ Нюренбергъ.— Колонны, фонтаны для омовенія мусульманскаго паломниковъ.

— Что намъ колонны-то считать! Мы не англичане. Вы, почтеннѣйшій, теперь, если хотите намъ что-нибудь показать, то покажите что нибудь особенное.

— Что-же такого особеннаго могу я вамъ показать?

Нюренбергъ недоумѣвалъ и развелъ руками.

— Покажите турецкій гаремъ и мы будемъ вамъ очень благодарны, сказалъ Николай Ивановичъ, и покосился на жену, ожидая, что она скажетъ.

— Николай! Да ты никакъ съ ума сошелъ, воскликнула супруга.

— А что такое? Почему? Ревнуешь къ женщинамъ, что-ли? Такъ вѣдь мы этихъ женщинъ-то будемъ съ тобой вмѣстѣ смотрѣть.

— Турецкаго гаремъ? Нѣтъ, этого невозможно, отвѣчалъ Нюренбергъ.

— Отчего? Вы насъ хоть къ какому-нибудь плохенькому пашѣ въ гаремъ сводите. Все-таки, мы будемъ видѣть, какъ турецкія женщины живутъ. За мечеть по серебряному меджидіе платятъ, чтобы ее смотрѣть, ну, а за гаремъ я заплачу пять меджидіе.

— Нѣтъ, нѣтъ Афанасій Иванычъ, не слушайте вы его! проговорила Глафира Семеновна.—Не пущу я его въ гаремъ.

— Да я, мадамъ, и за сто меджидіе не могу свести въ гаремъ вашего супруга.

Николай Ивановичъ фамильярно похлопалъ Нюренберга по плечу и украдкой отъ жены сказалъ:

— А ты все-таки, почтенный, насчетъ гарема-то подумай. За цѣной я не постою.

Они шли пѣшкомъ, шли мимо садовой рѣшетки, за которой росли высокіе кипарисы. Коляска шагомъ ѣхала сзади.

— Куда мы идемъ? спросила Глафира Семеновна.

— А вотъ посмотрѣть этого обелискъ, указалъ Нюренбергъ на четырехугольную колонну, обнесенную рѣшеткой. — Когда-то этого площадь имѣла много рѣдкаго памятники, но разнаго землетрясенія, разнаго войны все уничтожили. Да и не любятъ турки стариннаго памятники. Теперь только три древности остались. Вотъ этого обелискъ, змѣи-

наго колонна и колонна Константина Порфирогенетосъ.

— Ну, ужъ къ змѣиной колоннѣ вы меня не водите, брезгливо сказала Глафира Семеновна:—потому змѣй я ужасти какъ боюсь.

— Позвольте, мадамъ... Да вѣдь тамъ нѣтъ живыхъ змѣй. Этого колонна изъ бронзовыхъ змѣй, свившихся вмѣстѣ и онѣ даже безъ головъ.

— Нѣтъ, ужъ я прошу васъ даже и не говорить объ нихъ, потому что мнѣ это противно.

— Странно, какъ можетъ быть противно бронзоваго змѣи! Да вотъ онѣ... Вотъ обелискъ, а вонъ змѣиная колонна.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я даже и смотрѣть не стану.

И Глафира Семеновна обернулась спиной къ остаткамъ змѣиной колонны, обнесенной также рѣшеткой, и принялась разсматривать египетскій обелискъ, высѣченный изъ одного куска гранита.

— Тридцать метровъ вышины, повѣствовалъ Нюренбергъ.—Вотъ и іероглифы на немъ, а іероглифы эти говорятъ, что сдѣланъ онъ еще за 1600 лѣтъ до Рождества Христова въ Геліополисъ и привезенъ сюда черезъ Римъ.

Николай Ивановичъ зѣвнулъ и сказалъ:

— Насъ, братъ, этимъ обелискомъ не удивишь. У насъ въ Петербургѣ свой такой есть: на Васильевскомъ островѣ, на Румянцевской площади стоитъ. Ну, что есть еще интереснаго? спросилъ онъ Нюренберга.

— Колонна Константина Порфирогенетосъ.

— По нашему говорится: Порфиророднаго... Гдѣ она?

— А вотъ чуточку подальше за Змѣиную колонну пройти. Пойдемте...

— Нѣтъ, нѣтъ. Мимо змѣиной колонны я не пойду ни за что на свѣтѣ! заявила Глафира Семеновна и издала звукъ: бррр...

Подозвали коляску и поѣхали въ ней. Когда проѣзжали мимо Змѣиной колонны, Глафира Семеновна сидѣла, отвернувшись. Подъѣхали къ ободранной колонѣ, покоющейся на кирпичномъ пьедесталѣ.

— Это-то колонна Константина? Ну, есть что смотрѣть! иронически воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Древность... Глубокаго древность тутъ цѣнится, сказалъ Нюренбергъ и началъ сообщать:— Двадцать пять метровъ высоты. Когда-то пьедесталъ этого колонна былъ обложенъ въ позолоченнаго бронза, но рыцари крестоносцы, когда взяли Константинополь, думали, что это настоящаго золота, ободрали и увезли съ собой.

— Вотъ дураки-то были! Отчего же они не потерли на камнѣ и крѣпкой водкой не попробовали?

Нюренбергъ какъ-то подмигнулъ и, смѣясь, отвѣчалъ:

— Отъ того, что не евреи были. Были-бы евреи, такъ не обманулись-бы.

— Правильно. Люблю за отвѣтъ. Ну, что еще есть смотрѣть? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да ужъ не знаю, что вамъ и показать... Стараго церковь святой Ирины...

— Опять мечеть? воскликнула Глафира Семеновна.—Нѣтъ, ужъ мы и такъ намечетились.

— Нѣтъ, въ ней теперь не мечеть, а султанскаго арсеналъ.

— Богъ съ нимъ. Мы люди не военные. Вѣдь это алебарды, пики, ружья разсматривать.

— Да во внутрь туда, мадамъ, и не впускаютъ. Желаете султанскаго гробницы посмотрѣть?

— Вези, вези. Султанскія гробницы надо посмотрѣть, сказалъ Нюренбергу Николай Ивановичъ. — Это на кладбищѣ, что-ли? Турецкое кладбище любопытно посмотрѣть.

— Нѣтъ, не на кладбищѣ. Это особаго великолѣпнаго мавзолеумъ но тамъ сзади есть и стараго Кладбище. Это въ Стамбулъ, это на главнаго улицѣ, это не далеко.

Нюренбергъ сказалъ кучеру что-то по-турецки. Тотъ ударилъ возжами по шедшимъ шагомъ лошадямъ и онѣ помчались.

— Николай Ивановичъ, я ѣсть хочу, сказала мужу Глафира Семеновна.

— Да и меня позываетъ. Адмиральскій-то часъ ужъ давно прошелъ. А только осмотримъ прежде султанскія гробницы, да потомъ и въ ресторанчикъ.

— Отличнаго есть вѣнскаго ресторанъ въ турецкаго базаръ. И на ту сторону Золотаго Рога переѣзжать не надо, откликнулся съ козелъ Ню-

ренбергъ.—Самаго лучшаго европейскаго кухня и самаго лучшаго турецкаго вино.

— Дивлюсь, какъ это можетъ быть вино у такихъ людей, которымъ оно по закону запрещено! покачала головой Глафира Семеновна.

— О, мадамъ, что тутъ законъ! Если хотите знать, турки такъ-то пьютъ, что русскаго человѣку не уступятъ, но они пьютъ такъ, чтобы никто не видалъ.

— Стало быть и свинину и ветчину ѣдятъ?

— Пхе... Да конечно-же... Самаго большущаго генералы ѣдятъ, но такъ, чтобъ Шеихъ-уль-Исламъ не зналъ, отвѣчалъ съ козелъ Нюренбергъ.—И ветчину ѣдятъ, и колбасу ѣдятъ, и французскаго содержанки имѣютъ.

Минутъ черезъ десять экипажъ подъѣхалъ къ усыпальницѣ султановъ Абдулъ-Гамида I, Мустафы IV и ихъ женъ. Это было небольшое красивое зданіе съ куполомъ, съ большими окнами въ европейскомъ стилѣ, но задѣланными толстыми рѣшетками. Въ зеркальныя стекла оконъ виднѣлось нѣсколько гробницъ. У оконъ останавливался проходящій народъ и смотрѣлъ на гробницы.

— Можно и изъ оконъ кое-что видѣть, но вы ужъ не пожалѣйте меджидіе и я васъ въ самаго мавзолей введу. За меджидіе—вы все увидите, сказалъ Нюренбергъ, соскакивая съ козелъ, и сталъ стучаться въ рѣшетчатую калитку, ведущую на дворъ.

LXXV.

Нѣтъ, довольно по мечетямъ! Эти султанскія гробницы та-же мечеть, тотъ-же турокъ, читающій на колѣняхъ коранъ, тѣ-же лампадки съ деревяннымъ масломъ. Что мы мусульмане какіе правовѣрные, что-ли, что зарядили по мечетямъ! говорилъ Николай Ивановичъ, выходя изъ кіоска съ могилами султановъ.—И зачѣмъ вы насъ, полупочтеннѣйшій, во внутрь повели, если всѣ эти и султанскія, и султанскихъ женъ могилы можно отлично видѣть, смотря съ улицы въ окна! Даромъ только серебряный меджидіе за входъ бросили, а вѣдь меджидіе на наши деньги больше двухъ рублей стоитъ, упрекнулъ онъ Нюренберга.

Тотъ только развелъ руками и сказалъ:

— Всѣ именитаго путешественника смотрятъ.

Къ мужу подскочила Глафира Семеновна и шепнула:

— Онъ никакого меджидіе за входъ вовсе не давалъ, а сунулъ старику сторожу какую-то мелкую монету въ бакшишъ—вотъ и все. Я видѣла.

— А съ меня взялъ. Ну, да чортъ съ нимъ. А только ужъ достаточно по мечетямъ Магомету праздновать!

Супруги стали садиться въ экипажъ.

— Сейчасъ я васъ въ знаменитаго турецкій базаръ повезу. Тамъ есть хорошаго вѣнскаго ресто-

ранъ, гдѣ и позавтракать можно, сказалъ Нюренбергъ, подсаживая ихъ.

— Какой тутъ завтракъ въ четвертомъ часу! Прямо обѣдать будемъ. Я ѣсть, какъ собака хочу,— отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А пить еще того больше... Чаю, чаю хочу. Съ какимъ бы наслажденіемъ я теперь далъ меджидіе, чтобы по-человѣчески, по-русски, настоящимъ манеромъ напиться чаю, сидя около самовара!

Экипажъ мчался по узкой улицѣ. Пѣшеходы, всадники и вьючные ослы такъ и шарахались въ сторону, чтобы дать ему дорогу. Домишки по улицѣ были маленькіе, турецкой постройки, съ окнами, расположенными какъ попало, не въ симметрію. Между домишками шли пустыри, обнесенные заборами, а въ заборахъ то тамъ, то сямъ были временныя съѣстныя лавки, сколоченныя изъ досокъ съ грудами вареной фасоли, кукурузы, бѣлаго хлѣба, съ таганами и кипящими на нихъ на угольяхъ чайниками съ кипяткомъ для кофе. И здѣсь-то, въ одной изъ лавченокъ, судьба послала Николаю Ивановичу увидѣть русскій самоваръ. Грязный, кое-гдѣ позеленѣвшій, онъ кипѣлъ, поставленный на прилавкѣ, точь въ точь, какъ у насъ въ Россіи во время какихъ нибудь церковныхъ ярмарокъ въ селахъ, но съ тою только разницей, что на немъ красовалась надѣтой та самая мѣдная труба, которая у насъ всегда продается при покупкѣ самовара, но никогда не употребляется. Увидалъ его Николай Ивановичъ и радостно закричалъ:

— Глаша! Смотри! Нашъ русскій самоваръ! Вотъ сюрпризъ-то! Только заговорилъ о самоварѣ, а онъ тутъ какъ тутъ. Эй, извозчикъ! Арабаджи! Стой! Стой!

И Николай Ивановичъ вскочилъ въ коляскѣ и схватилъ кучера за плечи.

— Послушайте, Афанасій Ивановичъ,—сказалъ онъ проводнику:—Тутъ самоваръ, стало быть можно чаю напиться.

Тотъ велѣлъ кучеру остановить лошадей и отвѣчалъ:

— Конечно, можно, но я не знаю, хорошо-ли будетъ, если такого именитаго господинъ и съ мадамъ будутъ пить чай въ самаго мужицкаго кофейнѣ.

— Э, что тутъ разбирать! Кто здѣсь насъ знаетъ Глаша! Согласна напиться здѣсь чаю?—обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.

Та замялась.

— Неловко-то оно будетъ, неловко,—отвѣчала она.—Вонъ тутъ и носильщики ѣдятъ, тутъ и погонщикъословъ... Ну, да все равно!

И она стала выходить изъ коляски. Вышелъ и Николай Ивановичъ.

— Эй! Кайнатъ (то-есть самоваръ)!—крикнулъ онъ выскочившему изъ-за прилавка турку въ рваной синей курткѣ и шароварахъ и почтительнѣйше приложившему руку къ фескѣ на лбу.—Кайнатъ! Чаю намъ напиться можно? Чаю, чай... Понимаешь?

Нюренбергъ тотчасъ-же перевелъ желаніе Николая Ивановича по-турецки. Турокъ, радостно оскаливъ бѣлые зубы, откинулъ доску прилавка и сталъ приглашать гостей войти въ лавку. Въ лавкѣ уже сидѣли на полу на грязной циновкѣ, поджавъ подъ себя ноги, чалма изъ тряпицъ, съ необычайно смуглымъ лицомъ и замасленная порыжѣлая, когда-то красная феска, въ сѣдыхъ усахъ и съ распахнутымъ воротомъ рубахи, въ которомъ виднѣлась темная, мускулистая, волосатая грудь. Они что-то ѣли изъ чашекъ прямо пальцами. Завидя гостей въ европейскихъ костюмахъ, они поднялись съ циновокъ и встали къ стѣнѣ.

— Сидите, сидите, почтенные!—махнулъ имъ рукой Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Селямъ алейкюмъ (то-есть: здравствуйте)!

— Сабахынызъ хайръ ола, челеби (то-есть, добраго утра, хозяинъ)!—откликнулась тряпичная чалма, приложивъ ладонь ко лбу.

— Николай Иванычъ, только я на полъ не сяду...—сказала Глафира Семеновна, не видя мебели въ лавченкѣ, но хозяинъ лавки уже вытаскивалъ изъ-подъ прилавка два некрашеные тубарета и говорилъ:

— Отуръ буюрунъ, эфендимъ! Отуръ буюрунъ, мадамъ (то-есть, прошу садиться). Русыя (то-есть, Россія)?—спросилъ онъ ихъ, сдернулъ съ полки маленькій молитвенный коврикъ, покрылъ имъ одинъ изъ табуретовъ и указалъ на него Глафирѣ Семеновнѣ.

— Россія... Россія... Изъ Россіи...—отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ, обращаясь къ женѣ:—Какой радушный турокъ! Смотри, какъ онъ радуется! Не знаетъ, чѣмъ услужить. Ну, садись на коврикъ.

Супруги сѣли на табуреты и придвинулись къ прилавку. Турки усѣлись у ногъ ихъ на циновкѣ и продолжали ѣсть изъ чашекъ. Кафеджи суетился около самовара и заваривалъ чай въ маленькомъ чайникѣ. Нюренбергъ стоялъ на улицѣ и покуривалъ папироску.

— Спросите, откуда у него взялся русскій самоваръ,—сказалъ проводнику Николай Ивановичъ.

Нюренбергъ заговорилъ съ кафеджи по-турецки и потомъ сообщилъ:

— Онъ говоритъ, что здѣсь много продается самоваровъ въ Перѣ въ русскаго магазинѣ. А купилъ онъ его потому, что къ нему очень часто русскіе матросы заходятъ чай пить. Самоваръ у него давно. Онъ говоритъ, что въ самоварѣ скорѣе скипятить горячаго вода, чѣмъ въ чайникѣ на турецкаго таганѣ.

— Глаша! Слышишь! Какой разумный турокъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Но отчего всѣ такъ не поступаютъ здѣсь? Отчего другіе не берутъ съ него примѣръ?

— О, эфендимъ! Здѣсь самоваровъ есть у многаго турецкаго кафеджи,—отвѣчалъ Нюренбергъ.— Вотъ если вы пожелаете съѣздить на кладбище

въ Скутари, то тамъ почти у каждаго кафеджи самоваръ.

— Отчего-жъ ты мнѣ раньше не сказалъ!—закричалъ на него Николай Ивановичъ.—А я мучаюсь, терзаюсь, глотая черную англійскую ваксу вмѣсто чая.—Что это такое Скутари? Гдѣ это такой Скутари?

— Черезъ Босфоръ, на Азіатскомъ берегу.

— Въ Азіи? Такъ что-жъ ты шутишь со мной, полупочтеннѣйшій, что ли! Развѣ я про Азію спрашиваю! И Николай Ивановичъ даже сверкнулъ глазами.

— О, успокойтесь, эфендимъ—улыбнулся Нюренбергъ.—Азія отъ насъ близко. Азія отъ насъ недалеко. Азія отъ вашего гостинница всего полчаса ѣзды. Мы теперь въ Европѣ, а ужъ черезъ Босфоръ будетъ Азія, а нашъ Босфоръ все равно, что ваша Нева.

Николай Ивановичъ слушалъ и не довѣрялъ.

— Вѣрно, вѣрно. Онъ не вретъ... шепнула мужу Глафира Семеновна.—Я учила. Въ пансіонѣ учила... Помню...

Кафеджи, между тѣмъ, разставлялъ чашки на прилавкѣ и блюдцо съ сахаромъ.

LXXVI.

Супруги, сидя у прилавка, пили чай, и Николай Ивановичъ то и дѣло похваливалъ его, говоря:

— Вотъ это чай... Вотъ это настоящій чай. Не вакса какая нибудь англійская, скипяченная.

Чай былъ дѣйствительно превкусный, свѣже заваренный.

Странно было видѣть мужчину, одѣтаго по-европейски и съ нимъ рядомъ нарядную даму въ модной шляпкѣ, сидѣвшихъ въ лавченкѣ уличнаго кафеджи и пившихъ чай, прихлебывая его съ блюдечка. Очень естественно, что прохожіе начали останавливаться и съ удивленіемъ смотрѣть на нихъ. Подскочилъ длинноволосый нищій дервишъ въ грязномъ балахонѣ и съ крикомъ „гу-гу" протянулъ имъ свою чашечку для сбора подаянія. Просила милостыню черномазая, грязная цыганка, у которой торчалъ изъ-за спины ребенокъ, помѣщенный въ кузовкѣ. Пришли торговцы изъ сосѣднихъ лавокъ и тоже остановились, съ любопытствомъ осматривая супруговъ и разспрашивая объ нихъ у стоявшаго тутъ-же Нюренберга. Странно было для всѣхъ, что люди пріѣхали въ щегольской коляскѣ и сидятъ при такой обстановкѣ. Нюренбергъ объяснялъ имъ, какъ могъ, капризъ своихъ

кліентовъ. Турецкій гортанный говоръ такъ и стоялъ въ толпѣ. Остановился даже проѣзжавшій мимо черкесъ-всадникъ и присоединился къ разговору.

— Послушайте, Нюренбергъ, разгоняйте пожалуйста публику. Чего это столпились и смотрятъ, какъ на звѣрей какихъ!—сказалъ Николай Ивановичъ проводнику.

Тотъ пожалъ плечами, но крикнулъ что-то по-турецки толпѣ. Кафеджи замахалъ на остановившихся руками и одного изъ любопытныхъ даже отпихнулъ въ плечо, но толпа не расходилась и вдругъ изъ нея раздался русскій ломаный говоръ:

— Здравствуй, господынъ русскый эфендымъ! Изъ Москва прыѣхалы? Поклонъ мой, дюша моя, вамъ! Мы тоже въ Руссыи были. Въ Нахычевань были, въ Ростовъ-на-Дону были. Здравствуй, барыня!

Изъ толпы выдвинулся черный какъ жукъ усатый пожилой человѣкъ съ небритымъ щетинистымъ подбородкомъ и кланялся, прикладывая ладонь руки ко лбу и къ груди. Онъ былъ въ фескѣ, въ жилетѣ и въ передникѣ, запачканномъ кровью, а у пояса его висѣлъ большой ножъ въ чехлѣ.

— Армянинъ?—задалъ вопросъ Николай Ивановичъ, сообразивъ при упоминаніи о Нахичевани о національности говорящаго.

— Армvenски человѣкъ,—кивнулъ тотъ.—Мы мясникъ, фруктовщикъ будемъ. Ходы на часъ, дюша

мой, покупать апельсины. Кишмышъ есть, коринка есть. Наша лавка здѣсь рядомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ недурно-бы купить апельсиновъ,—сказала Глафира Семеновна.

— Есть, есть, барыня! Хороши портогалы есть. Угощеніе дадимъ. Изъ Москва?—спросилъ армянинъ.

— Нѣтъ, изъ Петербурга.

— Знаемъ Петербургъ. И тамъ есть арменски люди.

— А вы давно здѣсь въ Константинополѣ?—начались разспросы.

— Мы настоящій стамбулски арменинъ есть, а только торговали въ Нахичевань и въ Ростовъ-на-Дону. И папенька, и маменька наши изъ Стамбулъ.

Супруги допивали чай, а мясникъ-армянинъ ждалъ и разспрашивалъ ихъ, гдѣ они остановились, нравится-ли имъ Стамбулъ. Онъ самъ спросилъ себѣ у кафеджи чашку кофе и не только выпилъ кофе изъ маленькой чашечки, но даже вылизалъ изъ нея языкомъ всю гущу, оставшуюся на днѣ. Но вотъ супруги напились чаю, щедро разсчитались съ кланявшимся и скалившимъ отъ восторга зубы кафеджи, и армянинъ повелъ ихъ въ свою лавку, находившуюся дома черезъ два. Вся толпа тотчасъ же перекочевала за ними. Купили они у армянина апельсиновъ, миндальныхъ орѣховъ, фисташекъ. Армянинъ усадилъ супруговъ у себя въ лавкѣ и, пославъ къ кафеджи за кофе, сталъ ихъ подчи-

вать кофе. Отказаться было не ловко. Онъ уже узналъ, какъ зовутъ супруговъ, и величалъ ихъ по имени и отчеству. Николай Ивановичъ спросилъ въ свою очередь, какъ зовутъ армянина.

— Карапетъ Абрамьянцъ, отвѣчалъ онъ.—Карапетка... Зовите Карапетка—вотъ и все.

— Съ какой стати? Вы купецъ, я купецъ. Одного поля ягоды мы. Будемъ звать и васъ по отчеству. Карапетъ Иванычъ, что-ли?

— Зачѣмъ Иванычъ? Папенька мой былъ Аветъ.

— Ну, такъ Карапетъ Аветычъ. Вотъ что, Карапетъ Аветычъ... началъ Николай Ивановичъ: — Хочу я переѣхать въ другую гостинницу. Не нравится мнѣ тамъ. Очень ужъ все чопорно тамъ, модно, все на англійскій манеръ. Пьютъ и ѣдятъ по часамъ... Отъ такого часа до такого... А въ остальное время ни съѣсть, ни выпить ничего не допросишься. А мы этого не любимъ, мы люди русскіе. . Намъ вотъ сейчасъ подавай, когда захотимъ. А главное, что настоящаго чаю тамъ напиться нельзя. Самовара нѣтъ. Но это бы еще ничего. А кипятку, подлецы, не даютъ. Даютъ теплую воду, а кипятку нѣтъ.

— А сколько платишь за комнату?

— Да плата-то чортъ съ ней. Мы не изъ-за платы. А гостей не уважаютъ, не хотятъ по нраву потрафить. Платимъ мы, кажется, двѣнадцать франковъ, сказалъ Николай Ивановичъ и взглянулъ на Нюренберга, ожидая подтвержденія.

— Пятнадцать, отвѣчалъ тотъ.

— Фю-фю фю!—просвистѣлъ армянинъ. — Ми тыбѣ, дюша моя, за пять франки хорошую комнату найдемъ.

— Но зато это будетъ не лучшаго отель, а самаго простаго турецкаго хане...—вставилъ Нюренбергъ.

— А что-жъ изъ этого? Было-бы чисто да мягко и чтобы мнѣ этихъ поганыхъ мордъ лакейскихъ во фракахъ не видѣть. Словно актеры какіе, князей разыгрывающіе. Да и постояльцы-то всѣ во фракахъ. А мы любимъ по просту, по домашнему... Намъ хоть турецкая, хоть персидская гостинница, но была-бы постель почище.

— Да у насъ даже и свое постельное бѣлье, и подушки, и пледы вмѣсто одѣялъ есть, если ужъ на то пошло,—проговорила Глафира Семеновна.

Армянинъ стоялъ въ раздумьи и чесалъ затылокъ.

— Хочешь, дюша моя, я тебя у собя за пять франки, самая лучшая комната уступать буду?—произнесъ онъ, наконецъ.

— У васъ въ квартирѣ?—быстро спросила Глафира Семеновна.

— Да, у насъ въ квартырѣ, барыня.—Здѣсь на верху, надъ лавкомъ. Ходы на насъ посмотрѣть комната, Николай Иванычъ, ходы на насъ, барыня, дюша моя...

И армянинъ потащилъ супруговъ къ себѣ въ квартиру, находившуюся надъ лавкой. Нюренбергъ шелъ сзади, пожималъ плечами и увѣрялъ, что

для такого именитаго господина въ простой квартирѣ останавливаться неудобно, потому что нѣтъ ни прислуги настоящей, ни ресторана.

— Пшитъ!—крикнулъ на него армянинъ, сдвинувъ брови и строго выпуча глаза — Чего ты кричишь? Чего, какъ собака, лаешь! Бакшишъ тебѣ надо? Я дамъ тебѣ бакшишъ. А вамъ, барыня, дюша моя, я дамъ сынъ для прислуга, дочка для прислуга и самъ Карапетъ Абрамьянцъ будетъ прислуга. Николай Иванычъ лубитъ самоваръ? Будетъ и самоваръ.

— Даже и съ самоваромъ?—улыбнулся Николай Ивановичъ.—А гдѣ возьмешь его?

— У сосѣда-кафеджи возьму, эфендимъ.

Комната армянина была относительно чистая. Стояла большая софа по стѣнѣ, на полу лежали два нарядные ковра, нѣсколько вѣнскихъ буковыхъ стульевъ...

— Для барыня ваша, эфендимъ, тоже софа поставимъ,—сказалъ армянинъ.—Кровать у меня нѣтъ, а софа, сколько хочешь, есть.

Супругамъ комната понравилась, а Глафира Семеновна даже промолвила:

— Да на софахъ-то даже еще лучше спать. Я люблю.

— Еще бы. И будетъ это совсѣмъ по-турецки,—прибавилъ супругъ.—А то пріѣхали въ Турцію и живемъ въ какой-то Англіи, гдѣ все англійскія морды во фракахъ.—Согласна, Глаша, сюда переѣхать?

— Да отчего-же?.. Съ удовольствіемъ... Попроще-то, право, лучше.

— Ну, такъ и останемся.

Нюренбергъ сдѣлалъ кислое лицо, а армянинъ взялъ правую руку Николая Ивановича, сказавъ:

— Добраго дѣло будетъ! Жыви! Спи! Кушай! Шашлыкъ, бифштексъ хочешь — самый лучшій, первый мясо изъ лавки дамъ, и дочка моя сейчасъ все сдѣлаетъ.

— Ахъ, даже и съ кушаньемъ можно?—обрадовалась Глафира Семеновна.—Такъ вотъ пожалуйста намъ сейчасъ по хорошему бифштексу велите изжарить. Просто тошнитъ даже—вотъ какъ ѣсть хочу. Чаемъ и кофеемъ набулдыхиваемся, а я еще ничего не ѣла сегодня.

— Даже и не два бифштекса давайте, а четыре, прибавилъ Николай Ивановичъ.

— Четыре? Пять сдѣлаемъ, дюша моя. И самый первый сортъ сдѣлаемъ!—воскликнулъ армянинъ.

Николай Ивановичъ снялъ пальто, сѣлъ на софу и тотчасъ-же отдалъ приказъ Нюренбергу:

— Поѣзжайте сейчасъ въ гостинницу, спросите тамъ счетъ и привезите сюда наши вещи. Пусть человѣкъ изъ гостинницы съ вами сюда пріѣдетъ. Онъ получитъ съ меня по счету деньги.

Понуря голову и разводя руками, вышелъ изъ комнаты Нюренбергъ.

— Ахъ, нехорошаго дѣло, эфендимъ, вы дѣлаете! Самаго безпокойнаго мѣсто вамъ здѣсь будетъ!—бормоталъ онъ.

LXXVII.

И вотъ супруги Ивановы на квартирѣ у армянина Карапета Абрамьянца. Началось приведеніе въ порядокъ комнаты для жильцовъ. Карапетъ съ сыномъ Аветомъ, парнишкой лѣтъ пятнадцати, черноглазымъ и ужъ съ засѣвшими на верхней губѣ усиками, втащили въ комнату вторую софу и даже повѣсили надъ ней хорошій турецкій коверъ, а сверху ковра маленькое зеркальце.

— Для госпожи барыни твоей постель будетъ,— похвастался Карапетъ Николаю Ивановичу и прибавилъ:—А въ зеркало можетъ свои глазы, носъ и губы смотрѣть, съ бѣлила и румяна мазать.

— Да что вы! Развѣ я мажусь?—обидѣлась Глафира Семеновна.

— О, дюша моя, нѣтъ такова барыня на землѣ, которая не мажетъ себѣ лицо и глазы! Моя дочка совсѣмъ глупый дѣвченка, а тоже мажетъ и глазы, и носъ, и щеки, и уши. Какъ праздникъ большой, такъ сейчасъ папенька и слышитъ: „папенька, дай на пудра, папенька, дай на румяновъ".

Внесли мѣдный тазъ, мѣдный кувшинъ съ водой, и Карапетъ опять сказалъ:

— Вода сколько хочешь, дюша мой, Николай Ивановичъ. Можешь съ наша вода даже кожу съ лица смыть. Ну, теперь все. Будь здоровъ, дюша мой. Подушковъ и одѣяла не надо?

— Не надо, не надо. Подушки, бѣлье и одѣяла сейчасъ нашъ проводникъ привезетъ, — откликнулась Глафира Семеновна.

Карапетъ осмотрѣлъ комнату и улыбнулся, торжествуя.

— Хочешь, эфендимъ, еще коверъ могу дать? Хочешь, барыня, клѣтку съ канарейкомъ могу на окошко повѣсить?

— Не надо, ничего больше не надо. Теперь-бы только поѣсть.

— Сыю минута бифштексъ будетъ. Самая первый сортъ мяса дочкѣ далъ. Сейчасъ дочка Тамара бифштексъ принесетъ, шашлыкъ принесетъ.

— А у васъ дочку Тамарай звать? Какое поэтическое имя! — замѣтила Глафира Семеновна.

— Такъ и жена мой звали. И жена мой была Тамара.

— А гдѣ-же жена ваша?

— Богъ взялъ, указалъ рукой на потолокъ Карапетъ и прибавилъ:—Шесть годовъ теперь я холостой малчикъ. Хочешь водка, дюша мой, выпить передъ бифштексъ? - быстро спросилъ онъ Николая Ивановича.

— Да развѣ есть?—воскикнулъ тотъ, улыбаясь.

— Русской водка нѣтъ, но турецкій раки есть. Томатъ кислый есть на закуска, петрушка есть на закуска, сельдери, паприка, чеснокъ... Это армленски закуска.

— Глаша, я выпью рюмку, заискивающе обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.—Выпью, хоро-

шенько поѣмъ и по петербургски соснуть часокъ другой прилягу.

— Да пей...—пожала плечами Глафира Семеновна и спросила армянина:—Отчего это, Карапетъ Аветычъ, въ Турціи водку дозволяютъ, если самъ мусульманскій законъ ее запрещаетъ?

Армянинъ наклонился къ ней и проговорилъ:

— Турки-то, барыня, самый большой пьяница и есть, но они по секретъ пьютъ, на ночь, когда никто не видитъ. О, это большой доходъ для нашего султанъ!

Въ дверь заглянула миловидная дѣвушка въ синемъ шерстяномъ платьѣ, съ засученными по локоть рукавами и въ передникѣ.

— А вотъ и обѣдъ для мои первые гости готовъ! сказалъ Карапетъ.—Дочка моя Тамара. Ходы на насъ, Тамара! Ходы на насъ, дюша мой! поманилъ онъ дѣвушку и заговорилъ съ ней на гортанномъ нарѣчіи.

Та, покраснѣвъ, вошла въ комнату и спрятала руки подъ передникъ. Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, брюнетка до синевы, съ волосами, заплетенными въ нѣсколько косичекъ, которыя спускались ниже плечъ и оканчивались красными бантиками. Глафира Семеновна протянула ей руку, сказалъ и Николай Ивановичъ: „здравствуйте, барышня“.

— Ни слова не знаетъ по-русски, отрицательно покачалъ головой отецъ.—Ни Аветка, ни Тамар-

ка—ни одинъ слова, дюша мой. Только по-армянски и по-турецки.

— Такъ мы, какъ поздороваться-то, и по-турецки знаемъ! Селямъ алейкюмъ, барышня,—сказалъ Николай Ивановичъ.

Дѣвушка тоже что-то пробормотала и поклонилась.

— По-французски въ училищѣ она училась, по-французски пятьдесятъ, шестьдесятъ словъ знаетъ, сообщилъ папенька и опять заговорилъ съ дочкой на гортанномъ нарѣчіи.

— Все готово... Обѣдъ готовъ... Садитесь за столъ,—прибавилъ онъ супругамъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату и загремѣлъ тамъ посудой.

Запахло жаренымъ мясомъ, и отецъ, сынъ и дочь начали вносить въ комнату глиняныя плошки, тарелки, бутылки и рюмки. Карапетъ накинулъ на столъ салфетку и сейчасъ-же похвастался:

— У меня не такъ, какъ у турки... У меня, дюша мой, и салфетка на столѣ, и вилки есть, и ножикъ. Мы люди образованные...

Вскорѣ всѣ яства и питіи были поставлены, и супруги сѣли за столъ. Присѣлъ и Карапетъ. Красовались на блюдцѣ три громадные маринованные томата, лежали на тарелкѣ корни петрушки, сельдерея, стручки зеленаго перца. Пріятно щекотали обоняніе и бифштексы. Глафира Семеновна взяла кусокъ мяса себѣ на тарелку и сказала Карапету:

— Вотъ у васъ я ѣсть бифштексъ не боюсь. Я

знаю, что армяне лошадиную говядину не ѣдятъ, а въ турецкомъ ресторанѣ не рѣшилась-бы.

Армянинъ наклонился къ ней, тронулъ ее громадной ладонью по плечу и сказалъ:

— Такой говядина, какъ у меня, дюша моя, у самаго падишахъ нѣтъ.

Онъ налилъ изъ бутылки въ двѣ рюмки желтоватой жидкости и выпилъ вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ. Тотъ проглотилъ и сморщился.

— Фу, сатана какая! Что это съ перцемъ, что-ли?

— Безъ перцомъ. Самая хорошая турецкая водка.

— Боже мой! Турецкая водка... Слушаю и ушамъ своимъ не вѣрю, что въ мусульманской Турціи водка есть!—проговорила Глафира Семеновна.—Не такъ я себѣ Константинополь воображала. Я думала, что здѣсь объ винѣ и водкѣ говорить даже запрещено.

— Самая лучшая водка, дюша мой,—продолжалъ Карапетъ:—но турецкая водка всегда ротъ и горло кусаетъ, когда кто одну румку пьетъ. Выпей двѣ и пріятное удовольствіе въ брюхѣ будетъ.

И онъ налилъ вторично въ рюмки. Николай Ивановичъ взглянулъ на жену.

— Развѣ ужъ изъ-за томатовъ только выпить. Томаты маринованные очень хороши. Ну, по-русски, хозяинъ... Ваше здоровье... Очень радъ, что судьба меня столкнула съ вами. Обѣдъ прелестный. Домашній, безхитростный, но это то я и люблю.

Не хулила ѣду и Глафира Семеновна и кушала съ аппетитомъ мясо, и томаты, и рисъ съ шафраномъ, поданный къ шашлыку, но когда Карапетъ въ третій разъ сталъ наливать водку въ рюмки, строго произнесла:

— Это ужъ чтобъ послѣдняя была.

— Послѣдняя, послѣдняя, мадамъ, дюша мой,— отвѣчалъ Карапетъ, улыбнулся и прибавилъ:— Мой жена, дюша мой, тоже вотъ такъ, какъ ты, не давала мнѣ пить много водки. Теперь твое и барыни здоровье, эфендимъ,—чокнулся онъ съ Николаемъ Ивановичемъ, выпилъ и принялся ѣсть сырой корень петрушки, хрустя зубами и похваливая:—Хороша арменска закуска, здорова арменска закуска.

Когда обѣдъ былъ конченъ, Карапетъ тронулъ Николая Ивановича ладонью по плечу и сказалъ:

— Хочешь, дюша мой, эфендимъ, я тебя сегодня по-русскому угощу?

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ довольно. Пожалуйста довольно насчетъ вина!—замахала руками Глафира Семеновна.

— Стой, барыня! Стой, мадамъ! Не вино... Сама похвалишь. Сама скажешь, что Карапетка хорошій человѣкъ. Сегодня субботъ, Николай Иванычъ, завтра праздникъ воскресенье... Ты теперь ложись и спи и гляди хорошій самый лучшій сонъ, а я пойду въ лавку. Ты, дюша мой, проснешься, а я лавку запру и пойдемъ мы съ тобой, дюша мой, въ баню.

— Въ баню? А что? Да вѣдь это прекрасно. Глаша, какъ ты думаешь?—спросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Иди. Но только ужъ пожалуйста тамъ не пить.

— Въ банѣ-то? Да какое-же тамъ питье! Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, Карапетъ Аветычъ, схожу съ тобой въ баню. Много я про турецкую баню слыхалъ, а теперь воочію ее увижу. Пойдемъ, пойдемъ. А вернемся—ты мнѣ самоварчикъ изобразишь. Обѣщалъ вѣдь самоваръ.

— Будытъ, будытъ... И самоваръ послѣ баня будытъ,—кивнулъ армянинъ.

— Глаша! Да вѣдь это восторгъ что такое! Какъ должны мы быть благодарны случаю, что повстрѣчались съ Карапетомъ Аветычемъ.

Карапетъ стоялъ и кланялся.

— Такъ въ баню сегодня вечеромъ? Хорошо. Прощай, дюша мой, прощай мадамъ,—сказалъ онъ, протянувъ постояльцамъ свою громадную руку и удалился.

Н. А. Лейкинъ.

LXXVIII.

Супруги долго-бы еще спали крѣпкимъ послѣобѣденнымъ сномъ, но Николая Ивановича разбудилъ армянинъ-мясникъ. Онъ проникъ черезъ незапиравшуюся дверь, стоялъ около софы надъ Николаемъ Ивановичемъ и говорилъ:

— Вставай, баринъ! Вставай, эфендимъ! Вставай, дюша мой, пора въ баня идти.

Николай Ивановичъ открылъ глаза, увидалъ передъ собой при свѣтѣ горѣвшей на столѣ лампы крупную волосатую фигуру въ фескѣ и съ засученными рукавами рубашку и сразу вскочилъ и сѣлъ на софѣ.

— А вещи наши изъ гостинницы привезли?— спросилъ онъ.

— Привезли, привезли. Я и счетъ за тебя, дюша мой, заплатилъ. Сейчасъ внесутъ твои вещи. А счетъ четыреста двадцат и три піастръ.

— Сколько?—испуганно спросилъ Николай Ивановичъ, но когда Карапетъ повторилъ сумму и прибавилъ, что это піастры, а не франки, онъ тотчасъ-же сообразилъ и сказалъ:—Да, да... Піастръ— семь, восемь копѣекъ. Ну, это еще не очень сильно ограбили. Глаша! вставай!—крикнулъ онъ женѣ, которая продолжала еще спать на своей софѣ, свернувшись калачикомъ.

— Пріѣхали?—откликнулась съ просонья Глафира Семеновна.—А какая это станція?

— Вишь, какъ заспалась! Думаетъ, что все еще по желѣзной дорогѣ ѣдемъ. Ну, пусть она лежитъ. Давайте сюда наши вещи.

— Аветъ! Тамара!—ударилъ въ ладоши хозяинъ и заговорилъ что-то на гортанномъ нарѣчіи.

Дверь распахнулась, и дочь его и сынъ начали втаскивать подушки, свертки, картонки. Наконецъ, самъ Карапетъ съ сынишкой втащилъ сундукъ супруговъ.

— Глаша! Смотри-ка, какой любезный Карапетъ Аветычъ-то, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.— Чтобъ не будить насъ, принялъ всѣ наши вещи и по счету изъ гостинницы за насъ заплатилъ.

Глафира Семеновна открыла глаза и щурилась на горѣвшую лампу.

— А гдѣ-же нашъ проводникъ Нюренбергъ?— спросила она.

— Онъ убѣжалъ, барыня-сударыня, я говорю ему: жди. А онъ говоритъ: „я завтра приду",—отвѣчалъ армянинъ.—О, это тонкій каналья. Онъ хочетъ съ васъ и за завтра деньги получить. Ну, идемъ, дюша мой, эфендимъ, въ баню—обратился онъ къ Николаю Ивановичу.

Тотъ уже вытаскивалъ для себя изъ чемодана чистое бѣлье.

— Да, да... сказалъ онъ.—Сейчасъ я буду готовъ.—А ты, Глаша, тѣмъ временемъ разберись

въ нашихъ вещахъ, покуда мы будемъ въ банѣ. Я скоро...

— А зачево твоей барынѣ не идти, дюша мой, въ баню съ Тамаркой? Вотъ Тамарка проводитъ,— предложилъ хозяинъ, кивая на дочь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я дома останусь. Какъ я могу съ вашей дочерью въ баню идти, если она ни слова не знаетъ по-русски, а я ни слова по-турецки и армянски!

— Она, дюша мой, по-французски говоритъ. Она въ пансіонъ училась. Она тридцать словъ знаетъ. Скажи ей французское слово, она сейчасъ пойметъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы идите, а я дома...

Николай Ивановичъ и Карапетъ отправились въ баню. Не взирая на то, что на улицѣ было совсѣмъ тепло, Карапетъ надѣлъ на себя теплое пальто съ краснымъ лисьимъ воротникомъ. Свой узелъ съ бѣльемъ и узелъ Николая Ивановича онъ надѣлъ на палку и палку эту перекинулъ черезъ плечо. Ходьбы до бани было нѣсколько минутъ, но идти пришлось по совсѣмъ темнымъ улицамъ. Лавки были заперты, окна въ турецкихъ домахъ закрыты ставнями и сквозь нихъ изъ жилья проникали только кое-гдѣ полоски свѣта. То и дѣло пришлось натыкаться на цѣлыя стаи собакъ. Съ наступленіемъ темноты онѣ уже не лежали около домовъ, а бродили отъ дома къ дому, отыскивая разные съѣдобные кухонные отбросы, накопившіеся за день и всегда выбрасываемые вечеромъ. Насчетъ

уличныхъ фонарей не было и помину. Въ Константинополѣ освѣщаются газомъ только главныя улицы, да и то плохо, а бани были гдѣ-то въ самомъ захолустномъ переулкѣ. Карапетъ шелъ впереди Николая Ивановича и то и дѣло предостерегалъ его, крича:

— Камень! Не наткнись, дюша мой! Яма! Береги ноги, баринъ! Собачья маменька съ дѣти лежитъ! Возьми налѣво, эфендимъ!

Прохожіе встрѣчались рѣдко. Проѣзжающихъ совсѣмъ не было. Наконецъ, впереди блеснулъ красный фонарь.

— Вотъ гдѣ фонарь, тутъ и баня,—указалъ Карапетъ и ускорилъ шаги.

Подходя къ банѣ, они встрѣтили четырехъ закутанныхъ женщинъ съ узлами.

— Турецкія мадамъ изъ бани идутъ,—пояснилъ армянинъ и спросилъ:—Ты знаешь, дюша мой, эфендимъ, сколько турецкія мадамъ въ банѣ сидятъ?

— А сколько?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Часа пять—шесть сидятъ.

— Неужели? Послѣ этаго онѣ и московскихъ купчихъ перещеголяли. Что-же онѣ тамъ дѣлаютъ?

— Шарбетъ... кофей... лимонадъ Кишмишъ. . ѣдятъ, воду съ варенье пьютъ, фисташки грызутъ.

Они подошли къ красному фонарю, и Карапетъ юркнулъ въ дверь, а Николай Ивановичъ вошелъ за нимъ. Пришлось спускаться внизъ нѣсколько ступеней, старыхъ каменныхъ, обглоданныхъ вре-

менемъ. Пахнуло тепломъ. Вотъ и еще дверь. Они отперли дверь и очутились передъ большимъ ковромъ, висѣвшимъ съ другой стороны. Его пришлось отпахнуть. Глазамъ Николая Ивановича представилась комната, уставленная нѣсколькими маленькими низенькими столиками. За столиками сидѣли полуголые люди въ бородахъ и усахъ, съ торсами, сбернутыми мохнатыми полотенцами и въ чалмахъ изъ такихъ-же полотенецъ. Они пили лимонадъ, кофе изъ маленькихъ чашечекъ, курили кальяны и играли въ шахматы или въ домино. Налѣво высилась буфетная стойка, заставленная фруктами, вазами съ вареньемъ, сифонами зельтерской воды, а за стойкой помѣщался человѣкъ съ тонкими, но длинными усами на пожиломъ желтомъ лицѣ, въ фескѣ и въ жилетѣ. Въ глубинѣ комнаты, сзади столиковъ, виднѣлось нѣчто вродѣ амфитеатра въ нѣсколько уступовъ и на нихъ диваны съ лежащими краснолицыми бородочами и усачами, сплошь завернутыми и покрытыми мохнатыми полотенцами и въ чалмахъ изъ тѣхъ-же полотенецъ. Нѣкоторые изъ нихъ также курили кальянъ, а на низенькихъ табуреткахъ около нихъ стояли чашечки съ кофе или бокалы съ лимонадомъ.

Карапетъ велъ Николая Ивановича именно къ этому амфитеатру. Они протискались мимо столиковъ и отыскали два порожніе дивана.

— Ну, вотъ, дюша мой, и наша турецкой баня. Давай раздѣваться,—сказалъ Карапетъ и крикнулъ что-то по-турецки.

Въ одно мгновеніе какъ изъ земли выросли четверо молодцовъ съ раскраснѣвшимися тѣлами, обвязанными отъ колѣнъ до таліи полотенцами, и бросились стаскивать и съ Карапета и съ Николая Ивановича одежду и бѣлье. Это были баньщики и вмѣстѣ съ тѣмъ прислуга въ банной кофейнѣ. Одинъ изъ нихъ былъ съ бритой головой и съ длинной мѣдной серьгой въ лѣвомъ ухѣ. Онъ усердствовалъ надъ Николаемъ Ивановичемъ, раздѣвая его. Карапетъ сказалъ ему по турецки, что онъ раздѣваетъ русскаго. Бритый молодецъ улыбнулся, оскаливъ бѣлые зубы, хлопнулъ себя въ знакъ почтенія къ гостю ладонью по лбу и съ такимъ усердіемъ рванулъ съ ноги Николая Ивановича сапогъ, что чуть самого его не сдернулъ съ дивана.

— Тише, тише, лѣшій!—крикнулъ на него Николай Ивановичъ.—Чуть ногу не оторвалъ.

— Это онъ радуется, дюша мой, что русскаго человѣка раздѣваетъ,—пояснилъ армянинъ.—Ну, вотъ ты сейчасъ увидишь, эфендимъ, наша турецкая баня. О, наша турецкая баня горячая баня! Жарко тебѣ, дюша мой, будетъ.

— Ну, вотъ! Будто я не привыкъ у насъ париться! Я паръ люблю,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Ничего. Ужъ если турокъ вашъ жаръ выдерживаетъ, то неужели его русскій-то человѣкъ не выдержитъ!

LXXIX.

Когда Карапетъ и Николай Ивановичъ раздѣлись, банщики тотчасъ-же накинули имъ полотенца на бедра и начали дѣлать изъ нихъ юбки, закрѣпляя на таліи концы.

— Зачѣмъ мнѣ юбку? Не надо, не надо!—упрямился Николай Ивановичъ, сбрасывая съ себя полотенце передъ недоумѣвавшими банщиками, но Карапетъ остановилъ его:

— Нельзя, дюше мой, эфендимъ. Въ Турціи совсѣмъ гологоа человѣки въ банѣ не моются. Ты видишь, у всѣхъ юбка.

— Глупый обычай. Отчего-же у насъ въ Россіи безъ всякихъ юбокъ и полотенецъ, какъ мать родила, въ банѣ моются?

— То русскій манеръ, баринъ, а это турецкій манеръ. Надо закрыться.

Николай Ивановичъ послушался. Ихъ повели въ баню. Распахнулась узенькая, низенькая дверца, и они очутились въ небольшой комнатѣ съ каменнымъ плитнымъ поломъ, плохо освѣщенной керосиновой лампой. Половину комнаты занимало каменное возвышеніе въ два уступа, нѣчто въ родѣ нашего полка, но поднятое не выше, какъ на аршинъ отъ пола. На этомъ возвышеніи покоилось нѣсколько бородатыхъ и усатыхъ турокъ, распростертыхъ на брюхѣ или на спинѣ, тяжело вздыхаю-

щихъ или кряхтящихъ и бормочущихъ что-то себѣ подъ носъ.

Это былъ передбанникъ, гдѣ вымывшіеся въ банѣ отдыхали, намѣреваясь перейти въ раздѣвальную или кофейную комнату. Температура передбанника была не высокая, но каменный полъ горячій. Сопровождавшіе Николая Ивановича и Карапета баньщики тотчасъ подставили имъ по парѣ котурнъ,—деревянныхъ подошвъ съ двумя высокими каблуками и ремнями, которые должны облекать ступню.

— Что это за инструменты?—удивился Николай Ивановичъ.

— Деревянные башмаки, дюша мой, который ты долженъ надѣть на нога,—отвѣчалъ армянинъ.

— Зачѣмъ?

— А чтобъ тебѣ не горячо было для твои нога, эфендимъ, когда мы въ горячая баня войдемъ.

— Что за глупости!

— Надѣвай, надѣвай, баринъ. Ногу обожжешь. Въ турецкая баня не паръ, а жаръ. Горячаго полъ, горячая стѣны. Тутъ снизу горячо. Надѣвай... Вотъ такъ!

Армянинъ влѣзъ на котурны, сразу сдѣлавшись на четверть аршина выше, и зашагалъ, постукивая по плитамъ деревянными каблуками. Влѣзъ и Николай Ивановичъ, сдѣлалъ два шага и тотчасъ-же свалился.

— Не могу я въ вашихъ колодкахъ. Ну ихъ къ чорту!—отпихнулъ онъ котурны.—Я такъ...

— Горячо будетъ, дюша мой,—предупреждалъ его армянинъ.

— Вытерплю. Мы, русскіе, къ жару привыкли.

Армянинъ сказалъ банщикамъ что-то по-турецки. Тѣ сомнительно посмотрѣли на Николая Ивановича и повели его въ слѣдующую комнату, взявъ подъ руки.

— Не надо, не надо. Я самъ... отбивался онъ отъ нихъ.

Слѣдующая комната была большая, высокая, съ куполообразнымъ стекляннымъ потолкомъ. Посрединѣ ея возвышался опять каменный полокъ, но не выше полуаршина отъ пола. На полкѣ этомъ лежали въ растяжку красныя тѣла съ обвитыми мокрыми полотенцами бедрами и нѣжились, кряхтя, охая и тяжело вздыхая. А двое турокъ,—одинъ съ сѣдой бородой и бритой головой, а другой молодой, красивый, въ усахъ, съ поросшей черными волосами грудью, сидѣли другъ передъ другомъ на корточкахъ и пѣли какую-то заунывную пѣсню. Старикъ турокъ особенно жалобно выводилъ голосомъ и пѣлъ зажмуря глаза.

— Батюшки! Да тутъ и съ пѣснями!—проговорилъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ армянину.— Чего это они Лазаря-то тянутъ?

— Рады, что хорошо помылись,—отвѣчалъ Карапетъ и спросилъ:—Не жжетъ тебѣ твоя нога, дюше мой, эфендимъ?

— Горячо-то горячо, но вытерпимъ.

Баньщики, которые тоже были въ котурнахъ, съ

удивленіемъ смотрѣли на Николая Ивановича и сообщили о своемъ удивленіи Карапету.

— Очень удивительно имъ, дюша мой, что ты безъ деревяннаго сапоги,—сказалъ тотъ Николаю Ивановичу.—И жалѣютъ они съ свое сердце, что тебѣ горячо. Ни одна турокъ не ходитъ сюда безъ сапоги.

— Скажи ему: что русскому здорово, то турку смерть. Да вовсе и не жарко здѣсь. Развѣ мы такой банный жаръ у себя въ баняхъ выдерживаемъ?

Бритоголовый банщикъ оскалилъ зубы и спросилъ Николая Ивановича что-то по-турецки. Армянинъ Карапетъ тотчасъ-же перевелъ:

— Онъ тебя спрашиваетъ, хорошо ли тебѣ, не жарко-ли очень?

— Іокъ (то есть: нѣтъ)!—отрицательно покачалъ головой Николай Ивановичъ.

Въ банѣ, и на самомъ дѣлѣ, не было очень жарко. Въ русскихъ баняхъ иногда бываетъ много жарче.

— Ну, теперь выбирай себѣ фонтанъ, чтобы мыться, дюша мой,—сказалъ Николаю Ивановичу Карапетъ и кивнулъ на мраморныя бѣлыя въ четверть аршина вышины ложа, идущія вдоль стѣнъ и замѣняющія собою наши банныя скамейки. Въ стѣнѣ то тамъ, то сямъ были устроены краны, изъ которыхъ текла уже приготовленная теплая вода, струясь въ мраморныя раковины, которыя играли роль нашихъ тазовъ и ведеръ, и изъ кото-

рыхъ мылись. На ложахъ этихъ опять таки лежали красныя тѣла и по нимъ возили взмыленными губками банщики.

Карапетъ грузно повалился на мраморное ложе около раковины съ краномъ. Легъ рядомъ съ нимъ около другого крана и Николай Ивановичъ, бормоча:

— Вѣдь вотъ по нашему, по-русски прежде всего водой окатиться слѣдовало-бы...

— Лежи, лежи, дюша мой. Хамамджи (банщикъ, тебѣ всякій удовольствіе сдѣлаетъ,—говорилъ ему Карапетъ, съ наслажденіемъ хлопая себя по тѣлу.

— Да ладно ужъ, будемъ туретчиться, будемъ изъ себя турку разыгрывать.

Банщики приступили къ дѣлу. Прежде всего они взяли по маленькой мѣдной чашечкѣ емкостью стакана въ два и начали поливать лежавшаго Николая Ивановича теплой водой. Въ особенности старалась бритая голова. Онъ скалилъ зубы, улыбался, нѣсколько разъ бормоталъ что-то по-турецки, произнося слова „московлу“ и „руссіели“ (т. е. москвичъ, русскій). Послѣ поливанія банщики надѣли на руки шерстяныя перчатки и стали растирать тѣло, то и дѣло заискивающе заглядывая въ лицо Николаю Ивановичу и бормоча что то по-турецки.

— Что они мнѣ говорятъ?—спросилъ Николай Ивановичъ Карапета.

— Они спрашиваютъ, дюша мой, хорошо-ли тебѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, вотъ что! Да, да... Хорошо... Эветъ... (то-есть: да). Шюкюръ! (то-есть: спасибо),—сказалъ имъ Николай Ивановичъ.

Когда тѣло было вытерто, началось мытье головы. Бритый банщикъ взялъ громадный кусокъ мыла и этотъ кусокъ запрыгалъ по головѣ Николая Ивановича, тогда какъ другой банщикъ поливалъ на голову изъ чашечки воду. Кусокъ мыла игралъ въ рукахъ бритаго банщика, какъ у жонглера, катался вокругъ головы и шеи, подпрыгивалъ, и черезъ минуту Николай Ивановичъ очутился весь въ душистой мыльной пѣнѣ. Турецкія фразы—хорошо-ли ему то и дѣло повторялись банщиками.

— Эветъ! Шюкюръ!—кричалъ имъ въ отвѣтъ Николай Ивановичъ.

Но вотъ голова вымыта и началось мытье тѣла: одинъ банщикъ теръ мыльной губкой, тогда какъ другой вслѣдъ за нимъ по тому-же мѣсту проходилъ руками, не налегая, какъ у насъ въ русскихъ баняхъ, а тихо, нѣжно, еле касаясь ладонями и пальцами, и опять вопросы, хорошо-ли „московлу“.

— Эветъ! Эветъ!—кряхтѣлъ Николай Ивановичъ.

Мытье кончилось и начались окачиванья изъ чашечекъ. Николая Ивановича переворачивали разъ пять и все окачивали, наконецъ, подняли, посадили и навили ему на голову чалму изъ двухъ полотенецъ.

LXXX.

Батюшки, посвятили! Матушки, посвятили! Карапетъ! Смотри: въ турка меня посвятили! Вотъ если-бы жена-то видѣла!—восклицалъ Николай Ивановичъ, очутившись въ чалмѣ.— Теперь мнѣ стоитъ только кобыльяго молока попить—и совсѣмъ я буду турокъ.

— Турки, дюша мой, кобылье молока не пьютъ,— отвѣчалъ Карапетъ.

— А какая-же еще турецкая присяга есть? Ахъ, да... Феска... Купи мнѣ завтра турецкую феску.

— Купимъ, купимъ, все тебѣ купимъ, эфендимъ. И феску купимъ, и кальянъ купимъ, и коверъ для удовольствія купимъ. А теперь пойдемъ въ жаркая баня грѣться. Хочешь въ жаркая баня?

Карапетъ поднялся съ каменнаго приступка, на которомъ лежалъ, и опятъ влѣзъ на котурны. Николай Ивановичъ отвѣчалъ:

— А развѣ есть еще жарче этой бани? Тогда, разумѣется, хочу.

По сдѣланному Карапетомъ знаку Николай Ивановича подняли и повели къ двери, сдѣланной въ стѣнѣ мыльной. Надѣтая на него юбка изъ полотенецъ свалилась съ него, но онъ ужъ не позволялъ больше банщикамъ одѣвать его...

— Надѣнь, дюша мой, деревянная сапоги. . Тамъ ты какъ овечье мясо безъ сапоги изжариться можешь,—совѣтовалъ ему Карапетъ.

— Не изжарюсь. Это только турки жарятся, — похвалялся Николай Ивановичъ.

Дверца горячей бани распахнулась, Николая Ивановича быстро впихнули въ маленькую келью съ каменнымъ поломъ и стѣнами и опять захлопнули ее. Въ дверяхъ было окошечко со стекломъ. Банщики подошли къ окошечку и кричали по-турецки, спрашивая, хорошо-ли ихъ кліенту, жарко-ли. Карапетъ тотчасъ-же перевелъ вопросы, а Николай Ивановичъ, стоя у окошка, отрицательно покачалъ головой и во все горло заоралъ изъ кельи:

— Іокъ!

Черезъ двѣ минуты его выпустили изъ кельи всего краснаго.

— Есть еще больше горячая комната, сообщилъ ему Карапетъ.—Хочешь туда, эфендимъ?

— Веди. Въ лучшемъ видѣ хочу.

— Надѣнь, дюша мой, юбку, надѣнь деревянная сапоги. Ей Богу, тамъ никакой человѣкъ безъ деревянные сапоги не выдерживаетъ.

— Это ты, можетъ быть, про турецкаго человѣка говоришь? Такъ. А русскій выдержитъ. Ужъ у насъ по четвергамъ татары въ банѣ какъ парятся! Такъ насдаютъ на каменку, что волосъ крутится, а для меня это первое удовольствіе. Веди.

Карапетъ перевелъ банщикамъ по-турецки. Тѣ улыбнулись, пожали плечами, повели Николая Ивановича къ двери въ противоположной стѣнѣ и впих-

нули его за эту дверь тѣмъ-же порядкомъ, какъ и раньше.

— Эфендимъ! Дюша мой! Неужели тебѣ не жарко безъ сапоги? — кричалъ ему черезъ минуту Карапетъ, подойдя къ окошечку второй кельи.

— Іокъ! - раздавалось изнутри, но очевидно, что Николая Ивановича, на самомъ дѣлѣ, сильно припекало, потому что онъ сейчасъ-же сталъ стучаться, прося, чтобы его выпустили.

Ему отворили, и онъ вышелъ. Армянинъ всплескивалъ руками и говорилъ:

— Покажи, дюша мой, шкура твоя, покажи. Красная шкура, но ничего...—покачалъ онъ головой, осматривая со всѣхъ сторонъ тѣло Николая Ивановича, и воскликнулъ: — Удивительно, что у тебя за шкура, дюша мой, эфендимъ!

— Русская шкура... самая лучшая! Русская шкура что угодно выдержитъ!—бравурно отвѣчалъ Николай Ивановичъ, тяжело дыша и обливаясь потомъ.

Банщики подскочили къ нему съ сухими мохнатыми полотенцами и начали отирать его.

— Окатиться-бы теперь холодненькой водицей, Карапеша,—бормоталъ онъ.

— Ну, здѣсь этого, дюша мой, нѣтъ. А ты иди, дюша мой, въ ту комнату и лягъ тамъ въ холодненькомъ мѣстѣ, пока я грѣтьси буду.

По приказанію Карапета, банщики окутали Николая Ивановича въ мохнатыя полотенца и стали укладывать на мраморный полокъ въ передбанникѣ,

но тамъ онъ лежать не захотѣлъ, а прослѣдовалъ въ раздѣвальную, гдѣ и улегся на мягкомъ диванѣ.

Банщики стояли надъ нимъ и улыбались, скаля зубы и бормоча что-то по-турецки.

— Чего смотрите, черти! Дико вамъ, что русскій человѣкъ большой жаръ выдерживаетъ?—говорилъ онъ имъ.—Это отъ того, что русская шкура выдѣлана хорошо и самая выносливая въ мірѣ. У васъ вотъ только жаръ одинъ, а мы въ придачу-то къ жару еще вѣниками хлещемся. Да...

Разумѣется, банщики слушали и ничего не понимали.

— Не понимаете, черти? Ну, да и не надо, — продолжалъ Николай Ивановичъ, нѣжась на диванѣ.—А вотъ покурить надо! Трубку! Чибукъ... Люле... Тютюнъ покурить... Табакъ... Наргиле.. отдалъ онъ приказъ банщикамъ, мѣшая турецкія и русскія слова и кстати показалъ жестомъ, приложивъ палецъ ко рту.

Банщики поняли. Со всѣхъ ногъ бросились къ буфетной стойкѣ и вернулись оттуда съ кальяномъ и бокаломъ лимонаду.

Въ это время вернулся изъ бани Карапетъ. Онъ былъ совсѣмъ малиновый и, кряхтя и охая, въ изнеможеніи повалился на диванъ.

— А я совсѣмъ въ турецкаго пашу преобразился, Карапетъ Аветычъ,—сказалъ ему Николай Ивановичъ. — Видишь, въ чалмѣ и съ кальяномъ. Вотъ Глафира Семеновна посмотрѣла-бы на меня теперь! То-то-бы съ дива далась! Похожъ я теперь

на пашу, Карапетъ?—спросилъ онъ, потягивая въ себя дымъ кальяна.

— Совсѣмъ султанъ! Совсѣмъ падишахъ! Не хватаетъ тебѣ только два жена, откликнулся армянинъ и спросилъ:—Угощаешь ты меня, дюша мой, этой баней?

— Сдѣлай, братъ, одолженіе... Пожалуйста.

— Тогда вели подать кофе, лимонадъ и шербетъ...

— Пожалуйста, заказывай.

— Можно и мастики?

— Да развѣ здѣсь подаютъ вино?

— Что хочешь подаютъ. Спроси отца съ матерью, и то подадутъ, дюша мой.

— Закажи ужъ и мнѣ рюмку мастики. И я съ тобой этой мастики выпью.

— Мы съ тобой даже коньякъ выпьемъ.

— Да будто здѣсь есть такая роскошь!

— Еще больше есть. Всякая штука есть,—подмигнулъ Карапетъ и сталъ приказывать банщикамъ подать угощеніе.

Черезъ пять минутъ на столикѣ около дивана Карапета появился цѣлый подносъ съ напитками, а къ мастикѣ подана была и закуска въ видѣ маринованной моркови.

Карапетъ предложилъ выпить мастики, и они выпили.

— Какая прекрасная вещь! —проговорилъ Николай Ивановичъ, смакуя мастику. — Вотъ за буфетъ хвалю турецкую баню. Похвально это, что здѣсь можно и вымыться, и выпить, и закусить. А

у насъ въ Питерѣ сколько ни заводили при баняхъ буфеты—ни одинъ не выжилъ.

За мастикой былъ выпитъ коньякъ, и Карапетъ и Николай Ивановичъ принялись одѣваться при помощи банщиковъ. Послѣдніе оказались въ этомъ дѣлѣ истинными мастерами. При ихъ помощи ноги во мгновеніе ока влѣзали въ носки, руки сами продѣвались въ рукава рубахи, сапоги, какъ по щучьему велѣнью, оказались на ногахъ. Не прошло и минуты, какъ одѣванье ужъ кончилось, и банщики кланялись и просили бакшишъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... — кивнулъ имъ Николай Ивановичъ.—Вотъ этотъ черномазый дяденька дастъ вамъ, указалъ онъ на армянина и спросилъ его:— Сколько за все, про все слѣдуетъ?

— Давай серебряный меджидіе, эфендимъ. Съ него тебѣ еще сдачи будетъ,—отвѣчалъ Карапетъ и, принявъ деньги, принялся расчитываться.

— Какъ здѣсь все дешево!—дивился Николай Ивановичъ.—Вѣдь серебряный меджидіе стоитъ двадцать піастровъ, а двадцать піастровъ—полтора рубля.

— Вотъ тебѣ еще полтора піастра сдачи, протянулъ ему Карапетъ.

Но Николай Ивановичъ сунулъ сдачу въ руки банщикамъ и вмѣстѣ съ Карапетомъ направился къ выходу. Банщики, кланяясь и, ударяя себя ладонью по лбу въ знакъ почтенія, проводили ихъ до двери, напутствуя благими пожеланіями.

— Какой милый народъ эти турки! проговорилъ Николай Ивановичъ.

LXXXI.

Дома Николая Ивановича ждалъ самоваръ, взятый у турка-кабакджи и уже кипѣвшій на столѣ. Грязный, не чищенный, онъ, все-таки, доставилъ ему неисчислимое удовольствіе. Входя въ комнату, онъ воскликнулъ:

— Браво, браво! Наконецъ-то мы по человѣчески чаю напьемся!

Глафира Семеновна сидѣла уже около самовара и пила чай.

— Знаешь, что? — встрѣтила—она мужа, улыбаясь. —Вся здѣшняя обстановка и этотъ самоваръ напоминаютъ мнѣ ту комнату на постояломъ дворѣ, въ которой мы ночевали, когда ѣздили изъ Петер бурга на богомолье въ Тихвинъ.

— Смахиваетъ, смахиваетъ, согласился Николай. Ивановичъ.—Только тамъ ковровъ не было, а были простые холщевые половики. Стѣны тоже похожи. Тамъ литографированный портретъ митрополита висѣлъ, а здѣсь армянскаго патріарха и также засиженъ мухами. Вотъ и часы на стѣнѣ съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири. Тамъ тоже были такіе часы. Но все-таки эта обстановка мнѣ лучше нравится, чѣмъ комната въ англійской гостинницѣ съ верзилами лакеями, разыгрывающими изъ себя какихъ-то губернаторовъ. Ну, наливай, наливай скорѣй чайку стакашекъ! воскликнулъ онъ, отирая

свое красное потное лицо полотенцемъ и, перекинувъ его черезъ шею, подсѣлъ къ столу.

— Ну, какъ баня? спросила Глафира Семеновна.

— Наша лучше. У насъ паръ, а здѣсь жаръ. Да и жара-то настоящаго нѣтъ.

И Николай Ивановичъ началъ разсказывать женѣ о банѣ, какъ онъ лежалъ на софѣ въ турецкой чалмѣ на головѣ и курилъ кальянъ и т. п. Но когда дѣло дошло до ресторана въ банѣ, она воскликнула:

— Вотъ ужъ никогда не воображала, что въ мусульманской землѣ даже въ банѣ коньяку можно выпить! Просто невѣроятно!

Пришелъ хозяинъ армянинъ, красный какъ вареный ракъ, безъ сюртука и безъ жилета.

— Давай, барыня-сударыня, и минѣ чаю,—сказалъ онъ, садясь.

Въ дверяхъ стоялъ турокъ кабакджи, уступившій самоваръ. Онъ улыбался, кивалъ на самоваръ, бормоталъ что-то по-турецки и произносилъ слово: „бакшишъ“.

— Сосѣдъ кабакджи за бакшишъ пришелъ. Давай, эфендимъ, ему бакшишъ за самоваръ, сказалъ Николаю Ивановичу Карапетъ.

— Да вѣдь мы тебѣ за него заплатимъ.

— Все равно ему нужно, душа мой, дать бакшишъ.

— Однако, бакшишъ-то тутъ у васъ на каждомъ шагу,—покачалъ головой Николай Ивановичъ, давая два піастра.

— Турецкій царство любитъ бакшишъ,—согласился Карапетъ.

Разговоръ зашелъ о томъ, что завтра смотрѣть въ Константинополѣ, и Карапетъ, освѣдомившись о томъ, что супруги уже видѣли, рѣшилъ, что надо осмотрѣть Турецкій Базаръ, а затѣмъ проѣхаться на пароходѣ взадъ и впередъ по Босфору, заѣхать въ Скутари и побывать на тамошнемъ кладбищѣ.

Армянинъ-хозяинъ и Николай Ивановичъ пили по шестому стакану чаю и готовы были выпить и еще, но Глафира Семеновна начала зѣвать. Армянинъ это замѣтилъ и сказалъ:

— Ну, теперь будемъ давать для мадамъ спокой. Мадамъ спать хочетъ.

Онъ всталъ, взялъ съ собой самоваръ и откланялся.

Глафира Семеновна стала ложиться спать, а Николай Ивановичъ продолжалъ еще пить чай, допивая оставшееся въ чайникѣ. Черезъ четверть часа онъ досталъ изъ чемодана бюваръ и дорожную чернилицу, вынулъ изъ бювара листокъ почтовой бумаги и принялся писать письмо въ Петербургъ.

Вотъ что писалъ онъ:

„Любезный другъ и пріятель,

Василій Кузьмичъ.

„Подаю тебѣ о насъ вѣсточку изъ турецкаго далека. Я и жена въ Константинополѣ. Узнавъ, что мы русскіе, приняли насъ здѣсь великолѣпно и въ первый-же день мы удостоились приглашенія къ султану во дворецъ, гдѣ пользовались султанскимъ угощеніемъ и смотрѣли изъ оконъ на церемонію

„селамликъ“, то-есть пріѣздъ султана въ придворную мечеть. Отъ султана къ намъ приставленъ переводчикъ въ красной фескѣ, который ѣздитъ съ нами всюду на козлахъ по городу, и мы осматриваемъ мечети, а турецкіе городовые отдаютъ намъ честь. Вчера осмотрѣли знаменитую турецкую мечеть Ая-Софія, передѣланную изъ православнаго храма, и видѣли на стѣнахъ замазанные лики угодниковъ, а затѣмъ спускались въ подземное озеро. Лежитъ оно подъ землей на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень и намъ пришлось спускаться болѣе трехъ сотъ ступеней. Страхъ и трепетъ обуялъ насъ. Спускались мы съ факелами. Со всѣхъ сторонъ налетали на насъ громадныя летучія мыши и вампиры и кровожадно скалили на насъ зубы, но мы отбивались отъ нихъ факелами, хотя одинъ вампиръ и успѣлъ укусить мнѣ ухо. Глафира Семеновна два раза падала въ обморокъ и ее приводили въ чувство, но мы все-таки преодолѣли всѣ преграды и спустились къ озеру. Озеро простирается на нѣсколько верстъ и находится подъ сводами, поддерживаемыми нѣсколькими колоннами. Но здѣсь опять ужасъ. Смертные скелеты султанскихъ женъ древней эпохи, казненныхъ за измѣну. Въ древности это было такое мѣсто, куда сажали изъ гаремовъ турецкихъ женщинъ, пойманныхъ въ невѣрности пашамъ или оказывающихъ имъ сопротивленіе при желаніи выйти замужъ по любви. Страшное впечатлѣніе! Глафира Семеновна опять упала въ обморокъ. Я зажмурилъ глаза отъ страха,

схватилъ ее на руки и вмѣстѣ съ проводникомъ мы вынесли ее на воздухъ.

Страшно, но любопытно.

А сегодня былъ въ турецкой банѣ, откуда часъ тому назадъ вернулся и пишу тебѣ это письмо. Пару у нихъ въ банѣ нѣтъ, но жаръ ужасающій. Полъ раскаленъ и по немъ ходятъ въ деревянныхъ башмакахъ, но я старался доказать силу и мощность русскаго человѣка, отринулъ деревянные башмаки и къ немалому удивленію невѣрныхъ турокъ ходилъ по полу босикомъ. И еще странность. Здѣсь такой обычай у турокъ, что иностранца, побывавшаго въ турецкой банѣ, сейчасъ-же посвящаютъ въ чалму, что и на мнѣ исполнили. Я былъ посвященъ въ чалму. На мою голову навили ее изъ полотенецъ двое турокъ и уложили меня въ чалмѣ на софу, сунувъ въ ротъ кальянъ, въ каковомъ положеніи и заставили пролежать четверть часа.

Ахъ, Василій Кузьмичъ, какъ жалѣю я, друже, что ты не между нами!

А за симъ письмомъ прощай! Кланяйся женѣ. Извѣстный тебѣ твой благопріятель *Н. Ивановъ*".

Написавъ это письмо, Николай Ивановичъ сталъ его запечатывать, улыбнулся и пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Пускай читаетъ у себя въ рынкѣ сосѣдямъ. То-то заговорятъ!

Надписавъ адресъ, онъ зѣвнулъ и сталъ раздѣваться, чтобъ ложиться спать.

Глафира Семеновна уже спала крѣпкимъ сномъ.

LXXXII.

Утро. Свѣтитъ въ отворенныя окна яркое весеннее солнце, и супруги Ивановы опять сидятъ передъ самоваромъ за утреннимъ чаемъ.

Въ открытыя окна съ улицы доносятся жалобные выкрики турецкихъ разнощиковъ, продающихъ вареную фасоль, кукурузу, хлѣбъ, апельсины. Кричитъ раздирающимъ уши крикомъ заупрямившійся вьючный оселъ внизу около хозяйской лавки. Дочь Карапета Тамара прибираетъ комнату. Николай Ивановичъ смотритъ въ книгу „Переводчикъ съ русскаго языка на турецкій“ и практикуется съ ней въ турецкомъ разговорѣ.

— Тамара! Слушайте! Экуте!—говоритъ онъ.

Дѣвушка вскидываетъ на него свои прелестные черные глаза и краснѣетъ. Николай Ивановичъ заглядываетъ въ книжку и произноситъ:

— Босфоръ вапоръ не вакытъ гидеръ? (То есть: когда отходитъ пароходъ по Босфору?)

Дѣвушка даетъ какой-то отвѣтъ. Николай Ивановичъ не понимаетъ его и опять спрашиваетъ:

— Постахане кангы соканда дыръ? (То есть: гдѣ здѣсь почта)?

Опять отвѣтъ по-турецки, который онъ не понимаетъ.

— Да брось ты! останавливаетъ его Глафира Семеновна.—Вѣдь что-бы она ни отвѣтила, ты все-равно ничего не понимаешь.

— Постой, я ей закажу обѣдъ. Барышня! Мамзель Тамара! Обѣдъ на сегодня... Ой-ле емейи... Первое... Супъ... Сорба...

Дѣвушка кивнула головой.

— Не стану я ихняго супа ѣсть,—проговорила Глафира Семеновна.—Пусть жаритъ, по вчерашнему, бифштексъ

— А курицу съ рисомъ будешь ѣсть?—спросилъ мужъ.

— Ну, вареную курицу, пожалуй...

— На второе... Икинджи...—загнулъ Николай Ивановичъ два пальца и прибавилъ:—На второе курица—таукъ... вареная... Постой, какъ варить-то по-турецки? Цишармекъ. Съ рисомъ... Гдѣ тутъ рисъ?—перелисталъ онъ.—Вотъ рисъ... Пиринджъ... Итакъ: съ пиринджъ... На третье... Угюнджю...

— Да лучше-же мы закажемъ ея отцу обѣдъ, а онъ ей переведетъ,—опять остановила мужа Глафира Семеновна.—Вѣдь она все равно ничего не понимаетъ.

— Вздоръ. Все понимаетъ. Видишь, смѣется!

Стукъ въ дверь. Вошелъ Нюренбергъ.

— А! Гдѣ это вы пропадали?—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Что-жъ вы вчера-то?.. Принесли счетъ? Намъ нужно посчитаться.

— Я, эфендимъ, былъ вчера, но вы такого сладкаго сонъ спали...—началъ Нюренбергъ.

— А подождать не могли? Ну-съ, давайте считаться... Я вамъ выдалъ шесть золотыхъ по двад-

цати франковъ и четыре раза давалъ по серебряному меджидіе...

— Съ васъ, эфендимъ, еще слѣдуетъ сорокъ франковъ и десять съ половиной піастры. Ну, піастры, Аллахъ съ ними! Я на этого сумма дѣлаю скидку,—отвѣчалъ Нюренбергъ и махнулъ рукой.

— Сколько? Сколько съ меня слѣдуетъ?—вспыхнулъ Николай Ивановичъ.

— Сорокъ франковъ. Двухъ золотыхъ.

— За что?

Нюренбергъ приблизился къ столу и заговорилъ:

— Я, эфендимъ, себѣ считаю только по десяти франковъ въ день... Это у насъ такса для всѣхъ проводниковъ. Три дня—тридцать франковъ. Третьяго дня, вчера, сегодня...

— Но вѣдь сегодня-то еще не началось, да мнѣ сегодня васъ и не надо. Меня будетъ сопровождать по городу здѣшній хозяинъ.

— Здѣшняго хозяинъ?—сдѣлалъ гримасу Нюренбергъ и прибавилъ:—Берите хоть десять здѣшняго хозяинъ. Пусть васъ надуваютъ. Но сегодня я своего день все-таки потерялъ, кто-жъ меня теперь въ одиннадцатаго часу возьметъ!

— Ну, хорошо, хорошо. Тридцать франковъ... Но куда-же остальныя-то деньги вы растратили? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Экипажъ отъ перваго ранга съ лучшаго арабскаго лошади... Билеты, купленнаго у турецкаго попы для мечетей,—перечислялъ Нюренбергъ.

Четырехъ мечети по меджидіе—четыре меджидіе.— Двухъ персонъ—восемь серебрянаго меджидіе.

— Чего? Двухъ персонъ? Да вѣдь самъ же ты мнѣ разсказывалъ, что сколько-бы персонъ ни было—все равно въ мечеть за входъ одно меджидіе.

— Пхе... фуй... Никогда я такого глупости не говорилъ.

— Однако, ты, полупочтенный, говорить говори да не заговаривайся! Я глупостей тоже неговорю!— крикнулъ Николай Ивановичъ на Нюренберга. Вѣдь ты ограбить меня хочешь.

— Я ограбить? О, нѣтъ такого честнаго человѣкъ, какъ Адольфъ Нюренбергъ!—Вотъ моего счетъ. Турецкаго ресторанъ, гдѣ мы были, стоитъ одинъ и съ половиной луидоръ... Вино... Бакшишъ направо, бакшишъ на-лѣво. Турецкаго портье на Селамликъ... Портье отъ консулъ... Турецкаго полицейскій на статьонъ желѣзнаго дорога... Театръ... Турецкаго... Эхъ, эфендимъ! Мы въ городѣ Константинополь, гдѣ на каждаго шагъ бакшишъ!—воскликнулъ Нюренбергъ.

— Ну, такъ подсчитывай-же, сколько. Какіе бакшиши были? Считай!—перебилъ его Николай Ивановичъ, начинавшій терять терпѣніе.

Тутъ Нюренбергъ началъ читать такой пространный списокъ бакшишей, упоминая про турецкихъ поповъ, турецкихъ дьяконовъ, турецкихъ дьячковъ и сторожей, что даже Глафира Семеновна ему крикнула:

— Довольно! Надоѣли! Николай! Да расчитайся съ нимъ и пусть онъ уходитъ!—обратилась она къ мужу.

— Весь твой счетъ—вздоръ, пустяки и одна надувальщина! Брось его и говори, сколько я тебѣ долженъ по настоящему,—строго сказалъ Нюренбергу Николай Ивановичъ.

— Двадцать пять франковъ давайте и будетъ нашего счета конецъ,—произнесъ Нюренбергъ.

— Ахъ, еврюга, еврюга! Еще пятнадцать франковъ спустилъ,—покачалъ головой Николай Ивановичъ.—Вотъ тебѣ серебряный меджидіе—и пошелъ вонъ!

Крупная серебряная монета зазвенѣла на столѣ. Нюренбергъ взялъ ее и сказалъ:

— Какого вы скупаго господинъ! А еще русскаго человѣкъ!

— Вонъ!

Нюренбергъ не уходилъ.

— Дайте бакшишъ, эфендимъ. Я бѣднаго, семейнаго человѣкъ,—произнесъ онъ, кланяясь.

— Вотъ тебѣ два сербскихъ динара и проваливай!

Нюренбергъ поклонился и медленно вышелъ изъ комнаты, но черезъ минуту опять заглянулъ въ дверь и поманилъ къ себѣ Николая Ивановича, улыбаясь.

— Эфендимъ, пожалуйте сюда на два слова.

— Что такое?—вскочилъ Николай Ивановичъ.—Говори.

— Не могу такъ. По секрету надо.

Николай Ивановичъ вышелъ къ нему въ другую комнату. Нюренбергъ наклонился къ его уху и прошепталъ:

— Вы хотѣли турецкаго гаремъ видѣть. За десять золотаго монетъ могу вамъ показать гаремъ. Если захотите посмотрѣть, пришлите только въ нашего готель за Адольфъ Нюренбергъ.

— А ну тебя въ болото!

Николай Ивановичъ махнулъ ему рукой и ушелъ, хлопнувъ дверью.

— Что такое? Объ чемъ это такіе секреты? спросила мужа Глафира Семеновна.

Тотъ сначала замялся, но потомъ нашелся и отвѣтилъ:

— Предупреждаетъ.. Да что! Глупости. Говоритъ, чтобы я смотрѣлъ въ оба, а то армянинъ здѣшній меня надуетъ.

Въ дверяхъ стоялъ Карапетъ и говорилъ:

— Торопись, эфендимъ! Торопись, дюша мой, мадамъ! Пора одѣваться. Сейчасъ на Турецкаго Базаръ пойдемъ, феску и коверъ для эфендимъ покупать.

Самъ Карапетъ былъ уже въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и въ черной косынкѣ, туго намотанной на шеѣ. Феска на головѣ его была новая, не линючая.

LXXXIII.

И вотъ супруги Ивановы шествуютъ по улицамъ Стамбула въ сопровожденіи ихъ квартирнаго хозяина армянина Карапета, направляясь къ Турецкому Базару. Карапетъ важно шествуетъ впереди, опираясь на толстую палку, сталкиваетъ лежащихъ на тротуарѣ собакъ, разгоняетъ мальчишекъ, загораживающихъ дорогу, оборачивается къ супругамъ и разсказываетъ, какъ называются улицы и дома, по которымъ они проходятъ. Попадаются имъ лавки ремесленниковъ, съ сидящими на порогахъ хозяевами и непремѣнно что нибудь мастерящими. Вотъ портной въ серебряныхъ очкахъ на носу и съ головой, повязанной по лбу фески тряпицей, сидитъ поджавъ ноги на коврикѣ и шьетъ суконныя синія шаровары. Два-три тоже шьющихъ черноглазыхъ турченка сзади его. Вотъ кузнецъ или слесарь точитъ топоръ на точилѣ, а въ глубинѣ лавки виднѣется маленькій горнъ съ тлѣющими въ немъ угольями. На дверяхъ висятъ заржавленные клинки сабель, ятагановъ безъ рукоятокъ, засовы для дверей, замки. Еще подальше войлочныхъ дѣлъ мастеръ. Его прилавокъ поставленъ совсѣмъ въ дверяхъ и на немъ онъ расправляетъ красныя фески, вздѣтыя на металлическія колодки.

— Вотъ фески продаютъ!—воскликнулъ Николай

Ивановичъ.—Надо мнѣ купить одну на память,—сказалъ онъ Карапету, останавливаясь около лавки.—Карапетъ Аветычъ, пожалуйста, сторгуй.

— Можно...—отвѣчаетъ армянинъ.—Тутъ самъ мастеръ, самъ и продаетъ, а потому дорого не возьметъ. Снимай шапку, дюша мой, эфендимъ.

Турокъ-фесочникъ инстинктивно понялъ, что́ для эфендима требуется и, прежде чѣмъ Николай Ивановичъ снялъ съ себя барашковую скуфейку, вынулъ уже изъ-подъ прилавка кардонку и сталъ выкидывать изъ нея фески. Карапетъ щупалъ ихъ доброту и плохія откидывалъ. Николай Ивановичъ сталъ примѣрять отобранныя. Карапетъ поправлялъ ихъ на его головѣ, надвигая на затылокъ,—и говорилъ:

— Вотъ какъ богатый эфендимъ феска носить долженъ. А на лобъ феска, такъ это значитъ что у эфендимъ долги много. Гляди на насъ, дюша мой... Гляди въ мои глазы. Хорошо, совсѣмъ Николай-бей выглядишь.

— Послушай, Николай... На что тебѣ феска?.. Оставь. Не покупай...—сказала Глафира Семеновна мужу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я желаю, душечка, купить на память. Въ Петербургѣ я буду въ ней на дачѣ по саду гулять, на балконѣ сидѣть... Почемъ?— спросилъ Николай Ивановичъ армянина.

— Давай серебряный меджидіе... Онъ тебѣ еще сдачи дастъ.

Николай Ивановичъ подалъ турку меджидіе, но

турокъ требовалъ еще. Армянинъ сдернулъ съ головы Николая Ивановича феску и кинулъ прямо въ бороду турку, сказавъ своему постояльцу:

— Пойдемъ, дюша мой, въ Базаръ. Тамъ дешевле купимъ.

Они взяли деньги и стали отходить отъ лавки. Турокъ выскочилъ изъ-за прилавка, схватилъ Николая Ивановича за руку и совалъ ему феску. Но оказалось, что турокъ соглашается отдать феску за меджидіе, а армянинъ требуетъ съ меджидіе сдачи два піастра, вслѣдствіе чего армянинъ вырвалъ изъ рукъ Николая Ивановича феску и опять кинулъ ее турку въ бороду. Они сдѣлали уже нѣсколько шаговъ отъ лавки, но турокъ нагналъ ихъ, вручилъ снова феску и при ней серебряный піастръ. Карапетъ стоялъ на своемъ и требовалъ не одинъ, а два піастра сдачи, но Николай Ивановичъ сунулъ турку меджидіе, и феска была куплена.

— Карапетъ! Глаша! Я надѣну теперь феску на голову да такъ и пойду на базаръ, а шапку спрячу въ карманъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь можно, Карапетъ Аветычъ?

— А отчего нельзя, дюша мой?—отвѣчалъ армянинъ.—Иды, иды... Первый почетъ тебѣ будетъ,—и онъ надѣлъ на своего постояльца феску.

— Николай! Полно тебѣ дурака-то ломать! Ну, какъ тебѣ не стыдно! Словно маленькій, — протестовала Глафира Семеновна, но мужъ такъ и остался въ фескѣ.

Они продолжали путь. По дорогѣ попалось ста-

рое турецкое кладбище съ полуразвалившеюся каменной оградой, кладбище, какихъ въ Стамбулѣ много. Изъ-за ограды выглядывали двѣ закутанныя турчанки съ смѣющимися молодыми глазами. Онѣ пришли навѣстить могилы своихъ родственниковъ, сидѣли около памятника и ѣли изъ бумажнаго тюрика засахаренные орѣхи, смотря на прохожихъ.

— Смотри-ка, какъ стрѣляютъ глазами въ прохожихъ! Не хуже нашихъ барышень,—указалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Для турецкая дамы только одна прогулка и есть, дюша мой, что на кладбище. Никакого другой гулянья нѣтъ,—замѣтилъ Карапетъ.

— Нѣтъ, я къ тому, что кокетки...

— Первый сортъ. Онѣ намъ и свое лицо показали-бы, дюша мой, но на насъ съ тобой фески и онѣ думаютъ, что мы мусульманъ. А не будь на насъ фески, онѣ сдернули-бы вуали и показали-бы лицо. „Вотъ, смотри, какая я душка-турчанка"!

Но вотъ и знаменитый константинопольскій Турецкій Базаръ. Супруги Ивановы очутились на немъ какъ-то незамѣтно. Они перешли изъ узкой не крытой улицы съ лавками направо и налѣво и торговцами-разнощиками, продающими съ рукъ разную ветошь, въ крытую улицу со сводами. И здѣсь были лавки, но торговцы ужъ сидѣли не на порогахъ, а на покрытыхъ коврами прилавкахъ, которые въ то-же время служили и прилавками для продажи товаровъ и диванами для хозяевъ. Нѣкоторые, сидя, спали.

— Египетскій лавки,—сказалъ Карапетъ.—Тутъ нѣтъ купцы съ Египетъ, но всякій товаръ изъ Египта. Тутъ товаръ для аптеки, краски... Трава есть, гвоздика есть, перецъ есть.

— Москательные товары... — поправилъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ, вотъ, дюша мой... Москательный товаръ. Тутъ большаго партій продаютъ.

— Оптовые торговцы.

— Вотъ, вотъ, дюша мой...

Воздухъ былъ удушливый. Пахло мятой, сѣрой и эфирными маслами.

— Карапетъ Аветычъ, мнѣ непремѣнно нужно купить турецкія туфли, шитыя золотомъ и безъ задковъ! Такія туфли, какія турчанки носятъ, заявила Глафира Семеновна.

— Турчанки, дюша мой, мадамъ, теперь носятъ туфли на французскій каблуки и самый модный фасонъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Да что вы! Но вѣдь можно-же, все-таки, найти настоящія шитыя турецкія туфли?

— Совсѣмъ, барыня-сударыня, этотъ турчански манеръ у турчански дамы изъ моды вышелъ, но мы будемъ искать. Это дальше, въ другіе ряды, а здѣсь нѣтъ.

Пошли фруктовые и зеленые ряды. Лавки были мельче и уже. Груды апельсиновъ, яблоковъ, грушъ, банановъ, ананасовъ выглядывали изъ лавокъ и лавчонокъ. На порогахъ стояли открытые мѣшки и ящики съ миндалемъ, орѣхами, фисташками. Надъ

дверями висѣли гирляндами связки луку, чесноку, баклажановъ и томатовъ.

Карапетъ указалъ на все это и торжественно сказалъ:

— Нашъ товаръ. Здѣсь и мы, дюше мой, покупаемъ для свой лавка. Большущаго базаръ!

— Ну, это что! Такіе-то ряды и у насъ въ Петербургѣ на Сѣнной площади есть,—сдѣлалъ гримасу Николай Ивановичъ.—А ты покажи, гдѣ ковры-то продаются. Я коверъ купить хочу. Нельзя-же изъ Константинополя уѣхать безъ турецкаго ковра.

— Ковры, дюша мой, дальше,—отвѣчалъ армянинъ.—Ты знаешь, дюша мой, что такое Турецкій Базарь въ Стамбулѣ? По Турецкій Базаръ надо ходить цѣлый день съ утра и до ночи и все равно, дюша мой, все не обходишь—вотъ что Турецкій Базаръ! Ну, идемъ коверъ покупать.

Онъ свернулъ въ сторону и потащилъ супруговъ по цѣлому лабиринту узкихъ рядовъ, гдѣ торговали стеклянной, фарфоровой и мѣдной посудой. На порогахъ лавокъ стояли продавцы и зазывали покупателей, даже хватая за руки.

LXXXIV.

Батюшки! Да это совсѣмъ какъ нашъ Апраксинъ рынокъ въ Питерѣ!—проговорилъ Николай Ивановичъ, когда одинъ изъ черномазыхъ приказчиковъ въ фескѣ и курткѣ поверхъ широкаго пестраго пояса, схватилъ его за руку и тащилъ къ уставленному кальянами прилавку, на которомъ тутъ же стояли и два мѣдныхъ таза, наполненные глиняными трубками. — Чего ты, эфіопская рожа, хватаешься!—крикнулъ онъ приказчику, вырывая отъ него свою руку. — И вѣдь какъ ухватилъ-то! Словно клещами стиснулъ,—обратился онъ къ Карапету.

Но Карапетъ уже ругался съ приказчикомъ и грозилъ ему палкой. Въ свою очередь показывалъ Карапету кулакъ и приказчикъ. Съ обѣихъ сторонъ вылетали гортанные звуки. На подмогу къ приказчику присоединились еще два голоса, принадлежавшіе двумъ пожилымъ туркамъ.

— Отчего ты не купилъ у него двѣ трубки на память?—замѣтила мужу Глафира Семеновна.—Такую бездѣлушку пріятно подарить и кому-нибудь изъ знакомыхъ, какъ гостинецъ изъ Константинополя.

— Такъ-то такъ. Тамъ были даже и кальяны. А я непремѣнно хочу себѣ кальянъ купить.

— Барыня-сударыня! Все мы это дальше у зна-

комый армянинъ купимъ,—отвѣчалъ Карапетъ и велъ своихъ постояльцевъ дальше.

Начались ряды лавокъ съ ситцами и бумажными матеріями. Выставокъ товара въ смыслѣ европейскомъ не было, потому что турецкія лавки не имѣютъ оконъ и витринъ, но съ прилавка висѣли концы матерій отъ раскатанныхъ и лежащихъ на прилавкахъ кусковъ. Развивались такіе-же концы матерій и около входовъ. Глафира Семеновна взглянула на матеріи и воскликнула:

— Смотрите, смотрите! Товаръ-то нашъ русскій. Вотъ и ярлыки Савы Морозова съ сыновьями. Вонъ ярлыкъ Прохоровской мануфактуры.

Къ ней подскочилъ Карапетъ и сталъ объяснять:

— Ничего своего у турецкій народъ нѣтъ, госпожа-мадамъ, барыня-сударыня.—Ситцы и кумачъ красный изъ Москвы, башмаки и сапоги изъ Вѣны, резинковыя калоши изъ Петербургъ, бархатъ, ленты и атласъ изъ Парижъ привезены. У турокъ что есть свой собственный? Баранина есть свой собственный для шашлыкъ, виноградъ есть своя собственный, всякая плодъ свой собственный, ковры свой собственный, а больше ничего, мадамъ-барыня. Чулки и носки даже вязать не умѣютъ. Только вуаль и платки турчанскія дамы вышиваютъ.

Наконецъ, начался и ковровый рядъ. Цѣлыя горы сложенныхъ наизнанку ковровъ и ковриковъ лежали около лавокъ. Почему-то въ ковровыхъ лавкахъ торговали и старымъ оружіемъ въ видѣ са-

бель и ятагановъ въ линючихъ бархатныхъ ножнахъ. Надъ коврами висѣли старинные кремневые пистолеты съ серебряными рукоятками.

— Вотъ тутъ у меня эфендимъ, есть самаго честный турецкій человѣкъ. У него мы коверъ для тебѣ и посмотримъ,—сказалъ Карапетъ — Но ты, дюша мой, долженъ знать, что и съ самый честный турокъ ты долженъ торговаться. Турецкій купцы это лк бятъ. Онъ тебя, дюша мой, не надуетъ, не дастъ гнилой товаръ, но если онъ спроситъ съ тебя сто піастры — давай ему пятьдесятъ, а потомъ прибавляй по два, три піастры. Понялъ, дюша мой?

— Еще-бы не понять! А только я попрошу ужъ тебя тор оваться. А мнѣ гдѣ-же!—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ мы два-оба, дюша мой, и будемъ торговаться. Самымъ учтивымъ манеромъ торговаться будемъ. Этотъ турокъ, когда здѣсь два года тому назадъ земл. тряслась и каменный лавки падали, подъ камни два дня безъ питья и кушаньи лежалъ и жива, и здорова остался. Когда, дюша мой, его вынули изъ камни всѣ его сосѣди сказали: „Машалахъ! (то-есть: великъ Богъ!) Это его Аллахъ за большой честность спасъ“.

— Это во время землетрясенія?—спросила Глафира Семеновна.

— Да въ землетрясеніе! О, тутъ два сто лавокъ упали. Пять сто человѣкъ убили и ушибли. О, тутъ, дюша мой, мадамъ, барыня-сударыня, страшное дѣло было!

И разсказывая это, Карапетъ остановился около невзрачной лавки и сталъ приглашать своихъ постояльцевъ войти въ нее. Въ глубинѣ лавки на стопкѣ сложенныхъ ковровъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя одну ногу, сѣдобородый почтенный турокъ въ европейскомъ пальто и въ фескѣ. Онъ тотчасъ-же всталъ съ импровизованнаго дивана, протянулъ руку армянину и, бормоча что-то по-турецки, сталъ кланяться супругамъ, прикладывая ладонь руки къ фескѣ. Николай Ивановичъ вынулъ изъ кармана заранѣе приготовленную бумажку съ турецкими словами и сказалъ купцу:

— Хали... Сатынъ. . Альмакъ... (То-есть: коверъ купить).

— Сказано ужъ ему, сказано, дюша мой...—заявилъ Николаю Ивановичу Карапетъ.

Купецъ, бормоча что-то по-турецки, вытащилъ изъ-за прилавка табуретъ съ перламутровой инкрустаціей и предложилъ Глафирѣ Семеновнѣ на него сѣсть, а мужчинамъ указалъ на стопку ковровъ, лежавшихъ около прилавка. Затѣмъ, захлопалъ въ ладоши. Изъ-подъ висячаго ковра, отдѣляющаго переднюю лавку отъ задней, выскочилъ мальчикъ лѣтъ тринадцати въ курткѣ и фескѣ. Купецъ сказалъ ему что-то, и онъ мгновенно выбѣжалъ изъ лавки. Купецъ началъ развертывать и показывалъ ковры, разстилая ихъ на полу, и при каждомъ коврѣ вздыхалъ и говорилъ по-русски:

— Ахъ, хорошо!

— Только одно слово и знаетъ по-русски,—заявилъ Карапетъ.

Ковры началъ купецъ показывать отъ двухсотъ піастровъ цѣной и переходилъ все выше и выше. Супруги выбирали ковры, а Карапетъ переводилъ разговоръ. Нарыта была уже цѣлая груда ковровъ, когда Николай Икановичъ остановился на одномъ изъ нихъ и спросилъ цѣну. Купецъ сказалъ, поплевалъ на руку и для чего-то сталъ гладить коверъ рукой.

— Шесть сто и пятьдесятъ піастры проситъ, перевелъ Карапетъ.

— Постой... сколько-же это на наши деньги?—задалъ себѣ вопросъ Николай Ивановичъ, сосчиталъ и сказалъ:—Около пятидесяти рублей. Фю-фю-фю! Это дорого будетъ.

— Триста піастровъ... учъ-юзъ... сказалъ Николай Ивановичъ.

Продавецъ улыбнулся, покачалъ головой и заговорилъ что-то по турецки.

— Онъ проситъ, дюша мой, подождать торговаться, пока угощеніе не принесутъ,—перевелъ Карапетъ.

— Какое угощеніе?—спросила Глафира Семеновна!

— Кофе принесутъ. Онъ учтивый человѣкъ и хочетъ показать вамъ учтивость, дюша мой.

И точно. Сейчасъ-же влетѣлъ въ лавку запыхавшійся мальчикъ съ подносомъ, на которомъ стояли четыре чашки чернаго кофе, и поставилъ подносъ

на прилавокъ. Торговецъ сталъ предлагать жестами выпить кофе. Супруги благодарили и взяли по чашечкѣ.

— Не подмѣшалъ-ли чего сюда малецъ-то? проговорила Глафира Семеновна.

— Ну, вотъ еще! Съ какой-же стати? возразилъ Николай Ивановичъ.—А только этимъ угощеніемъ онъ насъ какъ-то обезоруживаетъ торговаться.

Карапетъ, услыша эти слова, махнулъ рукой.

— Фуй!—сказалъ онъ. — Торгуйся, дюша мой, сколько хочешь. Турки это любятъ.

— Такъ сколько-же, почтенный, послѣдняя-то цѣна?—спросилъ Николай Ивановичъ.—Я надавалъ триста піастровъ.

Турокъ что-то отвѣтилъ. Армянинъ перевелъ:

— Шестьсотъ его послѣдняя цѣна. Онъ говоритъ, что это старинный коверъ и былъ когда-то во дворцѣ султана Мурата.

— Ну, триста пятьдесятъ. Учъ-юзъ и эхли...— сказалъ Николай Ивановичъ, прихлебывая кофе.

— Много прибавляешь, много прибавляешь, дюша мой,—замѣтилъ ему Карапетъ:—Алтнышъ.

Торговецъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Бешь-юзъ.

— Бешь-юзъ—это пятьсотъ. На пятьсотъ ужъ спустилъ. Все-таки, дорого. Учъ-юзъ.

— Дертъ-юзъ... Саксонъ.

— Четыреста восемьдесятъ, — перевелъ армянинъ.—Коверъ хорошій, очень хорошій. Давай, эфендимъ, сразу четыреста и уходи. Онъ отдастъ.—Дертъ-

юзъ...—объявилъ онъ турку, допилъ чашку кофе и сталъ вылизывать изъ нея языкомъ гущу.

Супруги начали уходить изъ лавки, турокъ испугался и закричалъ по-турецки, что отдастъ за четыреста тридцать піастровъ.

— Ни копѣйки больше!—покачалъ головой Николай Ивановичъ.

Купецъ выскочилъ изъ-за прилавка и сталъ махать руками, прося супруговъ остановиться. Компанія остановилась. Турокъ довольно долго говорилъ по-турецки, очевидно, расхваливая коверъ и прося прибавки.

— Онъ, дюша мой, проситъ десять піастра прибавки на баня,—перевелъ Карапетъ.—Дай ему еще пять піастры.

— Бешь!—крикнулъ Николай Ивановичъ и растопырилъ пять пальцевъ руки.

Турокъ схватилъ коверъ, подбѣжалъ къ Николаю Ивановичу и набросилъ ему его на плечо.

Коверъ былъ купленъ. Супруги начали расчитываться. Появились еще четыре чашки кофе. Купецъ сталъ показывать шитыя шелкомъ атласныя салфетки, подушки, шитыя золотомъ по бархату, вытащилъ изъ-подъ прилавка громадный азіатскій кремневый пистолетъ.

У Глафиры Семеновны разбѣжались глаза на вышивки и она присѣла къ прилавку ихъ разсматривать.

LXXXV.

Наступилъ третій день пребыванія супруговъ Ивановыхъ у армянина Карапета. Николай Ивановичъ проснулся прежде своей жены, проснулся довольно рано и съ головной болью. Съ вечера, за ужиномъ, онъ, какъ говорится, урѣзалъ изрядную муху съ Карапетомъ. Карапетъ принесъ къ ужину полуведерный глиняный кувшинъ мѣстнаго бѣлаго вина, увѣряя, что это такое легкое бѣлое вино, что уподобляется русскому квасу. Супруги пригласили Карапета ужинать вмѣстѣ съ ними. Онъ былъ очень доволенъ, остался, самъ приготовилъ какой-то особенный шашлыкъ и въ концѣ концовъ Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ нимъ выпили весь кувшинъ вина, не взирая на всѣ протесты Глафиры Семеновны. Бѣлое мѣстное вино оказалось, однако, далеко не квасомъ. Когда половина кувшина было выпита, Николай Ивановичъ началъ дурачиться: навилъ себѣ на голову чалму изъ азіатской шелковой матеріи, купленной на Базарѣ въ Стамбулѣ, надѣлъ черногорскій широкій поясъ, пріобрѣтенный тамъ-же, и, заткнувъ за поясъ третью покупку—старинный пистолетъ со сломаннымъ кремневымъ куркомъ, закурилъ кальянъ и сѣлъ вмѣстѣ съ армяниномъ на коверъ, на полъ, чтобы продолжать пить по-турецки. Когда-же кувшинъ съ виномъ они кончили,

армянинъ сталъ тащить Николая Ивановича въ Галату въ кафе-шантанъ, гдѣ обѣщался ему показать какихъ-то черноглазыхъ „штучекъ". Глафира Семеновна разсердилась, вспылила и выгнала армянина, а Николай Ивановичъ, совсѣмъ уже пьяный, свалился на софу и уснулъ въ чемъ былъ, то есть въ чалмѣ, въ черногорскомъ поясѣ и съ стариннымъ азіатскимъ пистолетомъ за поясомъ.

Проснувшись подъ утро, Николай Ивановичъ устыдился своего костюма, сбросилъ съ себя все, раздѣлся, легъ спать, но ему ужъ не спалось. Голова трещала, во рту было сухо, хотѣлось пить, а пить было нечего. Онъ началъ ѣсть оставшіеся съ вечера апельсины. Съѣлъ два, но убоялся разстройства желудка и остановился. Внизу въ армянской мясной лавкѣ уже были вставши. Слышались голоса. Можно было-бы велѣть поставить самоваръ и пить чай, но это значило-бы разбудить Глафиру Семеновну, которая спала сладкимъ утреннимъ сномъ. Николай Ивановичъ опять всталъ, потихоньку одѣлся и сталъ разсматривать вчерашнія покупки: трубки, кальянъ, шитыя золотомъ по бархату и атласу салфетки, шитрый золотомъ сафьянный товаръ для туфель и раскладывалъ все это на столѣ.

Вдругъ сзади его послышались слова:

— Чего ты спозаранку-то вскочилъ? Или опять спозаранку нахлестаться хочешь?

Николай Ивановичъ вздрогнулъ и обернулся.

Глафира Семеновна смотрѣла на него заспанными глазами.

— Зачѣмъ-же нахлестываться? Просто не заспалось,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А вотъ теперь разбираюсь во вчерашнихъ покупкахъ. Какая пр лесть этотъ коверъ, который мы купили! А вѣдь онъ немъ достался только за тридцать рублей.

— Прелесть, а самъ вчера его залилъ виномъ.

— Ни Боже мой! Чистъ онъ и свѣжъ... Ни одного пятнышка. А какъ жаль, что мы вчера нигдѣ не нашли готовыхъ турецкихъ дамскихъ туфель безъ задковъ. Говорятъ, что только въ Скутари на рынкѣ можно ихъ получить. Впрочемъ, вѣдь мы поѣдемъ въ Скитари...

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай!—строго крикнула Глафира Семеновна.—Я вчерашнее помню. И гдѣ, гдѣ только ты не ухитришься напиться! Пріѣхали въ Константинополь... Мусульманскій городъ... На каждомъ шагу мечети... Законъ запрещаетъ туркамъ вино, а ты...

И полились нотаціи.

Глафира Семеновна одѣвалась и точила мужа. Николай Ивановичъ слушалъ и молчалъ. Наконецъ онъ спросилъ:

— Можно велѣть приготовить самоваръ?

— Вели. Но вотъ тебѣ мой сказъ: какъ только ты съ армяшкой еще напьешься—сейчасъ мы собираемся, на пароходъ и ѣдемъ въ Ялту. Лучше тамъ проживемъ лишнюю недѣлю.

— Душечка, мы еще и половины Константинополя не видали. Кромѣ того, надо съѣздить на Принцевы острова, въ Скутари, на гулянье на Прѣсныя воды.

— Чортъ съ нимъ и съ Константинополемъ!

— Но вѣдь ты такъ стремилась сюда, такъ хотѣла...

— Я думала онъ трезвый городъ, а онъ пьянѣе Нижняго-Новгорода во время ярмарки.

— Изъ-за одной-то выпивки, да такъ казнить городъ! Ай-ай-ай!

Николай Ивановичъ покачалъ головой и, выйдя на лѣстницу, велѣлъ встрѣтившейся ему Тамарѣ подавать самоваръ.

Нотаціи продолжались, но ихъ прервалъ появившійся Карапетъ. Онъ самъ внесъ самоваръ, поставилъ его на столъ, поклонился супругамъ и сказалъ Николаю Ивановичу:

— Помнишь, что вчера обѣщалъ, дюша мой, эфендимъ? Какъ родиться, дюша мой, у твоей барыни-сударыни сынъ—сейчасъ Карапетъ къ тебѣ его въ Петербургъ крестить пріѣдетъ. По рукамъ вчера хлопнулъ—значитъ вѣрно, обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Подите вы! Мало-ли что съ пьяныхъ глазъ говорится!—отвернулась отъ него та.

Заварили чай. Карапетъ не уходилъ. Онъ свернулъ папироску и подсѣлъ къ столу.

— Давай, мадамъ, барыня-сударыня, и мнѣ чаю,— сказалъ онъ.—Голова у Карапетки болитъ. Но Ка-

рапетка ой-ой какой молодецъ! Онъ принесъ и лекарство.

Армянинъ полѣзъ въ карманъ шароваръ и вытащилъ оттуда маленькую бутылочку.

— Что это? Коньякъ? Ни за что не позволю въ нашей комнатѣ пить!—воскликнула Глафира Семеновна.

Армянинъ выпучилъ глаза.

— Отчего, барыня-сударыня, ты сегодня такой пѣтухъ?—спросилъ онъ.

— Оттого, что не желаю, чтобы у насъ было пьянство.

— Пьянство! Фуй! Зачѣмъ такія кислыя слова, дюша мой? Я хочу полечить себя и твой мужъ, дюша мой.

— А я не позволяю.

Армянинъ покачалъ головой и спряталъ бутылку въ карманъ.

— Охъ, какой строгій у тебя мадамъ, дюша мой, эфендимъ! обратился онъ, къ Николаю Ивановичу.—Совсѣмъ такая-же орелъ, какъ мой покойница жена.

Всѣ молча пили чай.

— Ну, черезъ часъ надо въ Скутари ѣхать,—сказалъ наконецъ Карапетъ.

— Я не поѣду,—обрѣзала Глафира Семеновна, сидя надувшись.

— Какъ не поѣдешь, дюша мой, кума мой милой? Вчера обѣщалась ѣхать. А туфли покупать? А кладбище смотрѣть? А дервиши турецкіе видѣть?

— Да вѣдь вы опять напьетесь, потомъ и возись съ вами. Какое мнѣ удовольствіе съ пьяными ѣздить?

— Глаша, да гдѣ-же можно напиться-то на кладбищѣ? Вѣдь мы на кладбище ѣдемъ, турецкое кладбище посмотрѣть,—началъ уговаривать Глафиру Семеновну мужъ.

— Кто васъ знаетъ! Вы и на кладбищѣ вино найдете!

— Ну, вотъ... Ну, полно... Да вѣдь тамъ, на кладбищѣ, мусульманскій монастырь, монастырь дервишей.

— Ахъ, ужъ я теперь и въ мусульманскіе монастыри не вѣрю!—махнула рукой Глафира Семеновна, но все-таки сдалась.—Ну, вотъ что...—сказала она:—Я поѣду въ Скутари. Но какъ только я увижу, что вы хоть одинъ глотокъ вина сдѣлаете—сейчасъ-же я домой и ужъ завтра-же вонъ изъ Константинополя!

LXXXVI.

Армянинъ Карапетъ опять въ новомъ черномъ сюртукѣ безъ признаковъ бѣлья, въ фескѣ и съ суковатой палкой. Николай Ивановичъ въ барашковой шапкѣ—скуфейкѣ и въ легкомъ пальто. Глафира Семеновна нарядилась въ лучшее платье и надѣла вѣнскую шляпку съ цѣлой горой

цвѣтовъ. Они на новомъ мосту и направляются къ пароходной пристани, чтобы ѣхать на Азіатскій берегъ, въ мѣстечко Скутари, расположенное противъ Константинополя. На пароходную пристань сходить надо съ моста. Она прислонена къ двумъ желѣзнымъ мостовымъ плашкоутамъ. На мосту по прежнему тѣснота. По прежнему пестрые костюмы разныхъ азіатскихъ народностей и турецкихъ женщинъ напоминаютъ маскарадъ. Балохонники собираютъ проѣздную дань съ экипажей и вьючныхъ животныхъ, но супруговъ Ивановыхъ Карапетъ ведетъ пѣшкомъ, такъ какъ мостъ и пристань находятся отъ ихъ жилища сравнительно близко.

Армянинъ говоритъ Николаю Ивановичу:

— За коляска и за проѣздъ по мосту у тебя, дюше мой, двѣнадцать піастры въ карманѣ остались, а на эти деньги мы можемъ на пароходѣ у кабакжи выпить и голова своя поправить.

— Тсъ...—подмигиваетъ ему Николай Ивановичъ, чтобы тотъ молчалъ, и киваетъ на жену.

И вотъ они на старомъ, грязномъ турецкомъ пароходѣ, перевозящемъ публику изъ Константинополя въ Скутари и дѣлающемъ рейсы по Босфору вплоть до входа въ Черное море и обратно. Публики много. Во второмъ классѣ, черезъ который пришлось проходить, сидятъ прямо по полу, поджавъ подъ себя ноги, закутанныя турецкія женщины изъ простонародья, нѣкоторыя съ ребятишками. Ребятишки пищатъ, ревутъ, запихиваютъ себѣ въ ротъ куски бѣлаго хлѣба или винныя ягоды.

Нѣкоторые турки изъ палубныхъ пассажировъ улеглись на полу на брюхо и, какъ сфинксы, лежатъ на локтяхъ, поднявъ голову. Шныряютъ съ замазанными сажей лицами кочегары и матросы въ фескахъ. Пароходъ шипитъ машиной, стоитъ турецкій и греческій говоръ.

Билеты взяты перваго класса, и супруги въ сопровожденіи Карапета проходятъ въ первый классъ.

Каюта перваго класса помѣщается въ рубкѣ и дѣлится на двѣ части — общую и дамскую. Надъ входомъ въ дамскую каюту подъ турецкой надписью французская надпись: „Harem“.

— Глаша! Смотри... Гаремъ...—указалъ Николай Ивановичъ женѣ на надпись, какъ-то особенно осклабился и спросилъ Карапета:—Что-же это за гаремъ?

— Гаремъ значитъ дамски каюта, эфендимъ. Если мадамъ, барыня-сударыня, хочетъ спать въ дамски каюта—она можетъ.

— А мы?

— Ой, нѣтъ! Турки за это побьютъ,—отвѣчалъ Карапетъ.

Въ общей каютѣ перваго класса, состоящей изъ просторной комнаты съ диванами по стѣнѣ и столами передъ ними, сидѣли фески въ усахъ и бородахъ, толстыя и сухопарыя, курили, читали газеты и пили кофе изъ маленькихъ чашечекъ, которыя разносилъ слуга въ фескѣ, безъ пиджака и жилета, и въ пестромъ полосатомъ шерстяномъ передникѣ. Были здѣсь и закутанныя турецкія дамы съ закрытыми черными и бѣлыми вуалями лицами,

очевидно, предпочитающія сидѣть съ мужчинами чѣмъ въ отдѣльной дамской каютѣ. Тутъ же въ каютѣ турокъ въ чалмѣ продавалъ ковры. Онъ держалъ одинъ изъ нихъ на плечѣ и кричалъ по турецки и по-французски стоимость ковра.

— Вотъ, дюша мой, купецъ съ ковры пришелъ дураковъ искать,—указалъ армянинъ супругамъ.

— Отчего-же дураковъ?—спросила Глафира Семеновна.

— На базаръ въ Стамбулѣ коверъ стоитъ триста піастры, а здѣсь онъ его пріѣзжему человѣкъ изъ Европы за пятьсотъ продастъ.

Пароходъ тронулся. Николай Ивановичъ сказалъ:

— Чего-жъ мы здѣсь сидимъ-то? Надо идти на палубу виды смотрѣть.

Армянинъ встрепенулся.

— Идемъ, идемъ, эфендимъ. Здѣсь, дюша мой, на берегъ картины первый сортъ, проговорилъ онъ и повелъ супруговъ на верхнюю палубу, находившуюся надъ рубкой каюты.

Плыли по Золотому Рогу. Налѣво и направо, на Стамбулъ и на Перу и Галату открывались великолѣпные виды. Причудливыя постройки всѣхъ архитектуръ стояли террасами по берегамъ и пестрѣли то тамъ, то сямъ темною зеленью кипарисовъ. Сады въ Константинополѣ хоть и маленькіе, ничтожные, чередуются съ постройками. Пароходъ шелъ близъ стамбульскаго берега. Видно было, что цвѣлъ миндаль розовымъ цвѣтомъ, облѣпились, какъ ватой, своимъ обильнымъ цвѣтомъ вишневыя деревья. На

горѣ красовалась Ая-Софія среди своихъ минаретовъ. Погода стояла прелестная. Свѣтило яркое вешнее солнце. Продувалъ легкій вѣтерокъ.

— Глубоко здѣсь? — спросилъ Николай Ивановичъ Карапета.

— Дна не достать. Тысяча футъ, дюша мой. Пароходъ пойдетъ ко дну — прощай, не достать. Провалился тутъ разъ чрезъ мостъ паша одинъ съ каретой. Ѣхалъ домой ночью съ хорошенькая француженка. А мостъ былъ разведенъ. Паша былъ пьянъ, кучеръ былъ пьянъ, французская дама была пьяная. Имъ кричатъ: „стой", а паша не слушаетъ, кричитъ: „пошелъ". И провалились въ воду. Три недѣли англичане искали — ни паша, ни карета, ни французская дама, ни кучеръ, ни лошади—ничего, дюша мой, не нашли.

Глафира Семеновна слушала и пожимала плечами.

— Да это совсѣмъ пьяный городъ! сказала она.— Ну, мусульмане! Стало быть, здѣсь и свинину продавать позволяютъ, если на счетъ вина такая распущенность?

— Самый лучшій, самый первый свинья есть, отвѣчалъ Карапетъ.—Хочешь, дюша мой, мадамъ. сегодня тебѣ къ обѣдъ Карапетъ самый лучшій котлеты отъ свиньи подастъ?

Пароходъ вышелъ изъ Золотаго Рога, вошелъ въ Босфоръ и сталъ перерѣзать его по направленію къ берегу Малой Азіи. Показалась знаменитая средневѣковая башня Леандра, стоящая посреди пролива на скалѣ.

LXXXVII.

Это что за штука изъ моря выростаетъ?—задалъ вопросъ Николай Ивановичъ, указывая на башню.

— А это, дюша мой, Кисъ-Кулеси, отвѣчалъ Карапетъ.

— Это что-же обозначаетъ?

— Такаго турецкаго названіе. Кисъ-Кулеси— это дѣвочкова башня. Тутъ дѣвочка одна жила, а потомъ выросла и большая дѣвицъ стала. О, это цѣлый исторія! Слушай, дюша мой, слушай, мадамъ, барыня-сударыня. Жила одна дѣвочка отъ султанъ... Нѣтъ... Жилъ султанъ и у него была дочь, дѣвочка, которую султанъ такъ любилъ, такъ любилъ—ну, какъ своя сердце любилъ. И прочитали по звѣздамъ ученые люди, мадамъ, что эту дѣвочку укуситъ змѣя и она помретъ. Султанъ испугался и пересталъ и пить, и ѣсть, и спать. Сталъ онъ думать, какъ ему своя дѣвочка отъ змѣя спрятать—и выдумалъ онъ, дюша мой, эфендимъ, построить вотъ на этого скала вотъ эта башня Кисъ-Кулеси.

— Однако, Карапетъ Аветычъ, ты хорошій сказочникъ, замѣтилъ Николай Ивановичъ.—Не правда ли, Глаша?

— Слушай, слушай, дюша мой... Зачѣмъ ты минѣ мѣшаешь?—тронулъ его за руку Карапетъ и

продолжалъ:—Выстроилъ султанъ этого башню, посадилъ туда дѣвочку и сказалъ: „Ну, ужъ теперь никакой змѣя ее не укуситъ“. Годъ одинъ живетъ дѣвочка въ башня, еще годъ живетъ въ башня, третья годъ живетъ въ башня—и стала она ужъ не дѣвочка, а самая лучшая, самая красивая дѣвицъ вотъ съ такіе большіе глазы. Живетъ. Выходитъ на балконъ башни и гуляетъ. А тутъ по Босфоръ ѣхалъ на своемъ корабля персидскій принцъ, увидалъ эту дѣвушку и влюбился, дюша мой, влюбился самымъ страшнымъ манеромъ съ своего сердца. Хочетъ говорить съ дѣвушка сладкія, миндальныя слова, а къ дѣвушка его не пускаютъ. И сталъ онъ говорить съ ней черезъ цвѣты. Знаешь, дюша мой, мадамъ, что значитъ разговоръ черезъ цвѣты?—спросилъ Карапетъ Глафиру Семеновну.

— Нѣтъ, не знаю. А что?—спросила та, заинтересовавшись разсказомъ и переставъ дуться на Карапета.

— Одинъ цвѣтокъ значитъ одно слово, другой цвѣтокъ другое слово...—пояснилъ Карапетъ.—И послалъ онъ корзинку цвѣтовъ ей, дюша мой, мадамъ, а въ корзинкѣ такіе цвѣты, которые значутъ такія слова: „дѣвушка мой милый, я тебя люблю, мое сердце“...

— Ахъ, теперь я понимаю! Это языкъ цвѣтовъ!—воскликнула Глафира Семеновна...

— Вотъ, вотъ, дюша мой. Языкъ цвѣтовъ... Стала дѣвушка, султанскаго дочь, читать по этимъ

цвѣтамъ—и вдругъ, дюша мой, изъ корзинки выскочила змѣя и укусила дѣвушку за щека.

— Боже мой! Откуда-же змѣя взялась?—быстро спросила Глафира Семеновна.

— Судьба, мадамъ, барыня-сударыня, судьба. На небѣ было написано, что змѣя укуситъ—змѣя и укусила. Судьба.

Карапетъ указалъ пальцемъ на небо.

— Ну, и что-же дѣвушка? Умерла?—задалъ вопросъ Николай Ивановичъ.

— Какъ змѣя укусила, такъ сейчасъ дѣвушка умерла.

— А принцъ?

— Узналъ принцъ персидскій, что дѣвушка умерла, взялъ ятаганъ и хотѣлъ убить себя, дюша мой. Взялъ ятаганъ и думаетъ:—„попрошу я у султана, чтобъ мнѣ съ его дѣвушка проститься“? Подалъ прошеніе, и султанъ позволилъ ему съ дѣвушка проститься. Сейчасъ принцъ подъѣхалъ въ своего корабль къ башнѣ, вошелъ въ комната и видитъ, что лежитъ на постели дѣвушка, а сама какъ живой лежитъ и только на щека маленькій пятнышко отъ змѣя. Принцъ подошелъ, хотѣлъ поцѣловать дѣвушка и думаетъ: „возьму я этотъ ядъ отъ змѣя изъ щека дѣвушка себѣ въ ротъ и тоже умру отъ змѣя“. Поцѣловалъ дѣвушка въ щека, въ самаго пятнышко, и сталъ сосать со щека ядъ отъ змѣи. Ядъ пососалъ и вдругъ видитъ, что дѣвушка жива. Встаетъ эта дѣвушка и говоритъ ему: „спасибо, дюша мой, спасибо тебѣ,

принцъ, сердце мое, ты спасъ меня отъ смерть. Ахъ, гдѣ мой папенька-султанъ? Пусть онъ придетъ и скажетъ ему самъ отъ своего души спасибо".

— Ну, и кончилось все свадьбой?—перебила Карапета Глафира Семеновна.

— Да, свадьбой. А ты почемъ знаешь, мадамъ, дюша мой?—удивился Карапетъ.

— Такъ всегда сказки кончаются.

— Вѣрно, свадьбой. Ну, султанъ отдалъ своя дѣвочка замужъ за принцъ персидскій, а башня такъ и осталась называться „Дѣвочкова башня". Вотъ и все. Теперь въ ней морской заптій живутъ и чиновники отъ турецки таможня.

Пароходъ миновалъ Кисъ-Кулеси или Леандрову башню и приближался къ Малоазіатскому берегу. Дома Скутари, расположенные по нагорью, очень ясно уже вырисовывались среди зелени кипарисовъ. Николаю Ивановичу сильно хотѣлось юркнуть съ Карапетомъ въ буфетъ и выпить коньяку, чтобы поправить больную голову, но онъ не могъ этого сдѣлать при женѣ, такъ какъ она его не отпустила-бы, поэтому онъ прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы удалить ее, и сказалъ:

— А любопытно-бы знать, какъ здѣсь на турецкихъ пароходахъ дамскія каюты выглядятъ и какъ ведутъ себя тамъ турчанки.

— Выдумай еще что-нибудь!—огрызнулась на него жена.—Вотъ человѣкъ-то! Только о женщинахъ и мечтаетъ. И не стыдится при женѣ говорить!

— Душечка, да я не про себя. Туда вѣдь мужчинъ не пускаютъ. Ты мнѣ договорить не дала. Я про тебя... Тебѣ туда, какъ женщинѣ, входъ не воспрещенъ, такъ вотъ ты сходила-бы туда, посмотрѣла, а потомъ и разсказала-бы мнѣ, какъ и что... Это очень любопытно имѣть понятіе о бытѣ этихъ несчастныхъ затворницъ. Навѣрное онѣ тамъ, въ каютѣ, безъ вуалей и сидятъ не стѣсняясь. Тебѣ и самой должно быть это интересно. Сходи-ка, милая.

— Пожалуй...—отвѣчала Глафира Семеновна.— Только отчего тебя такъ женщины интересуютъ?

— Да вѣдь бытъ. Какъ-же иначе ихъ бытъ узнаешь? А вѣдь мы ѣздимъ повсюду, какъ туристы.

— Ну, хорошо.

Глафира Семеновна стала сходить съ верхней палубы. Николай Ивановичъ торжествовалъ въ душѣ, и только что жена скрылась, сейчасъ-же онъ ткнулъ въ бокъ Карапета и сказалъ ему:

— Пойдемъ скорѣй въ буфетъ!—Хватимъ скорѣй по коньячку. Голова ужасъ какъ трещитъ послѣ вчерашняго! Гдѣ здѣсь буфетъ? Веди скорѣй.

Армянинъ схватился за бока и разразился хохотомъ.

— Ловко, дюша мой! О, какой ты хитрый человѣкъ, эфендимъ!—восклицалъ онъ.—Совсѣмъ хитрый! Какъ хорошо ты послалъ своя жена отъ насъ въ дамскій каюта!

— Да веди-же скорѣй въ буфетъ-то!

— Пойдемъ, пойдемъ,—потащилъ Карапетъ Николая Ивановича.—Знаешь, дюша мой, когда у меня была жива свой жена, я тоже такъ дѣлалъ. Такъ тоже, какъ ты, дюша мой, эфендимъ.

Николай Ивановичъ такъ торопился, что поскользнулся, оборвался съ двухъ ступеней, и только ухватившись за поручни, не свалился съ лѣстницы.

Вотъ и буфетъ, состоящій изъ стойки съ цѣлой горкой бутылокъ и помѣщающійся во второмъ классѣ. За стойкой феска въ усахъ и съ столь излюбленными турками четками на рукѣ. Тутъ-же керосиновый таганъ съ стоящимъ на немъ громаднымъ мѣднымъ кофейникомъ. На стойкѣ, кромѣ бутылокъ, закуски на маленькихъ блюдцахъ, отпускающіяся къ вину въ придачу: маринованная въ уксусѣ морковь, накрошенные томаты, лимонъ, нарѣзанный на куски, корни сырой петрушки и винныя ягоды.

— Два коньякъ, сказалъ фескѣ съ четками Николай Ивановичъ, показалъ два пальца и прибавилъ, обратясь къ Карапету:—Скажи ему, чтобъ далъ рюмки побольше.

Феска выдвинула два объемистыхъ бакальчика изъ толстаго стекла и налила ихъ на половину коньякомъ.

— Что жъ онъ половину-то наливаетъ? Что за манера такая!—снова сказалъ Карапету Николай Ивановичъ.

— Это турецкаго учтивость, дюша мой. Здѣсь всегда такъ...—пояснилъ Карапетъ.—Пей.

— Хороша учтивость! Налилъ полъ-рюмки, а возьметъ за цѣльную.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ и возьметъ, сколько надо. Такъ и цѣна тутъ за полъ-рюмка.

Они выпили.

— Надо повторить,—торопился Николай Ивановичъ, закусывая лимономъ, потребовалъ еще, выпилъ, просилъ Карапета скорѣй расчитаться за выпитое и побѣжалъ въ первый классъ, гдѣ и помѣстился смиренно на складномъ желѣзномъ стулѣ.

Только что онъ успѣлъ прожевать корку лимона, какъ уже появилась Глафира Семеновна.

— Была и видѣла,—сообщила она мужу о женской каютѣ.—Ничего особеннаго въ этихъ турчанкахъ. Намазаны такъ, что съ лица чуть не сыплется. И всѣ что нибудь жуютъ: или фисташки, или карамель. А гдѣ-же нашъ армяшка?—спросила она.

— Здѣсь, здѣсь, мадамъ, барыня сударыня,—откликнулся сзади ея Карапетъ.—Сейчасъ Скутари. Пойдемъ на палубу. Сейчасъ намъ выходить, дюша мой.

Пароходъ убавлялъ ходъ.

LXXXVIII.

Въ Скутари сошла добрая половина пассажировъ парохода. Съ супругами Ивановыми много вышло турецкихъ женщинъ съ ребятишками. Нѣкоторыя несли грудныхъ ребятъ. Двѣ женщины свели съ парохода подъ руки третью женщину, очевидно, больную, тоже закутанную. Выйдя на берегъ, она тотчасъ-же сѣла отдыхать на какой-то ящикъ съ товаромъ.

— Эти всѣ турецкiй бабы къ святымъ дервиши прiѣхали, указалъ Карапетъ на женщинъ.—Онѣ прiѣхали съ больнаго дѣти, чтобы дервиши вылечили ихъ черезъ свой святость. Вотъ и эта самая больнаго женщина сюда затѣмъ-же привезли. Мы сейчасъ будемъ видѣть, мадамъ, какъ дервиши будутъ лечить ихъ.

— Но вѣдь мы прiѣхали для кладбища, чтобъ кладбище посмотрѣть, замѣтила Глафира Семеновна.

— Гдѣ кладбище—тамъ и дервиши будутъ. Они начнутъ служить сначала своя мусульманскаго обѣдня, а потомъ лечить будутъ.

Глафира Семеновна взглянула въ лицо говорившаго армянина. Лицо его было малиновое отъ выпитаго сейчасъ вина.

— Что это у васъ лицо-то?—не утерпѣла она, бчоты не спросить.—Красное, какъ у вареннаго рака.

— А это, мадамъ, барыня-сударыня, отъ вѣтеръ на пароходѣ.

— Вздоръ. Вѣтру на пароходѣ не было. А вы, должно быть, изрядно выпили, пока я ходила дамскую каюту смотрѣть. Да... Отъ васъ и пахнетъ виномъ.

— Отъ меня всегда пахнетъ виномъ, мадамъ... Карапетъ такой ужъ человѣкъ, дюша мой.

— Николай Иванычъ! Поди-ка сюда... Покажись мнѣ... Никакъ и ты тоже?..—крикнула Глафира Семеновна мужу.

Тотъ шелъ впереди, обернулся къ ней и крикнулъ:

— Знаешь, Глаша, мы ужъ въ Азіи теперь! Попираемъ азіатскую землю. Вотъ сподобились мы съ тобой и въ Азіи побывать...

— А я не про Азію, а про выпивку. Ты пилъ на пароходѣ съ Карапетомъ Аветычемъ?..

Николай Ивановичъ взглянулъ на армянина и отвѣчалъ:

— Боже избави! Зачѣмъ-же я пить буду? Вотъ развѣ здѣсь въ Азіи дозволишь потомъ за завтракомъ рюмочку—другую выпить, потому быть въ Азіи и не выпить азіатскаго какъ будто...

— Пилъ... Я по лицу вижу, что пилъ, перебила его жена.—Вонъ ужъ лѣвый глазъ у тебя перекосило и языкъ началъ заплетаться.

— Увѣряю тебя, душечка... Съ какой-же стати? запирался Николай Ивановичъ.—Но давай наблюдать Азію. Богъ знаетъ. придется-ли еще когда нибудь въ жизни побывать въ ней.—Карапетъ,

отчего это на здѣшнихъ домахъ трубъ нѣтъ? проговорилъ онъ, указывая выкрашенные въ красную, голубую и желтую краску маленькіе домики съ плоскими крышами, ютящіеся одинъ надъ другимъ террасами.

— Оттого, дюша мой, что здѣсь никогда печка не топятъ,—отвѣчалъ армянинъ.—Да и нѣтъ здѣсь печки.

— Ахъ, вы безобразники, безобразники!—вздыхала Глафира Семеновна, не слушая разговора мужа и Карапета.—Успѣли напиться.

— То-есть какъ это печки не топятъ?—продолжалъ Николай Ивановичъ.—А какъ-же для обѣда-то варятъ и жарятъ?

— О, дюше мой, для кухня есть печка, а изъ печка эта выходитъ маленьки желѣзнаго труба черезъ стѣна.—Но турецкаго люди здѣсь такаго публика, что они любятъ варить и жарить всякаго кушанье на дворѣ. Сдѣлаетъ огонь на дворѣ и жаритъ, и варитъ.

— Глаша! Слышишь? Вотъ хозяйство-то! окликнулъ Глафиру Семеновну мужъ.

Но та угрюмо поднималась по заваленному тюками, мѣшками и ящиками нагорному берегу и ничего не отвѣчала, разстроенная, что мужъ ухитрился надуть ее и выпить на пароходѣ.

Нѣсколько арабаджи въ приличныхъ фаэтонахъ, запряженыхъ парой лошадей, предлагали супругамъ свои услуги, босоногіе мальчишки въ линючихъ

фескахъ навязывали верховыхъ ословъ, чтобъ подняться на гору, но Карапетъ сказалъ:

— Пѣшкомъ, пѣшкомъ, дюша мой, эфендимъ, пѣшкомъ, барыня-сударыня, пойдемъ. На своя нога пойдемъ, а то ничего хорошаго не увидимъ.

Дорога была преплохая, мощеная крупнымъ камнемъ, безъ тротуаровъ. Минуты черезъ три между домами среди двухъ-трехъ кипарисовъ стали попадаться покосившіеся старые мусульманскіе памятники.

Карапетъ указалъ на нихъ и пояснилъ:

— Вотъ гдѣ стараго кладбище начиналось, а теперь выстроили на немъ домы, а новаго кладбище пошло выше на гора.

Женщины съ ребятишками сначала поднимались въ гору въ общей толпѣ, но потомъ начали свертывать въ переулки. Свернулъ и Карапетъ съ своими постояльцами въ одинъ изъ переулковъ, сказавъ:

— Сейчасъ мы увидимъ дервиши.

И точно. Въ концѣ переулка открылась полянка. Тамъ и сямъ мелькали надгробные памятники, нѣсколько кипарисовъ простирали свои вѣтви къ небу, а подъ ними усаживались пріѣхавшія на пароходѣ женщины съ ребятами. Тутъ-же была и больная женщина, которую привезли въ экипажѣ. Посрединѣ полянки былъ деревянный помостъ, а на помостѣ группировались молодые и старые турки въ усахъ и бородахъ и съ четками на кистяхъ рукъ. Они-то и были дервеши, какъ сообщилъ Ка-

рапетъ, и принадлежали къ согласію такъ называемыхъ „Ревущихъ Дервишей“. Особыми костюмами дервиши не отличались отъ обыкновенныхъ азіатскихъ турокъ,—куртки, шаровары, поясъ, но вмѣсто фесокъ имѣли на головахъ полотняныя шапочки. Одинъ изъ нихъ, старикъ, впрочемъ, былъ въ большой бѣлой чалмѣ и отличался длинной сѣдой бородой.

— Это шейхъ отъ дервиши,—указалъ Карапетъ на старика въ чалмѣ, когда супруги расположились около помоста.—Шейхъ отъ Руфаи. Эти дервиши—Руфаи.

— А насъ они не тронутъ?—съ опасеніемъ спросила Карапета Глафира Семеновна.—Не начнутъ гнать, видя, что мы не мусульмане?

— Зачѣмъ они будутъ насъ гнать, дюша мой, мадамъ? Мы имъ пять-шесть піастры дадимъ, а они деньги ой-ой какъ любятъ,

Публика стала окружать помостъ. Виднѣлось и нѣсколько мужчинъ въ европейскихъ костюмахъ, въ фескахъ и безъ фесокъ. Можно было насчитать двѣ-три шляпы котелкомъ. Рядомъ съ супругами Ивановыми остановились двѣ англичанки, одѣтыя по послѣдней модѣ. Онѣ безъ умолку болтали поанглійски съ бакенбардистомъ въ цилиндрѣ и клѣтчатомъ пальто съ перелиной. Николай Ивановичъ взглянулъ ему пристально въ лицо и увидалъ, что это былъ тотъ самый англичанинъ, съ которымъ они пріѣхали въ Константинополь въ одномъ вагонѣ. Они обмѣнялись поклонами. Англичанинъ

что-то спросилъ его на ломаномъ французскомъ языкѣ. Николай Ивановичъ ничего не понялъ, но отвѣчалъ: „вуй, мосье“.

— А развѣ у этихъ дервишей нѣтъ монастыря?.. задала вопросъ Карапету Глафира Семеновна.— Вѣдь дервиши—это мусульманскіе монахи.

— Есть, мадамъ... хорошаго монастырь есть. Вонъ подальше входъ въ этого монастырь, но они вышли изъ свой монастырь для публики, чтобъ поскорѣй своя обѣдня сдѣлать,—далъ отвѣтъ Карапетъ.

Два дервиша внесли на помостъ по вороху овчинъ и разостлали ихъ полукругомъ, шерстью вверхъ, а посрединѣ—коверъ. На коверъ тотчасъ же всталъ шейхъ, а на овчинахъ размѣстились дервиши.

Черезъ минуту началось отправленіе культа завывающихъ дервишей Руфаи.

LXXXIX.

Прежде всего сѣдобородый шейхъ дервишей, закрывъ свои уши пальцами, прочелъ на распѣвъ краткое изреченіе изъ Корана, а затѣмъ дервиши поочередно стали подходить къ ему и цѣловали у него руку. Возвращаясь на свои мѣста, они уже садились на овчины, поджавъ подъ себя ноги, и начали раскачиваться корпусомъ впе-

редъ, назадъ, направо и налѣво, а шейхъ продолжалъ стоять безъ движенія. Сначала это раскачиваніе шло молча, но вотъ шейхъ произнесъ „ла ила ила ла“, и всѣ дервиши начали повторять эти односложные звуки, качаясь корпусомъ такъ, что на каждое движеніе приходилось по слогу. Плавныя движенія постепенно переходили къ болѣе быстрымъ движеніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дервиши возвышали голосъ при завываніи.

— Это они корабль дѣлаютъ,—сообщилъ Карапетъ супругамъ.—Корабль и буря... Сначала маленьки буря... потомъ большой буря.

— Молитва это у нихъ происходитъ, что-ли? спросилъ Николай Ивановичъ Карапета.

— Да, дюша мой, молитва... Молятся. Такого у нихъ вѣра.

— Въ этомъ-то и заключается леченіе больныхъ?—задала въ свою очередь вопросъ Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, мадамъ, леченіе потомъ будетъ.

А дервиши, между тѣмъ, ужъ кричали во все горло свое „ла-ила-ила-ла“. Въ воздухѣ мотались ихъ головы, откидываемыя то назадъ, то впередъ, то вправо, то влѣво. Лица дервишей покраснѣли и съ нихъ струился обильный потъ.

— Несчастные, какъ они устали!—сказала Глафира Семеновна.

— Погодите, мадамъ... еще не то будетъ,—отвѣчалъ Карапетъ.

Вдругъ дервиши вскочили и стали качаться

стоя. Мотающіяся головы ихъ ужъ только мелькали передъ глазами зрителей, но выраженія лицъ разобрать было невозможно. Въ воздухѣ стоялъ буквально ревъ. Дервиши вмѣстѣ съ тѣмъ и подпрыгивали.

— Вѣдь и у насъ въ Россіи такая секта есть... Скакуны они называются, — замѣтилъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна сморщилась и произнесла:

— Непріятно смотрѣть. Пойдемте прочь.

— А леченіе, м дамъ? Сейчасъ леченье начнется,—остановилъ ее Карапетъ.

— Богъ съ нимъ и съ леченьемъ!—отвернулась она.

— Нельзя-же, душечка, надо смотрѣть до конца, сказалъ въ свою очередь мужъ.—Мнѣ нужно. Сегодня вечеромъ я буду писать Василію Кузьмичу письмо изъ Азіи, такъ хочу ему и дервишей описать.

— Опишешь и не досмотрѣвши. Ври, что въ голову придетъ.

Вдругъ одинъ дервишъ упалъ среди рева. Изо рта его била пѣна Вслѣдъ за нимъ свалился другой дервишъ и лежалъ уже безъ движенія, раскинувъ руки. Лицо его было черно, глаза открыты. Падали третій дервишъ, четвертый, пятый. Глафира Семеновна ужъ не смотрѣла.

— Довольно, довольно! На кладбище пойдемте-торопила она.

— Да ужъ все кончено, мадамъ, барыня, суда-

рыня,—проговорилъ армянинъ.—Сейчасъ леченье начнется.

И точно, всѣ дервиши перестали ревѣть и качаться. Они опустились на овчины и сидѣли, тяжело дыша и свѣсивъ головы. Шейхъ поднялъ руки. На помостъ со всѣхъ сторонъ бѣжали турецкія женщины, тащили ребятъ, клали ихъ внизъ лицомъ и сами падали вмѣстѣ съ ними ницъ. Шейхъ въ сопровожденіи дервиша съ чашечкой для пожертвованій проходилъ по рядамъ лежавшихъ, попиралъ ихъ ногой, ставя ее на спину или другую часть тѣла, и шелъ дальше. Женщины, мимо которыхъ шейхъ уже прошелъ, поднимались и клали дервишу въ чашечку деньги. Положили и больную женщину на край помоста Она кричала истерично и пронзительнымъ голосомъ. Шейхъ и ей наступилъ ногой сначала на спину, а потомъ на шею.

— Это-то леченье и есть?—спросила Глафира Семеновна.

— Вотъ, вотъ. Онъ лечитъ черезъ своего святость, пояснилъ армянинъ.—Прежде, чтобы доказать свою святость, дервиши носили въ голая рука уголья съ огнемъ, ступали съ голаго нога на горячаго краснаго желѣзо, но теперь это полиція не дозволяетъ.

Подбѣжалъ и къ супругамъ дервишъ съ чашечкой. Николай Ивановичъ улыбнулся.

— На коньячишко просишь, святой мужъ? Изволь, изволь. Выпей за здравіе Николая, Глафиры и Карапета,—сказалъ онъ и опустилъ въ ча-

шечку серебряную монету:—Ну, теперь на кладбище отправимся,—обратился онъ къ Карапету.

— Да мы ужъ на кладбищѣ, дюша мой. Вонъ могильнаго памятники стоятъ. Здѣсь въ Скутари вездѣ кладбище... отвѣчалъ тотъ.

— Это ты говорилъ, что старое кладбище. Понимаю.—Но гдѣ-же новое?

— А вотъ за того маленькаго мечеть зайдемъ—будетъ и новаго кладбище.

Карапетъ указалъ на хорошенькую маленькую мечеть съ двумя минаретиками, выглядывавшую изъ темной зелени кипарисовъ и они двинулись впередъ. Почти всѣ турецкія женщины, находившіяся при богослуженіи дервишей Руфаи, направились туда-же.

Ближе къ новому кладбищу стали попадаться палатки кафеджи съ жаровнями, на которыхъ стояли кофейники. На циновкахъ, разостланныхъ около палатокъ, сидѣли фески. Сами кафеджи звенѣли чапками въ плетеныхъ корзинкахъ. Бродили булочники, продающіе булки, вареную кукурузу и вареную фасоль. Везъ на ручной телѣжкѣ большой укутанный ковромъ котелъ турокъ въ чалмѣ изъ грязныхъ тряпицъ и предлагалъ желающимъ горячій „пловъ". Вездѣ продавалось съѣстное. Нашелся даже бродячій цирюльникъ, который около самой развалившейся ограды „новаго" кладбища усадилъ своего кліента на коверъ и брилъ ему намыленную голову.

Продавали разнозчики съ рукъ платки, полотен-

ца, и наконецъ Глафира Семеновна увидала турка съ плетеной корзинкой, изъ которой выглядывали тѣ самыя турецкія шитыя золотомъ по сафьяну туфли безъ задковъ и съ загнутыми носками, которыя она искала въ Стамбулѣ на базарѣ и не нашла.

— Вотъ туфли-то!—радостно воскликнула она и подскочила къ корзинкѣ.

Турокъ-разнозчикъ тотчасъ-же приложилъ руку ко лбу, къ сердцу, отдалъ почтительный поклонъ и сталъ хлопать туфлями подошву о подошву.

Глафира Семеновна отобрала три пары. Торговецъ сказалъ свою цѣну. Карапетъ началъ торговаться и давалъ ему треть цѣны. Кой-какъ сошлись, и туфли были куплены.

— Отчего эти туфли только здѣсь продаются?— спросила Карапета Глафира Семеновна.

— Оттого, мадамъ, что ихъ только самаго стараго старухи-турчанки носятъ, а онѣ никуда больше не ходятъ гулять, какъ на кладбище. Да на того сторона, дюша мой, и стараго старухи не носятъ такого старомоднаго туфли, а только здѣсь въ Скутари,—былъ отвѣтъ.

Николай Ивановичъ дернулъ Карапета за рукавъ и украдкой спросилъ:

— А выпить здѣсь коньячишку можно?

— Можно. Пойдемъ...—кивнулъ ему Карапетъ.

XC.

Необыкновенно веселый, ласкающій взоръ видъ представляетъ изъ себя Новое или Большое кладбище въ Скутари, расположенное на горѣ. Десятки тысячъ памятниковъ представились супругамъ Ивановымъ, когда они вошли за каменную ограду. Отъ входа вились въ гору нѣсколько дорожекъ, обсаженныхъ высокими и низкими кипарисами и среди темнозеленой зелени бѣлѣлись бѣлые мусульманскіе памятники, состоящіе всегда у мужчинъ изъ трехъ, а у женщинъ изъ двухъ камней: одного, составляющаго плашмя лежащую плиту и другого—на ребро поставленную плиту. У мужскихъ памятниковъ третій камень составлялъ тюрбанъ или чалму, высѣченные изъ какой либо каменной породы и поставленные сверху третьяго камня, немного въ наклоненномъ видѣ на бокъ. Памятники и кипарисы шли въ гору и представляли изъ себя дивный видъ для поднимающагося путника, но еще болѣе великолѣпный видъ открывался ему, если онъ обертывался назадъ. Съ высокой горы по направленію дорожекъ виднѣлся внизу голубой Босфоръ, а далѣе европейскій берегъ съ причудливыми, разнообразными постройками, расположенными террасами.

Глафира Семеновна воскликнула:

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо и уютно! А у насъ

то въ Россіи какія кладбища! Мрачныя, непривѣтливыя, сырыя. Плакучія деревья повсюду да еще жалобно каркающія вороны въ придачу. А здѣсь... Ну, посмотрите, какая прелесть вотъ этотъ уголокъ съ усѣвшимися на коврѣ турчанками! указала она мужу и Карапету.

— Турки любятъ, мадамъ, чтобы кладбище было хорошо,—отвѣчалъ Карапетъ.—Для турки кладбище—гулянье, а для турецки женщины—другой гулянья нѣтъ.

— Что это они пьютъ и ѣдятъ?—разспрашивала Глафира Семеновна армянина.

— Здѣсь всѣ, мадамъ, пьютъ и ѣдятъ. Надо и намъ, барыня-сударыня, выпить и закусить.

Глафира Семеновна промолчала и продолжала наблюдать. Группы публики, по большей части женщины съ ребятами и безъ ребятъ, виднѣлись повсюду. Онѣ сидѣли и стояли въ самыхъ разнообразныхъ позахъ около памятниковъ. Слышался смѣхъ, веселые разговоры. Турчанки, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, что-нибудь ѣли: или апельсины, или сласти изъ коробокъ, подсовывая ихъ подъ густыя вуали въ ротъ. Да и не особенно тщательно у всѣхъ женщинъ опущены были эти вуали. У нѣкоторыхъ они были приподняты до носа и давали видѣть подбородокъ, губы и красивые зубки, кусающіе апельсинъ или засахаренный фруктъ. Были и такія, которыя совсѣмъ откинули вуаль и закрыли только ротъ и подбородокъ обычнымъ бѣлымъ шелковымъ шарфомъ съ

шеи. И здѣсь, на кладбищѣ, сновали разнозчики съ съѣстными припасами, фруктами и сластями, и здѣсь были кафеджи съ ручными телѣжками и предлагали кофе, выкрикивая по-турецки: „кагве“.

— Однако, здѣсь-то ваши турецкія дамы не особеннно вплотную прикрываютъ личики,—замѣтилъ Николай Ивановичъ Карапету.

— Да, да... Это вѣрно. Здѣсь всегда бываетъ мало турокъ мужчинъ и потому турецкаго дамы не боятся, что они получатъ непріятность,—отвѣчалъ Карапетъ.

— А какая-же можетъ быть непріятность?

— А посмотритъ на открытаго лицо и скажетъ: „ахъ, ты дура, какъ ты смѣешь, мерзкаго женщина, безъ вуаль сидѣть?“

— Да какое-же онъ имѣетъ право?—проговорила Глафира Семеновна

— Турки всегда имѣютъ право надъ дамамъ. Это только нашего дамы имѣютъ право надъ нами. Да. .

И Карапетъ многозначительно подмигнулъ Глафирѣ Семеновнѣ.

— А вы хотите, чтобы и вамъ волю дали надъ нами?—покосилась на него та.—Нѣтъ,—мы Европа, мы этого не допустимъ.

— Смотри, смотри. Вотъ одна и совсѣмъ сдернула съ себя вуаль и смѣется,—указалъ Николай Ивановичъ армянину на женщину.—И какая хорошенькая!

— Была бы не хорошенькая, такъ не сдернула

бы вуали,—отвѣчалъ Карапетъ.—Будь съ косого глазы морда—еще больше закуталась-бы.

— Николя! не пяль глаза! Это даже неприлично!—дернула мужа за рукавъ Глафира Семеновна.

— Если не турокъ идетъ, турецкаго дамы всегда очень съ большая смѣлость... Сейчасъ вуаль прочь... „Смотри, дюша мой, какая я душка"! Тутъ на кладбищѣ, если холостаго человѣкъ, можетъ даже въ любовь сыграть,—повѣствовалъ армянинъ.—Видишь, дюша мой, еще одна дама передъ тобой вуаль сдернула.

— Николай Ивановичъ! Да чего-же ты сталъ-то! Стоитъ и выпучилъ глаза,—закричала на мужа Глафира Семеновна, вся вспыхнувъ.—Иди впередъ.

— Иду, иду, матушка. Вѣдь отъ посмотрѣнья ничего не сдѣлается. Но отчего-же Карапетъ Аветычъ, онѣ могутъ догадаться, что мы не турки? Ну, я безъ фески, а вѣдь ты въ фескѣ.

— А носъ-то мой, дюша мой?—тронулъ себя за носъ Карапетъ.—Самаго настоящій армянска носъ. О, турецки дамы знаютъ всякаго носъ!

— Да неужто это такъ?—спросила Глафира Семеновна и, какъ ни была сердита на мужа и Карапета, разсмѣялась.

Карапетъ воспользовался ея проясненіемъ среди гнѣва и сказалъ:

— Такого часъ теперь подошелъ, мадамъ, что надо закусить и кофе выпить. Вотъ кафеджи.—У него есть хлѣбъ, сыръ, варенаго курица... Пойдемъ къ нему и онъ насъ угоститъ.

— Хорошо. Только пожалуйста, чтобы водки и вина не было,—согласилась Глафира Семеновна.

— Ни, ни, ни... Вотъ какъ этого памятникъ будемъ бѣлы.

Они подошла къ телѣжкѣ кафеджи. Тотъ уже раскинулъ на землѣ коверъ и попросилъ ихъ садиться.

— Надо ужъ по-турецки, мадамъ,—сказалъ Карапетъ.—Садитесь на коверъ.

— Ничего, сядемъ, отвѣчала Глафира Семеновна, опускаясь на коверъ.—Чай у него есть?—спросила она про кафеджи.

— Все есть, мадамъ.

— Такъ спросите мнѣ чаю и бутербродовъ съ сыромъ.

Когда жена отвернулась, Николай Ивановичъ дернулъ за рукавъ армянина и тихо проговорилъ:

— А что-жъ ты хотѣлъ насчетъ коньяковой выпивки?

— Все будетъ. Молчи и садись.

Николай Ивановичъ сѣлъ. Карапетъ сталъ говорить кафеджи что-то по-турецки. Тотъ улыбнулся, кивнулъ и сказалъ: „Эветъ, эветъ.. Хай, Хай...“.

Началось завариваніе чаю изъ большого кипящаго на жаровнѣ чайника съ кипяткомъ. Кафеджи подалъ компаніи на чистенькой доскѣ длинный бѣлый хлѣбъ, кусокъ сыру и ножъ.

— Вотъ какъ прекрасно! Ну, это еще лучше,

я сама сдѣлаю бутерброды,—сказала Глафира Семеновна и принялась кромсать хлѣбъ и сыръ.

Чай розлитъ въ чашки и кафеджи поочередно сталъ подавать ихъ сначала Глафирѣ Семеновнѣ, потомъ Николаю Ивановичу и наконецъ Карапету.

Николай Ивановичъ опять дернулъ Карапета за рукавъ, напоминая о выпивкѣ, а тотъ указалъ ему на чашку и проговорилъ:

— Пей, пей, дюша мой. Все будетъ хорошо.

Николай Ивановичъ поднесъ чашку къ губамъ и услыхалъ винный запахъ, прихлебнулъ изъ нея и, почувствовавъ, что чай сильно разбавленъ коньякомъ, улыбнулся.

— Хорошо чайку съ устатку выпить,—произнесъ онъ, щуря масляные глаза.

— Пей, пей! И какого ползительнаго дѣло этотъ чай, такъ просто перваго сорта!—откликнулся армянинъ, тоже улыбаясь.

— Закусите вы сначала, а чаемъ потомъ будете запивать,—предлагала имъ бутерброды Глафира Семеновна.

— Потомъ, мадамъ, потомъ, дюша мой, барыня-сударыня,—отстранилъ отъ себя бутерброды армянинъ.—Сначала мы выпьемъ чай, а потомъ закуска пойдетъ. Очень пить хочется, мадамъ.

Мужчины смаковали глотки и наслаждались пуншемъ, приготовленнымъ для нихъ, пó приказанію Карапета, услужливымъ кафеджи. Глафиру Семеновну они успѣли надуть вторично.

XCI.

Гнѣвная, поблѣднѣвшая отъ злости, въ сбитой на бокъ второпяхъ шляпкѣ, бѣжала Глафира Семеновна съ кладбища на пароходъ. Уста ея изрыгали цѣлый лексиконъ ругательствъ на мужа и Карапета. Дѣло въ томъ, что по винному запаху, распространившемуся изъ чашекъ Николая Ивановича и армянина, она узнала, что вторично обманута ими, но, къ несчастью, она узнала объ обманѣ нѣсколько поздно, когда уже тѣ допивали по третьей чашкѣ пунша, и носъ у армянина сдѣлался изъ краснаго сизымъ, а у Николая Ивановича и осоловѣли глаза.

— Ахъ, вы опять надувать меня вздумали! Вмѣсто чаю пуншъ пьете! Домой, домой тогда! Не хочу и минуты здѣсь оставаться,—взвизгнула она и, какъ ужаленная пантера, вскочила съ ковра и побѣжала съ горы внизъ по направленію къ выходу изъ сада.

Мужчины, разсчитавшись съ кафеджи и выпивъ еще по рюмкѣ коньяку гольемъ „на дорожку", поспѣшно догоняли ее. Головы ихъ были отяжелѣвши, ноги слабы. Николай Ивановичъ даже споткнулся и упалъ разъ, прежде чѣмъ догнать жену.

— Пронюхала! Нѣтъ, каково? Пронюхала! — повторялъ онъ своему спутнику.

— Хитраго дама! Охъ, какого хитраго!—отвѣчалъ Карапетъ.—Моя покойнаго жена была совсѣмъ глупаго дѣвочка передъ ней.

— Все-таки мы, Карапетъ, домой не поѣдемъ. Что теперь дома дѣлать? Мы поѣдемъ по Босфору, продолжалъ Николай Ивановичъ.

— А если твоя барыня захочетъ домой?—спросилъ Карапетъ.

— Мы ее опять надуемъ. Почемъ она знаетъ, куда пароходъ идетъ? Сядемъ, скажемъ, что ѣдемъ въ Константинополь, а сами къ Черному морю. Надо-же намъ Босфоръ посмотрѣть.

— Непремѣнно надо, дюша мой. Босфоръ—перваго дѣло. Какъ возможно безъ Босфоръ!

— Ну, такъ вотъ на пристани и бери билеты до Чернаго моря и обратно въ Константинополь. Ты говорилъ, что можно.

— Можно, можно, эфендимъ. Ретуръ-билетъ это называется. А только и хитраго ты человѣкъ, дюша мой, эфендимъ, на счетъ своя жена!—похлопалъ армянинъ своего спутника по плечу и толкнулъ его въ бокъ.—Говорятъ, армянинъ хитраго человѣкъ, хитрѣе жида. Нѣтъ, дюша мой, ты хитрѣе армянина.

— Какое! Это я только насчетъ жены, да и то она всегда верхъ беретъ,—далъ отвѣтъ Николай Ивановичъ.

Только за воротами кладбища успѣли они нагнать Глафиру Семеновну. Потъ съ нихъ струился градомъ. Отъ потоковъ его пыльныя лица ихъ сдѣ-

лались полосатыми, какъ голова у зебра. Глафира Семеновна чуть не плакала отъ злости.

— Ага, пьяницы! Наконецъ-то вы оторвались отъ вашей кабацкой соски!—встрѣтила она мужчинъ.

— Да какое-же тутъ пьянство, душечка, возразилъ мужъ.—Просто выпили пуншику на легкомъ воздухѣ при благоуханіи кипариса.

— Однако, вы меня надули. Два раза надули! Нѣтъ, ужъ больше не надуете. Теперь домой и никуда больше.

— Да конечно-же, домой, ангельчикъ. Куда-же больше? Проѣдемъ черезъ Босфоръ и домой.

— Нѣтъ, совсѣмъ домой. Прямо въ Россію домой... Въ Петербургъ домой... Вонъ изъ этого пьянаго города!—кричала Глафира Семеновна.

— Да развѣ мы пьяны, мадамъ, дюша мой?—началъ армянинъ, пуча глаза.

— Еще-бы нѣтъ! Совсѣмъ пьяны. Развѣ сталъ-бы трезвый мужъ при своей женѣ проходящихъ мимо турчанокъ за платья хватать. Да и вы тоже пьяная морда.

— Позволь, дюша мой, мадамъ... Это были не турчанки, а двѣ армянки. И тронулъ ихъ за платьевъ я, а не мужъ твой.

— Вотъ нахалъ-то! А это лучше, что-ли, что вы армянокъ дернули? Но я видѣла, что и Николай... И при этомъ какіе взгляды!

— Другъ мой, Глашенька, ты ошиблась, котеночекъ...—миндально скосивъ глаза на жену, про-

говорилъ Николай Ивановичъ и при этомъ взялъ ее за локоть и тронулъ за талію.

— Прочь! Чего лѣзешь! Ты забываешь, что ты на улицѣ! — взвизгнула Глафира Семеновна и сбила у мужа зонтикомъ шапку.

Проходившій мимо турокъ въ курткѣ и фескѣ, видѣвшій эту сцену, остановился и сказалъ что-то по-турецки. Карапетъ откликнулся ему тоже по-турецки и сказалъ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Вотъ турецкаго мусью говоритъ, барыня, что ты отъ мужа учена мало.

— О, я и турецкому мусьѣ феску сшибу, пусть только тронетъ меня!

Переругиваясь такимъ образомъ, компанія подошла къ пристани. Пароходъ еще не подходилъ. На пароходной пристани было много ожидающаго народа, и Глафира Семеновна присмирѣла. Мужъ и армянинъ покуривали папироски. Армянинъ подмигнулъ Николаю Ивановичу и шепнулъ:

— Теперь самаго лучшаго, эфендимъ—турецки мастики выпить и съ кислы маринадъ изъ морковки закусить.

— Выпьемъ. Дай срокъ на пароходъ сѣсть...— тихо отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Но вотъ показался пароходъ, плывущій отъ европейскаго берега, и публика засуетилась. Среди ожидающихъ пароходъ закутанныхъ турчанокъ у одной изъ нихъ былъ завернутъ въ пестрый бумажный платокъ довольно объемистый камень. Обстоятельство это не уклонилось отъ наблюденія Кара-

пета, онъ подошелъ къ Глафирѣ Семеновнѣ и, указывая на камень, сказалъ ей:

— Знаешь, дюша мой, мадамъ, какое дѣйствіе этого камень имѣетъ?

Все еще злившаяся Глафира Семеновна покосилась на камень и ничего не отвѣтила. Карапетъ продолжалъ:

— Этого камень ей шейхъ отъ дервишъ далъ. Этого камень святой. У этого турчанки теперь дѣтей нѣтъ, а черезъ камень будетъ. Этого камень изъ Мекка.

Глафира Семеновна отвернулась, опять не проронивъ ни слова.

Пароходъ присталъ къ пристани, и публика хлынула на него. Еще двѣ-три минуты и онъ отвалилъ отъ берега, направляясь къ Черному морю. Николай Ивановичъ въ сопровожденіи супруги и Карапета поднялись на верхнюю палубу и стояли на ней, смотря на удаляющееся отъ нихъ живописное мѣстечко. Погода была тихая, ясная.

— Прощай, Скутари! — воскликнулъ Николай Ивановичъ нетвердымъ языкомъ, снялъ съ головы шапку и махнулъ ей.

— Тьфу! Пьяное мѣсто!—плюнула жена и отвернулась.

— Прощай, матушка Азія!—повторилъ свой возгласъ мужъ и опять махнулъ шапкой.

— Не кланяйся, дюша мой, эфендимъ. Еще пять, шесть разъ будемъ сегодня къ Азіятскій берегъ подходить, остановилъ его Карапетъ.

— Какъ такъ?—удивился тотъ.

— Пока до Чернаго моря доѣдемъ, пять, шесть пристани на Европейскаго берегъ есть, да пять, шесть на Азіятскаго. Много разъ, дюша мой, съ своя Азія увидишься:

Глафира Семеновна прислушивалась къ ихъ разговору, но не поняла, въ чемъ дѣло. Она думала, что она ѣдетъ въ Константинополь, и видѣла, что пароходъ направляется къ европейскому берегу.

И вотъ пароходъ присталъ уже къ пристани европейскаго берега.

— Слава Богу! Наконецъ-то вернулись въ Константинополь,—говорила Глафира Семеновна и начала спускаться съ верхней палубы, прибавляя:—И ужъ сегодня я изъ квартиры ни ногой. Буду укладываться, чтобы завтра уѣхать было можно.

— Глаша! Глаша! Постой! — останавилъ ее мужъ.—Это не Константинополь, а другая пристань.

— Какъ другая пристань?—вскинула она на мужа удивленные глаза.

— Это пристань Ортакей, мадамъ-сударыня,—досказалъ ей армянинъ.—Вонъ по-французскому вмѣстѣ съ турецкимъ и написано на пристани, что Ортакей,—прибавилъ онъ.—Тутъ жиды живутъ.

— Но на кой-же шутъ намъ Ортакей, если мы поѣхали въ Константинополь!

— Глаша, Глаша! Вѣдь мы не въ Константинополь поѣхали,—сказалъ Николай Иванович.—Выходя давеча изъ дома, мы условились, что послѣ

Скутари по Босфору до Чернаго моря прокатимся,—вотъ мы теперь къ Черному морю и ѣдемъ. Къ нашему русскому Черному морю! У насъ и билеты такъ взяты.

— А, такъ ты такъ-то? Но вѣдь я сказала, чтобы въ Констан...

— Но вѣдь по Босфору-то ты, все равно, обѣщалась,—вотъ мы и взяли билеты по Босфору до Чернаго моря и обратно. А ужъ Константинополь теперь позади.

— Хорошо, хорошо, коли такъ! Я тебѣ покажу!—еле выговорила Глафира Семеновна, слезливо заморгала глазами и опустила на лицо вуаль.

XCII.

Пароходъ направлялся опять къ Азіатскому берегу и, приблизясь къ нему, шелъ вблизи отъ него, такъ что съ палубы было можно разсмотрѣть не только пестрыя постройки турецкихъ деревушекъ, расположенныхъ на берегу, но даже и турецкихъ деревенскихъ женщинъ, развѣшивающихъ на веревкѣ для просушки пеленки и одѣяла своихъ ребятишекъ. Эти деревенскія турчанки были вовсе безъ вуалей и, попирая законъ Магомета, смотрѣли во всѣ глаза на проѣзжавшихъ на пароходѣ мужчинъ, показывали имъ свои лица и даже улыбались.

— Глаша! Смотри, турецкія бабы съ открытыми лицами, указалъ Николай Ивановичъ женѣ на женщинъ.

— Можешь обниматься самъ съ ними, пьяница, а я не намѣрена,—отрѣзала Глафира Семеновна слезливымъ голосомъ и не обернулась.

— Охъ, ревность! Сказала тоже... Да какъ я съ ними съ парохода-то обнимусь?

— Ты хитеръ. Ты три раза меня надулъ. Можетъ быть, и четвертый разъ надуешь. Безстыдникъ! Напали на беззащитную женщину, надули ее пароходомъ и незвѣстно куда силой везете.

— По Босфору, мадамъ-барыня, веземъ, по Босфору, чтобы турецкаго житье тебѣ показать, дюша мой, откликнулся армянинъ и прибавилъ:—Гляди, какой видъ хороши! Тутъ и гора, тутъ и кипарисъ, тутъ и баранъ, тутъ и малчикъ, тутъ и кабакъ, тутъ и собака. Все есть. А вотъ и турецки ялисъ. Ялисъ—это дачи, куда лѣтомъ изъ Константинополь богатаго люди ѣдутъ.

Пароходъ присталъ къ пристани Кандили. На крутомъ берегу высились одинъ надъ другимъ хорошенькіе маленькіе пестрые домики, утопающіе въ бѣломъ и розовомъ цвѣтѣ вишневыхъ кустовъ и миндальныхъ деревьевъ.

У пристани на пароходѣ перемѣнились пассажиры: одни вошли, другіе вышли. На палубѣ появилась турчанка подъ густой вуалью. Она окинула палубу взоромъ, увидала Глафиру Семеновну и тотчасъ помѣстилась рядомъ съ ней на скамейкѣ.

— Глаша! Поговори съ ней. Можетъ быть, она по-французски умѣетъ,—опять сказалъ супругѣ Николай Ивановичъ.

— Можешь самъ разговаривать, сколько влѣзетъ! былъ отвѣтъ.

— Мнѣ неудобно. Тутъ турки на палубѣ.

Однако, Николай Ивановичъ, курившій папиросу за папиросой, мало-по малу приблизился къ турчанкѣ, постоялъ немного, потомъ приподнялъ шапку и, указывая на свою папиросу, спросилъ:

— Ву пермете, мадамъ?

— О, же ву занъ при, монсье,—откликнулась турчанка, къ немалому удивленію всѣхъ.

— Мерси, еще разъ поклонился ей Николай Ивановичъ и покачнулся на хмѣльныхъ ногахъ.

— Пьяная морда!—бросила мужу привѣтствіе Глафира Семеновна.

— А вотъ хоть и пьяная, а все-таки съ турчанкой поговорилъ, а ты нѣтъ! похвастался мужъ.— Поговорилъ... И сегодня-же вечеромъ напишу Василью Кузьмичу письмо, что такъ, молъ, и такъ, съ настоящей турчанкой изъ гарема разговаривалъ.— Комъ се агреабль... ле мезонъ...—снова обратился онъ къ турчанкѣ, похваливъ видъ, открывающійся на берегу.

Но вдругъ съ противоположнаго конца палубы послышался гортанный выкрикъ. Кричалъ какой-то старикъ турокъ въ фескѣ, чистившій себѣ апельсинъ. Слова его относились къ турчанкѣ и, по выкрику ихъ и лицу турка можно было сообра-

зить, что это не ласковыя слова, а слова выговора. Турчанка тотчасъ-же сконфузилась и отвернулась отъ Николая Ивановича. Карапетъ тотчасъ-же подскочилъ къ Николаю Ивановичу и сказалъ ему:

— Ага! Попался, дюша мой! Вотъ и тебѣ досталось, и турецкаго дамѣ досталось.

Тотъ опѣшилъ.

— Да развѣ онъ это мнѣ?

— И тебѣ обругалъ, и ей обругалъ, дюша мой, эфендимъ.

— За что?

— Ты не смѣй съ турецкаго дама разговаривать, а она не смѣй отвѣчать. Вотъ теперь и съѣлъ турецкаго гостинцы.

— А какъ-бы я рада была, если-бы этотъ старикъ турокъ тебя побилъ!—проговорила Глафира Семеновна.—Да погоди еще, онъ побьетъ.

— Да что-же, онъ мужъ ея, что-ли? Неужто я на мужа напалъ?—спросилъ Николай Ивановичъ Карапета.

— Зачѣмъ мужъ? Нѣтъ, не мужъ.

— Такъ, стало-быть, дядя или другой какой-нибудь родственникъ?

— Ни дядя, ни родственникъ, ни папенька, ни дѣдушка, а совсѣмъ чужаго турокъ, но только такого турокъ, который любитъ свой исламъ.

— Такъ какъ-же онъ смѣетъ постороннюю женщину ругать или дѣлать ей выговоры?

— О, дюша мой, эфендимъ, здѣсь всяки турокъ

турецкаго дама ругать можетъ, если эта дама разговоры съ мужчина начнетъ,—отвѣчалъ Карапетъ.

— Какое дикое невѣжество!—пожалъ плечами Николай Ивановичъ.—Вотъ азіятщина-то!

Турокъ не проонялся. Съѣвъ апельсинъ, онъ опять принялся кричать на турчанку.

— Вотъ онъ опять ее ругаетъ, перевелъ Карапетъ.—Ругаетъ и посылаетъ, чтобъ она шла въ дамская каюта, въ сервизъ-гаремъ.

Турецкая дама, выслушавъ выкрики старика турка, какъ-то вся съежилась, поднялась съ своего мѣста и стала сходить съ верхней палубы внизъ.

Пароходъ снова, перерѣзавъ наискосокъ Босфоръ подходилъ къ европейскому берегу. На берегу, у самой воды, виднѣлась старая, грязная, деревянная пристань на сваяхъ, съ будкой кассира, надъ которой развѣвались лохмотья турецкаго флага. На пристани, среди ожидавшей уже пароходъ публики, стояли оборванцы-сторожа въ линючихъ фескахъ, повязанныхъ по лбу бумажными платками, съ концами, свѣсившимися на затылкѣ. А надъ пристанью высилась красивѣйшая въ мірѣ панорама самыхъ причудливыхъ построекъ, перемѣшанныхъ съ темною зеленью кипарисовъ и красующеюся посрединѣ небольшою бѣлою мечетью съ минаретами.

— Румели-Гизаръ...—отрекомендовалъ пристань Карапетъ и указалъ на надпись на будкѣ, гласящую названіе пристани на четырехъ языкахъ: на турецкомъ, армянскомъ, греческомъ и француз-

скомъ.—Самые большого турецкіе аристократъ на дачѣ здѣсь живутъ. Есть и богатаго банкиры—армяшки... разнаго биржеваго мошенники греки. А это вотъ стараго турецки крѣпость. Видишь домъ? Видишь садъ съ бѣлаго заборъ, дюша мой?—указалъ онъ Николаю Ивановичу на берегъ, около крѣпости.

— Вижу,—отвѣчалъ тотъ, хотя, въ сущности, ничего не видѣлъ.

— Вотъ тутъ хорошаго гаремъ отъ одного богатаго паша. Ахъ, какъ его этого паша? Забылъ, какъ зовутъ. Старикъ... Вотъ тутъ, говорятъ, дюша мой, такого штучки есть, что—ахъ! (Карапетъ чмокнулъ свои пальцы).—Отъ вашего Кавказъ штучки есть.

— А съѣздить-бы туда къ саду и посмотрѣть черезъ ограду?—спросилъ, масляно улыбнувшись, Николай Ивановичъ.—Можетъ быть, онѣ тамъ гуляютъ и ихъ можно видѣть?

— А изъ револьверъ хочешь быть убитъ, какъ собака, дюша мой? Ну, тогда поѣзжай.

— Да неужели такъ строго?

— Пфу-у-у!—отдулся Карапетъ и махнулъ рукой.

Глафира Семеновна слушала и уже не бранилась больше, а пропускала все мимо ушей.

Пароходъ, принявъ новыхъ пассажировъ, отходилъ отъ пристани.

XCIII.

Съ пристани на пароходъ вошелъ евнухъ. Это былъ старикъ съ желтымъ, какъ лимонъ, пергаментнымъ, безбородымъ лицомъ, въ чалмѣ, въ халатѣ, въ свѣжихъ темно-желтыхъ перчаткахъ, съ четками на рукѣ и съ зонтикомъ. Онъ поднялся на верхнюю палубу и сѣлъ недалеко отъ Глафиры Семеновны. Отъ него такъ и несло духами.

— Хорошаго кавалеръ...—отрекомендовалъ Карапетъ Глафирѣ Семеновнѣ.

Та ничего не отвѣчала и отвернулась.

— Евнухъ...—продолжалъ Карапетъ, обращаясь къ Николаю Ивановичу.

— А съ этимъ поговорить можно? спросилъ тотъ, улыбаясь.—Не воспрещается?

— Сколько хочешь, дюша мой.

— Вѣдь это изъ гарема?

— Съ гаремъ, съ гаремъ, дюша мой, эфендимъ. Лошадей они любятъ. Большаго у нихъ удовольствіе къ лошадямъ. И вотъ, когда у насъ бываетъ гулянье на Сладкаго Вода... Рѣчка тутъ такого за Константинополь есть и называется Сладкаго Вода... Такъ вотъ тамъ всѣ евнухи на хорошаго лошадяхъ гулять пріѣзжаютъ.

— Хорошо-бы поразспросить его про гаремъ и про разныхъ штучекъ,—шепнулъ Николай Ивановичъ Карапету, улыбаясь.

— Не будетъ говорить, дюша мой. О, они важнаго птица!

— Евнухи-то?

— А ты думалъ какъ, дюша мой? Они большаго жалованья теперь получаютъ и даже такъ, что съ каждаго годъ все больше и больше.

— Отчего? За что-же такой почетъ?

— Оттого, что съ каждаго годъ ихъ все меньше и меньше въ Турція. Больше чѣмъ полковникъ жалованье получаетъ!

Евнухъ, очевидно, проходя на верхнюю палубу, заказалъ себѣ кофе, потому, что лишь только онъ усѣлся, какъ слуга въ фескѣ и полосатомъ передникѣ притащилъ ему чашку чернаго кофе на подносѣ и поставилъ передъ нимъ на складной стулъ.

— Ахъ, такъ и сюда на палубу можно требовать угощеніе?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Сколько хочешь, дюша мой,—отвѣчалъ Карапетъ.

— И коньячишки грѣшнаго подадутъ?

— Сколько хочешь, эфендимъ.

— А ты не хочешь-ли выпить со мной?

— Сколька хочешь, дюша мой, эфендимъ! Карапетъ всегда хочетъ, тихо—засмѣялся армянинъ, кивнулъ на Глафиру Семеновну и прибавилъ:—Но вотъ твоя сударыня-барыня...

— Что мнѣ сударыня-барыня!—громко сказалъ Николай Ивановичъ.—Надоѣла ужъ мнѣ вся эта музыка. Ѣдешь путешествовать и никакого тебѣ удовольствія. Да на морѣ и нельзя безъ выпивки,

а то сейчасъ морская болѣзнь ..—Глафира Семеновна, матушка, мнѣ не по себѣ что-то чувствуется. Вѣдь все-таки море... обратился онъ къ женѣ.

— Меньше-бы винища трескалъ, отрѣзала та.

— А я такъ думаю наоборотъ. Оттого мнѣ и не по себѣ, что вотъ мы по морю ѣдемъ, а я даже одной рюмки коньяку не выпилъ. Въ морѣ всѣ пьютъ. А то долго-ли до грѣха? Я ужъ чувствую...

— Не смѣй!—возвысила голосъ супруга.

— Нѣтъ, другъ мой, мнѣ мое здоровье дороже. Наконецъ, я долженъ тебя охранять, а какъ я это сдѣлаю, если захвораю?

— Николай Иванычъ!

— Да ужъ кричи, не кричи, а выпить надо. Я даже теперь отъ тебя и таиться не буду. Карапеша! Скомандуй-ка, чтобы намъ пару коньячишекъ сюда...

— Николай Ивановичъ, ты своимъ упорствомъ можешь сдѣлать то, что потомъ и не поправишь!

— Угрозы? О, матушка, слышалъ я это и ужъ мнѣ надоѣло! Понимаешь ты: я для здоровья, для здоровья,—подскочилъ къ Глафирѣ Семеновнѣ супругъ.

Карапетъ видѣлъ надвигающуюся грозу и колебался идти въ буфетъ.

— Такъ ты хочешь коньяку, дюша мой?—спросилъ онъ.

— Постой! Мы къ какому берегу теперь подъѣзжаемъ: къ азіатскому или европейскому?

— Къ азiятски берегъ, дюша мой, къ азiятскiй... Пристань Бейкосъ.

— Ну, такъ коньякъ оставь. У азiатскаго берега надо выпить азiатскаго. Какъ эта-то турецкая-то выпивка называется? Ахъ, да—мастика. Валяй мастики два сосудика.

Армянинъ побѣжалъ въ буфетъ. Глафира Семеновна молчала. Она вынула изъ кармана носовой платокъ и подсунула его подъ вуаль. Очевидно, она плакала.

— Душечка, не стѣсняй ты моей свободы. Дай мнѣ полечиться,—обратился къ ней мужъ.—Вѣдь я тебя не стѣсняю, ни въ чемъ не стѣсняю. Вонъ турки сидятъ... Поговори съ ними и развлекись... Да вонъ и этотъ лимонный въ чалмѣ... — кивнулъ онъ на евнуха. — Можетъ быть, онъ говоритъ по-французски... Поговори съ нимъ: поразспроси его о турецкихъ дамахъ... о ихъ жизни... Это такъ интересно.

— Мерзавецъ!—воскликнула Глафира Семеновна слезливымъ голосомъ.

Появились Карапетъ и буфетный слуга. Слуга несъ на подносѣ двѣ стопочки изъ толстаго стекла, на половину наполненныя хрустальнымъ ликеромъ. Тутъ-же стояла тарелочка съ маринованной морковью и петрушкой. Подъѣзжали къ пристани Бейкосъ.

— За Азiю! За здоровье Азiи!—возгласилъ Николай Ивановичъ, взявъ рюмку съ подноса, чокнулся съ Карапетомъ, выпилъ и принялся закусы-

вать морковью, беря ее съ блюдечка пальцами, такъ какъ вилки не полагалось.

А пароходъ, высадивъ въ Бейкосѣ пассажировъ и взявъ новыхъ, отчалилъ ужъ отъ пристани, и направился наискосокъ къ европейскому берегу.

— Въ Европу теперь ѣдемъ?—спросилъ Николай Ивановичъ Карапета, уничтожающаго куски маринованной петрушки съ тарелки.

— Въ Европу, дюша мой,—кивнулъ тотъ.

— Такъ вели этому виночерпію чего нибудь европейскаго принести по рюмкѣ. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, Европу обидѣть! Европа наша, родная. А то за Азію пили, а...

— О, дюша мой, эфендимъ, какого ты политическаго человѣкъ! — перебилъ Николая Ивановича Карапетъ.—Коньяку велѣть?

— Да конечно-же, коньяку!

Армянинъ заговорилъ что-то по-турецки, приказывая слугѣ. Слуга приложилъ ладонь одной свободной руки къ фескѣ, къ сердцу и скрылся съ палубы.

— Къ какой пристани теперь подъѣзжаемъ? — спросилъ Николай Ивановичъ армянина.

— О, самаго знаменитаго пристань, знаменитаго мѣста! Буюкдере. Тутъ все посланники живутъ и аристократы отъ дипломатическій корпусъ. Здѣсь ихъ дачи и лѣтомъ они всѣ тутъ живутъ, — отвѣчалъ армянинъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ выпью передъ такимъ мѣстомъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.

XCIV.

Вотъ дворцы отъ посланники .. Разъ, два, три, четыре... Смотри на моя рука...—указывалъ Карапетъ Николаю Ивановичу на высокій европейскій берегъ.—Это мѣсто, гдѣ дворцы отъ посланники, называется Терапія, дюша мой... Самый здоровы мѣсто и за того тутъ нѣмецки, французски, англійски и тальянски посланниковъ живутъ. Видишь, дюша мой, эфендимъ, какого красиваго мѣсто!

— Вижу...—равнодушно отвѣчалъ Николай Ивановичъ и спросилъ:—Но что-же коньяку-то? Куда это виночерпій провалился?

— Сейчасъ, сердце мое. Фу, какой ты безъ терпѣнія! Подойдемъ къ пристань Буюкдере и коньякъ будетъ.

Наконецъ, пароходъ ударился бортомъ въ деревянную пристань Буюкдере. Двѣ рюмки съ коньякомъ стояли уже на скамейкѣ, поставленныя слугой кабакджи.

— За Европу!—воскликнулъ Николай Ивановичъ, схватилъ рюмку и опорожнилъ ее.

— Слушай!—слезливо крикнула Глафира Семеновна мужу.—Если ты не бросишь пьянствовать, сегодня-же вечеромъ я буду жаловаться на тебя нашему консулу или посланнику.

— Ого-го! Да мы за здоровье консуловъ-то и

посланниковъ сейчасъ и выпили,—отвѣчалъ тотъ и шепнулъ армянину:—Теперь опять къ азіатскому берегу поѣдемъ?

— Да, дюша мой,—кивнулъ Карапетъ.

— Надо почетъ Азіи повторить, а то объ одной азіатской хромать будемъ. Закажи-ка слугѣ еще по одной мастикѣ... Только потише, чтобы жена не слыхала,—шепнулъ Карапету Николай Ивановичъ.

Пароходъ опять отошелъ отъ пристани. Босфоръ съуживался. Живописные виды то на европейскомъ, то на азіатскомъ берегу чередовались. Проходили мимо старыхъ укрѣпленій, мимо развалинъ византійскихъ построекъ, но Николай Ивановичъ мало обращалъ на нихъ вниманія. Онъ ждалъ, когда пароходъ пристанетъ къ азіатскому берегу, а послѣ Буюкдере, какъ на зло, слѣдовали двѣ европейскія пристани Мезаръ-Бурунъ и Ени-Махале. Николай Ивановичъ началъ сердиться.

— Но отчего ты не предупредилъ меня, что будутъ европейскія пристани,—говорилъ онъ Карапету.—Я потребовалъ-бы европейской выпивки.

— Да что-же тутъ такого, эфендимъ! Можно и около европейскаго берегъ азіятскаго водка выпить,—отвѣчалъ Карапетъ.

— Ты думаешь? Порядка никакого не будетъ. Системы нѣтъ. А впрочемъ... Валяй! Мы вотъ что сдѣлаемъ: Европѣ Азіей честь отдадимъ, а Азіи Европой...

— Вѣрно, дюша мой. Какой ты умный, дюша мой, эфендимъ!

Карапетъ позвонилъ въ электрическій звонокъ, ведущій съ палубы въ буфетъ, и передъ самой пристанью Ени-Махале, какъ изъ земли выросъ буфетный слуга съ рюмками мастики. Николай Ивановичъ схватилъ рюмку и воскликнулъ, обратясь къ берегу:

— Привѣтъ Европѣ!

Но только что онъ успѣлъ выпить содержимое, какъ сзади его раздался пронзительный крикъ Глафиры Семеновны: „Охъ охъ! Умираю...“ Николай Ивановичъ обернулся и увидалъ жену откинувшеюся на спинку скамейки съ склоненной на бокъ головой.

— Здравствуйте! Обморокъ! Карапеша, бѣги за водой,—проговорилъ онъ и подскочилъ къ женѣ, спрашивая:—Глашенька! Что съ тобой! Съ чего ты?..

— Прочь поди, прочь, мерзавецъ, пьяница...— шептала она.

Николай Ивановичъ откинулъ съ лица ея вуаль. Лицо было блѣдно и глаза были закрыты. Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ и сталъ махать ей въ лицо. Но тутъ къ нему бросился евнухъ, заговорилъ что-то по-турецки, опустилъ руку въ широчайшій карманъ халата, вытащилъ оттуда флаконъ, открылъ его и сталъ совать въ носъ Глафирѣ Семеновнѣ. Прибѣжалъ Карапетъ съ горшкомъ воды, стоялъ около Глафиры Семеновны и спрашивалъ Николая Ивановича:

— На голова ей лить, дюша мой?

— Что ты! Что ты! Шляпку испортишь! Новая

шляпка... Въ Вѣнѣ куплена!—закричалъ на него тотъ.—И зачѣмъ ты съ такимъ большущимъ горшкомъ? Ты ей попить принеси.

Евнухъ запросто оттолкнулъ армянина отъ Глафиры Семеновны, грозно проговоривъ ему что-то по-турецки, и сѣлъ рядомъ съ ней, держа флаконъ около ея лица.

Карапетъ не обидѣлся и, улыбаясь, проговорилъ:

— О, они своего дамскаго дѣла хорошо знаютъ! Оставь его, эфендимъ,—обратился онъ къ Николаю Ивановичу.—Этого господинъ обученъ для дамски дѣловъ.

И точно. Вскорѣ Глафира Семеновна открыла глаза и, увидавъ евнуха, не отшатнулась отъ него, а тихо сказала ему:

— Мерси, мосье...

Евнухъ говорилъ что-то по-турецки, упоминалъ слово „корсетъ" и протягивалъ руки къ ея таліи.

— Корсетъ хочетъ твоей барыня растегнуть,—перевелъ Карапетъ.

— Не надо, не надо! Нѣтъ, не надо!—замахала руками Глафира Семеновна.

Евнухъ улыбался ей и продолжалъ говорить по-турецки. Карапетъ опять перевелъ:

— Онъ говоритъ, что ей надо идти въ сервисъ-гаремъ и полежать на диванѣ.

Глафира Семеновна поднялась со скамейки и стала оправляться. Евнухъ показывалъ ей руками внизъ и приглашалъ идти за собой. Она ласково

кивнула евнуху и опять сказала: „мерси“, потомъ двинулась по направленію къ лѣстницѣ и, проходя мимо мужа, скосила на него глаза и пробормотала:

— Пьяная скотина!

— Да ужъ слышали, слышали, душечка,—кротко отвѣчалъ тотъ.

Она стала спускаться съ лѣсницы. Евнухъ слѣдовалъ за ней.

— Скажи на милость, какой кавалеръ выискался! проговорилъ Николай Ивановичъ,—Кто-бы могъ подумать, что жена попадетъ подъ покровительство евнуха!

— О, они эти человѣки всякаго даму такъ тонко знаютъ, такъ тонко, что даже удивительно, дюша мой!—отвѣчалъ Карапетъ и чмокнулъ свои пальцы.

— Непремѣнно напишу объ этомъ происшествіи Василію Кузьмичу, рѣшилъ Николай Ивановичъ.— Евнухъ и Глаша! Вотъ происшествіе-то!

Онъ спустился внизъ за евнухомъ и вскорѣ вернулся змѣстѣ съ нимъ на верхнюю палубу.

— Отправили въ гаремное отдѣленіе. Она тамъ вылежится,—сообщилъ онъ Карапету, схватилъ евнуха за обѣ руки и сталъ его благодарить:—Мерси, мосье Ага, мерси... Шакюръ...

Евнухъ улыбался и учащенно кивалъ головой, какъ китайская кукла.

— Выпить ему съ нами предложить нельзя-ли?— спросилъ Николай Ивановичъ Карапета и приба-

вилъ:—Переведи ему по-турецки. Скажи, что за Азію пьемъ.

Карапетъ перевелъ и отвѣтилъ:

— Благодаритъ. Не хочетъ.

Евнухъ кланялся и прикладывалъ ладонь руки къ чалмѣ и къ седрцу.

— Вздоръ! Выпьетъ, рѣшилъ Николай Ивановичъ и сказалъ Карапету:—Заказывай три рюмки коньяку. Теперь Азію Европа будетъ чествовать. Ни разу съ евнухомъ не пилъ, а тутъ такой хорошій случай...

Карапетъ нажалъ кнопку и далъ звонокъ въ буфетъ.

XCV.

Явившемуся слугѣ были заказаны опять три рюмки коньяку. Тотъ скалилъ зубы и улыбался.

— Закажи, дюша мой, для евнухъ лучше лимоннаго вода съ вареньемъ. Онъ лимоннаго вода будетъ лучше пить,—посовѣтовалъ Карапетъ Николаю Ивановичу.

— Лимонадъ? Отлично. Тогда и мы на лимонадъ съ коньякомъ перейдемъ,—отвѣчалъ тотъ.—Заказывай, заказывай... Да пусть ужъ кабакджи-то твой полъ-бутылки коньяку принесетъ. Такъ выгоднѣе

будетъ, оптомъ всегда дешевле. А супруга—тю-тю... Въ гаремъ спроважена. Опасаться теперь некого...—махнулъ онъ рукой и улыбнулся пьяной улыбкой, фыркнувъ носомъ.

Подъѣзжали къ Канледже, послѣдней пароходной пристани на азіатскомъ берегу Босфора. Вдали синѣлъ темнымъ пятномъ выходъ въ Черное море. Около прохода высились на утесахъ внушительныя турецкія укрѣпленія. Карапетъ тотчасъ-же указалъ и на проходъ, и на укрѣпленія Николаю Ивановичу.

— Видишь, дюша мой? Это вашего руски Чернаго море.

— Вижу, вижу! Матушка, Русь православная! восторгалъ тотъ.—Вотъ надо-бы передъ Чернымъ-то моремъ русской водочки выпить, да вѣдь здѣсь ее на пароходѣ достать нельзя...

— Нельзя, нельзя. Да ты, эфендимъ, не туда смотришь.

— Какъ не туда? Я въ лучшемъ видѣ все вижу.

Но Николай Ивановичъ былъ уже пьянъ и ничего не видѣлъ. Глаза его ушли подъ лобъ и самъ онъ изрядно покачивался на ногахъ, языкъ его заплетался. Карапетъ былъ тоже пьянъ, но выглядѣлъ бодрѣе своего товарища. У него только съузились глаза и лицо побагровѣло еще болѣе.

— Канледже! закричалъ матросъ внизу.—Канледже!—выставилъ онъ съ лѣстницы свою голову въ фескѣ и заглядывая на верхнюю палубу.

Еще двѣ-три минуты и пароходъ ударился бор-

томъ о деревянную палубу и заскрипѣлъ своей обшивкой. На верхней палубѣ стоялъ слуга съ подносомъ, рюмками и бутылками и кланялся.

— Принесъ? Отлично!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Исправный слуга. За это получишь потомъ хорошій бакшишъ. Ну, господинъ Ага, пожалуйте!.. Же ву при, мосье Бей... Выпьемте! обратился онъ къ евнуху.—Мы теперь пьемъ за Азію. Легонькое... съ лимонадцемъ... Дамское... Даже дамы пьютъ.

Евнухъ кланялся, прикладывая руку къ чалмѣ и къ сердцу, и благодарилъ, но Николай Ивановичъ не отставалъ и лѣзъ къ нему со стаканамъ. Евнухъ взялъ стаканъ, пригубилъ изъ него и поморщился.

— Залпомъ, залпомъ, Мустафа Махмудычъ... Вотъ такъ.. За Азію! Люблю Азію!

И Николай Ивановичъ, и Карапетъ выпили свои стаканы. Евнухъ еще пригубилъ и отставилъ стаканъ, помѣстивъ его около себя на скамейкѣ.

— Эхъ! А еще дамскій кавалеръ!—крякнулъ Николай Ивановичъ.—Ну, да ладно. Все-таки съ евнухомъ пилъ и сегодня напишу объ этомъ Василію Кузьмичу въ Питеръ.

А пароходъ отваливалъ отъ азіатскаго берега и направлялся къ европейскому, къ послѣдней пристани передъ Чернымъ моремъ, гдѣ рейсъ его уже кончается, и отъ котораго онъ долженъ идти обратно въ Константинополь.

Вотъ и пристань. Стаканы опять наполнены.

Передъ этой пристанью Николай Ивановичъ ужъ закричалъ: „ура“ и залпомъ охолостилъ стаканъ. Евнухъ захихикалъ и тоже пригубилъ изъ своего стакана.

На восторженное ура съ нижней палубы на верхнюю стали подниматься турки въ чалмахъ, спрашивали въ чемъ дѣло и, получивъ отъ евнуха отвѣтъ, удивленно осматривали Николая Ивановича, бормоча между собой что-то по-турецки.. Слышались слова: „урусъ... московлу... руссіели“ (то-есть: русскій... москвичъ). Расхваживающій по палубѣ въ шапкѣ на затылкѣ Николай Ивановичъ сталъ ихъ приглашать выпить.

— Урусъ и османлы (то-есть: русскій и турокъ)—друзья теперь, а потому надо выпить,—говорилъ онъ имъ.—Карапетъ! Переведи.

Армянинъ перевелъ. Турки скалили зубы и только улыбались. Но одинъ изъ нихъ, старикъ съ подстриженной бородой, взялъ стаканъ и сталъ пить. Николай Ивановичъ пришелъ въ неописанный восторгъ и лѣзъ къ нему цѣловаться.

— Карапета! Другъ! Какой человѣкъ-то онъ душевный! Не похоже, что и турокъ!—восклицалъ онъ.—Ахъ, какъ жалко, что мы ихъ били въ прошлую войну! Скажи ему, Карапета, по-турецки, что я жалѣю, что мы имъ трепку задавали.

Армянинъ перевелъ. Турокъ радостно закивалъ головой и допилъ свой стаканъ. Николай Ивановичъ жалъ ему руку, увидалъ четки на рукѣ его и сталъ ихъ просить на память, тыкая себя въ

грудь. Турокъ далъ. Въ обмѣнъ Николай Ивановичъ презентовалъ ему брелокъ съ своихъ часовъ съ какой-то скабрезной панорамой.

Пароходъ давно уже шелъ обратно въ Константинополь, заходя на пристани европейскаго и азіатскаго береговъ. Стаканы то и дѣло пополнялись. То и дѣло слышались восклицанія: „За Европу! За Азію!“ Николай Ивановичъ былъ уже такъ пьянъ, что путалъ берега и пилъ „за Азію“, когда они были въ Европѣ и наоборотъ. Турокъ не отставалъ отъ него и отъ армянина и былъ ужъ тоже изрядно пьянъ. У пристани Буюкдере онъ указалъ на лѣтній дворецъ русскаго посольства и пожелалъ выпить за русскихъ. Когда армянинъ перевелъ желаніе турка, Николай Ивановичъ опять закричалъ ура.

Подъѣзжая къ Константинополю, близь пристани Кендили турокъ сидѣлъ уже въ барашковой шапкѣ Николая Ивановича, а тотъ въ фескѣ турка и называлъ его Махмудомъ Магометычемъ.

Вечерѣло. Садилось солнце и косыми своими лучами золотило постройки на берегахъ. Становилось сыро. Евнухъ давно уже ушелъ въ каюту, но тройственная компанія ничего этого не замѣчала. Карапетъ и Николай Ивановичъ забыли даже Глафиру Семеновну, но передъ самымъ Константинополемъ она напомнила имъ о себѣ, и только что пароходъ отчалилъ отъ пристани Скутари и направился къ европейскому берегу, показалась на палубѣ въ сопровожденіи евнуха. Увидала въ бутылки

и стаканы, стоявшіе передъ мужемъ, она вспыхнула и стала швырять ихъ въ море. Турокъ разинулъ ротъ отъ удивленія и не зналъ, что ему дѣлать. Видя ее въ сопровжденіи евнуха, онъ ее принялъ сначала за турецкую даму и заговорилъ съ ней по-турецки въ строгомъ тонѣ, но когда армянинъ объяснилъ ему, что это жена ихъ собутыльника, умолкъ и поклонился.

— Глашенька! Глашенька! Матушка! Голубушка! Зачѣмъ такъ строго?—бормоталъ коснѣющимъ языкомъ Николай Ивановичъ, испугавшійся разсвирѣпѣвшей супруги.

— Надо строго! Безъ этого нельзя съ пьяницами!—отвѣчала она, схватила опроставшійся подносъ и его швырнула въ море.

Николай Ивавовнчъ умолкъ. Присмирѣлъ и турокъ. Онъ тотчасъ-же отдалъ барашковую шапку Николаю Ивановичу, а отъ него взялъ свою феску, отвелъ армянина въ сторону и спрашивалъ его по-турецки:

— Неужели всегда такъ поступаютъ русскія дамы съ своими мужьями?

Армянинъ сообщилъ турку что-то въ оправданіе Глафиры Семеновны и сообщилъ его вопросъ Николаю Ивановичу. Тотъ отвѣчалъ:

— Переведи ему, что по-русски это называется: удила закусила.

А пароходъ входилъ уже въ заливъ Золотого Рога.

— Можешь-ли на своихъ ногахъ дойти хоть до

верхней площадки моста? — строго спросила мужа Глафира Семеновна.

— Душечка, я хоть по одной половницѣ пройду... Даже хоть по канату... Я ни въ одномъ глазѣ.

Онъ поднялся со скамейки, покачнулся и снова шлепнулся на нее. Жена только покачала головой.

Передъ армяниномъ стоялъ слуга и требовалъ расчитаться.

— Давай сюда, дюша мой, золотой меджидіе,— обратился армянинъ къ Николаю Ивановичу и, получивъ деньги, сталъ расчитываться съ слугой.

Слуга кланялся и просилъ бакшишъ у Николая Ивановича.

— Дай ему серебряный меджидіе и пусть онъ поминаетъ петербургскаго потомственнаго почетнаго...

Николай Ивановичъ не договорилъ своего званія. Языкъ отказывался ему служить.

Вотъ и Константинополь. Причалили къ пристани у Новаго моста.

— Ну-съ... Ползите наверхъ,—обратилась Глафира Семеновна къ мужу.—А вы, господинъ хозяинъ, можете нанять намъ извозчика и доставить насъ къ себѣ на квартиру? А то прикажите матросу.

— Я, мадамъ, барыня-сударыня, все могу... Я, дюша мой, совсѣмъ не пьянъ,—увѣрялъ Карапетка.—Я, сердце мой...

Онъ взялъ Николая Ивановича подъ руку и сталъ выводить на пристань.

Черезъ минуту они ѣхали по мосту въ коляскѣ. Армянинъ сидѣлъ на козлахъ. Супруги ѣхали молча. Николай Ивановичъ дремалъ. Но передъ самымъ домомъ, гдѣ они жили, Глафира Семеновна сказала армянину:

— Завтра мы уѣзжаемъ въ Россію, но сегодня вечэромъ, если только вы хоть на каплю вина будете соблазнять моего мужа, я вамъ глаза выцарапаю. Такъ вы и знайте!—закончила она.

XCVI.

Извозчичья коляска, запряженная парою хорошихъ лошадей въ шорахъ, спускалась по убійственной изъ крупнѣйшаго камня мостовой къ морскому берегу. Въ коляскѣ, нагруженной баульчиками, корзинками, саквояжами, подушками, завернутыми въ пледы и завязанными въ ремни, сидѣли супруги Ивановы. Между собой и мужемъ Глафира Семеновна поставила двѣ шляпныя кордонки одна на другую, сидѣла отвернувшись отъ него, по прежнему была надувшись и не отвѣчала на его вопросы. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, но спиной къ нему, свѣсивъ ноги въ сторону колесъ, помѣщался армянинъ Карапетъ и придерживалъ рукой внушительныхъ размѣровъ

сундукъ супруговъ, тоже взгроможденный на козлы. Супруги Ивановы покидали Константинополь и ѣхали на пароходѣ, отправляющемся въ Одессу. По дорогѣ попадались имъ носильщики въ одиночку и попарно, матросы, вьючные ослы и лошади, остромордыя, грязныя собаки.

— Прощай Константинополь! Прощайте константинопольскія собаки!—проговорилъ Николай Ивановичъ.—Кошекъ я здѣсь у васъ совсѣмъ не видалъ, обратился онъ къ Карапету.

— Нельзя здѣсь кошкамъ быть, эфендимъ,—отвѣчалъ армянинъ.—Какъ кошки появятся—сейчасъ собаки ихъ съѣдятъ.

Показалось бѣлое каменное двухъэтажное зданіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли съ русской вывѣской на немъ. Николай Ивановичъ опять произнесъ:

— Русскимъ духомъ запахло. Прощай Стамбулъ!

Глафира Семеновна съ неудовольствіемъ крякнула, сморщилась и закусила губу.

— Очень скоро, эфендимъ, дюша мой, уѣзжаешь, началъ Карапетъ.—Много хорошаго мѣста еще не видалъ. Не видалъ Принцевы острова, не видалъ гулянье на Сладкаго Вода.

— Аминь ужъ теперь... Ничего не подѣлаешь. Вонъ у меня мать командирша-то скоро собралась, былъ отвѣтъ.

Молчавшая до сего времени Глафира Семеновна сочла за нужное огрызнуться.

— Пожалуйста, не задирайте меня. Будьте вы сами по себѣ, а я буду сама по себѣ.

— Да я и не задираю, я только съ Карапетомъ разговариваю.

— Съ армянски наши купцы я тебя, дюша мой, не познакомилъ, а какого теплаго люди есть!—сожалѣлъ Карапетъ.

— А для какой нужды хотѣли вы познакомить его съ армянами,—позвольте васъ спросить?—опять вмѣшалась въ разговоръ Глафира Семеновна.—Чтобы онъ до того съ ними здѣсь пьянствовалъ, что я его безъ головы въ Россію повезла-бы?

— Зачѣмъ, барыня-сударыня, безъ голова? Карапетъ ой-ой какъ бережетъ свои гости!.. Позволь тебя спросить, дюша мой, мадамъ: надулъ тебя Карапетъ? Надулъ Карапетъ твоего мужъ? Карапетъ честнаго армянинъ!—воскликнулъ Карапетъ и на высотѣ козелъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

Экипажъ остановился около деревяннаго помоста, ведущаго къ водѣ. Супруги начали выходить. Армянинъ соскочилъ съ козелъ и расчитывался съ извозчикомъ. Ихъ окружили носильщики, хватали изъ коляски ихъ вещи, кричали, показывали свои нумерныя бляхи. „Ониндджи! Игирминджи! Докузунджу!“ выкрикивали они свои нумера, а одинъ изъ нихъ, взваливши на плечи ихъ сундукъ, крикнулъ по-русски: „семь, эфендимъ“.

Оказалось, что по помосту, ведущему къ пристапи, вещи супруговъ тащили пять человѣкъ.

Глафира Семеновна шла за ними. Николай Ивановичъ и Карапетъ остались одни около извозчика. Карапетъ оглядѣлся по сторонамъ, вытащилъ изъ кармана неполную полубутылку коньяку, сунулъ ее въ руки Николая Ивановича и поспѣшно сказалъ:

— Пей, дюша мой, эфендимъ! Лечи своя голова!

Лицо Николая Ивановича просіяло, и онъ воскликнулъ:

— Вотъ за это спасибо! Вотъ за это мерси! Ты, Карапетъ, единственный другъ!

Онъ приложилъ горлышко бутылки ко рту и сталъ глотать. Армянинъ продолжалъ:

— Пей, пей! Карапетъ знаетъ, Карапетъ понимаетъ! У Карапетъ своя такого-же жена была. Пей, эфендимъ.

Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ изъ бутылки, Николай Ивановичъ передалъ ее Карапету, который тоже приложилъ горлышко бутылки къ своимъ устамъ, а затѣмъ уже съ самыми малыми остатками содержимаго отдалъ ее извозчику и, дернувъ за рукавъ Николая Ивановича, побѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ догонять Глафиру Семеновну.

Нагнали они ее около лодокъ. Два каикджи схватили ее одинъ за правую руку, другой за лѣвую и каждый тащилъ въ свою лодку, въ которыхъ лежали пожитки супруговъ.

— Стой!—воскликнулъ Карапетъ, закричалъ что-то по-турецки, оттолкнулъ одного каикджи, оттолк-

нулъ другого и приказалъ носильщикамъ перенести вещи въ одну лодку, что и было исполнено.—Садись, мадамъ, садись, эфендимъ!—приглашалъ онъ супруговъ, спрыгнувъ самъ въ лодку, и протянулъ имъ руки.

Всѣ усѣлись. Носильщики протягивали пригоршни и просили бакшишъ. Армянинъ одѣлилъ ихъ, и лодка запрыгала по зыби Босфора, направляясь къ пароходу.

Впереди виднѣлись суда. Высился цѣлый лѣсъ изъ мачтъ и пароходныхъ трубъ. Ближе къ берегу, на первомъ планѣ разводилъ пары большой пароходъ, на который супруги взяли билеты.

Гребцы налегли на весла. Вотъ уже и пароходъ. Лодка запрыгала около спущеннаго къ водѣ трапа. Супруги взбирались по лѣстницѣ на пароходъ. Ихъ принялъ за руки матросъ и сказалъ по-русски:

— Перваго класса билеты? Пожалуйте, ваше превосходительство, я васъ проведу въ каюту.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы еще здѣсь на палубѣ побудемъ. А вотъ возьмите всѣ наши вещи въ каюту,— проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Есть,—отвѣчалъ матросъ морскимъ терминомъ и сталъ принимать вещи, подаваемыя съ лодки.

Глафира Семеновна считала мѣста. Изъ лодки на бортъ парохода поднимался Карапетъ.

— Ну, прощай, дюша мой, эфендимъ! Простимся хорошенько! Вотъ тебѣ отъ твоя деньги остат-

ки—одинъ серебрянаго меджидіе и три піастры. Это тебѣ на память отъ Константинополь будетъ,—говорилъ онъ.—Прощай! Простимся хорошенько.

Онъ обнялъ Николая Ивановича и поцѣловалъ.

— Прощай, моя сердитаго мадамъ, барыня-сударыня. Прощай, дюша мой!—продолжалъ Карапетъ, протягивая руку Глафирѣ Семеновнѣ.

— Прощайте, прощайте! Ахъ, какъ я рада, что я уѣзжаю наконецъ въ Россію!—проговорила та и протянула ему руку.

— Ну, съ Богомъ. Помни, эфендимъ, Карапетъ! Помни, мадамъ, Карапетъ!

— Будемъ помнить!—откликнулся Николай Ивановичъ.—Спасибо тебѣ за все. Кланяйся сыну и дочери!

Армянинъ юркнулъ съ палубы и сталъ спускаться по трапу на лодку.

Черезъ минуту супруги видѣли, какъ лодка удалялась отъ парохода, увозя армянина.

— Эфендимъ! Помни Карапетъ! Карапетъ твой другъ!—кричалъ армянинъ съ лодки и махалъ феской.

Сталъ махать ему шапкой и Николай Ивановичъ. Онъ еще продолжалъ стоять рядомъ съ отвернувшейся отъ него супругой у борта парохода. Передъ ними высилась великолѣпнѣйшая декорація въ мірѣ—видъ на Константинополь съ Босфора, приводящая каждаго путешественника въ во-

сторгъ и тысячу разъ описанная. Какъ на блюдечкѣ выдѣлялась на высотѣ Ая-Софія.

— Какой видъ-то, Глаша!—залюбовался на берегъ Николай Ивановичъ, но не получилъ отвѣта.

— Прощай Константинополь!—продолжалъ онъ.

— Прощай пьяный городъ!—въ свою очередь откликнулась Глафира Семеновна, повернулась и пошла въ каюту.

Поплелся вслѣдъ за ней и Николай Ивановичъ.

КОНЕЦЪ.

125180/1575

2007084377